

Н. ДЕКРОА

**ТИБЕТСКИЕ СТРАНСТВИЯ ПОЛКОВНИКА КОРДАШЕВСКОГО
(С ЭКСПЕДИЦИЕЙ Н. К. РЕРИХА ПО ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ)**

С.-Петербург

1999

Группа по истории исследований Центральной Азии

Музей-квартира П. К. Козлова

СПб филиала Института истории естествознания и техники РАН

совместно с Музеем Н. Рериха в Нью-Йорке

Декроа Н. (Кордашевский Н. В.)

С экспедицией Н. К. Рериха по Центральной Азии. – СПб, 1999. – 344 с: ил.

Ответственный редактор *В. А. Росов*

© Музей Н. Рериха в Нью-Йорке, рукопись, 1998

© Музей – квартира П. К. Козлова, подготовка и редактирование, 1998

© В. А. Росов, послесловие, 1998

СОДЕРЖАНИЕ

[Представление экспедиционного дневника полковника Н. В. Кордашевского](#)

[Н. Декроа. С экспедицией Н. К. Рериха по Центральной Азии](#)

[Предисловие](#)

[По южным морям](#)

[Взбудораженный Китай](#)

[Монголия спящая](#)

[Тибет, Тибет... уже секира при корнях твоих](#)

[Центральный Тибет](#)

[Сага-Дзонг](#)

[Долина Брахмапутры](#)

[В. А. Росов. Многоликий Чахембула. Послесловие к публикации экспедиционного](#)

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ЭКСПЕДИЦИОННОГО ДНЕВНИКА ПОЛКОВНИКА Н. В. КОРДАШЕВСКОГО

Экспедиция академика Н. К. Рериха в Тибет (1927-28) – событие яркое и необычное в истории изучения Центральной Азии. И хотя о ней уже написано и сказано немало слов, но эта тема продолжает волновать настоящих исследователей. Почему Николай Константинович снарядил свою экспедицию в Священную Лхасу и зачем он искал встречи с буддийским иерархом Тибета Далай-ламой?..

Появившиеся в 30-е годы издания на английском языке, труды самих Рерихов – Н. К. Рериха "Алтай – Гималаи" (1929) и Ю.Н. Рериха "По тропам Срединной Азии" (1931) – обошли "острые углы" экспедиции по политическим соображениям. Политика – дело чрезвычайно серьезное, иначе известному художнику и мыслителю пришлось бы объяснять мировой общественности очень многое. Например, свой "Великий План", согласно которому предполагалось создание целого Сибирского государства... Именно поэтому упомянутые книги, написанные на материале дневников Центральноазиатской экспедиции, повествовали лишь о научно-художественных целях путешествия.

Пожалуй, ни одна экспедиция в Центральную Азию в XX столетии не оставила столько загадок и в то же время не дала такого богатства результатов. Многочисленные этнографические коллекции, сотни живописных полотен и... шесть путевых дневников. Заметим, шесть дневников! Помимо уже упомянутых, укажем на недавно опубликованный в журнале "Ариаварта" (1998) дневник начальника транспорта П. К. Портнягина. Еще раньше увидел свет дневник доктора К.Н. Рябинина "Развенчанный Тибет" (1996). Он перевернул устоявшиеся представления об этой экспедиции, и впервые во всеуслышание, было заявлено о Миссии Западных буддистов в Лхасу.

На очереди еще один экспедиционный материал – дневник Николая Викторовича Кордашевского. Автор дневника упоминается во всех доступных до сего дня источниках как загадочный "Н.В.". Человек незаурядной судьбы и многогранных талантов, полковник Кордашевский оставил нам рукопись "С экспедицией Н. К. Рериха по Центральной Азии". Эта рукопись, написанная под псевдонимом "Н. Декроа", сохранялась в Рериховском музее в Нью-Йорке и теперь обретает долгожданную литературную и научную жизнь. Текст дневника полон несомненных достоинств. Н. К. Рерих выделил рукопись Кордашевского среди прочих как главную и наметил ее первой в списке публикаций, рассказывающих о путешествии в Тибет. Видимо, на такое решение повлияла способность автора схватить самую суть событий, да и цветистый образный язык и немалый объем рукописи, достаточный, чтобы вылиться в отдельную книгу. Эту книгу, повествующую о тибетских странствиях полковника Н. В. Кордашевского, мы и представляем читателю.

КОРДАШЕВСКИЙ Николай Викторович

С ЭКСПЕДИЦИЕЙ Н. К. РЕРИХА ПО ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Тибет, Тибет...
уже секира при корнях твоих

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая рукопись заключает в себе как бы две параллельные части, переплетенные между собой, но нарочно мало связанные, чтобы отграничить их друг от друга.

Одна – это фильм путешествия. Картины ли взбудораженного Китая, спящей ли своими тысячелетними снами Монголии или события, развернувшиеся перед нашими глазами в суровом и диком Тибете. События исторической ценности, долженствующие изменить лицо всего буддийского мира. В первый раз, на основании личного опыта и совершенно сознательно, в этом дневнике будет высказано суждение о Тибете, как о стране, дошедшей до крайнего предела упадка и невежества, совершенно противоречащего учению Будды.

Кроме описанных в дневнике переживаний, путешествие изобиловало еще и фактами того высокого порядка, которые не подлежат изложению в обыденных записях и своевременно появятся в печати.

Другая часть – это воплощенная на фоне фильма путешествия фигура Н. К. Рериха, одного из самых выдающихся людей нашего времени. Великий художник, глубокий мыслитель и общественный деятель – таким знает его образованный мир. Как государственного человека, вождя людей и мудрого Учителя хочу я обрисовать Н.К.Р. на страницах своей книги. В жизни трудного путешествия, изо дня в день, в словах, мыслях и действиях, которые я тщательно собирал и записывал.

Если бы я не справился со своей задачей и не сумел бы создать то, что хочу, – все же мой труд будет немалым вкладом в будущую биографию человека, которого в скором времени человечество назовет одним из своих величайших героев.

Автор

ПО ЮЖНЫМ МОРЯМ

В декабре 1926 года получил я из Нью-Йорка известие, что в принципе решено Посольство Западных буддистов, которое пройдет через Тибет, причем Николай Константинович Рерих, продолжая свою уже трехлетнюю большую экспедицию по Центральной Азии, станет во главе этой миссии, и что, лично зная меня, Н.К.Р. предлагает мне должность начальника конвоя этого Посольства. Почти одновременно с письмом пришла и телеграмма с тем же, но уже официальным предложением от поверенного в делах Н.К.Р. В случае согласия, мне предлагалось около 1-го апреля выехать через Суэц и Индию в Пекин и из наиболее удобного пункта в северном Китае, организовав свой караван, идти на Сучжоу в провинции Ганьсу на соединение с ядром экспедиции. По прибытии в Сучжоу я должен был получить через почтовую контору этого города дальнейшие директивы.

Предложение такого человека, как Н.К.Р., которого я уже давно научился ценить как творца мировых образов, мыслителя и создателя многих удивительных учреждений, было мне особенно лестно. Участвовать же в Посольстве, шедшем не более и не менее как в Тибет, страну, полную каких-то сказочных тайн, и притом под руководством Н.К.Р., глубокого знатока буддизма, имело большую притягательную силу. И особенно для

каждого, интересующегося эзотерикой и мистикой. Особенно же притягательно было то, что всякая деятельность Н.К.Р., в какой бы области она ни проявлялась, всегда необычна и совершенно своеобразна. Немедленно ответил я согласием, и моя жизнь наполнилась мечтами о предстоящем путешествии.

Я уехал из города в маленькое имение, куда в скором времени начали, по распоряжению из Нью-Йорка, приходить книги о Тибете. Новые и старые, ставшие библиографическими редкостями. От труда Патера Гука, посетившего Лхасу в XVI столетии, до последней книги Свена Гедина – все появилось у меня под рукой. Мой кабинет стал комнатой путешественника, готовящегося в далекий путь. Я усердно работал, пополняя свои знания, а когда уставали глаза, садился перед камином и, смотря на игру огня, уносился мыслью в заманчивое будущее. Чудился сомкнутый круг мертвых, необозримых пустынь; вставляли в воображении величественные горы Центральной Азии с уходящими в небо снеговыми вершинами. Перевалы – холодные могилы караванов и тропы-карнизы над бездонными пропастями. Вырисовывались из туманов великие озера Тибета, одни – спокойно-зеркальные, другие – в вечном шуме и плеске волнующихся вод. Немного смущало происходящее в Китае, но я знал эту страну по прежним путешествиям, и мне было ясно, что развивающиеся там события более страшны на страницах европейских газет, нежели в действительности.

Радостна была и мысль о близкой встрече с Н.К.Р. Есть люди обыденные и необыкновенные. К этим последним принадлежит Н.К.Р. В толпе они сразу становятся заметными, и даже мимолетные встречи с ними врезаются в память. Говоря о внешнем облике Н.К.Р., следует отметить соединение в чертах его лица азиатского и европейского типа, с резким преобладанием первого. Эта подробность особенно подчеркнута на его портрете "с опущенными глазами" – кисти Святослава Рериха.

Н.К.Р. небольшого роста, худощавый, хорошо сложенный, с маленькими породистыми руками и ногами. Несмотря на уже пожилые годы, он сохраняет всю подвижность и энергию молодости. Лицо с немного выдающимися скулами и узкими глазами обрамлено слегка раздваивающейся бородой, серебрящейся сильной проседью. Глаза серые, очень пронизательные и смотрящие с глубоким спокойствием. Одно из главных свойств Н.К.Р. – удивительные ровность, спокойствие и выдержка. Всегда приветливый, одинаковый со всеми, он никогда не возвысит голоса, не скажет резкого слова. Он всегда бодр, жизнерадостен, но ни разу не пришлось мне видеть Н.К.Р. смеющимся и редко удавалось уловить улыбку на его подвижном лице. Надо быть большим психологом, чтобы суметь обрисовать разносторонний, необычно богатый внутренний облик Н.К.Р. В нем каждый день что-то новое, и при этом ни в мыслях, ни в словах не бывает повторения. Не берясь за эту трудную задачу, я все же в течение своих записок постараюсь очертить его личность, одну из самых выдающихся в нашем XX столетии.

День за днем, в увлекательной работе проходит моя жизнь в занесенном снегом деревенском доме. Наконец, наступает час отъезда. Три телеграммы, одна за другой, приблизили срок.

17.II.1927. Выехал я из дома. Морозная, ясная ночь, накатанная санная дорога. Дружно бегут сытые доморощенные лошадки. Спускаемся в долину скованной льдом реки, поднимаемся в гору и подъезжаем к маленькой станции. Через четверть часа из ночной мглы выплывает трехглазый паровоз, и поезд уносит меня в далекое, полное приключений путешествие в Тибет.

27.III. Рига. Тяжело дышит мощный паровоз скорого заграничного поезда. Последние фразы, последние рукопожатия. Часовая стрелка медленно доползает минуты. Резкая трель свистка и первый, незаметный поворот колес. Столб дебаркадера, точно сдвинувшись, проплывает мимо открытой двери вагона; платформа и с ней фигуры провожающих уходят назад, и я стараюсь до конца не потерять из виду бледное дорожное лицо, уходящее вместе со всем другим в прошлое. Поезд идет над просыпающимся городом, гремит через железный мост. Пригороды, фабрики, такое знакомое и обычное; а дальше белая равнина полей, над которой поднимается холодное зимнее солнце...

Залитая горячим солнцем юга Генуя. Перед гостиницей большая куртина с многообхватными пальмами, недвижимыми в безветренном утре. Пароход "Аливия" уже в гавани; док Дориа, по имени знаменитого адмирала. Легкая, почти не сидящая в зеленой воде лодка подвозит меня к трапу. В четверть часа все формальности закончены, и "гофмейстер", так называется на голландских пароходах старший стюард, водворяет меня в чистую полированную каюту с белоснежно застланной койкой.

Команда "Аливии" – голландцы, прислуга – малайцы.

Устроившись, опять съезжаю на берег. В городе со стен домов смотрит грозное лицо "блан е нуар". В магазинах, везде, портрет диктатора Италии с необычным жутким взглядом. Город очень красив. А кроме того, весна и всюду цветы.

Величайшая мудрость в умении пройти через жизнь поверху и величайшее знание в понимании того, что лучший путь через нее на крыльях духа. Никогда не низом, по болоту обыденности. "Мощный подъем в мир идей, а не ползание в грязи пошлости, – так говорит часто Н.К.Р. – Лишь ежедневное сознание подвига – прилично величию высшей жизни".

4.III. Рассвет. Гремят якорные цепи. Потом густой рев сирены. Осторожно, мимо сотен судов всех наций, выходит "Аливия" на рейд, подковооокруженный молами. На стенке одного громадными черными буквами надпись: "Муссолини спас отечество". Сзади улыбается в лучах солнца белая Генуя, а впереди серое беспокойное море. Чуть покачиваясь, пенит "Аливия" набегающие волны.

Путешествие! Какой поток новых мыслей, знаний и переживаний. Старая мусульманская поговорка гласит: "Если Аллах захочет сделать человека мудрее, Он посылает его путешествовать". И наоборот, если спросить тупого, ограниченного человека, много ли он путешествовал, – то окажется, что его путешествия – не длиннее воробьиного полета.

Дождливая, скверная погода. Волны тяжело перекатываются через нижние палубы нашего парохода.

В 1924 году, в Берлине, Н.К.Р. сказал: "Фабричная труба и самомнение заменили в Европе душевную мудрость и закрыли пути к строению истинной жизни".

9.III. В виду Египта. Желтая полоска земли на горизонте. Уже виден Порт-Саид и растет мол, в конце которого статуя Лессепса в чугунном, развевающемся сегодня против ветра плаще. Гавань пуста, набережные безлюдны. Идущий на восток пароход "P.&O. Line" совсем пустой. Это отражение событий в Китае. Неужели там так серьезно?

Центральная Азия, Тибет – как это далеко от недавнего прошлого. Точно прекрасная сказка входит в обычную этих последних пяти лет жизнь. И опять это разнообразие даже в

судьбе людей. Во всем кажущаяся неожиданность как главный фактор событий.

Легкий бриз. Африканский берег низкий, песчаный. Кое-где пальмовые рощи по аккуратно содержимому каналу. Аравия поднимается резкими очертаниями, и по ее берегу изумрудная полоска зелени. Не хочется уходить с палубы. Такая красота тонов воды и неба. Над куполообразными постройками берега, точно в раздумье, склонились финиковые пальмы. Вдали лилово-синие гряды гор. Голубые тени, и все тонет в горячей дымке утра.

"Часто, – говорил Н.К.Р., – не столько дела, сколько помышления куют цепь последствий. Самая могучая сила – есть сила мысли. Но так как она проявляется вне зрения физических глаз, – люди не хотят поверить в эту мощь".

Высоко в небе плывет в пурпурно-парусной ладье соколиноголовый бог Ра – сверкающее, нестерпимо жгучее солнце. И точно причудливо свиваясь и развиваясь, несутся за ним в горячих туманах прекрасные призраки древнего Египта. Сколько великого прошло через его историю.

Озеро в середине Суэцкого канала. Воздух пустынь, такой чистый и прозрачный. Все залито солнцем. Снизу крылья чаек бирюзовые от отсвета воды. Медленно, мерно движется по берегу верблюжий караван. К воде из голубизны неба спускается розовая цапля. А издали, точно город-мираж из арабских сказок, – надвигается Суэц со своими стройными минаретами.

Аравия и Египет. Здесь, в этих местах, связались четыре великих Учения и сочетались в одно мощное знание Духа. Религии Египта, Греции, Халдеи и Персии. Египет – получивший свою мудрость от жрецов погибшей в пучинах океана Атлантиды; Греция, принеся тайны мистерий в подземелья пирамид. Моисей, сочетавший эти знания с магией халдейских иерофантов, и принявший от него мудрость знаний Христос, учение которого овеяно отзвуком духовного ведения далекой Индии. Заповедь божественной любви, сочетавшаяся с ведением Риг-вед. Если бы люди захотели понять, что все едино и все Учения Света дополняют друг друга, сливаясь в Одной нераздельной Истине. Если бы!

"Все, что стремится к соединению, хорошо, – говорит Н.К.Р. – Все, что разъединяет – плохо, ибо идет против закона эволюции".

Суэц. Впереди простор Красного моря. На берегу, на набережной, затененной аллеей, мраморный обелиск с охраняющей его фигурой оскаленного тигра. Памятник индусам, павшим во время великой войны на французском фронте. 4 тысячи офицеров и 30 тысяч солдат.

Вот ищущий, вот обыватель. Жизнь и прозябание. Один – прекрасный, вечно деятельный дух, стремящийся, достигающий, познающий. Крылья мысли несут его вверх и поднимают из бездны... Другой – маленький, серенький. Он слезливо моргает подслеповатыми глазами и, шепча робкую формулу "ведь надо жить", угодливо лебезит перед туго набитым кошельком. Говорит о "Мадонне" Рафаэля, а сам похохатывает в душе над всем великим и прекрасным. Разлагающийся мертвец в живой оболочке.

В высях и безднах одинаково лежит разгадка бытия, великое знание вещей; осознание идей, действием которых были вызваны к жизни миры; знание, в чем была необходимость и чем была продиктована жертва, создавшая проявленный Космос.

Вспоминаются картины Н.К.Р. Искатель перед таинственной, освещенной изнутри пещерой; и покоритель священного змея мудрости, созерцающий его страшное явление. Тот и другой, искатель и покоритель, оба так спокойны в сознании громадности своих подвигов и мощи устремления.

Знать – какое страшное слово... Были раввины, три раввина, решившие сорвать покровы со знания, сочетающего проявленное и непроявленное. Страшные вещи узнали они. Один умер, не выдержав напряжения работы, другой сошел с ума. Мозг его не осилил открывшегося перед ним страшного... И только третий... узнал...

Стук в дверь. Что тебе, малайский Вагнер? А, целый ящик громадных яффских апельсинов. В иллюминатор веет ветерок. Красное море. Темно-синие волны с белыми гребнями пены. Закипают, быстро катятся в просторе и, расплывшись, дают место другим. Расходятся в стороны берега двух материков. Знойный туман на пустынном горизонте и голубое небо. Вокруг парохода играют дельфины. Вечером солнце садится в испарениях, без лучей. Точно медно-палевый диск.

Большой соблазн – капитан "Аливи" предлагает купить у него прекрасный винчестер с 60 патронами.

Часто говорит Н.К.Р. о единстве мировой жизни. "Жизнь на земле надо любить, но быть готовым в каждый момент покинуть ее. Дальше опять новые и новые жизни, смерти нет. Бесконечная жизнь – одно неразрывное целое". Если бы люди могли увидеть скрытое от них до времени духовной слепотой – их мозг не выдержал бы ужаса космических тайн. А пока... им все кажется удивительно просто, а главное – "необыкновенно" обыкновенно.

Темными вечерами смотрю на созвездие Ориона, и мысль стремится на дальние светила. Там, по эзотерической традиции, совершенная, сравнительно с нашей, жизнь, и оттуда пришли Учителя человечества, чтобы помочь ему на путях эволюции. Как мало поняты и осознаны слова Христа: "В доме Отца Моего обителей много".

Феерия моря. Луна, освещение кают, фонари на мачтах – совершенно декорация из старой оперы "Гибель фрегата Медузы". А море бархатно-черное, и только в лунном свете сверкает белизной шумящая под килем пена.

Вспоминается ужин в Берлине. Обеденная зала в гостинице "Адлон". Элегантная публика, смокинги; в зале, конечно, больше всего "нуворишей". Это 1923 год. И контраст – фигура Н.К.Р. в простом синем пиджаке. Но поклоны ему гораздо глубже, чем дельцам, лениво cedящим сквозь зубы шампанское, вкус которого они еще так недавно узнали. В Н.К.Р. чувствуется что-то властное, высшее. За нашим столом, где сидим с Н.К.Р. мы, съехавшиеся из четырех разных стран, – только минеральные воды. Меню выбираем мы – Н.К.Р. этим не интересуется.

"Аливия" скользит по спокойным водам Индийского океана. Со всех сторон ныряют дельфины. На миг из воды показывается треугольный плавник акулы. Из-под парохода выпархивают разноцветные летучие рыбы и шлепаются в воду. Много морских звезд. Матросы красят пароход. В голландских морях чувствуется остаток прошлого. Головы повязаны платками, как это делали матросы XVII столетия, а башмаки боцмана – как их носили при адмирале Рейтерне. Стада летучих рыб. Около нас кружит буревестник. На горизонте дымит большой пароход.

Уже несколько дней работаю над составлением маршрута. Предполагаю идти над

Алашанем, севернее Пржевальского. Через Малую Гоби, прямо на запад, к реке Ельсин-Мурен, и дальше на юг, на Сучжоу. Вся задача – расчет переходов по колодцам. Караван думаю формировать где-нибудь в окрестностях Калгана.

Над нами сверкает чаша Ориона. Чаша – символ подвига. Такой подвиг ожидается Азией от нового Будды, Господа Майтрейи. Вместо ухода в блаженные дальние миры, принесет Он себя в жертву и останется на нашей планете для помощи мятущемуся человечеству. Чаша подвига! Будду изображают с этой чашей в руках, а наивные последователи принимают ее за чашу для подаяний, которую слишком часто протягивают буддийские монахи. Благословенный заповедал не попрошайничество, а труд. Редко правильное изображение чаши, с исходящим из нее языком огня. Когда Св. Сергей совершал литургию, над освящаемой им чашей часто видели огонь.

У меня в каюте на столе репродукция картины Н.К.Р. – "Матерь мира". Это моя любимая картина. Скорее, образ. Прекрасная женская фигура, с полузакрытым ликом, сидящая на престоле. Рука поднята в благословляющем жесте. И в этом прекрасном облике столько тайны, столько мистической красоты. Фон картины – звездная ночь с созвездием Ориона посередине. Может быть, это ночь творения, творения миров, вызванных к бытию мыслью, создавшей в вихрях космической жизни. Какие образы возникали в воображении художника, когда он писал эту картину? Какие мысли рождались в его душе, когда в ней выявлялся образ "Матери мира"? Подумаешь, и трепетно становится заглянуть в глубины, над которыми носилась творческая воля художника.

Подходим к Цейлону. Радио "Аливи" принимает из Коломбо пошлый мотив "Нет, у нас нет больше бананов" и "Мельницу в лесу". Что особенно хорошо умеют делать люди – это все опошлять. Почему было не передать прекрасную музыку. Возвышенную ли симфонию Скрябина или грозные аккорды вдохновенного Вагнера, подслушанные им в иных сферах. "Нет, у нас нет больше бананов"... "Как ужасна пошлость, маленькая, почти незаметная и всюду внедряющаяся", – так говорил как-то Н.К.Р. "Нет, у нас нет больше бананов", – довольно подпевают помощник капитана и главный инженер.

И другое радио: кантонцы обложили Шанхай. Идут бои.

Антиквар-француз, идущий на "Аливи", решает из Гонконга ехать обратно в Европу. Он везет с собой старинную китайскую акварель прекрасной работы, разворачивающуюся на несколько метров. Но это, конечно, не отдача Европой награбленных у Китая ценностей. В Шанхае китайские сиги продаются лучше, нежели в Европе, и антиквары, скупая старинные и художественные китайские вещи, везут их обратно в Китай, наживая бешеные деньги. Это маленький, мало известный широкой публике трюк. Ясно, почему обложение Шанхая меняет планы антиквара и он возвращается в Европу.

Скоро кончится мое спокойное путешествие, под охраной 30 винтовок со штыками, стоящих в каюте под капитанским мостиком. Теперь все пароходы, идущие на восток, вооружены. Одному придется пройти Китай, что в настоящее время далеко не приятно.

Мы в виду Цейлона. Цейлон – изумруд в короне Индии. Сначала, при подходе к острову, из океана точно поднимается полоса яркой зелени. Это леса, которыми покрыт остров. Ниже – берега с золотистой песчаной каймой. К берегам подходят рощи пальм и отражаются в тихой воде.

Сегодня океан – точно зеркало озера. Иногда оранжево-желтый берег оторачивается узкой полоской белой пены ласкового прибоя. Дальше, вглубь, горы. Синеватые, лиловые

и наконец совсем темные, сливающиеся в фиолетовой дымке с небом.

Проходим "Point de Gal", старую голландскую крепость, не раз кутившуюся порохом дымом во времена борьбы Голландии и Англии за индийские колонии. Видны еще заросшие травой верки. Молчаливый крепостной двор... в нем теперь уютные английские домики. Старая церковь, ратуша городка, над которой когда-то реяло нидерландское знамя с гордым девизом "Je Maintiendrai", Исчезает "Point de Gal". В море рыбаки-сингалезы. В одной лодке женщина, точно грациозная танагрская статуэтка, в своем обтянутом, плотно облегающем стройную фигуру платье, – но только черная. Мягко поднимаются невысокие, покрытые зеленью цепи гор и уходят одна за другой к горизонту. Их сменяют поросшие высокой травой холмы. Дальше лес, который сразу обрывается бешено бьющимися о скалы бурунами. Мы прошли Цейлон – изумруд в короне Индии. Исчезает остров, и опять открытое море. Вечером слегка фосфоресцирует океан, а на мачтах появляются огоньки Св. Эльма.

Н.К.Р. как-то заметил, что полезно мысленно говорить о себе в третьем лице. "Я" – это утверждение, которым не следует злоупотреблять. Н.К.Р. порицает всякие теории, пытающиеся разделить сущность человека. "Пока, – говорит он, – в нашем сознании есть ложно оправдательное деление на высшее и низшее, – до тех пор гармония духа невелика... Все едино, и также едино и сознание Духа. И в этом осознании единого Духа, в осознании личной нераздельной ответственности звучат Радость и Красота". Н.К.Р. апостол эволюции. "Ни минуты в прежнем положении. Всегда вперед. Это движение есть следствие вложенного во всё закона мировой эволюции".

Показалась Суматра. Закутанная испарениями, с облаками, лежащими по склонам гор. Горы покрыты зеленью и шапками леса. Огромная черная птица с тонкими острыми крыльями летает над пароходом.

Со всех сторон поднимаются из моря островки. Прекрасный солнечный заход. Фон – розовое небо, а облака в серо-жемчужных тонах. Впереди из воды поднялись две скалы с бьющимися о них массами пены, коралловой в последних лучах солнца. Быстро наступает тьма, в которой тонут берега Суматры. Жара томительная, влажная – не заснуть. Выхожу на палубу. Воробьиная ночь. Вдали грозы. В одной стороне в воду бьют молнии белого электрического света, в другой – красные. Рокошет гром.

Рассвет. Кругом острова архипелага. Черные горы на фоне бирюзового неба. На юге протянулась полоса длинного розового облака, переходящего в свинцовую грозовую тучу.

В этих местах много акул. Матросы поймали какую-то морскую птицу. Она зла и норовит всех ударить своим острым клювом.

Идем тихим ходом, чтобы не прийти ночью в Пенанг. Кружат черные чайки, дельфины играют вокруг "Аливи".

28.III. Рейд Пенанга. Это место историческое; на этом рейде бросили якоря корабли Васко да Гамы, впервые у берегов Индии.

Утром съезжаю на берег. На набережной сразу пахнуло востоком, особыми запахами пряностей, терпкого, острого дыма курений и ароматами тропических цветов. Индусы, китайцы, аннамиты. Характерные костюмы, повозки на белых зебу, женщины в обвивающих их фигуры с головой легких тканях, со знаками касты на лбу. В общей суматохе и гомоне базара, развалившиеся на рикшах, проносятся европейцы с

равнодушными, презрительными лицами. Всюду затянутые в мундиры полицейские и образцовый порядок британских колоний. Окончив покупки, еду на машине в "ботанический сад"; попросту хорошо содержимый лес в шести милях от города. И тут порядок. Маленький домик канцелярии, дорожки и дальше... тропический лес. Через поляну переходит стая обезьян. Большие, маленькие. Штук двадцать пять. Прошли, побежали по лужку, закачались на лианах. Глаз отдыхает на стенах зелени от далеких просторов океана. Нежный запах неведомых цветов. Бабочки. Желтая, с белыми полосами; черная с оранжевым, величиной с воробья. Вот полетела красная, с серым подбоем крыльев, а вот громадная, бархатисто-черная с голубым. Масса птиц, оглушительно звонких, прячется в густой листве. Среди пальм шумит водопад – радуга в водяной пыли. На дереве спелые апельсины. Там куст бананов, тут кокосовая пальма с орехами в детскую голову...

На обратном пути захожу в храм бога Шивы. В святилище, отделенном от храма решеткой, таинственный полумрак. Чуть намечены контуры статуи божества в неверном мерцании лампад. Кладу на ступени скромный дар – маленькую белую розу.

На туземной лодке возвращаюсь на рейд. В легком наклоне под косыми парусами снуют джонки с рыбьими глазами на носу, и чувствуется близость Китая.

29.III. В море. Небо заволакивает облаками, собирается гроза. Радио передает о событиях в Европе – результат чемпионата бокса.

Вспоминаются слова Н.К.Р. о будущем: "Перед нашими глазами проходит эпоха величайшей переоценки ценностей. Старые гибнут с уходящим в прошлое ветхим миром. Новая ценность – это красота, которая подвинет мир по ступеням духовной культуры". Старый мир был потоплен водою, нынешний сберегается огню. "Ждем нового неба и новой земли, на которой обитает правда", – говорит апостол. Там – гибель Атлантиды, здесь – новые катаклизмы и... приход шестой расы...

Сингапур нас встречает проливным дождем. Стоим здесь до вечера. Палуба полна туземцев с фруктами и безделушками. Фокусник проделывает нехитрые фокусы, худой факир на ломаном английском языке предлагает гадать. Радуга в море, удивительная по яркости. На "Аливи" новые пассажиры – два американских миссионера с грубыми, неинтеллигентными лицами. Как обычно – совершают тур "round the world".

Христос и Лазарь. Выход воскресшего Лазаря из могилы, выход на зов Учителя души из состояния духовного сна. "Я воскресение, Я жизнь", – говорит Христос. Второе, духовное рождение человека. Крещение не водой, а огнем духа.

Полоса рифов. Капитан почти не покидает мостика. Вахтенный матрос в "вороньем гнезде" на мачте. Укорачивая путь, идем опасной дорогой. Островки. Один с рядами складов и мачтой. Песок и строения. Другой прелестен. Весь в зелени, а в середине большие деревья. Четко вырисовываются на небе высокие пальмы. Весь остров не более трех гектаров. Невдалеке, в открытом море, точно кипит вода. Это рифы. И около них водная поверхность меняет цвет из синего в светло-зеленый. Беседуем с миссионером. Это догматик. И между прочим, верит, что душа и тело неразрывны и неразлучно ожидают в могиле общего воскресения. Я задаю коварный вопрос: "А если тело сжечь, куда девается душа?" Разговор затухает. Какое убожество! И это проповедник, духовный наставник, возвещающий мудрость Учения. Господи! Доколе...

Летучие рыбы: коричневые, черно-желтые и коричнево-голубые. Порхает ярко-желтая

птица, вроде канарейки.

5.IV. Манильский рейд. Ряд голубовато-серых истребителей "US Navy", во всем щегольстве военных судов. Набережная с полупустыми железными магазинами. Всюду большая чистота. Раннее утро, и пока мало народу.

По шоссе к городу бежит зеленый трамвай. Кеб-корзинка на маленькой лошадке с бубенцами везет меня в город. Он резко делится на две части. Старый испанский в крепостных стенах и новый, американский, за рекой. В первом – тишина и патриархальность. Во втором сутолока и "baby" небоскребы. Крепостные ворота испанского города с трогательной надписью: "Porte del Patria". К американскому ведет аляповатый мост новой архитектуры, перекинутый через грязно-желтую реку. Тянет туда, в старину, на тихие улицы. Крепостные стены с травяными куртинами. Из амбразур, уже без зияющих пушечных жерл, вьется плющ с красными цветами. Пришла новая цивилизация, придушила старину – но все же старый испанский город стоит во всей красоте романтизма. Идешь по почти безлюдным улицам, переходишь маленькие площади со старинными церквями. Около одной замечательные статуи святых у низких дверей. Она в одноэтажном здании госпиталя, белом, с зеленым куполом. И надпись на госпитале многозначительная: "Анно 1563". Времена Филиппа II. Изогнутые севильские решетки у окон домов и двери с окошечками для наблюдения. Везде старина. И кажется, что вот-вот зазвенят шпоры и из-за угла выйдет гидальго в шляпе с пером и вышитой перевязью длинной рапиры. Надменный и гордый испанец. Но крепким сном спят все эти гидальго, все эти донны Долорес и Карменситы под плитами каменного пола в молчаливой прохладе собора.

Сегодня в ночь поднимаем якорь. Новые пассажиры. Американцы с дамами. Браво командует у якорного ворота старший офицер. С мостика особенно властно звучит голос капитана. Исчезают силуэты пакгаузов, гаснут вдали огоньки. Мы опять в открытом море.

Манила – американская колония. С археологической точки зрения – жаль, но, говоря о движении жизни вперед, – это надо приветствовать.

Н.К.Р. так говорит об Америке: "Вы будете изумляться ценным открытиям. Нигде не найдете вы столько социальных учреждений и храмов за пределами официальных религий. Это любопытное свидетельство свободных исканий. Люди идут там для поисков новой жизни". Испания застыла в прошлом, и эта новая жизнь уже прошла мимо нее. "В старом есть красота, но новое всегда прекрасно", – так часто говорит Н.К.Р.

Холодно. Качает. Опять беседую с миссионером. Реальность существования семьи Адама, 6000-летняя давность земли, созданной в одну неделю... и мое старание поставить точку никчемному разговору.

8.IV. Гонконг. Дождь как из ведра. На рейде много военных судов. Нас окружают парусные джонки, управляемые исключительно женщинами, часто с грудными детьми, привязанными за спиной. Малыши спокойно дремлют, в то время как матери исполняют обязанности матросов. Они все в черном. Куртки, штаны и платки на головах. На руках золотые тонкие браслеты, иногда тонкой работы. Это единственная роскошь.

Город полон войсками. Кантонцы остановились у Шанхая. Европейские войска, ежедневно прибывающие к осажденному городу, не по плечу китайцам. Вообще, успех южан начинает увядать и создается впечатление, что в их успехах наступает перелом.

Завтра прямым рейсом на Тяньцзинь. Идет "Вэй-Шунь", пароход китайской компании.

Сердечно прощаемся с капитаном "Аливи". "Я только тень проходящая, только пассажир, которого Вы больше никогда не увидите". – "Как знать, – отвечает мингер Т., – буду рад опять встретиться".

"Вэй-Шунь" – уже пароход Дальнего Востока. Вся жизненная часть его забрана решетками, чтобы держаться за ними в случае нападения пиратов. Агрессивность их сильно увеличилась за последние годы. Бывает, что окружив пароход своими джонками, они берут его на абордаж. На "Вэй-Шуне" порядочный запас оружия.

Целый день в моем распоряжении. Обедаю в китайском ресторане. Суп из молодой акулы и моллюски "frit". На затянутой сеткой дождя набережной – отвратительная статуя Георга V. Лавки завалены фруктами: бананы, манго, яблоки, виноград... Благоухает цветочный базар. Разновидности востока, улучшенные европейцами-садовниками. Поразительны розы всех цветов и оттенков. Особенно хороши бледно-желтые и темно-красные, почти черные.

Вечер. Сажу у себя в каюте на "Вэй-Шуне". Перечитываю письма Н.К.Р. Сколько в них красоты, сколько они дают бодрости. Особенно характерны короткие: "Привет, и бодрость, и преуспевание". "Пусть растет Ваша радость во благо Мира. Идите вне маленьких мыслей". "Удача лишь там, где проявлено полное мужество".

Благо Мира! Н.К.Р. смотрит на мир далеко за пределы нашей суеты, на человечество – поверх несовершенных людских толп земли.

"Небо труда и борьбы, – говорит Н.К.Р., – не есть домашнее бросание мяча между низшим и высшим *Я*, но есть сознательная поступательная работа. Такая неисчислимая работа, которая не оставляет места для домашних игр". Радость работы над собой, радость работы во имя красоты, подвиг во имя человечества низших и высших миров. Это вечная работа для эволюции вселенной. И в этой работе красота, счастье и подвиг.

10.IV. Маленький пароход бежит по берегам.

11.IV. Идем, как в молоке. Через каждые три минуты рев сирены. Несмотря на день, все огни зажжены.

12.IV. Ясный день. Прозелень моря. Большие коричневые птицы носятся вокруг "Вэй-Шуна". К вечеру начинается качка.

13.IV. Сильно качает. Вбок, вперед, назад и винтом – точно падение на дно. Постоим на волне и осядем. Это хуже всего. Весь день лежу и читаю английский роман, чтобы убить время. Еда противна. Несколько апельсинов и чашка крепкого цейлонского чая.

14.IV. Буря.

15.IV. Чилийский залив. Совсем близко в дымке утра берега Китая. Тихое ласковое море усеяно джонками рыбаков. С ближней несется красивая песня. Соло и припев. Бодрое стаккато солдатского шага, и под него дружно выбираются сети. Сверкает серебристая рыба. Европейцы не имеют, в большинстве, понятия о китайской музыке. Нельзя судить о ней по какофонии народных театров.

Шесть часов вечера. Гроза. Молнии бьют со всех сторон. Зигзагами в воду и параллельно

горизонту. Сразу темнеет. Небо мрачного опалово-стального цвета. Оно освещается молниями, точно занавес в потухшем театре. Гром звучит, как удары гонга. И в этой грозе мысли уносятся в дали будущего, в события, нарождающиеся в туманах грядущего.

Скоро, скоро начнется мое путешествие по дебрям Азии.

Никогда не санкционирует история реакцию как возвращение к недавнему прошлому. Прогресс же есть взятое из глуби веков, дополненное и развитое. Сама история является мерилom этих двух противоположностей. Стремление императора Юлиана восстановить гибнувшее язычество тогда, когда христианство расширялось в свой расцвет... или возвращение к христианской общине теперь, когда в мир брошены лозунги коммунизма. Одно – тупейшая реакция; другое – предвидение новых путей и бросок далеко вперед. Создание общины, завещанной Христом. Прошлое – не более как догорающие костры.

16.IV. Тангу. С грохотом цепей зарываются якоря "Вэй-Шуня" в речной ил. Десяток пароходов ждет подъема воды в реке, чтобы пройти в Тяньцзинь. Проплывают красивые джонки с коричневыми веерообразными парусами. Джонка, по формам, тип европейского корабля XIV-XV столетий. Как-то только теперь оцениваю эту подробность. Решаю ехать по железной дороге, так как пароход в ожидании воды может простоять в устье реки несколько дней. Еду на лодке с парохода на станцию, тут же на берегу.

События переходят со столбцов радиотелеграмм в действительность. Нахальные лодочники и рикши, невмешательство полиции и доллары там, где сами китайцы платят не центы, а шаи – медную мелочь.

Европейцы на станции держатся осторожно. Подходит поезд. Разбитые окна, содранная обшивка и невероятная грязь в вагонах. Сажусь в купе, полное французов-беженцев. Щегольские вещи, меховые боа дам и ароматные сигары мужчин... Со всех сторон жалобы и тревожные слухи. Шанхай окружен. Идут бои. Знакомимся с мистером Д., который искренно удивляется моему приезду. Ведь теперь все бегут из Китая. Ни одного европейца не осталось в глубине страны, и консульства закрыты.

Через полтора часа Тяньцзинь. Мягко шлепая босыми ногами по асфальту, мчит меня рикша в своей легкой колясочке через концессии. Знакомая, ярко освещенная гостиница Крейера. Прекрасный обед, ванна и уютная комната отсутствующего сына любезного хозяина, за неимением свободных номеров. Я опять в Китае, и первая часть путешествия закончена.

ВЗБУДОРАЖЕННЫЙ КИТАЙ

16.IV–16.V. Пасхальные дни. Все заперто. Нахожу старых знакомых, собираю справки и составляю списки вещей для путешествия. Отовсюду самые плохие вести и общее удивление, что в такое время я рискую путешествовать по Китаю. Часть покупок приходится делать в Китайском городе. На улице конные солдаты. Они разгоняют сбегающийся из боковых улиц народ, который, очищая середину, становится по тротуарам шпалерами. Идет отряд полиции, усиленно колотящий не очистивших путь китайцев. Дальше отряды солдат с направленными на народ ружьями и жандармы с револьверами со взведенными курками. За частоколом штыков едут арбы, и в них люди в черных национальных курмах. Они едут в молчании, и только один что-то кричит с истерическими взвизгиваниями, обращаясь к народу. Значительный отряд замыкает шествие. Это везут на казнь генерала, двух полковников и четырех капитанов армии Джанзолина за заговор в пользу южан. Через полчаса головы казненных выставляются

для назидания на торговой площади.

Весь Китай переслоен фронтами гражданской войны. Воюют белые, розовые и красные генералы. Раздувается ненависть к иностранцам. Мой путь идет поперек этих фронтов и перерезается войсками, наступающими вдоль монгольской границы. Гражданская война в Китае являет три основных группы. Северяне, под начальством маршала Джанзолина; центр, под командой генерала У Пейфу, и юг, возглавляемый кантонским правительством, частью армии которого командует генерал Чин Чулинг. Так называемый "христианский генерал" Фын, до времени, сражается под знаменами центра. Северяне связаны с богатыми землевладельцами и опираются на японцев. Центр олицетворяет крупную буржуазию и промышленников; а юг объединяет мелкую буржуазию и ремесленный класс. Война начинается борьбой северян с центром. Потом происходит перегруппировка сил. Джанзолин, разбив в 1924 году У Пейфу, соединяется с ним и оттесняет южан. Чин Чулинг с частью своей армии переходит к Джанзолину, а "христианский генерал", почуяв выгоду в предложениях иностранных агентов, – переходит на сторону Кантона, дела которого к этому времени стали очень шаткими. За время моего путешествия по Тибету переслойка должна была опять измениться, – если гражданская война вообще не потухла совсем. Компетентное лицо, хорошо знающее Китай, утверждало в разговоре со мной, что какие-либо резкие социальные перемены вообще в Китае невозможны. Оно считало, что кантонское правительство, собственно говоря, – правительство по существу национальное, которое, стремясь использовать иностранные миллионы, притекавшие в его казначейство, надело на себя до времени маску. И интересная подробность, что сам диктатор Сун Ятсен был совсем иным, нежели его изображали иностранные газеты.

До сих пор трудно принять решение по вопросу маршрута. Через фронты идти нельзя. Монголы охраняют свою территорию и никого через нее не пропускают. С севера, будто бы на помощь Кантону, движутся московские войска. Кроме того, дороги наводнены шайками хунхузов, дезертиров и вообще военными отрядами, которые не прочь пограбить. Сучжоу – согласно недавнему слуху, в руках приверженца южан – Фына. Кроме того, приезжающие с запада из Калгана европейцы утверждают, что караванное сообщение прекращено и пути по всем направлениям преграждены как китайцами, так и монголами. Таковы сведения, а с другой стороны, надо идти, и идти во что бы то ни стало, и не должно быть преград, которые бы меня остановили.

Параллельно с участием в экспедиции Н.К.Р. передо мной и другая цель – встреча с моим Учителем. Она мне предначертана и предуказана несколько лет тому назад, и я должен дойти до нее, разбив своим мужеством и настойчивостью все препятствия. Когда знакомые отговаривают меня от "безрассудного шага" или подозрительно замолкают, принимая меня, вероятно, за политического агента, разве я могу открыть настоящую цель своего путешествия? Открыть людям, глаза которых закрыты, которые не верят ничему и ничего не знают. Я знаю, что так или иначе дойду. И какая красота в тайне молчаливого пути ученика к своему Учителю; в этой реальности, которую непосвященные считают сказкой из фантастического романа на оккультной подкладке. Но надо действовать энергично.

Приветливо, улицами, залитыми ярким солнцем, встречает меня Пекин. Как будто за семь лет здесь ничего не изменилось. Еду мимо "Барабанной" башни в американское посольство, в котором меня ждут письма. Чистый посольский квартал, с часовыми у ворот каждой дипломатической миссии. С закрытыми воротами, пустое стоит советское посольство. Это результат произошедшего там недавнего скандала. На панели, с угла, рослые американские солдаты вынимают из стены телефонные провода. Над серединой

улицы, с веревкой, наполовину вытравившейся из клотика, полощется в воздухе забытый красный флаг.

За балюстрадой у флагштока стоит японский часовой с ружьем у ноги. Японцы! Недавно японским консульским стражам был дан приказ не употреблять оружия против китайцев. В Ханькоу толпа ворвалась в японское консульство и перебила консула и служащих. Моряки караула исполнили приказ. Пришла эскадра, и мичман, начальник консульского конвоя, сделал адмиралу доклад о произошедшем. После этого ушел в свою каюту и... застрелился. На столе осталась записка. "Императорский флот запятнал себя позором. Я не могу вынести этого стыда". Офицер исполнил закон Бушидо, закон чести.

"Нет цветка прекраснее цвета вишни, нет человека благороднее солдата", – этой песенкой японские матери укачивают своих детей. Выстрел, раздавшийся в каюте неизвестного мичмана, свалил кабинет министров. К кормилу правления стала военная партия, и церемонии с китайцами японцы окончили. К политике Японии примкнули и другие державы.

События в Китае созданы искусственно, и народ в них участия не принимает. Другое дело, если бы, как в боксерское движение, всколыхнулся весь Китай со своими тайными обществами. Но теперь он молчит. Классовая борьба в стране, в которой классов нет, – парадокс. Китай живет на местах общинной жизнью в полном смысле этого слова. Управляется старейшинами и главами родов, а правительство с его органами управления терпят лишь как неизбежное зло. Мили и мили приходилось проходить по густонаселенным областям Китая, и нигде не встречал я и признака правительственных чиновников или полиции. Чиновник, бамбуки по пяткам и взятка – синонимы. В городах даже сравнительно крупные предприятия пополняются исключительно многочисленными родственниками хозяина. Фабрик мало, влияние капитала ничтожно.

Ненависть к европейцам! Да, нелюбовь к ним есть. Но она не так уже сильна. Бесчеловечное отношение европейца к китайцу – легенда из прошлого. А кроме того, каждый китаец в душе купец, и прежде всего он понимает, что уйди из Китая европейцы сегодня – завтра заглохнет торговля. Движение против иностранцев студентов и "пролетариата", высосанного из пальца, так же как и ведение генералами гражданской войны – широко оплачены иностранными деньгами. Китаец больше всего любит доллар. Источником же его получения он весьма мало интересуется. Теперь европейская политика в Китае вполне определилась. Шанхай сдан не будет. Концессии же, богатые города, выросшие на болотах и прибрежных песках, предложено китайскому правительству выкупить, но на это у него нет денег. В мае прошлого года забастовала пекинская полиция. Она два года не получала от министерства жалованья. Все движение, как революционное, так и направленное против европейцев, глохнет и замирает. Что будет дальше – покажет время. Пока европейцы, кроме миссионеров, которые вернулись на свои насиженные места, из глубины страны ушли. Теперь вся торговля из центров перенесется к периферии страны. Но надо думать, что в непродолжительном времени европейцы опять займут прежние пункты к совсем неплохо будут встречены населением.

В Пекине хлопочу о паспорте в глубину Китая, в провинцию Ганьсу. И через американскую миссию, и через само министерство иностранных дел, подкрепленный телеграммой китайского посланника в Вашингтоне. В Тяньцзине обращаюсь в штаб Джанзолина. Результатов нет.

По совету своего приятеля В.И.Р. – знакомлюсь с монгольской княгиней, родственницей

алашаньского князя. Два раза видимся мы с княгиней и ее маленькой дочкой, служащей нам переводчицей. Девочка останавливает на себе внимание. Ей около десяти лет – но в ней чувствуется уже созревший ум. Обе монголки прекрасно разбираются в вопросах буддийского эзотеризма. Княгиня, типичная монголка, интересная фигура в своем характерном национальном костюме. Но какое печальное зрелище явила она в мое второе посещение, одевшись в скверно сшитое европейское платье, не доходившее до колен.

В результате князь, почти отстраненный от управления вассал Китая, не смог мне помочь. И знаменательно, что при его "дворе" не нашлось ни одного ламы, который сумел бы прочесть охранную грамоту, данную мне в 1921 году Хутухтой, на тибетском языке, обязательном для всякого образованного ламы или монгола. Сам Хутухта умер два года тому назад. Он предлагал мне тогда помочь пробраться в Тибет и теперь смог бы, вероятно, всецело устроить меня. Я повидался с ученицей покойного ламы. Они обрадовались мне и признали в моем лице ученика Хутухты, но помочь тоже ничем не могли.

Решил опять действовать через Тяньцзинь; и оказалось, что это-то и был самый простой и правильный шаг. Благодаря старому знакомству, меня любезно зачислили в штат англо-китайской фирмы мелким служащим и возбудили ходатайства о выдаче мне паспорта на Ганьсу для поездки по закупке пушнины. Паспорт был обещан, и я уже спешно заканчивал свои приготовления, как получилось печальное известие. В паспорте отказали. Пекин сообщил по всем городам, что "знатный американец пытается устроить себе паспорта на Ганьсу", и поэтому предписывалось всем губернаторам временно такие паспорта не выдавать. Таким образом я, знатный иностранец в Пекине, напортил самому себе, скромному пушнику в Тяньцзине. Бывают курьезы. Загадка невыдачи паспорта разрешалась просто. Паспорт, выданный китайским правительством иностранцу, обычно является также и гарантией за жизнь и имущество последнего в путешествии, что, конечно, правительство не хотело брать на себя ввиду рискованности моего предприятия по текущим временам и перспективы заплатить, в случае убытков или смерти путешественника, круглую сумму. С трудом убедили чиновников ямыня выдать мне визу на Шаньси. Дальше я решил идти напролом, без паспорта. Это же мне советовал и известный путешественник по Китаю швед М.

Представителю нашей фирмы в Баотоу предписано было подготовить караван. Дело начало налаживаться. Нашелся и переводчик, некий Голубин, служащий фирмы, уже несколько раз бывавший в Ганьсу. Фирма любезно уступила его мне на время путешествия. Ввиду риска и вознаграждение было соответствующее – но зато рекомендация солидная. Идти же одному, без верного человека и без языка, было бы безрассудством. Голубин, так же как и швед, считает, что в Ганьсу никаких бумаг или паспорта не нужно. Только пройти "культурные" провинции и район военных тылов, где контроль очень строг. Для этого моя виза на Шаньси совершенно достаточна.

Из Баотоу пришла телеграмма, что караван будет подготовлен к 20 мая. Оставалось немного времени, и началась горячка последних приготовлений. Это, конечно, было совершенно неправильно. При таких больших путешествиях подготовка должна быть основательной и без спешки. Но я был связан временем, а быстроту приготовлений властно диктовали мне обстоятельства. После долгих размышлений и по совету бывалых людей, я решил оружия не брать, кроме карманного револьвера. Время, когда путешественники по Китаю отбивались от разбойников парой магазинных ружей – прошло. В наши дни хунхузы отлично организованы и вооружены европейскими ружьями

новейших систем. Хотя в Китай ввоз оружия и запрещен, но в Пекине, например, есть скромная кондитерская. В ее задней комнате заключаются сделки на какое угодно количество оружия, а в тайничке всегда найдется для немедленной продажи – пара "винчестеров" или "соваджей". Шайки хунхузов доходят до 300 человек, и сопротивление, особенно при излюбленном ими способе нападения внезапно из засады, совершенно немыслимо. Что могли бы мы сделать вдвоем против нападающих, даже небольшого количества, одинаково с нами вооруженных. Кроме всего, я был твердо уверен, что благополучно дойду до своей цели – и ничего не боялся. Сознание, что "удача была лишь там, где было проявлено полное мужество", я отныне поставил в основу всех своих действий, и оно ни разу не обмануло меня.

15.V. К 6 часам утра автомобиль гостиницы привозит меня на вокзал. Голубин уже там и сообщает, что из-за задержки в таможенном осмотре выехать сегодня нельзя. Шестнадцать ящиков и тюков, в которых одного продовольствия взято более нежелеза на два месяца. Осмотр состоится только днем. Автомобиль несется обратно по пустынным улицам. Гудок у гостиницы, и опять встречают меня приветливо улыбающиеся "бои". Я в своем номере, в постели. Зайчики света прыгают в комнату через опущенные жалюзи окон и играют на полу. Не спится, и калейдоскоп мыслей проходит через голову.

Я даже радуюсь задержке и дню полного отдыха. Сегодня воскресенье. Не пойти ли в церковь? После завтрака иду на бывшую русскую концессию. В глубине парка часовня – могила павших в боксерское восстание русских солдат и матросов. Доски с именами убитых, осененные императорскими орлами, молчаливые пушки вокруг памятника и венки на могиле – переносят в далекое прошлое потонувшего мира. Стройно поет хор любителей, проникновенно служит священник, бывший артиллерийский офицер.

Сегодня – культура Тяньцзиня с его прекрасными улицами, европейскими магазинами и комфортабельной гостиницей. Завтра – грязные оборванные вагоны, набитые дикими желтыми солдатами, отвратительный запах чеснока и непрерывное харканье на пол. Надоедливые расспросы и раздражающее любопытство, а там... пыльный Калган с почти полумиллионным населением, и дальше безбрежные пустыни необъятной Азии.

После обеда иду на перевоз, заменяющий мост, где два китайца день и ночь перевозят публику. Набережная завалена товарами, так как из осажденного Шанхая вся торговля перекинулась сюда. Пароходы, в том числе и белый итальянский стационар, только что не лежат на боку. Время отлива, и в реке воды почти нет.

После завтрака иду гулять, прощаюсь со своим любимым городом. Прохожу к скаковому кругу. Из-за деревьев выдвигается своими башнями мрачный дом. Это "замок привидений". Он так и стоит пустой. В нем, перед приходом десантов адмирала Сеймура, собрались европейцы, защищаясь до последнего патрона от боксеров. И когда не осталось больше зарядов, китайцы взяли дом и перебили в нем всех, не исключая женщин и детей. Говорят, что по ночам в комнатах появляются призраки убитых и повторяется сцена приступа. В доме никто не живет.

Теплый весенний день. Еще клейкие, молодые листочки не совсем распустились. Цветочные магазины полны гиацинтами, ландышами и розами. По тому, какую музыку и какие цветы любит человек, можно судить о нем. Н.К.Р. любит музыку Вагнера, а из русских композиторов Стравинского до "Весны священной", Мусоргского, Римского-Корсакова. Из цветов предпочитает фрезии, лилии, ландыши и особо ароматные индийские цветы желтого цвета, растущие прямо на стволах деревьев.

Быстро проходит последний день. Вечером китаец начисто выбривает мне голову. Последняя горячая ванна, и – последний сон в мягкой пружинной кровати, перед долгим и трудным путешествием.

16.V. Раннее утро. Опять на вокзале. Голубин распоряжается десятком китайцев и грудой вещей. Наблюдаю драку рикши с европейцем, очевидно русским. Полиция безучастна. Бросается разнимать японца, комиссионер отеля. Причина – недоплата денег. Картина нова для Китая, прежде китаец и пальцем не смел прикоснуться к европейцу.

Вагон переполнен. Это местный поезд, плетущийся понемножку. Станция Фынтай под Пекином, здесь пересадка и перегрузка вещей на Калган. Голубин воюет с кули, которые требуют какую-то несообразную плату за перенос вещей, и притом вперед. Много говорится об эксплуатации европейцами китайцев. Чтобы быть справедливым, следует отметить то же и со стороны китайцев. Вряд ли существует более жадный на деньги народ. Как пауки, высосали они подвластные им народы... Как только дело касается денег, у китайца делается бессмысленно тупое лицо, раскрывается рот и злобно загораются глаза...

Наконец, вещи погружены. Мы с Голубиным садимся в вагон. Снаружи крики, и входит молодой китаец. Он весь в белом. Халат, шляпа, даже перчатки. В руке... букет. Через минуту – закипает ругань, в которой принимают участие пассажиры. Голубин приходит в бешенство и заражает им молодого человека, оказавшегося таможенным чиновником. Таможен в Китае невероятное количество. Мы заплатили таможенный сбор, особый налог, чрезвычайный налог, но что же еще? Военный налог!

Вещи выгружены, так как процедура долгая. Поезд ушел, и опять потерянный день. Идем в китайскую гостиницу около станции. Дверь с клетушками. В нашу "комнату" сквозь окна и колеблющуюся циновку на двери заглядывают любопытные. Посоветовавшись с Голубиным, решаю ехать на рикше в Пекин. Около 14-ти километров – китайский доллар. Это недорого, но чуть ли не месячный заработок рикши. Европейец в Фынтае – явление редкое.

Хорошо обработанные поля с гробами. Поле – кладбище крестьянина. Гроб обычно не закапывается. Накапывает дождь. Проезжаем ручейки с мостами, деревни и маленькие рощи. Канавы окаймлены густым тростником. Через час въезжаем в ворота через городскую стену. Грязные улицы и убогие дома дальнего квартала. Бесконечные улицы. Глухо стучат барабаны, заливаются гобои и резкие трубы. Навстречу движется похоронная процессия. Знамена, алебарды с деревянными наконечниками, обильные блюда яств из золоченого картона, которые следуют за покойником в лучший мир. Карета из папье-маше с такой же лошадей, в которой поедет душа... Дальше громадный лакированный гроб, несомый несколькими десятками носильщиков, окруженный нанятыми для особой торжественности солдатами и предшествуемый родственниками в белом. Это цвет траура в Китае, как когда-то и в Европе.

Подъезжаю к "Hotel de Peking". Рикша на всякий случай требует, впрочем, довольно нерешительно, второй доллар. Удивленный, встречает меня В.И.Р. Мы обедаем с ним вместе и проводим последний вечер. Утром еду на Калганский вокзал мимо стен "запретного города" – бывшего дворца Богдыханов. Это – могила прошлого величия Китая. В первое посещение Пекина я осмотрел дворец. Пустые залы, необъятные дворы. Только в зале больших приемов осиротело стоит массивный трон красной лакировки с золотом. По очереди разграбили китайцы и европейцы дворец во время боксерского

восстания. Трон Китая не понадобился никому. Генерал Фын, занявший своими войсками два года тому назад Пекин, вывез из императорского музея, чудом уцелевшего в первый раз, последние драгоценности.

Теперь здесь все пусто и медленно, но верно разрушается. Очень красивы дворы. Через разноцветно лакированные двери-ворота ведут в них мраморные лестницы, окаймленные барельефами чудовищных драконов. Дворы также вымощены мраморными плитами, между которыми растет трава. По углам стоят еще курильницы из темной бронзы с зеленью. Кто знает, какой они древности. Грустное зрелище и немое молчание. Юноша-император еще существует. Он живет на концессии в Тяньцзине и, как говорят, изредка приезжает инкогнито в свою прежнюю столицу. Китай умирает. Нельзя назвать ни одного писателя, ни одного художника или ученого... Исчезла родовая аристократия. Всюду безличные толпы улицы. Дегенеративные лица, грубый говор и плоский смех. Часто только по костюму можно отличить мужчин от женщин. Все на одно лицо. Страна в управлении губернаторов и чиновников, в большинстве прошедших стаж предводителей хунхузских шаек. Храмы без священников, школы без учителей. Ничего не осталось от прежней утонченной культуры. Китай разбирается на кирпичи и продается. В нем продается решительно все. Так гибнет когда-то великое государство, когда-то великий народ. Еще семь лет тому назад Китай был другой.

Калганский вокзал. Понемногу собирается публика. Появляются жандармы в безобразных розовых кепи. И ни одного европейца. Я один. Косые взгляды, усмешки... и чувствуешь, что все по твоему адресу. Дальше, впрочем, не идут. И вдруг становится как-то легче. Появляется М., секретарь китайского сановника в Калгане. Подходит поезд. Голубин машет из окна шляпой. Все благополучно, место есть, и мы водворяемся с М. в маленьком купе вагона первого класса, который битком набит солдатами, бичом страны и железных дорог. Поезд свистит и трогается. В открытую дверь купе наблюдаем мытье китайских офицеров. Таз горячей воды. Плескание и сплевывание. Вода сереет. "Прошу Вас, не откажите"... моется следующий; и так в постепенности чинов – пока вода не делается черной. Освежившись, пьют чай из маленьких чашечек. Мчится скорый поезд. Зигзагами вползает на высокий проход Нанкау. На остановках солдаты безжалостно ломают персиковые и яблочные деревья в цвету.

Вечером Калган. Ночью в скверной гостинице; вороватая прислуга, подозрительная публика и малоприветливая хозяйка. Думаешь об одном, как бы скорее уйти на простор пустынь...

Здесь келейными путями выясняется, что правительство старается не пропускать иностранцев за Баотоу. Около месяца добивался этого разрешения Свен Гедин и с трудом его получил, поддержанный всей европейской дипломатией.

18.V. Через весь город еду в паспортный отдел. По-китайски все учреждения за городом. Нужны новые визы. В переводе – новые доллары в карманы чиновников. Город пыльный и многолюдный. Всюду солдаты диких орд Джанзолина. Притягивает внимание дом с изображением богов на крыше вперемежку с вазами. Статуи в натуральную величину, в старинных мандаринских одеждах. Улыбки лиц, мертвенных, раскрашенных белым и розовым, и неподвижные танцующие позы производят жуткое впечатление. Особенно богини.

Вечером едем дальше. Опять затруднения с багажом и таможня. Взятка, как обычно в Китае, устраивает дело. Поезд уносит нас дальше.

Татен-Фу. Опять затруднения с багажом и таможня. Обычная взятка. Возимся на станции до поздней ночи и в китайской арбе едем ночевать в китайскую гостиницу. В ее здании постой солдат, и у входа четыре часовых. На всякий случай они показывают на пальцах – четыре доллара... а вдруг "заморский черт" даст. Ждать придется целый день –до вечера.

19.V. От полубессонной ночи и сна на циновке на голом камне жестокая головная боль. В полдень подают обед. Жареное мясо с петрушкой и суп с лапшой. Вечером грузимся на мрачном, в решетках, вокзале. Подходит поезд. Вагоны переполнены, и мы с трудом находим места.

20.V. Весь день ползет поезд. Станция за станцией, уставляемые по китайскому обычаю шеренгами солдат и полицейских к прибытию поезда. Проезжаем Гуйкачен. Там сразу Голубин дает "бакшиш" и вещи пропускаются без налогов и осмотров. Весь день непрерывные осмотры паспортов; осматривает их каждый солдат, которому это придет в голову. Иногда видно по взгляду, что он не умеет читать. В Китае и вообще в Азии паспорта только у иностранцев.

Поздно ночью прибываем в Баотоу. На платформе горят факелы и сверкают штыки. Нас окружают и требуют паспорта. Голубин дает полицейскому визитные карточки, которые у китайцев пользуются большой значительностью. В суматохе крадут один из наших ящиков, и Голубин громко ругает присутствующие власти. Нас встречают китайцы от фирмы и ведут на ночлег в контору около вокзала. Ворота города до утра закрыты.

Светает. Рельсы упираются в тупик; путешествие по железной дороге закончено.

21.V. Утром новый таможенный осмотр, в середине которого нас спасает уполномоченный фирмы. Иду с ним в город. Прекрасное летнее утро. Голубое небо, на горизонте горы, а вдали в красивом изгибе сверкает на солнце Желтая река. Город на самом ее колене. Цепь Мута-Ула очень красива. Желтовато-красные склоны с синими тенями и кое-где у подножий зелень лугов. Дорога к воротам идет по глубокому песку. В двух шагах сидит какой-то зверек. Это крыса! Еще одна, еще... их тут не сотни, а тысячи. Проходим ворота города, идем мимо глинобитных стен и входим во двор фирмы. Здесь склады мехов. На дворе громадные глиняные амфоры, в которых мокнут собачьи шкуры, универсальная основа для каких угодно мехов.

Господин З. предлагает чаю. Какое удовольствие стакан этого напитка, крепкого и сладкого, после маленьких китайских чашечек без сахара. Отдохнув от полубессонной ночи, говорю о дальнейшем продвижении. Выясняется, что, благодаря счастливой случайности, здесь есть караван, идущий порожняком прямо на Сучжоу. Вообще же сезон циркуляции караванов по окраинам Гоби уже закончился. Получив телеграмму, г-н З. сговорился с хозяевами верблюдов, и теперь ждут только хунхузов, нанятых для сопровождения. "Хунхузов?" – "Да, это самый надежный конвой, и у разбойников есть своя честность, – говорит З., – солдатам же нельзя доверять". Вечером доносится из казарм зоря. Тоскливый вой на многих трубах.

Бывший здесь Свен Гедин ушел со своей экспедицией на Урумчи. В ней много европейцев и известный бывший миссионер Ларсен, получивший достоинство монгольского князя.

Проходит несколько дней. Хунхузов еще нет. Покупаем палатку-майхане, бочки для воды, инструменты, кошмы, таган и все предметы, которые туземцы берут в дорогу. Плачу хозяевам договоренную сумму и делаюсь начальником каравана, господином надо всем, в руках которого жизнь и смерть. Таков закон пустыни. Мой караван состоит из меня,

переводчика Голубина, двух китайцев-поводырей, пятнадцати верблюдов и пса Ко, Груз рассчитан на половину животных со сменой через переход. Благодаря этой системе, мы прошли тысячи ли (ли – приблизительно $\frac{3}{4}$ километра), иногда без воды и корма для верблюдов, не потеряв ни одного животного.

23.V. Проснувшись утром, почувствовал, что кровать трясется, и увидел, что стол, стулья и сундуки качаются вместе с комнатой. Это подземные толчки. За чаем новость. Хунхузы прибыли, и больше ничто не задерживает отправление каравана.

Днем гуляем с З. по городу. На площади учение пехотного полка. Минометная, пулеметная команды. Недурно поставлены шведская гимнастика и сигнализация флажками. Занимаются по ротам и командам. Потом они сводятся в полковую колонну и под стук барабанов проходят несколько раз церемониальным маршем, вытягивая ноги по старому прусскому способу. Одеты люди хорошо и имеют выправку. Вечером пришел монгол – лама. Он прочел и очень одобрил грамоту Хутухты. "Каждый монгол, которому Вы покажете это письмо, сделает все, что Вы прикажете, и низко поклонится Вам", – говорит лама. Эта грамота лучше всякого китайского паспорта по Монголии. Обсуждаем с З., как мне выбраться из города. Необходимо незаметно выскользнуть из ворот. Дальше власть города кончается и администрация бессильна. По городу пущен слух, что я новый служащий, и для меня подыскивается для отвода глаз помещение. Сегодня Голубин ночует уже в пригороде, за стеной, где расположен караван. Вещи понемногу вывезены туда же и затюкованы. Сообща на военном совете решаем, что я поеду в закрытой двуколке, имея впереди себя китайцев, служащих фирмы. Европейский костюм сменяю на китайский наряд.

26.V. Рано утром во двор с грохотом вкатывает мафа. Мы садимся. Разевают свою пасть запасные, всегда запертые ворота, и мы выезжаем на пустынный переулок. Я совершенно закрыт, но все же настроение нервное. Решительный момент наступил. Проскользну, или опять придется возвращаться в Пекин? Едем кривыми улицами. Храм, театр, площадь, на которой рубят головы. Тут же несколько могильных холмиков. Стена и... роковые ворота. Штыки часовых, белые околыши полицейских. Не ждут ли нас. По площади проносится отчаянный крик. Часовые, полицейские, толпа – все несется от ворот, в сторону продолжающегося крика... А мы въезжаем в ворота и беспрепятственно выезжаем за стены. Я – на свободе. Загоревшаяся драка и природное любопытство китайцев были моим пропуском. Передо мной свобода и дальнейший путь. Во дворе пригорода готовый караван. Сердечно прощаемся с З. и его помощниками, во всем помогавшими мне в приготовлениях и проезде через ворота Баотоу. Последняя услуга З. – посылка довольно крупной суммы через ордер одной китайской фирмы другой, в Сучжоу; так как везти такие деньги с собой по пути и в серебре – рискованно.

Сажусь в первый раз в жизни на верблюда. Ужасно высоко. Сажусь и сейчас же скатываюсь на землю. Вторая попытка удастся лучше. Караван поднят. На шеях животных звенят ботала – глухого звука колокола. Их главная задача – отгонять злых духов. Верблюды за верблюдом выходят из ворот, около которых стоит кучка моих новых знакомых – служащих фирмы. Обмениваемся последними рукопожатиями. Идем по деревне. В облаке пыли – звук разбитой кавалерийской трубы. Навстречу китайская кавалерия. Несколько эскадронов. Впереди командир в серой штатской шляпе. Насколько недурна китайская пехота, настолько плоха конница. Мне, впрочем, довелось еще видеть конные части дореформенных "знаменных войск" – они были оригинальны и живописны в старинных одеждах, с пиками и колчанами у седла. Теперь их больше нет.

Последние фанзы, и мы в степи. Желтые, белые, синие цветы. Веселые ящерицы резвятся на солнце. Всюду противные большие крысы. В высоте реют коршуны. Появляются верховые со спущенными с передней луки ружьями. Одни в неряшливой форме китайских солдат, другие в синих курмах, черных шароварах и кожаных белых лаптях, повязанных шнурками. На головах туго повязанные платки. Лица – действительно разбойничьи. Подходим к горам. Первый переход, по обычаю, невелик, только 40 ли. Жители деревни, около которой мы расположились, сообщают, что более 1500 хунхузов недавно перешли на службу правительства – солдатами. Это круг: из хунхузов в солдаты, из дезертиров в хунхузы.

Стоим у разрушенной Фыном деревни, жители которой ютятся в ее развалинах, влача жизнь в полуголоде и нищете. Развывают верблюдов. Они кричат, как капризные дети, и плюют жвачкой в поводырей, которые пинками и побоями не остаются у них в долгу.

27.V. Встретили роту солдат провинции Шаньси – на походе. Идут в порядке. Стереоскопические ружья по одному на взвод. Китайский солдат в массе не трус. Плох офицерский состав. Но если бы у китайцев были хорошие командиры и старшие начальники, знакомые с современным военным делом, картина императора Вильгельма перешла бы с полотна в жуткую действительность.

Маршрут окончательно установлен. Направление из Гуйкачена на Хами до реки Ельсин-Мурен и оттуда вниз по реке, до Сучжоу.

Вышли рано утром. Холодок, тишина и ясное небо. Вдали монастырь с красными крышами и блестящими на солнце маковками храмов. Горы все ближе. Из предгорий выбегает нам навстречу горная речка. У брода буддийская часовня, увешанная пестрыми молитвенными флагами. Невысокие горы тонут в тумане. Лужайка, точно ковер красных цветов. С непривычки утомительно ехать на верблюде. Качает, и сильно устает спина. Близится полдень, и становится жарко. Располагаемся около ручья. Сегодня прошли 65 ли. Голубин готовит обед. В нашем распоряжении мясные консервы, свиное сало, макароны, сыр, сушеные фрукты, консервы молока и масла, немного кофе, чай и сахар. По бутылке спирта и коньяка дополняют запас продовольствия, сделанный с расчетом более нежеле, на два месяца. Еще взято большое количество лука.

28.V. Днем прошли около 60 ли. Путь пролегал через ущелья. Переход трудный, по каменистой дороге. Небольшие рощи, горные луга и серебристые ручейки. Вечером выхожу гулять за лагерь. Солнце совсем низко. Пока видит глаз, тянутся степные пространства. Дым костров столбом поднимается ввысь и сливается с сизым туманом вечерних испарений земли. Типичные майхане нашего лагеря и сложенные рядами грузы дополняют картину, похожую на такую же, изображенную в книге Пржевальского. Может быть, это то же самое место. Экспедиция знаменитого путешественника проходила по этим местам. Проводники пригоняют из степи верблюдов и укладывают их на ночь. Дергают за веревку, привязанную к носовому кольцу, вросшему смолоду в переносье животного. Верблюды реагируют отчаянным ревом и по своему обычаю норовят плюнуть в китайцев.

29.V. Караван идет по берегу Желтой реки. Мелодично-низко звучат ботала, и под их аккомпанемент ветер поет свою заунывную песню. Холодно. Мы в шубах. Климат Азии капризен. В пустынях постоянно надо быть готовым к жаре и, через мгновение, к холоду. Навстречу – группа всадников. Китайские солдаты сопровождают монгола в ярко-красном

кафтани и в лисьей шапке. Идем в горах. Едущий впереди конвойный местами выпускает заряд в воздух. Озорничество или сигнал – не разберешь. Стихает ветер, и сразу становится знойно. Мы с Голубиным снимаем шубы, а проводники – и рубашки, обнажая обветренное темно-бронзовое тело. Вокруг каравана каркают черные вороны с белыми шеями, а в выси звенят трели жаворонков

Сегодня придем в Шитай. Это последняя таможня перед Монголией и, вероятно, паспортный пункт. За десяток ли до города остановка. Хунхузы торгуются о плате. Им нужно исчезнуть до города. Сумма вырастает раза в два против уговоренной. На все доводы старший флегматично отвечает, чертя палочкой по песку: "Нам все равно. Не заплатите, нетрудно позвать хунхузов. Вы же проиграете". Наши провожатые в силу какой-то этики сами себя хунхузами не признают. Голубин, побывавший в руках речных пиратов на Желтой, – без дальнейших слов платит нашу долю. Временно идущие с нами купцы еще долго упираются. Наконец, все улажено и хунхузы исчезают, прося в коем случае не беспокоиться... нас никто не тронет по оставшейся дороге до Шитая.

В сумерках подходим к городу. Оказывается, это просто большая деревня в одну улицу. Сворачиваем с дороги на площадку, предназначенную для остановки караванов. Голубин сразу находит "знакомых людей". Знакомство очень ценится китайцами, и всегда упирается на это, когда вы "знакомые люди". С ними Голубин идет на таможню платить налог. Около нас расположен большой караван с шерстью, идущий из Туркестана в Калган. Я остаюсь караулить палатку и скоро прячусь в нее от толпы любопытных. Головы просовываются в самое чайхане. Начинается дождь. Китайцы его плохо выносят. Толпа назойливых аборигенов расходится. Поужинав, ложимся спать в отсыревшей палатке.

30.V. Погода прекрасная. Четкие громады горной цепи Шарагола высятся на горизонте. Караван вытягивается по дороге. Какой ор, какой колорит пейзажа и неба. Пока идем большим трактом. Много прохожих. Дикие, но своеобразно красивые лица. По обочинам шествуют маленькие серые ослики, нагруженные сверх всякой меры. Около деревни на огороде спокойно гуляют фазаны. Их никто здесь не трогает. И сразу останавливаются верблюды. Проводник, наш старый поводырь, оживленно говорит с каким-то китайцем в городском длинном халате и соломенной шляпе.

Вести неважные. На днях бежавшие из Шитая солдаты составили шайку и вчера дочиста ограбили в ближних горах целый караван. Идем дальше. Каждый по-своему озабочен, а Голубин даже почернел лицом. Вспоминает, очевидно, как он ушел от хунхузов в одном белье. У бывшего с ним ламы отобрали на 400 долларов лекарственных трав, а китайцев-плотовщиков – жестоко избили. Идем предгорьями. Аромат травы – точно запах черешни. Проходим усадьбу у пруда, в котором плескаются китайские утки. В воде отражается чистенький домик с какими-то намеками на архитектурность.

Вероятно, имение небольшого помещика. Степь поросла верблюжьей колючкой, нежно-зеленой с белыми стеблями, – контраст с общим желтовато-коричневым колоритом. Дорогу пересекают два монгола в ушастых рысьих шапках. Нагнувшись, они точно приросли к седлам. Невдалеке стадо верблюдов. Их пасет конный монгол с пикой в руке. Входим в горы и вытягиваемся по ущелью. Там я слезаю. Все мое оружие – шесть зарядов револьвера и палка. Последнюю беру на плечо как ружье. Черная, лакированная, она производит впечатление винтовки... Иду впереди, Голубин замыкает шествие. Ботала сняты, и караван в тишине быстро двигается вперед. Девяносто ли выводят нас из гор и возможности неприятной встречи. Шедший с нами караван, несмотря на уговоры – идти с нами, остановился в горах, не слушая благоразумного совета наших поводырей и

Голубина. Караван, как мы слышали потом, не вышел на равнину, и никто никогда больше не видел его хозяев. Говорят, они были ограблены и при сопротивлении убиты.

Становимся лагерем у подножия холма при колодце. Поздравляем друг друга – мы в Монголии.

МОНГОЛИЯ СПЯЩАЯ

31.V. Наш старый верблюдчик, пройдя в четыре перехода от Баотоу до Шитая, обещает, поднявшись в два перехода на север, пройти прямой дорогой от Гуйкачена, выйти на местность Папот-Хе в сорок один день. Потом полагает спуститься по Ельсин-Мурену в девять переходов до Сучжоу. Старик уже тридцать лет ходит с верблюдами по этим дорогам. Он знает свое ремесло. Проводники верблюдов – своего рода корпорация. Они все друг друга знают. У них своя разведка, и очень редко, чтобы караваны, ведомые профессиональными проводниками, – были бы ограблены.

Все дороги, по Желтой и выше, на север, до гор – небезопасны. Вообще, решено, в случае неблагополучности дорог Гуйкаченского тракта, перейти еще севернее на монгольскую дорогу, где хунхузам нет ходу и тракт охраняется монгольской милицией. Своими шайками хунхузы незаметно по степи пройти не могут. Идем по верблюжьей караванной дороге. Только опытный глаз может различить в песках узкую тропу, выбиваемую мягкими копытами животных. Наблюдаем обман зрения. Наша собака достигает громадных размеров, а человек, идущий с ней впереди, – совсем маленький. Подымаемся на гору. Открывается вид на необъятные степи. Дальше – скалистый коридор, по которому спускаемся вниз. Вьюки едва проходят, так узко. Внизу те же далекие горизонты. Равнина покрыта травой, по ней, серебрясь, протекает река. У воды на песке большой золотистый дикий гусь.

"Смотрите, – показывает Голубин, – дикие козы". И я рассматриваю в бинокль грациозных животных. Вырисовываются контуры монастыря Джален-хутун. Солнце садится, и мы разбиваем палатки у выложенного камнями колодца того же наименования.

1.VI. Сегодня дневка. Две серые цапли гуляют около палатки. Ястреб кружит над стаей почти синих голубей. Вся степь звенит пением птиц и жужжанием насекомых.

"Теперь можно быть спокойными, – говорит Голубин, – район деятельности хунхузов пройден. Им тут и не разойтись". И действительно, незримые сами, но видящие все, монголы недремно наблюдают всякое движение в своих степях. Хунхузы, пробовавшие начать здесь свои операции, наткнулись на серьезный отпор. Почти у каждого монгола есть хорошее ружье. Тревога, и со всех сторон собираются вооруженные вершники.

Моем белье, приводим в порядок вещи и смазываем кожу. Проводники устраивают себе палатку из верблюжьих седел, покрывая их кошмами. И в самом путешествии, и в одеждах, и в утвари, и в типе палаток – все дышит глубокой стариной. Так ходили караваны тысячелетия тому назад. В этой картине чувствуется весь диссонанс наших с Голубиным европейских фигур. Общий колорит караванов коричневый, сливающийся с желтизной песков. Синий – платков на голове и курм погонщиков, и белый – дубленых бараньих полушубков, дают дополнительные цвета.

К вечеру подъезжают три всадника. Толстый маленький китаец, ехавший впереди, в изнеможении бросается на траву. Солдат и монгол, очевидно проводник, подхватывают поводья лошади. Через четверть часа показывается громадный караван, в предшестве

конных монголов. Около пятисот груженных верблюдов, много женщин и детей, едущих в перекинутых на обе стороны верблюда будках с окошками. Разбиваются высокие длинные палатки. Поднимается к небу дым костров. Крик, визг, гомон и собачий лай. А когда лагерь разбит и готова самая большая палатка, появляется карета из лубка, везомая на жердях двумя верблюдами. Вокруг многочисленная свита... Скоро приходят к нам гости, мелкие китайские чиновники. Губернатор Ганьсу бежит со всей администрацией от войск "христианского генерала", занявшего эту область. Сведение малоприятное. Потом все оказалось гораздо проще – губернатор был смнен за лихоимство.

2.VI. Выходим в час дня. Проходим до вечера 56 ли. Безбрежная равнина. Щебень, сквозь который пробивается трава. Ветер умеряет жар солнца. На горизонте пасутся верблюды, тысячные стада овец и табуны лошадей. К вечеру местность становится гористой. От солнца, несмотря на специальные очки, болят глаза.

Останавливаемся в местности, называемой Шета. Вода, что здесь самое главное, – дурно пахнет и какого-то серого цвета. Пока Голубин готовит обед, берусь за работу. Прокладываю по карте маршрут, привожу в порядок заметки. Никак еще не могу привыкнуть, что иду по пустыням Азии, в большом и далеком путешествии. Точно сон. Мысли забегают вперед. Так лихорадочно ждешь момента встречи с Н.К.Р., и мнится, что с этой встречи должна начаться какая-то сказка, далекая от обыденности.

3.VI. 9 часов утра. В тени 12° С, на солнце – 20. Проводники-китайцы особенно интересуются градусником. Удивительно, сколько в них детского. Скоро подойдем к Гоби. Бывалые люди считают переход через нее подвигом. Лицо и руки потрескались от жары и ветра. Глаза болят и слезятся. Устаешь от постоянной качки на верблюде.

Около 9 часов утрадвигаемся в путь. Дорога идет холмами. Проходим маленький монастырь. Часа через два – другой, по названию Вайо. Поднимаемся в гору и вытягиваемся по карнизу. Порядок следования такой. Верблюды идут двумя смычками. Первую ведет старый проводник. Он на первом верблюде. На втором я. Вторую смычку ведет младший китаец, и на следующем за ним верблюде Голубин. Караван замыкает очень злой верблюд-самец с колоколом на шее. Так, в привычном порядке, идем день за днем. Проходим сегодня рощу давно невиданных деревьев.

По дороге, то здесь, то там, сложенные верблюжьи кости с камнем наверху. Какие-то таинственные знаки пустынь.

4.VI. Лагерь у колодца Лохоку. Рано поутру вышли с прошлого бивака. Пески. Горы на горизонте и ни одной живой души во весь день. Одинокий идешь через пустыню. Без оружия и каравана соответствующей силы, по чужой земле, среди чужого народа. Иногда жутко, и тогда вверяешь себя защите Божьей.

Те же пейзажи. Палящее солнце и леденящий ветер... Нелегкое путешествие со скоростью верблюжьего шага – равного скорости похоронного шествия .

Вечер; записываю прошедший день. Становится ясно, почему описание путешествий по пустыням – обычно так бесцветно. Один день похож на другой, и все так похоже.

5.VI. У колодца Мокучен. Уже лег – но, поднявшись на локте из спального мешка, застыл от изумления. В палатке при свете свечи вдруг все заалело, а в этом зареве появилось косоглазое, скуластое лицо. Это гость-монгол в ярко-красном кафтане и вишневого цвета епанче с голубым бархатным воротником, стоячим, как у древних рынд московских

царей. На рукавах такие же краги. Шапка белого барана с голубым дном. Мой гость точно выскочил со сцены из "Князя Игоря". Голубин поит гостя чаем, и монгол помешивает его невероятно грязным пальцем. Трубка китайского табаку, долгое молчаливое созерцание нас, нашей палатки и вещей. Следует приглашение на завтра, и монгол покидает палатку. Конец визита плачевный. В темноте рев, отчаянный крик и грозный лай. В темноте монгол наехал на верблюдов. Ко, наш пес, вцепился в номада, свалил его с маленького конька и загрыз бы – не подбеги люди вовремя. Китайские собаки сильны, очень злы и, что замечательно, преданы своим хозяевам, которые ничего не делают, чтобы заслужить собачью верность. Колотят и почти не кормят. Все наши люди, не исключая Голубина, неодобрительно отнеслись к поведению монгола "Не знает обычая. Нельзя приезжать на чужое становище ночью. Сам виноват". Монгол уехал в порванном кафтане.

Сегодня мы прошли 64 ли. Ночью только 3 градуса тепла.

6.VI. Выходим ущельем из гор. Старый проводник раздражает своим свистом. Оказывается, он призывает этим способом ветер, а так как ветер заклатья не слушается, то свист нескончаем. Идем по ковру цветов. Светлый родник бьет из скалы. Жара. И я взмаливаюсь всем богам о ветре. На равнине юрта китайских купцов. Эти форпосты китайской торговли рассеяны по степям. На площадке у входа в юрту пара ручных воронов на свободе. Развертывается необозримая равнина с тысячными стадами, пасущимися на ней. Между домашними животными – и дикие козы.

Мерно в шаг бьют звонки. Это идет большой караван из Гуйкачена. Другой, навстречу, из Синьцзяна, то есть Китайского Туркестана. Груз – опий. На передовых верблюдах флаги с письменами – знак, что таможенные налоги оплачены. Прошли – и опять тишина. Новое ущелье. Через дорогу проскакивает горный баран. Красивое животное с громадными витыми рогами. Каждое движение полно дикой грации. Другой баран силуэтом вырезывается на фоне неба. Он недвижно стоит на скале над глубоким обрывом. Вокруг дороги хаос камней. В некоторых местах бережно положенные в стороне рога. Рога – символ силы и посвящения, общий на всем Востоке. Моисей изображается иногда с рогами. Есть и бюст Зевса с теми же атрибутами надо лбом. Их же часто имеет и Вакх. Есть изображение в таком виде – "доброго пастыря".

Преодолеваем крутой перевал. В камнях цветет желтый шиповник. Издалека дикие козы с любопытством провожают глазами наш караван. Спускается ночь. В тишине, как тени, скользят наши верблюды. Сегодня прошли около 78 ли.

Вечером в палатке рассматриваю репродукции картин Н.К.Р. Каждая – запечатленный на полотне порыв человеческого духа ввысь. Вспоминается рассказ Н.К.Р. Знаменитый американский скульптор сказал ему: "Я пришел в музей Ваших картин и сейчас же ушел. На другой день, помимо воли, я опять был там. А на третий привел своих друзей. Скажите, почему это так?" И Н.К.Р. ответил: "Потому что среди Ваших скульптур есть конная фигура индейца в экстазе молитвы Великому Духу".

6.VI¹ Неспokoйный сон. Всю ночь заливаются лаем наш Ко. Волки ли? Лихие ли люди? Кто знает...

Спускаемся с гор. Горы – это те же отроги цепей, тянущихся вдоль Хуанхэ, Желтой реки. Навстречу караван с хлопком. Через час – смерч. Песок поднимается вертикальным столбом в самое небо. Не такой ли столб вел Израиль в обетованную землю. Тучи песка свисают из облаков, как ветви плакучей ивы. На горизонте буддийская часовня. Нам

навстречу идет лама в желтом плаще. На голове нечто вроде фригийского колпака. В руках четки. Сзади слуга и имущество святого человека на трех ослах. Всюду дикие козы. Сегодня мы прошли 50 ли. На ближнем холме, на фоне красно-малинового зарева заходящего солнца две фигуры монголов. Один в неподвижной позе сидит на земле, другой на коне, в склоненном над первым движении. Группа точно застыла. Привычным построением наши верблюды образуют две параллельные колонны и ложатся. Жара. Горло пересохло; страшно хочется пить. А в колодце-яме, с невинным и кротким выражением морд, наслаждаются купанием две собаки. В воздухе просвистел камень и раздался обиженный визг псов. "Разве мы кому-нибудь мешали? Только подумать, до чего грубы люди". Через четверть часа мы уже пьем чай из воды, взятой в собачьей купальне... Путешествие делает человека малобрезгливым.

7.VI. Пристраиваю вуаль на шляпу. Она шелковая. Но скоро заменяю ее платком с увязанными в концы двумя камешками для отвеса. От торговцев получаем сведения, что переходить на более южную дорогу, как мы предполагали, – нельзя. На ней хунхузы-дезертиры из гарнизона Ланьчжоу-Фу.

Жара невероятная. Ветра нет, и наш заклинатель ветров свистит часами. Степь полна стадами диких коз. Изредка встречаются караваны. Обычно несколько слов... и мы расходимся. Около тракта остановились монголы. Синяя палатка с зеленовато-белыми орнаментами по верху. Проходим колодец Кара-Усу. Справа и слева рождаются возвышенности. Сделано 50 ли.

Вечером разбиваем лагерь. Привычка создает быстроту, и в десять минут – все готово. Благодаря жаркому горению верблюжьего аргала скоро вскипает чай, и мы наслаждаемся им. В колодце вода чудная. Приходят пять живописных бродяг. Оказывается, это молодые ламы.

8.VI. Руслу больших пересохших рек. Пасутся монгольские лошади. Около скал, поднимающихся непосредственно с ровной песчаной площадки, сгруппировались кони. Дикого вида, с длинными, почти до колен, гривами. Точно лошади валькирий, ожидающие своих воинственных хозяек.

Букеты лиловых цветов. Много насекомых. Красные жучки с хитрым орнаментом на спинках. Степной орел плавно поднимается с камня. Переходим на ответвление дороги. Через два дня подойдем к таможне в пустыне. Стада овец разных мастей. Попадаются белые, палевые, рыжие и странного голубого оттенка. Редко видно монгольские становища. Их не ставят при дороге. У нас полный запас продовольствия, и поэтому мы не зависим от монголов, которые берут за все невероятные деньги. Они не нуждаются, и купля-продажа для них просто спорт или особое одолжение.

На неприступных скалах, точно на бастionaх грандиозной крепости, – неподвижные силуэты горных баранов. Степь мертвеет. Зелени больше нет, даже верблюжьей колючки. Черная галька. Ветер поднимает облака пыли. Становится холодно.

9.VI. Чудное теплое утро. Со всех сторон щебечут птицы. Не важно с дыханием. Делается одышка. Что же будет на высотах Тибета?

Поводырь поранил руку. Он молчаливо протягивает ее мне: "Лечи". Достая вату, марлю, йод и бинты – делаю перевязку. Появляются москиты. Но не желтые, как в Персии и Месопотамии, а черные. Они так мелки, что еле видны, но сильно беспокоят.

По пути несколько деревьев карагача. Проводники и Голубин слезают и собирают в изобилии растущий дикий лук. Это прекрасная острая приправа для еды. Мы варим из него суп. Дикий лук – историческое растение. В молодости Чингиз-хан питался им, когда бежал от врагов своего рода и скитался с матерью и братьями в пустыне. Весь штат моего каравана собирает лук, а я сажусь на переднего верблюда и веду караван. Это просто – но все же надо иметь навык.

Подходим к таможне. Она расположена в поселке в несколько юрт. Голубин идет туда с документами. Нас никто не беспокоит и не проявляет любопытства.

10.VI. Унылый переход. Стоим в песках. Голубин говорит, что чиновники и солдаты на таможне уже относятся к администрации генерала Фына, но ничего большевистского в них нет. Чиновники стараются надуть нашего старика поводыря и выудить лишний доллар без внесения его в расписку. Много крику с обеих сторон, но без результата; не так просто выудить у китайца грош, а не то что доллар.

Сегодня сажусь на верблюда верхом. Это удобнее чем раньше, – с опущенными вперед ногами. Проходим большой монастырь. Нежно-зеленая колючка и саксаул. Шелестит трава в ветерке, изредка свистнет тарбаган. Пески становятся все глубже. Пробую по ежедневной привычке сделать несколько километров пешком. Нога вязнет, идти трудно и приходится, остановив караван, опять сесть на своего верблюда. Понятно, почему верблюдов зовут "кораблями пустыни". При своей тяжести и грузе, носимом ими, верблюды легко идут по пескам. Расширяя при нажиме подошву, они не тонут в зыбучей почве и не грузнут в ней. Сегодня заболела верблудица. Вдруг начинает быстро перебирать задними ногами и с размаха падает. Полежит и, встав, опять идет как ни в чем не бывало.

Жара. Томит жажда. Фляжка уже давно пуста. Колодец будет только вечером. Но вот оазис. Даже деревья. Есть и вода, но почти черная и дурно пахнущая. Тучи комаров выются над ней. Навстречу идет караван, верблюдов в 500. Это семьи из Нинься, бегущие из зоны военных действий. Караван далеко обходит местность, наводненную хунхузами. Здесь, на севере, путь совершенно безопасен.

Застывшее море песчаных холмов. Присоединившийся к нам несколько дней тому назад караван проходит вперед. С ним бежит Ко. К вечеру останавливаемся в роще низких узловатых кустов. Жутко ложиться спать без такого чуткого и свирепого сторожа, как Ко. Верблюдов укладывают двумя рядами, как стены. Ложимся между ними. Вот уж исключительно под защитой Горней ночует сегодня наш караван.

11.VI. Пески. Необозримые пространства песков, по которым узкая, часто заметаемая песком, вьется наша караванная тропа. Сегодня тракт оживлен. В движении ярко отмечается караван большой ламы из Тибета, идущий в Пекин. Впереди сам лама на хорошем, красиво поседланном муле. Он едет сосредоточенно, не глядя по сторонам, не любопытствуя на иностранцев. Красные с желтым одежды и лакированная черная шляпа над бледным безбородым лицом. Впереди пешком "некто" в белой одежде балахоном, сплошь вышитой синими и красными крестами. За спиной огромный образ в деревянном футляре со стеклом. Дальше багаж на верблюдах и ослах, сопровождаемый толпой молодых лам – учеников. Приветливые улыбки, приветствия... и все скрывается в облаке пыли.

Потом встречаем несколько чиновников в черных курмах и круглых, похожих на

фламандские, черных же шляпах. Они вооружены ружьями, пистолетами Маузера, обвиты патронташами по поясу и через оба плеча. Китайцы ужасно любят огнестрельное оружие.

Дальше опять караваны с шерстью и опиумом. Среди погонщиков очень красивые лица. Из миндалевидных глаз смотрит загадочная душа Востока. Сегодня особенно много караванов с опиумом. Южные и западнее провинции Китая интенсивно культивируют опиум, а север Борется с его курением, и пойманным с поличным чуть ли не грозит отсекновение головы. Сравнительно дешевый в одних провинциях, опиум достигает бешеных цен в других. Контрабанда идет вовсю.

Тракт, обычно пустой, оживился благодаря деятельности разбойничьих шаяк на большой почтовой дороге и пиратов по Желтой реке.

12.VI. Завтра расстается с нашими спутниками – караваном, идущим на Чин-Фань. Передаю купцам письма для Америки и Сучжоу, так как из Чин-Фаня идет почта прямым трактом, а мы пойдем дугой по пустыне.

13.VI. Прощаемся на перекрестке. Разошлись. Вот они уже скрываются за холмами, поросшими саксаулом. Точно тени, скользнувшие мимо. Так в путешествиях встречаешь людей, расходишься и никогда больше не увидишь их. Теперь идем в совершенном одиночестве. Проходим равнину. Лошади, пасущиеся на первом плане, все же так далеки, что кажутся игрушечными. Тепло, хорошо, и как-то легко дышится чистым воздухом пустынь. Пройдя 24 ли, разбиваем лагерь. Как и везде, где можно, – генеральное мытье. На кострах греются ведра воды. Сегодня колодезь точно вычерпанный – так прозрачна и хороша вода.

С юга цепь барханов – песчаных холмов. Река. Местами она пересохла. По берегам ковры цветов и всюду рои комаров.

14.VI. Пройдя несколько ли, опять становимся лагерем. Начинается глухое недоразумение с проводниками. Старик упрям и не расположен идти быстрее. Обещаю премию за скорейшее движение и в тоже время крутую расправу за непослушание и упрямство.

15.VI. Проходим 44 ли. Расстояния, конечно, немеренные. По часам делаю расчет. Выясняется, что в час делаем 8 ли, то есть немного больше четырех километров. Идем зарослями саксаула. Много зайцев. Через тропу пробежала лисица.

16.VI. Наш лагерь около фанз китайских купцов – трапперов Монголии. Надоедает лаем их собачонка. Выясняется, что она совсем не глупа. Полаяв, отбегает все дальше назад и замолкает, точно ушла домой, а в это самое время уже без лая подползает к лагерю на поживу.

Прогрызла мешок с мукой. Устраиваем на нее охоту, но отогнать ее окончательно невозможно. Голод делает ее настойчивой и изобретательной. Она несколько раз повторяет свой маневр.

Одна капля, другая... хлынул ливень. Несколько часов не переставая идет дождь, и палатка начинает промокать.

Голубин нездоров. Его лихорадит. Нахожу в походной аптеке снотворное, и через четверть часа мой пациент спит крепким сном. Лежу на своем спальном мешке и думаю,

как побороть злую волю моих китайцев. В три дня нами сделано только 68 ли.

17.VI. Около полудня двинулись в путь. На горизонте миражи. Озера, леса... подойдешь – одни лишь сыпучие пески. Весь караван пахнет луком. Особенно китайцы и... верблюды, которые, оказывается, едят его с удовольствием.

На полпути останавливаемся около монастыря Духомио со священной горой. Постройки в характерно китайском стиле. Здесь пункт сбора пошлин монгольскими властями за проходящих через монгольскую территорию верблюдов. Духомио – совершенно монгольский уголок. Под тенистым деревом в несколько обхватов устроилась группа паломников в ярких лохмотьях. Вдали маячат конные монголы. Монахи в малиновых плащах и с бритыми головами снуют по монастырскому двору. Интересная бытовая картинка.

Пошлина уплачена, и наш караван двигается, оставляя за собой толпу любопытных. За поворотом исчезает монастырь, и вокруг опять тишина пустыни. Идем болотистой равниной. Навстречу едет на верблюде маленький монгольчонок с милой мордочкой. Часа через два входим в горы. Проходим карниз над обрывом, на дне которого лежат кости оборвавшихся с кручи караванных животных. Вообще, весь путь по Монголии усеян трупами и костяками верблюдов. Несмотря на свою выносливость, за известным пределом верблюд плохо выдерживает истощение и утомление. Без всякой видимой причины он падает и через час... уже мертв.

Вечереет. Над пустыней всходит луна. В полночь становимся на отдых.

18.VI. Утро. Мы с Голубиным пьем чай в обществе старой монголки, пришедшей в лагерь. В кустах поодаль расположились китайцы. Подозрительные бродяги. Сверкают белыми, как кипень, зубами и жадно поглядывают на варево наших проводников, кипящее на тагане. Еда у проводников очень простая и однообразная. Скатывается пшеничное тесто, режется на полосы и варится. Приправа – острый, похожий на кабуль, китайский уксус черного цвета и крошеные стебли лука. Так питаются проводники караванов месяцами. При всяком удобном случае чашка кирпичного чая без сахара и микроскопическая трубка табаку на пару затяжек. Китайцы-бродяги уже около костра и созерцают приготовление обеда проводников. Последние односложно отвечают на вопросы бродяг и не выказывают ни малейшего желания пригласить их к трапезе. Физиономии подозрительные, и как-то невольно ощупываешь кобуру, тут ли револьвер.

Вокруг кусты саксаула и даже целая низкорослая его роща. Сегодня в кострах – ароматичные ветки, которые горят жарче аргала.

Новый визит – на этот раз молодая монголка. Громадные браслеты в ушах. На голове какая-то шляпа с пучком лент, вроде тирольской. Недурное, но уж очень широкоскулое лицо. Монголка сидит у входа и оглядывается с величайшим любопытством. Каждая мелочь замечена и запечатлелась в мозгу. Кружка чая, горсть сухих фруктов, щепотка табаку – и широкое гостеприимство соблюдено. Выкурив трубки две, наша гостья садится на верблюда и, улыбаясь, уезжает, довольная приемом.

Вечером снимаем лагерь и двигаемся в наступающей темноте. Идем равниной. После дождей – много луж. Кроме того, и почва болотиста. Ужасная усталость. Болит спина, тело не слушается, точно чужое, деревянное. Под утро останавливаемся, пройдя 60 ли. Стоять днем в стороне от дороги, а ночью идти – это здешняя система в опасных разбойных местах. Мы это делаем, чтобы избежать дневной жары и не изнурять верблюдов.

19.VI. Просыпаюсь от невероятного крика верблюдов. На заре, еще не ложась, китайцы лечат их натертыми седлами язвы. Обливают водой и руками вытаскивают белых червей, кишасших в ранах. Прекращаю это лечение руганью и ксероформом. Верблюды в общем не злы, исключая весны, когда они свирепеют. Их оборонительное и наступательное оружие обычно шлепкий плевков в лицо. В крайнем случае – удар задней ногой, который, по величине его рычага, – страшен.

После спадания жары двигаемся в путь. Все же очень жарко. Старый дуралей свистом призывает ветер, который упорно не слушается. Жара очень сильна. Хочется пить, лечь в тень, заснуть в прохладе и отдохнуть. Дорогу переползает большой жук бледно-зеленого цвета. На бугре сидят четыре громадных монгольских ворона и покаркивают, точно держат между собой какой-то совет. Идем анфиладой маленьких площадей, заключенных в холмах. Засучиваю рукава и за это жестоко наказан. Через полчаса руки краснеют, как ошпаренные, и начинают болеть. Такова сила лучей солнца на 34-опараллели в раскаленных песках среднеазиатских пустынь. Прошли около 60 ли.

20.VI. Всю ночь не сомкнуть глаз от боли в руках. Начинается лихорадка и легкий бред. Через палатку проходит китайская процессия. Несут бумажные фонари. Так больно глазам, а гудение барабанов и резкие звуки труб нестерпимо отдаются в голове. Впрочем, это не китайцы. Крошечные дикие козы бегут мимо, и это не треск барабанов, а стук их маленьких крепких копыт о засохшую землю. Капитан "Аливи" протягивает мне заряженный винчестер – "Стеляйте, мингер, стреляйте, или будет поздно". Но как же я буду стрелять над пропастью, на этом узком карнизе. Меня неудержимо тянет вниз. Боже! Я лечу в черную бездну...

21.VI. Голубин открывает палатку. Полной грудью вбираю живительный утренний воздух пустыни. Желтеющие дали, темно-синее небо. Болезнь прошла, и я чувствую себя совершенно здоровым. Только руки как в огне. Кладу компрессы с арникой. Голубин ставит на ящик, заменяющий стол, ароматный кофе, лепешки, испеченные в аргале, точно свежий хлеб из булочной, еще горячий, масло и сыр. Не так уже плохо путешествовать.

Появляется гость. Монгольский пастух с необычно грустным лицом. Такие лица должны были быть у древних подвижников, скорбящих о человечестве. Дал мальчику все, что мог. Может быть, одинокий, и тяжело живется. Эциге байна? Эхе байна? Тиме байна! Я выучился немного болтать по-монгольски. Есть отец, есть мать? – Да, есть! Значит, уже не так он одинок.

До поздней ночи идем к перевалу через высокие отроги гор у Желтой реки. Идем весь день. Любуемся черными ястребами. Навстречу на верблюде рысит монгол. Порознь оба некрасивы, а вместе дают что-то цельное и своеобразное.

Удивительно, как проводник находит стоянки, тонко развито чутье человека пустыни. Правда, уже 30 лет ходит старик Ло Ли с караванами через Гоби. Иногда оба китайца задремлют. Караван сойдет в темноте с тропы и часами движется по целине. Проснувшись, Ло Ли отчаянно ругает верблюдов, потом долго присматривается во все стороны... и всегда выводит караван – прямо к колодцу. Иногда старик находит несколько ласковых слов для животных, и тогда он трогателен.

Прошли 72 ли. Вода в колодце соленая.

22.VI. Ветер рвет палатку с железных гвоздей. Алюминиевая тарелка катится в степь, и Голубин с трудом ее ловит.

Сильно болят руки, и я не могу себе простить своей неосторожности, а, главное, упрямства, несмотря на предупреждения проводников. Проходим автомобильный тракт Урга – Ланьчжоу. На твердой глине видны отпечатки шин. По этой дороге большевики доставляют "христианскому генералу" военные припасы и даже пушки. Никакой охраны и кордонов нет. Все оказалось сплошным враньем, так же как и запрещение монголами проходить по их территории.

23. VI. Мы вошли в Гоби. Голубин говорит о пустыне почтительно: "Могут быть и змеи, и скорпионы, ведь это не что-нибудь. Это Гоби". Громадные пространства, пересеченные грядами гор со скалистыми коридорами-проходами, русла засохших рек и пески, пески... Ястребы, дикие козы и всевозможные змеи. Население встречается редко – исключительно монголы. Они появляются внезапно, точно выныривают из-за холмов, любопытно рассматривают караван и опять исчезают на своих быстрых лошадках.

Сегодня старик Ло Ли озабочен. Колодец на намеченной стоянке сух. А вода – вопрос жизни и смерти всего каравана. На сотни километров может не быть населения, помощи и спасения. Обходимся без воды. Есть не хочется. Песок хрустит на зубах. Слюны нет, и рот сух. Голубин осунулся, и глаза лихорадочно блестят. И в довершение рот полон верблюжьего волоса. "Чтобы пройти Гоби, надо съесть десять фунтов верблюжьего волоса" – гласит монгольская поговорка. Должно быть, я уже съел его несколько фунтов, даже еще не войдя в Гоби.

Так хочется пить... Наступает полудрема. А мысли о питье. Лед. Как хорошо бы поддержать во рту кусок льда. Большой ресторан. Подбегает лакей. "Пожалуйста, прежде всего – пить". Приносят кувшин чего-то холодного, игристого... пьешь, пьешь и не можешь напиться.

Понуро сидят спутники на верблюдах. Голубин согнулся, качается, точно спит. Китайцы обмениваются короткими замечаниями, и старик пристально смотрит вдаль.

Совсем сухой рот. Воздух будто раскаленный, дыхание горячее. Хотя бы глоток воды... Надо идти по безводной пустыне, чтобы понять подвиг Александра Македонского, вылившего воду в песок из принесенного ему солдатами полного шлема.

И опять впадаешь в забытие. Маневры. Жаркий день. Не такой, конечно, – европейский. Смертельно хочется пить. В тучах пыли идут эскадроны. Гусары встречают карабинеров на зеленой лужайке, на которую втягивается запыленный полк. Кучка гусарских офицеров и сзади прислуга с подносами, на которых искрятся стаканы с холодным шампанским. Пьешь... и с каждым глотком сильнее жажда. Открываю глаза. Исчезает картина прошлого, мираж воспоминаний...

Вокруг Гоби. Страшная Гоби и затерянный в безводных песках маленький караван. Если высохли и другие колодцы, то что будет с нами? Что будет? Останавливаемся на несколько часов, пока не спадет жар. Дремота, и в ней какие-то массы воды, шумящие водопады и реки...

Караван двигается дальше. Повеяло прохладой вечера – становится как-то легче. Вокруг поднимаются горы красного песка. Навстречу идет маленький караван. Чиновник – беглец из Сучжоу. На верблюжьих седлах качаются три китайские дамы. Вода есть? Да, в нескольких ли. Колодезь полон, не высох! Наконец, дошли.

Как жадно пьем мы мутную слякоть. Пьют люди, пьют верблюды, пьет бедный Ко. Но

теперь легче идти. Наступают сумерки. Солнце садится, пробивая лучами разорванные тучи. Поднимается ветер, и холмы, точно дымом, курятся песком. Пески сменяются черной породой гальки, и в наступившей темноте придорожный обо, сложенный из камня и костей, принимает зловещий вид сатанинской фигуры.

21.VI. Хорошая вода. Стоим в роще саксаула. Всю ночь и все утро идет дождь. В полночь погода проясняется и проглядывают звезды. Двигаемся в путь. Растет цепь холмов на западе. Ветер усиливается и метет песок. Сразу становится холодно, и мы понемногу вынимаем из-под сидения шубы, которые всегда под рукой.

Горы велики. Громады наваянного песка, из-под которого торчат черные, красные и зеленые скалы.

Ветер крепнет и превращается в бурю. Солнце застилавается песком, несущимся поверх гор. Оно бледно, как месяц, с проходящими по его диску тенями. Входим в ущелье. Ветер воет, свистит и буквально рвет с седла. Веет песок на гребнях гор. И тени несутся в фантастической пляске. То крутящиеся облака песка рисуют картины отчаянного приступа – в диком беге штурмуют колонны склоны гор, веют обрывки знамен, и батальоны за батальонами избегают на валы неприятельской крепости. То будто в античной пляске, в развевающихся легких туниках кружатся хороводы грациозных женских фигур... Долго любуюсь феерией песка.

Горы очень велики, и такими маленькими кажутся верблюды нашего каравана, проходящего у их подножий. Прошли 54 ли.

22.VI. Мертвая пустыня. На стоянке вода опять горько-соленая. Нас застигает новая песчаная буря. По горам движутся желтые волны песков. Точно иголки, бьют мелкие песчинки в лицо. Горизонт ясен, там твердый грунт и ветру поднять нечего. Прошли 56 ли.

Мы все сидим в палатке. Ко просунул вовнутрь только свою милую толстую морду. Азиатский пес никогда не позволит себе вольность войти в палатку. Китайцы курят недурной табак. Трубку за трубкой. Беседуем через Голубина. Проводники рассказывают о событиях своей жизни и приключениях в пустыне. Говорят о том, как хорошо жилось прежде и как трудно теперь. Целый год, взятые в плен, оба проводника ходили в войсковых обоях какого-то воюющего генерала. Взавший Баотоу Фын хотел наложить руку на всех верблюдов, бывших в окрестностях города, но заранее узнав о намерениях "генерала", караваны отошли в одну ночь за горы...

Ло Ли обещает, что пройдем еще около 10-ти дней по Гоби и 9 вниз по реке до Сучжоу.

23.VI. Выходим с рассветом. Вокруг пустыня. Красно-желтые горы песка и быстро голубеющее темное небо, в котором появляется огнедышащее солнце. Верблюды сильно устали. Три совсем больны и еле волочат ноги. Распооряюсь снять с них выюки и вести порожняком.

За день прошли 44 ли.

24.VI. Сажу на барханах горячего песка, сняв сапоги. Это своего рода горячая ванна. С полудня опять поднимается буря. Песок забивается в платье, в еду, в волосы и между зубов.

С трудом поднимаем караван. Верблюды не хотят идти против ветра. Входим в горы и поднимаемся на перевал. Открывается величественная панорама безбрежности,

раскинутая во все стороны. Подходит большой караван с целым табуном лошадей. Он долго шел без воды. Китайцы не могут удержать лошадей, рвущихся к колодцу. Вдали проходят колонны в сотни верблюдов. Это караван, идущий на Гуйкачен.

25.VI. Жгем в палатке костер из аргала. Заедают комары. Сегодня путь пролегает через солончаки. На склонах песчаных гор закрепились кусты колючки и саксаула. Точно штурмующее войско, группами, кучками поднимаются они наверх. Так зелень завоевывает каждый шаг в песках.

Проходим рощу особого вида тополя. Насколько видит глаз – раскинулся зеленый луг. На самом деле, вблизи это редкая колючка на желтом песке. Скоро начинают появляться лужи и шумящие в ветре заросли зеленого тростника.

26.VI. Хороший тихий день. Идем с самого рассвета. Навстречу – всадник на верблюде. Оказывается, премиленькая амазонка с длинной косой. Лет шестнадцати. Туго подпоясанная, высокая, стройная, сидит она, как пришитая, в седле. Только в профиль плосковат носик; en face – прямо красавица. Посмотрели друг на друга... разъехались. Потом запела вдали низким грудным голосом. Милое видение. Может быть, явившаяся путникам фея – покровительница здешних мест.

Прошли 74 ли.

27.VI. Чудная теплая ночь. Звездное черно-бархатное небо. Стоим у родника, обнесенного каменной кладкой. Над родником висит обо, увешанное флагами и обрывками материи. Местность оживлена. Юрты, много скота, верблюдов и лошадей. Пески всюду закреплены зеленью.

Начинаются болота, зеленеют леса и заросли тростников. Проходим ручей с настоящим лугом вокруг. Мочу платок в холодной воде и покрываю им голову. Сразу освежает и бодрит. Все же очень жарко и парит.

28.VI. Равнина с ручьями, озерцами и болотами. Вдали, в голубовато-серой дымке – леса. Тянутся беспрерывно прекрасные луга, поросшие густой высокой травой. Много болотных птиц. Аромат степи – точно разлитый флакон драгоценных духов. Полоса оазиса на 7-8 километров ширины, дальше – пустыни. Прошли 60 ли.

29.VI. В палатку влезает необычно большой муравей. Жара. Питаемся исключительно кашей, компотами и чаем.

В пути все те же пейзажи. К полудню подымается ветер. Солнце меркнет. Красиво планирует ястреб в неподвижности крыльев, несомый порывами ветра. Приходим на место. На лугу, невдалеке, пасутся козы нового вида – с саблевидными рогами. Отошли 48 ли.

30.VI. Стада верблюдов на летней кормежке. Верблюды пригнаны сюда из дальних китайских городов. Верблюдица отчаянно ревет, идя за своим верблюжонком, буквально в десяти шагах за ним. Верблюд, в противоположность другим животным, на редкость некрасив в своем детском возрасте.

Жара. Два дня придется идти без воды, сделав запасы. В жару вода очень скоро тухнет в деревянных бочках.

Проходим живой и засохший лес саксаула. Дальше песчаные холмы с отвесными

склонами, образовавшимися от действия ветров постоянного направления. У камня двое лам. Один лет одиннадцати. Они свежуют барана и грузят куски на верблюда. На маленьком ламе желтый кафтан с оранжевым поясом. На голове пестрый платок. Другой в темно-синем халате китайского покроя. Поверх малиновая курма-епанча. И шляпа, вроде цилиндра, конусом – с широкими полями, синяя с малиновым подбоем. У монголов есть несомненный вкус и понимание комбинации цветов. Маленький лама ужасно важен и даже не смотрит на нас. У них прекрасные лошади, особенно хороша вороная под мальчиком.

Идем в глубоких песках. Чудный закат солнца. В нежной бирюзе неба над заходящим солнцем длинное облако. Малиновый, переходящий в фиолетовый цвет, потом оранжевый, сменяющийся золотистым. Под этой гаммой тонов черные контуры гор.

1.VII. Совсем плохо с водой. Наполнили один бак зеленоватой вонючей жидкостью. Двинулись, и сейчас же больная верблюдница начала выплясывать качучу и грянулась на землю, оборвав ноздревую веревку. Проходим местность с белыми налетами, точно выпавшим снегом. Яма будто покрыта льдом с торчащими из него кочками. Это солончаки.

2.VII. Сегодня в моем караване форменный бунт. Из лени китайцы доливают в баки с мерзостной зеленью чистую воду, вместо того чтобы сначала вылить и выполоскать баки. Приказываю Голубину немедленно заставить китайцев вылить всю воду. Разговор по-китайски. Голубин говорит, что китайцы его не слушаются и воду менять не желают. Восстание в караване. Энергичный жест: "выливай" – мотают головами: "нет, не выльем". Кошкой скатываюсь с верблюда. Секунда, и опрокинутые ногой баки выливаются в песок. Китайцы делают неуволимо быстрое движение, чтобы броситься на меня, но на них, как в ковбойском фильме, уже смотрит револьвер. "Хо, хо, хорошо", – примирительно говорит Ло Ли. Инцидент исчерпан.

Двигаемся дальше. Много диких коз. Частые рощи и отдельные деревья. Кусок Гоби, который мы проходим, по-видимому, кончается.

Прошли 44 ли. Ужинаем перловым супом с луком. Чай заварен прекрасной водой. Потом крепкий сон до утра.

3.VII. Холодное утро. Воеет буря, и горизонт весь желтый от вздымаемого песка. Мы стоим на твердом солончаке и не принимаем песочного душа. К 10 часам наступает полная тишина и нестерпимая жара. Приезжают два монгола. Седой старик и мальчик – дед и внук. Первый в серо-желтом халате и красной шапке, второй в кафтане цвета венгерской сливы и желтой епанче. Подкладка голубая. Сидя поджав ноги, они созерцают, как в театре, производимую мной операцию бритья.

Быстро сворачиваем лагерь и двигаемся в путь. Удивительно явление тишины в пустыне. Не знаю, как буду опять привыкать к суетливому шуму городов. Жара, все точно раскалено, нельзя дотронуться до вещей, лежащих на солнце. Проходим перекресток дорог Сучжоу-Хами. Образуется мираж. Морской залив, острова, местность, затопленная водой. Идем равниной. Кругом засохшие болота, на горизонте тянется полоса леса. Сзади – пустыня, мрачная, сверкающая гранями черных камней. Прошли 60 ли.

4.VII. Утром, в 4 часа утра, невероятный крик верблюдов. Китайцы их лечат, силой вливая в горло какой-то состав из горьких трав. Самое интересное в верблюде – его крик. От нежно-воркующего, жалобно-детского или вскрика истеричной женщины – до грозного

львиного рева.

Сегодня событие. Ло Ли решил вымыться в теплой воде, но не к своему авантажу. Половина прекрасного, темно-бронзового загара сходит с него как по волшебству. Из-за жары наши костюмы облегчены. Пижама, ночные туфли и шляпа, обвязанная серым полотенцем.

На половине перехода Голубин показывает мне на горизонте лес. Это берега Ельсин-Мурена. Пустыня пройдена, и Бог сохранил нас от всех опасностей, которые делают пустыни Средней Азии страшными.

Прошли 60 ли.

5.VII. Прекрасное летнее утро и бодрое настроение. Всматриваюсь вдаль, но реки что-то не видно. С утра двигаемся в путь и после полудня приходим в урочище Папот-Хе. Так жарко, что шоколад размякает и выливается из железного ящика, в котором хранится провизия. Свечи в жидком состоянии. Ястреб сверху бросается на пропитанную шоколадом бумагу. Вероятно, с высоты она ему кажется выпотрошенными внутренностями.

На западе уже непрерывная полоса леса. На юге голубеют горы, а на востоке – пустыня, которую мы прошли. Вспугиваем рысей, убегающих кошачьей виляющей побегкой. Лисица, несколько светло-желтых волков. Здесь климат много ровнее, но ветер часто горячий. Проходим старое укрепление. Глиняные стены, а в середине такая же башня с прослойкой из ветвей. Солнце садится за рощей. Веет прохладой и несется из кустов трель соловья. Резко сворачиваем на юг. Наступают сумерки, и в них, то нарастая, то переходя в нежное пьяно, звенят цикады.

Мы на реке Ельсин-Мурен. Определив пункт, я как-то непреложно понял, что нахожусь в центре Азии, что за мной много сот миль, отделяющих меня от культуры, а впереди еще большее путешествие в Тибет. Прошли около 48 ли.

6.VII. Встаю рано. Варим собранные в кружку остатки шоколада и пьем его в честь Ельсин-Мурена. Потом я иду на реку. Как хорошо было бы выкупаться. Но... разочарование. Воды в реке нет. Ширина сухого русла около четверти километра. Вокруг тишина. Косые тени деревьев, чистое небо. День обещает быть жарким. На другой стороне густая растительность. Развесистые деревья, кусты. Возвращаюсь на наш берег и сижу в рощице.

Удивительно, как люди не умеют приспособляться. Шагах в пятистах от тени и прохлады стоит караван. Вижу, как Голубин набрасывает на палатку одеяла и бараньи шубы, чтобы защититься от проникающих сквозь полотнище жгучих лучей солнца. Китайцы лежат под войлочными кошами. Сегодня и им чувствителен жар. Устраиваюсь на берегу, под тенью дерева. Лежу на прохладном, еще сыроватом после ночи песке и вдыхаю аромат тополей. Изредка веет прохладный бриз. На фоне благословенной тишины щебечут птицы. Лежу, наслаждаясь прохладой, и смотрю, как Голубин прибавляет к шубам свое ватное одеяло. Встаю и иду убедить его присоединиться ко мне. Нет, не хочет. Ему и в палатке хорошо. Возвращаюсь, но настроение сразу падает. Два следа, и один у самой подушки, брошенной на расстеленном одеяле. Следы точно от зигзагообразно проволооченных веревок. Дальше еще. Это следы змей, обратная сторона медали. Как-то решаю, что уже не так жарко в палатке, да и обед скоро поспеет... и покидаю лесок.

После обеда выступление. Сажусь на своего верблюда. Солнце уже палит меньше, но даже кошма прокалена. Следы волков через тропу во всех направлениях, дикие козы. Наступает вечер, и жара спадает. Идем точно парком, среди густой растительности. Воздух полон ароматом трав, и из чащи несется неумолчное стрекотание каких-то особых кузнечиков. Точно маленькие палочки звонко бьют друг о друга. Мелькают фонарики светляков.

В роще костры. Это лагерь китайцев, откармливающих своих верблюдов. Вода вся вычерпана. Не знаю, что бы я дал за стакан воды.

Прошли 52 ли. Останавливаемся, чтобы отдохнуть несколько часов до рассвета. Мучают москиты и жажда.

6.VII. Уходим с восходом. Идем по реке, поворачивающей на юг и протекающей через скалистый коридор. На горизонте горы – это Наньшань. Вдали в кустах волки. В ложе реки уже видны сырые места. Выше вода реки отведена арыками на орошение полей. Жара смертельная. Но мы становимся не около реки и деревьев, а в песках, для защиты от мошкеры, которая сюда не залетает. С трудом, чуть волоча ноги, иду на берег. Опять табор китайцев и выкачанная вода. А вот яма. Около нее ведра. Китайцы поят здесь своих животных. Вода замутнена, и пить ее нельзя... Выливаю на себя целое ведро... как был, не раздеваясь. Сразу становится свежо. Но не успеваю дойти десятков четырех шагов до палаток – и платье сухо. Такая жара.

Вечером выступаем. Теперь идем больше по ночам. Переходим опять автомобильную дорогу. Связь Фына с Ургой передвигается все более на запад, в зависимости от наступления северян. Дорога обозначена по сторонам нарытыми кучками земли, в которые воткнуты флажки с китайскими надписями.

В реке уже поблескивает местами вода. Зеленые ковры по берегам, кусты и леса в отдалении. Метнулся из-под верблюда заяц. Присел в десятке шагов, шевелит ушками, смотрит.

Пряный аромат ковыля. Вспоминается старая легенда. Было два брата, два монгольских хана. И дошли до одного, мирного скотовода, вести, что другой брат стал великим богатырем, завоевателем. Он послал к брату послов с приветом и просьбой не разорять его аилов – но послы вернулись не принятыми... Хан собрал совет, и тогда старый и мудрый мулла посоветовал послать к грозному завоевателю – певца с букетом ковыля. Пусть отдаст хану траву и запоет песню, которой убаюкивала мать обоих братьев. Так и сделал хан. Певец передал ковыль хану и, когда тот вдыхал давно позабытые ароматы, – запел песню, которую пела покойная мать, укачивая братьев. Задумался хан, а потом велел своим ордам повернуть назад.

Вечерами особенно сильны ароматы трав. Задумчиво смотрит месяц на засыпающую землю...

Встречается караван. Вести недобрые. И здесь поднялись хунхузы. Этого прежде не бывало в этих местах. Крестьяне с голоду берутся за разбойное ремесло. Но, говорят китайцы каравана, они не очень опасные люди. Сами боятся и не имеют хорошего оружия.

Прошли 46 ли.

7.VII. Выходим рано. Встает солнце. Иду пешком, наслаждаясь прохладой утра. Вдали большой лагерь. Заметив нас, залились лаем псы. По направлению к нам бегут три китайца. Кричат, машут руками. Опять таможня и подробный осмотр вещей, конечно, всецело из любопытства. Перерыли все. Осмотр сопровождается руганью таможенных чиновников с Голубиным. Я в стороне ожидаю окончания осмотра. Китайцы спрашивают, почему я не подхожу, и Голубин отвечает им, что я слишком "великий" человек, слишком большой хозяин, чтобы разговаривать с ними.

Продолжаем путь и через 28 ли становимся лагерем. Мы опять далеко от воды, но из дипломатических соображений я уже не трогаю проводников. Вокруг всюду пасутся стада верблюдов, пригнанных из городов на подножный корм. Пройдя еще 60 ли, останавливаемся на ночлег. Поднимается ветер. Появляются облака, наступают сумерки и становится совсем темно. Обширное поле, покрытое верблюжьей колючкой. Ветер крепчает. В двадцати шагах теряю лагерь, ища сорвавшегося верблюда, и с трудом нахожу его.

Ветер так рвет, что о постановке палатки нечего и думать, – все равно ее снесет. Тяжелый спальный мешок волочит и завертывает. Чувствую себя королем Лиром в степи. Недостает только верного Кента, шута и монолога, который я, к сожалению, не помню наизусть. В вое и свисте ветра завертываюсь в мешок и крепко засыпаю.

8.VII. Встречаемся с крестьянами. Громадная арба на крошечных быках, которых сначала не видно – точно груженная саксаулом арба катится сама по себе. Местность некрасива. Ельсин-Мурен течет в пустынных берегах. Зелени и лесов нет.

Проходим 32 ли и останавливаемся в урочище Табе – первом месте, интересном с археологической точки зрения. Река широка. По крайней мере, в километр ширины. На обоих берегах развалины китайских крепостей, запиравших когда-то течение реки. Высокие глинобитные стены в несколько десятков футов ширины. Крепостной двор с фундаментами построек. Это старина, и чудятся картины прошлого. Выросли стены, заперлись тяжелыми, кованными железом воротами. Двор полон солдат. У комендантского дома стоят часовые в лакированных панцирях, со сверкающими на солнце алебардами. Звучат резкие звуки боевых труб, и рокочут барабаны. В богатом шелковом кафтане, с вышитым на нем императорским драконом, выходит комендант...

Возвращаюсь к действительности. Голубин предлагает выкупаться. Под самыми стенами крепости – глубокий естественный водоем, полный холодной воды. Долго купаемся. Потом идем на другой берег исследовать другие развалины. Они сохранились хуже, но размерами и фундаментами совершенно соответствуют крепости на нашей стороне. То здесь, то там – лужи воды, очевидно, она просачивается из почвы.

К воде идут маленькие следы газелей. Жара нестерпимая. Спасаемся еще несколькими купаниями. Потом обед, и после него, в виде исключения, кружка кофе с консервированным молоком.

Выступаем вечером. Я иду пешком. Перед нами мертвая равнина с цепью гор на горизонте. Поднимаемся на гору, и сразу за ней полоса зелени, рощи тополей, луга и леса. Издали видны многочисленные деревни с чистенькими постройками. Но вблизи это большей частью развалины, разрушенные и покинутые хозяевами. Есть такие, которые в порядке, и около них видны китайцы. Постепенно население становится гуще, а деревни сливаются в одно поселение, тянувшееся километры за километрами.

Ночью проходим мимо таможни. Это Тхей-Хо. Всем нам надоели таможни и чиновники. Наши китайцы подвязывают колокола, и мы в темноте минуем ворота. Тявкнула собака, отозвалась другая. Что-то кричат, спрашивают из-за стены. В полном молчании и без ответа скользит мимо караван. К тому же чиновники, вне сомнения, накурились опиума и спят крепким сном. Благополучно минуем таможню.

Черная ночь. В двух шагах ничего не видно. Начинается гроза, уже давно сверкавшая зарницами. Раскатывается гром, и молния ослепляет на мгновение своим белым светом. Новый раскат, новая молния. Она освещает дорогу, и стены, и листву деревьев за ними. Выхватывает из темноты черное окно фанзы, заросль тростника на пруду... и гаснет. Новый блеск. Освещается кумирня с лесенкой и в ней молочно-белая фигура какого-то божества.

Дождя еще нет – но зловеще низки тучи. Сверяюсь при свете молнии с часами – прошли 88 ли. Сходим с дороги и становимся на каменистом пригорке. Только что поставили палатку, как хлынул дождь.

9.VII. С утра идем по той же бесконечной деревне. Глубокий колодезь, почему-то на самой дороге. Между группами фанз прекрасно обработанные поля, культура мака для опиума, ячмень, пшеница, горох. Лица крестьян дикие. Косматые длинные волосы обрамляют загорелые лица. Они копаются в арыках со светлой водой, стремящейся в быстром течении. На нас нападают комары. Особенно мучают они верблюдов. Шаг их все ускоряется – они почти бегут. Входим в горы, и маленькие кровопийцы понемногу оставляют нас; таких больших комаров мне еще не приходилось видеть.

Вокруг опять пустыня. Через каждые 5 ли развалины сторожевых башен с двориками в высоких стенах. Этих башен целая система. Когда к границам Китая подходили кочевники, на башнях зажигались дымы-сигналы. Поднимается солнце. Темно-голубые тени ложатся по склонам гор, и башни отбрасывают их на дорогу. Дорога подходит к реке, и опять повсюду зелень. Вдали постройки. Оттуда скачут на ослах какие-то китайцы. Они подъезжают к Ло Ли, что-то спрашивают – но старик не отвечает. Глаза его подняты к небу, а губы шепчут молитву. Так же набожен его помощник. Физиономии китайцев скверные. Особенно одного, с бычачьей шеей. Китайцы начинают кричать. "Что Вам нужно?" – еще грубее спрашивает их Голубин. "Чьи верблюды?" – "А вам какое дело? Мои!" Китайцы останавливаются и пропускают караван. Долго о чем-то говорят и потом медленно едут к группе домов. "Таможенные солдаты, – говорит Ло Ли, – хотели взять у нас верблюдов. Если бы не вы – взяли". Былой престиж европейца все же еще силен, и китайцы не решились у нас реквизировать, для собственных надобностей, конечно, верблюдов. Фактическими властителями современного Китая являются мелкие чиновники, солдаты и хунхузы. Бесправие и произвол здесь полные.

Сегодня прошли 78 ли. Впереди ясно вырисовываются снеговые горы. Они уже за Сучжоу. Всюду возделанные поля. Хорошие крестьянские дома, небольшой храм выдержанной китайской архитектуры. Много посевов льна. Попадаются сады с грушевыми, яблочными и персиковыми деревьями.

На стоянке крестьяне приносят первые овощи: редиску и китайскую капусту. Поэтому у нас к обеду свежие щи – отдых от консервов, и редиска с маслом. Это невероятная роскошь.

10.VII. Сажусь на верблюда. Седло плохо стянуто, свертывается, и я падаю с высоты 7-ми

футов на твердую высохшую землю. Могло бы кончиться плохо, но отделяюсь только ушибом руки. Представить себе перелом – даже без китайских докторов... Верблюжье седло не подтягивается подпругами. Сквозь него просунуты по бокам две палки, приходящиеся по сторонам горбов. Спереди и сзади они стягиваются веревками, и таким образом как седла, так и грузы держатся исключительно на горбах животного.

Проходим феодальный замок. Стены с бойницами. Ворота, которые можно защищать сверху, и глинобитная башня для обозрения окрестностей. Это поместье богатого крестьянина. Население как будто живет с достатком, но отовсюду жалобы на высоту налогов, а особенно на принудительный посев мака по распоряжению генерала Фына.

Сегодня за обедом впервые компот из свежих абрикосов. Китайская капуста горькая, и ее надо сначала вываривать.

Сильно болит рука. Мажу ее остатками йода и кладу компрессы холодной воды – колодцы и ручки здесь в изобилии.

К вечеру приходим в китайское местечко. Точно картинка из восточных сказок. Стена с бойницами, низкие ворота, стража с громадными изогнутыми саблями. Кривыми оживленными улицами идем на маленькую площадь с находящимся на ней лидином – таможеней. Паспорта! Голубин их не дает и ограничивается карточками. Пока идут переговоры, собирается толпа. Ею запружена вся улица. Какой-то старик поскользнулся и упал под верблюда. Все верблюды, кстати сказать, удивительно трусливые по природе, шарахаются. Крики, визг... Начинается дождь, который кончает таможенную процедуру и разгоняет толпу. Площадь сразу пустеет. Наш караван огибает площадь и теми же улицами уходит из города. Часовых у ворот уже нет. Дождь прогнал и их.

Останавливаемся за городом в степи. За канавой, непосредственно у лагеря, городское кладбище. Дождь льет не переставая. В палатку влезает нищий. Нет никого назойливее китайского нищего. Если выдержать и не дать ему ничего – то он, может быть, и уйдет. Но если дать мелкую монету или хлеба – он не отстанет и усилит свои причитания. На наше предложение уйти – нищий отвечает, что никуда не уйдет. Несколько ударов по чем попало, и взбешенный Голубин выволакивает нищего из палатки. Последний притворяется мертвым, убитым и неподвижно лежит у входа. Но дождь делает свое дело. Нищий встает и бежит по направлению к городу.

11.VII. Входим в предгорья через извилистый проход между скалами, точно искусственный. Из ущелья выходим к реке довольно быстрого течения. Глубина порядочная. Поводыри стоящего на другой стороне реки каравана показывают брод. Верблюды не любят воды. Каждого приходится отдельно сводить с крутого берега и толкать в воду.

Расходятся тучи, и перед нами совсем близко снеговые горы Наньшаня, освещенные солнцем.

12.VII. Сегодня последняя остановка в поле. Завтра Сучжоу, до которого осталось 30 ли. Ввиду того что и здесь может быть реквизиция верблюдов, Ло Ли хочет войти в город с рассветом, когда только что открываются ворота и чиновники еще спят.

Становимся на самом сухом месте. Почва болотиста, а кроме того уже много дней идет дождь. К палатке приходят крестьяне, садятся на корточки и смотрят на нас. Идут расспросы, откуда мы, зачем едем и что делается в Пекине. Потом крестьяне

рассказывают, как им плохо живется. Налоги, всех пригодных для военной службы хватают и отправляют к Фыну. Еще хорошо, что пошли дожди и выправили посевы. А то уже ждали голода...

Ло Ли просит позволения войти в город на пяти верблюдах, а остальных оставить пока здесь. Завтра выходим еще в темноте. Поэтому рано ложимся спать. Я никак не могу уснуть из-за боли в руке. Но усталость берет свое.

13.VII. "Пора вставать! – Да, да, сейчас". Бодро вскакиваю с сознанием, что сегодня последний переход, последний день пути. В Сучжоу ждут известия от Н.К.Р. А там и соединение со своими, после долгого томительного одиночества. И как это хорошо.

Еще темно. В сумраке силуэты лежащих у палатки пяти оседланных и погруженных верблюдов. Остальные отогнаны к реке. Быстро сворачиваем палатку. Кружка чаю, лепешка, спеченная в золе, – и мы готовы. Сажусь на эшафот, водруженный на Лери, самого молодого и сильного верблюда. По обе стороны горбов, почти на их высоте – два одинаковых чемодана. На них настилаются кошмы, покрываются шубами и сверху брезентом. Все перевязывается веревками. Двигаемся, и место последней стоянки исчезает в темноте.

Путь опасный, к нему "корабли пустыни" не приспособлены. Скользко и вязко. Ноги верблюдов разъезжаются в стороны. Передний поскользнулся и упал, чуть не придавив проводника. Идем по краям полноводных арыков, через мостики с дырами и гнилыми досками. Понемногу светает. Вся местность, как губка, напитана водой. Мои Лери все время скользят на своих мягких подошвах, и в каждый момент может последовать катастрофа. А я уже знаю, что такое падение с верблюда. А тут еще в арык...

Местность удивительно хороша. Пржевальский определяет Сучжоу как цветущий оазис. Почти субтропическая растительность. Богатые посевы и громадные сады. Глаз отдыхает после пустынь на изумруде лугов и древесной листвы. Много тополей, орешника и китайских финиковых деревьев. Кричат фазаны. Большие белые птицы, похожие на пеликанов, важно смотрят на нас. Журавли шагают по болоту, охотясь лягушками, и какая-то незаметная пичужка звонко поет свою утреннюю песню.

Переходим небольшую речку, потом ручей. Проходим деревню, и ... перед нами вдали Сучжоу. Весь в зелени садов, он розовеет своими белыми стенами в первых лучах восходящего солнца. За городом гряды снеговых гор с курящимися над ними облаками.

Идем по дороге, обсаженной деревьями, и наконец подходим к ородским стенам. Ворота уже открыты, и около них никого нет. При дороге могила – домик с православным крестом над крышей. Здесь похоронен русский генерал Щербачев, Губернатор дал слово уезжавшей жене генерала, что будет заботиться о могиле. Его преемник взял на себя обязательство предшественника. Могила в полном порядке.

Въезжаем в дунганский город. Он расположен в старых стенах. Китайский примыкает к нему. Дунгане – китайцы-мусульмане. Они держатся отдельно от китайцев, презируют их и изредка устраивают восстания, подавляемые с беспощадной жестокостью генералами из Пекина.

Останавливаемся на постоялом дворе местного ахуна – старшины, старого приятеля Голубнна. Собираются чиновники таможни. Прибегает старичок, начальник полицейского участка. Он узнает Голубина. Мы здесь "знакомые люди" – и все формальности сразу

кончаются. Через четверть часа остаемся одни. Ло Ли уводит верблюдов. Нам спешно приводят в порядок помещение. Дунгане гораздо чище китайцев, и помещения постоянного двора сносны. Наш завтрак: огурцы, редиска, чай и чудный хлеб. Плоский, прекрасно выпеченный и еще теплый. Голубин приносит, по случаю прибытия в Сучжоу, большую коробку сардин, которую он берег для торжественного случая.

Первая часть путешествия закончена. Сучжоу, провинция Ганьсу. Я до него дошел.

Наше помещение, конечно, не похоже на номера современной европейской гостиницы. С двух сторон маленькой передней – две фанзы. Три четверти каждой занимает *кан*, то есть возвышение, под которым проходит примитивное отопление, в холода нагревающее его и частью воздух над ним. Кан покрыт циновками. Всюду толстый слой пыли. Через сломанную крышу видно небо. Каждый расстилает в своей фанзе кошмы поверх циновок, и помещения принимают более или менее жилой вид.

Отдохнув, идем в сопровождении сына хозяина на почту. По дунганскому предместью идет трамбованная дорога, с лавками по обе стороны. Они в одноэтажных домах, а иногда просто под навесами. Встречаются и двухэтажные дома с балконами. Дальше китайский город. Длинный туннель ведет под стеной в равелин. Очень красивы ворота, окованные железом и снабженные замками, как их, вероятно, делали столетия тому назад. Китайский город оживлен. Улицы полны народом. Грузные ослики, арбы на быках, изредка верховой на муле. Проходят солдаты в мундирах-кофтах и матерчатых шляпах со сборками, похожих на те, которые носят во Франции бонны.

Так как через Сучжоу проходило много русских из интернированных в Китае белых отрядов, а потом приезжали скупщики мехов, то к европейцам присмотрелись и к ним особого любопытства не проявляется.

Через улицу перекинута арка с растущими на ней деревьями. Не доходя арки – почтовая контора. Окошки отделений прямо под навесом на улице. Сам почтмейстер любезно протягивает мне письмо. Это письмо от Н.К.Р. В нем мне указывается перевалить через Наньшань и идти на Чан-Мар и Шибочен, на урочище Шарагольжи, где людьми дружественного монгольского старшины Мачена мне будет указан дальнейший путь к лагерю экспедиции, расположенному у гор.

Назад идем дорогой вне городских стен. Далеко тянутся изумрудные поля. Сверкая, бегут между ними воды целой системы арыков. Дорога затенена аллеей тополей. Крестьяне везут в корзинах, перекинутых через осликов, целые горы овощей. Идут арбы на быках, груженные сеном и дровами. Вернувшись домой, получаем новое сведение. Недели две тому назад в Сучжоу приезжал европеец в сопровождении вооруженных карабинами монголов и справлялся о моем прибытии.*

Пьем с Голубиным чай. В дверях начинается какое-то поскребывание. Потом дверь приоткрывается и в фанзу заглядывает существо необычайной худобы, в синем длинном халате и такого же цвета матерчатом цилиндре с широчайшими полями. На плече коромысло с двумя корзинами. Это – китайский священник, он же и врач. Он приносит в подарок вязанку дров и предлагает всевозможные услуги, начав с предложения достать какой-то сладкой водки. Узнав, что у Голубина болит голова, он быстро и со значительным видом вытаскивает из-за пазухи синий же матерчатый портфель с сотнями булавок разных величин. От самой тонкой, швейной, – до той, какой крючники зашивают мешки. Несколько уколов в лоб, и Голубин будет здоров. Врач тщательно начинает подбирать

иголки... С трудом отбиваемся от услуг назойливого врача, очевидно рассчитывающего всеми способами нажиться от иностранцев. Он дает мне талисман из воска. Я отвечаю цветными карандашами. Прием сух, и бонза, повертевшись еще несколько минут в фанзе, исчезает, видимо, недовольный результатами своего визита.

Перед сном люблюсь снежными вершинами Наньшаня, такими красивыми в нежно-розовом отсвете вечерней зари.

Рано ложимся и засыпаем как убитые.

14.VII. С утра Голубин приступает к переговорам о средствах дальнейшего нашего передвижения. Вопрос пока трудный, так как денежный перевод из Баотоу до сих пор не пришел, а сумма, которая у нас на руках, сравнительно невелика. Кроме того, благодаря страдной поре, лошадей достать невозможно. Посоветовавшись с аборигенами, решаю идти на Шарагольчи не через Шибочен, а почтовой дорогой на Китайский Туркестан до городка Ю-Мэнь и дальше через горы на Чан-Мар. Самый лучший способ передвижения – на колесном экипаже, китайской мафе. Голубин ведет переговоры в этом направлении, но до сих пор результатов еще нет.

15.VII. Днем идем на телеграф. Он за городом. Это дом, окруженный большим садом. По стенам вьется виноград, подымается вверх и по деревянным переплетам образует зеленые потолки над дворами, ведущими к дому. Любезно встречают нас на телеграфе. Сажают на почетное место и предлагают чаю. В это время аппарат начинает работать. Чиновники в волнении. Со двора набиваются любопытные. Сообща читает весь состав телеграфа выпрастывающуюся из аппарата ленту. "Вам телеграмма из Баотоу", – мне торжественно вручают телеграмму. Вероятно, денежный перевод. Значит – все в порядке. И каково мое разочарование. Это та, которую два месяца тому назад я сам отправил в Сучжоу для Н.К.Р. с сообщением, что я выезжаю. На всякий случай телеграфирую, спрашиваю, высланы ли деньги... но только для очистки совести.

По жаре вернулись домой. Сажу у окна в пижаме. К воротам подъезжает закрытая мафа с навесом из той же материи над лошадьё. Во двор вбегает солдат и что-то кричит неистовым голосом. У ворот собирается толпа, которую другой солдат разгоняет палкой. Из-под балдахина вылезает худощавый китаец и, почтительно сопровождаемый старичком-приставом, идет во двор. Очевидно, большое начальство. Голубин прислушался к крику: "Это губернатор, – говорит он, – приготовьте паспорта". Встречаю Его Превосходительство у дверей и прошу войти. Происходит обмен любезностями. Угощаю губернатора коньяком. Китайский сановник начинает издали и подходит к вопросу паспортов. Голубин показывает свой и отдельную визу-фуджау на Ганьсу. Я даю паспорт и маневрирую фуджау на Шаньси, не выпуская бумаги из рук. Но губернатор совершенно удовлетворен. Он больше не хочет ничего смотреть: "Я думал, что вы военные, а оказывается, вы коммерсанты, это очень, очень хорошо", – радуется он. Губернатору подносится десять фунтов сыру в герметической укупорке и передается слугам, стоящим в дверях. "Семья... А, у Вас есть сын? Вы говорите, три года?" Для сына находится игрушка-стереоскоп. Деловой визит администратора окончен. Губернатор строго выговаривает хозяину за грязь и приказывает немедленно заделать потолок. Мне он предлагает караул солдат, что я с благодарностью отклоняю. Со всякими любезностями губернатор покидает двор. За ним несут мой подарок. Экипаж отъезжает, ворота закрываются на запор.

Вечером беседуем с хозяином. Разговор переходит на политические темы. Из его слов

ясно, что в Сучжоу никакого большевизма нет. Все хотят жить, как жили. Генерал Фын далеко. Его штаб в Нинься. Генерала ругают за налоги и наборы солдат. Смененная администрация ушла. Новая отличается от старой только еще большим усердием в наполнении своих карманов. Вообще, Сучжоу тихий, мирный уголок, в котором живут так, как жили столетия тому назад.

К нашей фанзе приближается шествие. Слуги губернатора несут ответные подарки. Жареные курицы, баран, вареный в каких-то пряностях, и сласти. Я одариваю слуг папиросами, и они уходят, не поворачиваясь спиной, отвешивая глубокие поклоны.

15.VII. Сегодня делаю визит губернатору. У ворот – часовой с мечом, приставленным, впрочем, к стене. Увидев нас, солдат берет его в руки и становится "смирно". Нас встречают на пороге вчерашние слуги и торжественно высоко над головой несут мою визитную карточку, предвеляя мое шествие в сопровождении Голубина, сына хозяина и двух чиновников. Проходим несколько дворов, затененных листвой многообхватных деревьев. В последнем дворе идет заседание суда. Председатель в классической позе судьи, опершись локтем на ручку кресла, задумчиво слушает быстрое бормотание секретаря. Обвиняемый, истец и свидетели стоят на коленях перед судейским столом... Боковой ширмой проходим в приемную губернатора. Глубокий кан с ковром и подушками. Смешанная европейская и китайская мебель. Все старое и потрепанное. На стене прибита гвоздями реклама odol'я – дама, сверкающая белизной зубов в очаровательной улыбке. Входит губернатор. Четверть часа любезной беседы и несколько миниатюрных чашек ароматного чая. Приведенный маленький сын губернатора боязливым поклоном благодарит меня за подарок и жмется к отцу. На пороге появляется даже сама губернаторша, и мы обмениваемся с ней поклонами. Очевидно, подарки понравились и установлены дружественные отношения. Пользуюсь перерывом затухающего разговора и встаю. Голубин, конечно, не мастер дипломатических и салонных бесед. Губернатор, несмотря на все протесты, идет провожать нас. В одном из дворов с воплями бросаются перед сановником на колени крестьяне. Очевидно, это апелляция – следствие приговора суда. Солдаты хватают крестьян за шиворот...

Мы опять в жаркой улице, политой водой. Взад и вперед снует народ. В маленькой кумирне, окруженной любопытными, хрипит граммофон; на фоне этого хрипа визжит голос какой-то китайской знаменитости вокального искусства. Кричат разносчики, оглушительно стучат молотки в лавке бондаря, и весь шум покрывает отчаянный крик. А издали доносится глухой рокот барабанов. На площадке, окруженной душистыми тополями, у ступеней белого храма идет представление Фокусников. Один из них, с умным, гладко выбритым лицом, острит над зрителями, плотным кольцом обступившими круг, и каждое его слово вызывает взрыв хохота. И сколько сходства в этом фокуснике из Сучжоу с гаером древнего Рима с фресок Помпеи. Гроздь мальчишек на деревьях, нотабли города на ступенях храма... А надо всем темно-синее небо юга и плывущий в тихом воздухе аромат тополей. Бьют барабаны; гаер вертит трезубцем, который, звеня прикрепленной под навершием медной тарелкой, точно извивается в быстрых движениях вокруг его тела. Потом трезубец вдруг точно выскальзывает из рук фокусника и останавливается буквально на волосок от лица отпрянувшего назад зрителя. Другой фокусник подбрасывает вверх на пару сажень острое тяжелое копьё... и подхватывает его на вершок от глаза закинутой головы. Верность руки, расчет или... смерть. Змейки вползают в рот и выползают из ноздри одного из маленьких акробатов труппы. Быстрее бьют барабаны, труднее становятся номера и ловкость акробатов поразительнее. Около барабанщиков мирно спят два славных тибетских медведя. Сборы идут туго. Тогда гаер

ударяет маленького акробата по лопатке и быстрым движением выворачивает ему сначала одну, а потом другую руку. Концы костей стягивают кожу. Морщась от боли, ребенок осторожно становится на колени. На землю падает несколько медяков. Гаер отчаянно ругает толпу. Тяжелый хлеб.

Даем доллар и уходим с Голубиным в сопровождении любезного старичка, который, очевидно, взял на себя роль чичероне. Он ведет нас в здание, в котором нас охватывает темнота и прохлада. Это храм. Во тьме намечается громадное лакированное изображение Божества. По боковым стенам за балюстрадой сотни грубых фигур, изображающих загробные муки грешников. Кровь, огонь и хохочущие дьяволы. Обойдя храм, спускаемся по лестнице в чахлый сад. В нем ресторан с клетками вместо отдельных кабинетов. Все полно. В некоторых – исключительно компании дам, что обычно в Китае. На противоположном конце сада большая открытая сцена, с которой несется звон и грохот китайского оркестра. Мальчики в потрепанных старинных костюмах изображают древнюю трагедию. Исключительно диалог или монолог. Диалог часто сопровождается маханием меча или грозными выкриками. Тогда это кровавый бой двух армий. Китайский театр своеобразен. Например, актер с конским хвостом изображает конного вестника; два стула с перекинутой поверх доской надо понимать как ворота города. В Сучжоу театр провинциальный. В Пекине театры гораздо лучше. Там играют знаменитые актеры и актрисы, а костюмы часто прекрасны и исторически выдержаны до мельчайших деталей. Посмотрев несколько минут на актеров, с пафосом говорящих друг другу длиннейшие тирады, мы двинулись к выходу.

Толпа по дорожкам велика, но очень величава и степенна. Обычное китайское любопытство при виде европейцев совсем не проявляется. Только потом поворачиваются и смотрят. Проходим около веранды рама. На ней стоят седла, покрытые тонким сукном. Это седла богов для совершения ночных поездок.

Сегодня, точно красочная картина, прошли перед моими глазами видения Китая, каким он был прежде, – жизнь Сучжоу, отрезанного от центров тысячами миль. Эта жизнь – уже уходящее в небытие прошлое, и я, вероятно, один из последних путешественников, наблюдающих его. Рельсовый путь прорежет пустыни, появятся пассажирские самолеты, и исчезнет очарование таких еще пока нетронутых уголков, как Сучжоу.

In pace requiescat. (Да почует в мире).

16.VII. С утра обсуждаем с Голубиным положение. Перевод денег из Баотоу еще не сделан. Очевидно, переводное письмо никак не может пройти через фронты гражданской войны, перерезающие почтовый тракт Нинься, Ланьчжоу, Сучжоу. Наше решение выливается в форму – так или иначе необходимо добраться до указанной в письме стоянки Н.К.Р. Голубин идет со мной дальше, хотя его обязательство сопровождать меня уже окончилось в Сучжоу. Так как из-за отсутствия лошадей указанный путь через горы напрямик невозможен, то мы идем по большой Императорской дороге на Китайский Туркестан до города Ю-Мэнь и уже оттуда через проходы по Наньшаню спустимся через Чан-Мар на урочище Шарагольжи. Ахун устраивает нам перевозочные средства до Ю-Мэня за 12 китайских долларов (китайский доллар – 50 американских центов). У фанзы появляется хозяин нашего будущего экипажа – величайшей хитрости тщедушный китаец. После нескончаемых традиционных споров и нескольких попыток надуть Голубина переходят к условиям платежа. Китаец хочет взять деньги вперед. Это вызывает хохот Голубина, смеется собравшаяся толпа, смеется сам плутоватый "арматор". Он получает законный задаток. Все улажено, завтра в путь.

17.VII. Много вещей брать с собой нельзя. Отбираем нужнейшие. Палатка и все, что служило нам в караване, – остается. Остается и часть моего багажа. С собой идет только самое необходимое и запаковывается в перекидные седельные сумы из плотной материи. Чемоданы, приспособленные на верблюдов, предназначаются к продаже.

К вечеру во двор вкатывается двуколка на огромных колесах, покрытая дырявым навесом из крашенного в синий цвет холста. Упряжь рваная, отчасти на веревках. Везут ее старая белая лошадь и очень умная, но злая мулица, состоящая в трогательной дружбе с лошадыо. Кучер – великан-китаец с хорошим, располагающим к доверию открытым лицом. Начинается укладка. Багаж увязывается снаружи по бокам и сзади. Внутри для меня устраивается уютное гнездо из кошм, мягкое и закрытое со всех сторон. После спешного обеда на закате покидаем город. Спускаемся через ворота дунганского предместья за стены и едем круговой дорогой, вновь трассированной и обсаженной молодыми саженцами. Хозяин экипажа некоторое время сопровождает нас на понурой, худой кляче.

Полосой проходит дождь... и опять светит последними косыми лучами прячущееся за горизонт солнце. Капли сверкают на свежей зелени, и чудесно пахнут тополя с недвижными в тихом вечернем воздухе пирамидальными вершинами. По сторонам дороги тянутся поля. Зелень ячменя и пшеницы, бело-красная пестрота маковых полей.

Шедший пешком Голубин присаживается на оглоблю. На другую примащивается китаец, большую часть пути идущий около своей запряжки гуськом. Впереди мулица, сзади лошадь. Кучер хорошо обращается с животными. Он ни разу не бьет их своим длинным бичом. Только щелкает – и животные, понимая данный знак, видимо напрягаются изо всех сил. Переходим русло громадного полувысохшего Пей-Хо. Небо темнеет, хмурится. Сверкают молнии. Первый порыв ветра обрушивается на нас, за ним второй, третий. Гнутся деревья, и по воздуху несутся оборванные листья. Еще порыв – и все исчезает в надвинувшейся песчаной завесе с мелкими камнями, бьющими в лицо. Вокруг тьма. Китаец поворачивает двуколку по ветру, который, налетая, сотрясает ее до основания. Под колеса положены камни. И я сразу оцениваю и новое средство передвижения, и свою кабину. В моем войлочном гнезде тихо, тепло и уютно. Понемногу одолевает дрема. Сквозь сон чувствую, что мы снова пришли в движение.

18.VII. Просыпаюсь на рассвете. Стоим. Выглядываю из двуколки.

Какая красота. Перед нами, в бледных лучах исчезающей луны – крепостные ворота в строго китайском старом стиле. Окованные железом причудливого рисунка запертые ворота; грозная башня, завершенная колокольчатыми крышами, и высокая стена с зубцами. Какая бы это была декорация... И я досыта люблю картину. Мы перед крепостью Чай-Ге, плацдармом, запирающим великую китайскую стену по дороге на Хами. По долине, потом по горам извивается стена с башнями и пропадает в дальних скалах. Еще рано, и крепостные ворота заперты. Китаец начинает стучать рукоятью бича в железную скобу. Но стук его необычайно нежен. Китайские солдаты грубы и бесцеремонны со своими согражданами. Молчание... Голубин стучит по-настоящему, но тот же результат. Тогда он просовывает руку в щель и что-то нащупывает. Дрогнув, тихо распахиваются ворота, и мы с грохотом въезжаем в крепость. Нигде никого. Гарнизон, если он и имеется, спит крепким сном.

У самых ворот постоянный двор. Выходит заспанный хозяин. Мы быстро вынимаем багаж, стелем кошмы на канах двух довольно грязных помещений и ложимся спать.

19.VII. Одиннадцать часов утра. Холодно. На дворе мелкой сеткой моросит дождь. Голубин готовит обед: макароны с консервами ветчины, огурцы и редис.

В стенах крепости маленький глинобитный городок. Обветшалый храм, доска правительственных распоряжений и место казней на небольшой площади. Льет дождь – улицы пусты.

Часа через два двигаемся в путь. И по дороге через Чай-Ге – зрелище печально. У казенного учреждения с позабытыми над ним императорскими драконами сидит солдат-часовой с мечом на веревке. Он лениво оглядывает наш экипаж и опять погружается в апатичный покой.

У ворот на Хами – лидин. Остановка, и две головы таможенных чиновников заглядывают ко мне. Они улыбаются, увидев вместо контрабанды "заморского черта". Отступают босоногие солдаты, и мы минуем ворота. Можно ехать спокойно. Таможни, солдаты, чиновники и паспорта – все кончено. Перед нами небольшой кусок дороги и... пустыни Центральной Азии. Из ворот местность сразу понижается. Крепостные верки лепятся в скалах. Над воротами мраморная доска и на ней китайская надпись золотом.

Мафу начинает потряхивать, и ее качает во все стороны. Дорога ужасна. Дождь льет, и небо затянуто тяжелыми тучами. Нам навстречу едет другая мафа, гораздо больше нашей, с упряжкой в четыре лошади. Несколько конвойных с ружьями окружают ее. Большие люди на крошечных лошадаках. Мы разминулись. Голубин и китаец затягивают песни. Один – свой любимый мотив, старый "па де катр", другой просто воет. И удивительно, что певцы совсем не мешают друг другу.

К вечеру появляются деревья и мелькающие между ними строения. В темноте вкатываем в улицу и круто поворачиваем во двор. Это деревня Гуй-Ху-Пу. Устраиваемся в фанзе. Хозяйка помогает Голубину, и скоро, поужинав, предаемся заслуженному отдыху.

20.VII. Просыпаюсь рано утром. Мы на большом постоялом дворе. По стенам тянутся фанзы для приезжающих, двери которых закатываются совнутри глиняными кругами вместо ключей. На этот раз всюду довольно чисто. На канах опрятные целые циновки, и двор старательно выметен. У ворот кухни, в которой живут хозяева. Очаг со вмазанным котлом, унитарным для всех варок. Выхожу за ворота.

В десятке шагов звенит по камням прозрачный горный ручей. У стены старого китайского форта роща абрикосовых деревьев. За ним пустынные холмы, а дальше в своем снежном уборе поднимается громада Наньшаня. Моюсь у ручья в окружении молчаливо созерцающих меня любопытных. Это обычное явление стало так привычно, что нисколько не стесняет. У Голубина готов обед, и он зовет меня. Американские мясные консервы, огуречный салат и чашка крепкого кофе. С порога голодные псы жадно хватают остатки. На кривых ножках ковыляет к двери крошечный китайчонок с невероятно грязной мордочкой. Любопытно, во все глаза смотрит он на нас и получает большую белую булку, превратившуюся в сухарь. После обеда беру кусок розового шелка и иду в старую крепость, из-за стен которой виднеется крыша кумирни. Открываю ворота и вхожу в равелин, с которого обстреливался подступ ко вторым воротам. Через них видна внутренность крепости. Вся площадь большого крепостного двора засеяна. Наливаются колосья прекрасной пшеницы. Дальше огород. От ворот тропа ведет к кумирне, стоящей в глубине и полузакрытой деревьями. В стороне – домик, вероятно, бонзы храма. Вполоборота вижу, что за мной следят. Недалеко от храма начинается площадка,

выложенная каменными плитами. В самой кумирне две фигуры небесных стражей больше человеческого роста, из папье-маше, по сторонам деревянного жертвенника с железными подсвечниками. За ним фигура божества в сидячей позе и с шаром в руке. Лица стражей в невероятных, пугающих гримасах. Зову знаками следящего за моими действиями китайца, и мы соединенными силами открываем тяжелую решетку двери храма. И тогда я кладу на жертвенник у подножия божества свой дар, и мы с китайцем улыбаемся друг другу. Домик бонзы заперт. Его, очевидно, нет дома.

Иду на прогулку через деревню. У ворот дома зажиточный китаец, прощаясь с семьей, садится на лошадь, которую держит работник. Китайки сидят у порога фанзы и шьют, быстро тараторя между собой. Идут на работу крестьяне в широкополых соломенных шляпах с мотыгами на плечах. У ручья – кирпичный завод – смачивают глину, кладут в формы и раскладывают на солнце. Дети пускают щепки на ручье и смотрят, как, крутясь, они быстро уносятся течением.

На дворе извозчик запрягает мафу, а Голубин выносит из фанзы багаж. По словам хозяина постоялого двора, дальше дорога довольно опасная. В глухих местах, как он говорит, местные жители иногда нападают на проезжих, бросая предварительно камни с горных отвесов. Думаю, что все же трусливые крестьяне не решатся напасть на европейцев, тем более что всегда предполагается, что они хорошо вооружены. Около ворот на камнях – целое сборище. Маленькие глазют на наши сборы, взрослые объясняются знаками, рассматривают добротность нашего платья и спрашивают, показывая на мой револьвер, сколько я могу убить человек. Десять – отвечают пальцы моих рук. "Шанго, шанго, – говорят они, – это очень много". Так мимикой наладился оживленный разговор. Все готово. Мафа выезжает под щелканье бича, и мы покидаем деревню.

Для прогулки иду пешком за мафой и рукой посылаю прощальный привет толпе, которая отвечает мне тем же самым и дружелюбными возгласами. Вокруг оазис деревни. Потом голые скалы предгорий. Сомкнутым поясом окружают Гуй-Ху-Пу возделанные поля. Удивительны арыки, канавы, орошающие их. Впечатление, что вода в этих арыках течет вверх. Голубин подтверждает, что это так. Китайцы великие мастера в области орошения полей, и течение воды вверх основывается у них на давлении ее в нижних коленях арыка. То там, то здесь между горами видны пространства зелени и рощи с глинобитными постройками деревень. Дорога спускается среди полей в овраг с бегущей по дну его речкой и опять выносится вверх. Потом пролегает между холмами, и местность становится пустынной. На пригорке последний отзвук цивилизации – телеграфный столб сучжоу-хамийской линии. И откровенно говоря, я с нетерпением жду, когда окончательно исчезнут эти вехи культуры и мы станем перед лицом пустыни. Спускается мрак... Под стук колес и мерное колыхание арбы я крепко засыпаю.

21.VII. Проехали всю ночь. Рано утром въезжаем на постоянный двор Чи-Тин-Ся. Это развалины громадного караван-сарая. Он совершенно пуст. Фанзы обвалились, конюшни без крыш. Из-за гражданской войны движения из богатого Китайского Туркестана нет, и торговля оборвалась. Устраиваемся на отдых. Застилаем остатки канов кошмами и завешиваем двери сукном. Засыпаю в приятной полутьме. И сквозь сон слышу, как звенят своими шейными бубенчиками наши лошадь и мул.

После недолгого сна выхожу на двор. Наблюдаю, как животные ходят за извозчиком, суют ему в руки морды и, наконец, успокаиваются на решетке травяной резки. Сами китайцы едят мало – но и зверей тоже кормят в миниатюрных дозах. Местные крестьяне очень бедны и топят свои очаги травой. В общем, они живут в постоянном состоянии полу-

голода.

Дальше потянулся ничем не замечательный очередной переход. Ночью наша мафа, покачиваясь, как корабль в море, оставила за собой много миль. На рассвете остановились перед запертыми воротами спящего города. Это Джи-Мен-Чин, или Ю-Мэнь. Подождали четверть часа.

Вокруг скопилась толпа крестьян с осликами, груженными сельскими продуктами. Ворота открылись, и мы въехали в Ю-Мэнь. Городок производит очень хорошее впечатление. Чистота, порядок и, что удивительнее всего, даже названия улиц и номера домов. Останавливаемся на большом постоялом дворе. Наше путешествие по большой дороге на Туркестан в колесном экипаже – закончено.

22.VII. Проспав пару часов и выпив чаю, начинаем готовиться к новому путешествию. Голубин делает попытку нанять караван из лошадей и мулов. Но китайцы чуть ли не всего города устраивают стачку и загоняют за наем каравана бешеную цену. Особенно работает в этом направлении хозяин нашего постоялого двора. Положение неважное. Пока – вздутая цена, выше всей нашей денежной наличности. Но надо взять терпением и ждать "штрейкбрехеров", которые не замедлят явиться. И действительно, к середине дня появляются новые предложения, уже помимо видимо взбешенного этим хозяина. Цены гораздо ниже. Под моим руководством Голубин ведет новые переговоры. Одновременно выясняется, что около недели тому назад сюда приезжал европеец с вооруженными монголами и покупал мулов. Это сведение наполняет нас бодростью, и в переговорах мы становимся на более твердую почву. Вне сомнения, это люди из ядра экспедиции Н.К.Р.

Вечером иду гулять по городу. Каждая улица, каждый дом – декорация. Особенно хорош храм. Развертывается картина вечерней жизни городка. По улицам наводится чистота. Для Китая это явление более нежели необычное. Выхожу за городские ворота. За стенами – гулянье граждан Ю-Мэня. Точно из первого действия Фауста. Старики сидят у ворот. Девушки и женщины под руку ходят по дороге. У каждой в руках цветы. Даже присутствует хор солдат – они, стоя в кучке, гнусавят что-то мало похожее на песню. Зелень, маковые поля, глубокие арыки кристально чистой воды, а вдали острые пики гор на темном фоне вечернего неба. Последние лучи солнца окрашивают их снега в розовый цвет. Мир, тишина и спокойствие.

В нашей фанзе ужин уже готов. За ужином Голубин сообщает приятную новость. Он договорился, и завтра в 4 часа дня мы выступаем. Хозяин постоялого двора старался помешать сделке, но Голубин пригрозил ему каким-то законом, после чего тот немедленно исчез...

Уже темно. С городской площади доносятся команды. Это идет обучение новобранцев, схваченных, где только было возможно, вербовщиками Фына. Их готовят на пополнение армии, которая терпит потери не столько убитыми и ранеными, сколько дезертирством. Днем так жарко, что учения происходят только после заката солнца. Мы с Голубиным сидим на пороге фанзы, и в ворота входит опереточное шествие.

Десяток солдат, по два в ряд, с громадным бумажным фонарем, несомым за ними. За фонарем шествует чиновник в халате, с роговыми очками на носу. Цель посещения, конечно, паспорта иностранцев. На фонаре, который ставится перед нашей дверью, – иероглифы, которыми написан приказ начальника города по этому поводу. Но Голубин в Ганьсу разговаривает круто. Что, паспорта? Довольно с Вас и визитных карточек! Следует

угощение чиновника папиросой, короткая болтовня, и шествие в том же порядке удаляется. За ним тихо затворяются массивные ворота и задвигаются засовы.

Духота. Со всех сторон несется приторный дым опиума. Хозяин, слуги и проезжие заканчивают день парой трубок этого яду. И если на севере на опиум наложено строжайшее табу, то здесь Фын всячески поощряет культуру этого злака, приносящего ему немалый доход. В фанзе невозможно дышать. Вытаскиваю спальный мешок и ложусь на дворе. За стеной постоянного двора на ночном небе вырисовываются зубцы городской стены. С высоты смотрит полный месяц и озаряет двор своим холодным бледным светом.

22.VII. С утра много дела. Хозяин нового каравана, после нескончаемых препирательств, по обычаю, получает законный задаток. Караван вместо ста нанят за тридцать долларов. Хозяин двора в кислом настроении, высказывает недовольство платой за постой, которую он получает как следует, а не как содрал с приезжавшего европейца из экспедиции Н.К.Р. Голубин вытаскивает китайца из фанзы. Мы еще раз распределяем вещи и облегчаем багаж, часть которого уходит обратно в Сучжоу с нашим извозчиком.

Двор оживляется. Самую большую фанзу спешно приводят в порядок. Ждут большого лоу – начальника из Синьцзяна. Это нас устраивает, так как наличие начальства сильно сдерживает нашего хозяина, стремящегося сорвать сделку с караванщиком. Появляются полицейские с дубинками, которые сразу начинают молотить по спинам любопытных, набравшихся во двор. Около полудня во двор въезжает громадная арба на четверке, и начальника, еще совсем молодого человека, почтительно высаживают из экипажа. Двери фанзы завешиваются ковром, и слуги начинают бегать по двору с чайниками.

Около четырех часов дня во двор входит наш будущий караван. Две лошади и четыре ослика. С ними два тощих оборванных крестьянина. Оказывается, китаец, которого мы считали хозяином, – собственно говоря, антрепренер, собравший животных у разных хозяев и спрятавший за это десяток долларов в карман. Седловка и снаряжение лошадей приводят меня в ужас. Гораздо спокойнее относится к этому бывалый Голубин. Седла деревянные и без стремян. Подпруги свободно свисают вниз. Вместо ремней – просто веревки. Уздечки тоже какие-то оборвыши. Как мы устроимся, как погрузим все-таки еще довольно основательный багаж – для меня непонятно. Но дело устраивается. С криком и руганью толпа китайцев под руководством Голубина увязывает вещи во вьюки. На маленьких осликах громоздятся целые горы. Подозрительно смотрю на предназначенную мне лошадь. На седло грузят переметные сумы, мешок с сеном и мою шубу. Получается целый эшафот. Запыхавшийся мальчик прибегает с парой деревянных стремян на веревках. У Голубина на маленькой бойкой рыжей лошадке такое же сооружение. Наконец, все готово. Во дворе движение. Сам синьцзянский большой начальник выходит из фанзы посмотреть на наш отъезд. Голубин садится на свою лошадку. Она пугливо шарахается, и все падает в разные стороны – Голубин, седло, багаж и сама лошадка. Закрываем маленькому буцефалу глаз. Момент, и Голубин на своем эшафоте. Я не решаюсь сесть на такое непривычное сооружение и иду пешком в арьергарде своего маленького каравана. Издали приветливо раскланиваемся с лоей. Караван выходит за ворота двора и, через несколько поворотов в узких улицах, – за стены городка.

Но идем мы долго. Голубин горячится и ругает крестьян, которые совершенно неопытны в своем деле. Ослики отчаянно брыкаются, разбрасывая плохо приспособленные вьюки. Останавливаемся у ворот, покупаем веревки, и сам Голубин тщательно пристраивает каждый вьюк.

Уже вечереет. Идем среди зелени полей и быстрых арыков. То здесь, то там фанзы крестьян, обнесенные стенами. Переходим быструю речку, и местность обращается в мрачную "гоби", как монголы называют кроме "великой" и каждую пустыню. Кругом черно от углеобразной гальки. Еще час, и все тонет в ночной тьме. Между нами и первым ночлегом, который предполагается в предгорьях, – несколько рек, и возникает вопрос, сможем ли мы перейти их в темноте. Одна, последняя, по словам крестьян, глубока и очень быстра. Иду час, иду другой. Усталость берет свое, и я решаюсь сесть на лошадь. Карабкаюсь на нее с помощью китайцев, чтобы не свернуть седла. И сверх ожидания оказывается, что сидеть очень удобно, спустив ноги вперед по плечам лошади. Конечно, такая посадка некрепка и не для хорошей горячей лошади.

Нас нагоняют два крестьянина, идущие в Шибочен. Они только недавно оттуда. По их словам, еще неделю тому назад экспедиция была в Шибочене. В экспедиции 40 европейцев и 60 монгольских солдат охраны. Палаток целый город...

В темноте, одна за другой, шумят нам навстречу речки. Последняя неглубока, но с действительно сильным течением. Расходятся облака, и мы при свете луны легко находим брод и переходим через воду. Дальше сразу входим в горный коридор, круто ведущий вверх. Одно место очень опасно. Карнизик в две ладони шириной над обрывом, под которым торчат острые камни. Утром смотрю это место и оцениваю цепкость и расчет горных лошадок. Скалы переходят в глинобитные стены. Дворики, бедные фанзы и пещеры для загона скота. Все полно выючными животными ночующего здесь каравана. Мы устраиваемся в отдельном дворе и ложимся в мешках под открытым небом, поужинав сухарями и мясными консервами. В эту ночь прошли 50 ли.

23.VII. Сон недолог. Просыпаемся перед рассветом. Серое, туманное утро. Ночевавший караван ушел, и мы одни на постоялом дворе. После чая поднимаюсь на горку. На ней глиняный домик-часовня со статуэткой божества. Благодущный старичок с длинной бородой. Нос и руки у него отбиты. Это "старичок с луны", он же "лунный заяц". Добрый гений, поучающий составлению лекарств, и покровитель влюбленных.

Караван готов. Голубин платит какие-то баснословные гроши за постой, и мы двигаемся дальше. С порога фанзы женская рука робко протягивает мне яблоко... Несколько куриц хлопотливо роется на дворе, и маленький ослик задумчиво смотрит нам вслед.

Входим в горы. С нами идет попутчик, китаец-торговец. Он тут же предлагает свои товары: "Нефритовый мундштук?" – "Нет, не надо!" – "Может быть, олений рог, обладающий целебной силой?" – "Нет, и этого не надо". Тогда кусок опиума, совсем черный, сверкающий в изломах, извлекается китайцем из мешка. Но и эту покупку отклоняет мой отрицательный жест...

Горы становятся все выше. Богатство горных пород в них велико. Здесь и железная руда, и богатые залежи угля на самой поверхности земли – все это пока пропадает втуне. У ручья китайцы думают устроить привал, но Голубин гонит их вперед. Три китайца, два европейца. Перевес на нашей стороне и послушание полное. Ущелье суживается, и начинается подъем на перевал, высокий и крутой. Переваливаем хребет Рихтгофена. Подниматься очень трудно. Иду, держась за хвост лошади, по обычаю горцев. На самом перевале – груда камней обо. В обе стороны вид с перевала прекрасен. Только подумать – ведь это Наньшань. Ложусь на землю. Так хорошо отдохнуть, отдышаться после подъема. Вниз идти легко. Спускаемся через узкую расщелину. Животные с выюками еле проходят через нее, точно в дверь. Внизу зеленая равнина, по которой, сверкая на солнце,

вьется желтая Чи-Хе. На берегах приветливые рощицы, возделанные поля и фанзы. Несмотря на то, что мы на высоте почти 18.000 футов, очень жарко. Проводник показывает на группу фанз в роще. Это Чан-Мар, цель нашего сегодняшнего перехода. Кажется близко, рукой подать, а на самом деле до него не меньше двадцати километров. В горах и с гор – расстояния обманчивы.

У нас удивительный ослик с задатками вождя. Он неохотно идет за другими и чувствует себя хорошо только впереди. Тогда он идет, точно ведя за собой остальных. Не сворачивает с дороги, не останавливается пощипать траву и сердится, когда видит, что его обгоняют. Морда у него прелестная.

По руслу высохшей реки доходим до Чи-Хе. С хриплым лаем бросаются на нас собаки отдыхающего верблюжьего каравана, голов в пятьсот. Идем по самому берегу и подходим к фанзам Чан-Мара. Останавливаемся у ряда тополей. Со всех сторон сбегаются любопытные. Сначала отношения сухи, но когда китайцы узнают, что мы идем на соединение с большим европейским караваном, который что-то покупал в округе, – все приходит в норму, кроме цен, которые делают скачок вверх. Нам отводят целую фанзу. Голубин варит незатейливый обед, а я устраиваюсь на кане и привожу в порядок дневник и прокладываю на карте пройденный из Ю-Мэня путь. Весть о нашем прибытии облетает всю округу. Появляются даже какие-то власти. Двор делается местом народного гулянья. Любопытные стремятся в фанзу. Они рассматривают нас и наблюдают каждое движение. Особенно интересуют вилки и посуда. С хохотом вбегает и выбегает целое общество местных красавиц. Когда же китайцы приготовляются насладиться зрелищем нашей трапезы, Голубин властным окриком "цуба", то есть "вон отсюда", выметает фанзу от надоедливых поселян. Большую помощь оказывает нам пес здешнего двора, который, получив несколько кусков хлеба, начинает считать нас своими хозяевами и бешено бросается на каждого входящего китайца.

После обеда иду гулять. Чудный летний вечер. Чуть шелестит листва в легком теплом ветерке, вдали сверкает река, а на горизонте высокой стеной стоят цепи следующего горного хребта.

24.VII Наутро с нами двигается родственник хозяина. Он на хорошем осле с бубенчиками и в седле с красным вальтрапом. Едет по каким-то торговым делам.

Наш караван подходит к главному руслу Чи-Хе, разделенному на несколько рукавов. Это неглубокая, но опасная горная река со страшно быстрым течением. Голубин сам ведет нас. На крестьян положиться нельзя. Он идет перекатами и широкими местами. Родственник хозяина остается на том берегу. Особенно опасна переправа для наших осликов. Если течение собьет их с ног и даже на мелком месте вода попадет им в уши – спасения больше нет... ослики беспомощны, и их уносит течением на глубокие места. Благополучно гуськом переходим через поток. После нас переправляется местный китаец, который, зная реку, должен был бы показать нам брод и быть впереди. На вопрос, почему он этого не сделал, получается лукавый, истинно азиатский ответ: "Не переправлялся, чтобы посмотреть, как вы перейдете реку".

Коридором каньона поднимаемся наверх в долину. Видны трудолюбивой и тщательной обработки поля. Это плодоносная местность. Арыки между полями несут воду вверх. Останавливаемся у фанзы, где покупаем редиску и яйца. После короткого отдыха идем дорогой, вьющейся между рекой, притоком Чи-Хе, и параллельной ему горной цепью.

Окруженный стенами с флагами над бойницами – стоит большой храм. Навстречу попадают жители в праздничных нарядах. Едет всадник на удивительной красоты муле со щегольским седлом и уздечкой. Погода прекрасная, теплая, но собираются тучи и где-то вдали грохочет гром. На склонах гор начинают попадаться оригинальные жилища-пещеры с конюшнями и хлевами для животных, также вырытыми в склонах. Фанзы-пещеры снабжены окнами и дверями. Скоро кончится оазис, впереди пустыня, и надо искать ночлег на сегодняшний день. Наши погонщики отправляются искать нам квартиру к фанзе, окруженной садами, рядом с маленьким храмом. Слезая и сажусь на берегу, в ожидании окончания переговоров... которые неудачны. Хозяева отговариваются неимением места. Вернее всего, они боятся иноземцев, а если не их, то самих погонщиков, отчаянных курильщиков опиума, похожих скорее на привидения, нежели на живых людей.

Идем дальше и на краю оазиса в последней фанзе встречаем радушный прием. И уже пора под крышу. Облака ползут по самой земле, и накрапывает дождь. Все окрестности потонули в туманах. Нас приютил в своей маленькой усадьбе охотник из Су-Чу. Очень чистый двор, запертый крепкими воротами, и в нем две фанзы со службами. Много скота, осликов и грозный пес. Что редко у китайских поселян, дом – полная чаша, во всем виден достаток. Поля и огород в прекрасном состоянии. Семья состоит из самого охотника, домовитой хозяйки и четырех детей. Девочки лет по шести и пяти помогают родителям по дому и нянчат двух младших. Нас встретили радушно. Только пес так бросился на меня, что пришлось схватить скамейку для отражения атаки. Брошенный во второй раз в пса, переходившего в новую атаку, кусок хлеба сразу установил между нами хорошие отношения, перешедшие в нежнейшую дружбу.

У китайца сравнительно большое полевое хозяйство, а главное – прибыльный охотничий промысел, увеличивающий его благосостояние.

Вся семья старается услужить нам. С помощью хозяйки устроили прекрасный обед, в основу которого легла яичница. Приправой служил китайский салат – соленый дикий лук.

Идет дождь. Голубин, очевидно, простудился. У него жар, и я занимаюсь его лечением. Милые личики девочек заглядывают в фанзу. Средняя, любимица всей семьи, не лишена чувства юмора. Старшая с годовалым, всему улыбающимся братом на руках. Даю хозяйке кусок шелку, ниток, иглол и пару запасных ножниц, что принимается с радостью. Приятно отблагодарить за хорошее отношение. Вечером выхожу за ворота. По долине клубятся облака. Со всех сторон дождь. Хозяин и наши погонщики устраиваются на кане вокруг жаровни, и скоро по всему двору разносится приторный запах опия. Ворота запирают на ночь и пса выгоняют сторожить наружу. Устраиваюсь на кане и засыпаю под монотонный шум дождя.

25.VII. Положение безнадежно. Дождь льет, и нет никакой надежды, чтобы погода прояснилась. Проснулся и Голубин. Он смотрит на меня красными лихорадочными глазами и говорит слабым голосом. Об отъезде нечего и думать. День потерян. Остается заняться изучением жизни китайских крестьян и терпеливо ждать. Пишу дневник, играю с китайчатами и чищу револьвер. На пороге хозяйской фанзы жена охотника шьет. Сам он строит из проволоки капканы. Тут же дети, и приятно смотреть, как ласково с ними обращаются родители. В перерыве дождя выхожу за ворота, гуляю по межам полей и наблюдаю, не прояснится ли небо. Но это тщетная надежда.

27.VII. Сегодня Голубину гораздо лучше. Комбинированный прием жаропонижающего и

снотворного, который я дал в двойной дозе, – оказал действие. Холодно, слякоть. Погонщики, как курильщики опиума очень чувствительные к холоду, дрожат, кутаясь в лохмотья и, видимо, не желают покидать гостеприимной фанзы. Необходимо строго возвысить голос, чтобы заставить их начать седлать. Густой сеткой затягивает дождь окрестности. С нами идет брат хозяина со своими ослами, такой же молодец-охотник, как и старший брат. Часть груза перекладывается на его животных – наши очень утомлены. Благодаря разгрузке я могу ехать не на эшафоте, а по-настоящему, в седле, на подушке, устроенной из шубы. Прощаемся с хозяевами, и я плачу им доллар, который они с трудом берут после долгих уговоров. Животные легко нагружены, и мы движемся быстро. Идем под проливным дождем. Перед нами переход в 90 ли. На полдороги китайцы хотят делать если не привал, то полную остановку и пробуют свернуть к какой-то, будто бы находящейся здесь фанзе. Грозный оклик заставляет их идти дальше. Впрочем, издали видны только развалины – фанзы больше нет. Думаю, что не раз наши погонщики проклинали тот день, когда, соблазнившись 20 долларами, решили идти с неприятными и беспокойными европейцами. Весь день дождь. На мне китайский плащ, вываренный в бобовом масле, действительно непромокаемый.

К вечеру у гор появляется маленькая кумирня. Отдых под крышей после горячего чая... Но какое разочарование. Она полна китайцами, пастухами огромного стада и путешествующими купцами. Всего человек 10. Кумирня не более 8 квадратных футов, не считая крытого навеса. Двери нет. Против входа узкий алтарь, над которым изображены боги. Живопись, полустертая временем. Под навесом горит костер из корней, над которым готовятся чай и лапша. Дым густыми клубами наполняет кумирню. Щекочет горло, сразу начинает болеть голова. Где же лечь? На дворе льет дождь. В горах видна пещера. Может быть, там! Иду по направлению к горам. Но расстояния обманчивы; казалось, близко – а идти до гор, пожалуй, несколько километров. Кроме того, путь преграждает ущелье, по которому несется вспухший от дождей горный поток. Перейти его – нечего и думать. Возвращаюсь, и мое положение становится неприятным. Невдалеке стадо, а вокруг несколько громадных китайских собак, которые свирепо поглядывают на меня. До кумирни еще далеко. Вынимаю свое единственное оружие – револьвер. Собаки не трогаются с места при моем приближении. Им вверена охрана стада от волков, и нападать на чужих людей, подходящих к хозяевам, – не их дело. Зато при малейшем подозрении присутствия волка все собаки бросаются в эту сторону. Подхожу к кумирне. Кумирня, по китайским обычаям, нечто вроде гостиницы, где каждый путник может укрыться от непогоды. Но пастухи, кажется, уже давно злоупотребляют гостеприимством богов и просто живут в кумирне, кормя поблизости свои многотысячные стада. Купцы тоже обретаются здесь уже несколько дней. Они не переставая курят опиум и в каком-то состоянии полузабытья. А кроме того, идет дождь, во время которого китаец избегает путешествовать. Голубин предлагает китайцам впустить меня в кумирню, на что они охотно соглашаются, но когда Голубин хочет положить мой спальный мешок на самом алтаре, – китайцы очищают мне угол на полу. Здесь будем мы все, говорят они, – а там живут боги. Впрочем, и богов стеснили, поставив на алтарь чашки и грязные сапоги. Темнеет, и кумирня набивается новыми пастухами. Все ложатся, поужинав, вплотную. Нельзя ни пошевелиться, ни согнуться. Помещение полно дымом, и не хватает воздуха для дыхания. Это самый скверный ночлег за все время путешествия.

28.VII. Светло, когда я просыпаюсь. Пастухов нет, и в кумирне только купцы. Уже с утра курят они опиум. На дворе льет дождь, и небо обложено тучами. Голубин говорит, что наши поводыри очень мало расположены уходить отсюда, Но по его мнению, надо быть терпеливым и соблюдать некоторую политику, так как здесь перевес китайцев, которые

всегда станут на сторону своих желтых компатриотов. После долгого времени, в которое оба шута варят чай, потом лапшу и потом опять чай, – Голубину удастся убедить их сесть. Начинается выючение. А если китаец что-либо делает долго, то он вообще не торопится... Наконец, часа через два все-таки двигаемся.

Идем по унылой, дикой местности. Ручьи превратились в ревущие потоки. В одном месте приходится подниматься почти что на отвесную кручу и опять спуститься, миновав поток, распространившийся по всему ущелью, по которому пролегает наш путь. Дорога, на которую мы опять выходим, вся в камнях, и животные с трудом двигаются вперед. Ведет нас охотник из Су-Чу. Крестьяне понуро плетутся сзади, не умея ориентироваться и не зная дороги. Без охотника мы верно бы заблудились в ущельях массива Наньшаня. К вечеру приходим на место, на котором предполагалась какая-то пещера. Но таковой не оказывается. Останавливаемся на совершенном безлюдье, в горах. Под ногами в утесах бьется река Кун-Ча. Идет дождь, и все мокро. Холодно, но с усталых животных валит пар. Ложимся под смытым во время таяния снегов берегом. Река в нескольких шагах. Над нами тысячи пудов земли и камней. Голубин закрывает меня кошмами, и я стараюсь согреться в спальном мешке. Китайцы, собиравшие корни для костра, сообщают, что видели бродящие вокруг нашей стоянки человеческие фигуры, и просят положить револьвер поближе. Здесь, говорят они, бывают нападения разбойников-дунган. Поспевает ужин. Чай и поджаренная ячменная мука, размешанная с горячей водой и приправленная нашими последними консервами австралийского масла.

29.VII. Ночь прошла благополучно. И приятно сознание, что цель путешествия уже недалеко. Еще пара дней. Идем по широкой равнине реки Яма-Хе. Голубин показывает мне диких ослов, или куланов. Это грациозные быстрые животные. Они подходят к нам очень близко и с интересом рассматривают караван. Очень красива их окраска: желтая, почти оранжевая, с черными пятнами и белой грудью. Ростом они со среднего мула. Переваливаем горы, поднимающиеся своими снежными грядками ввысь, и оставляем их за собой на север. В урочище Май-Шету останавливаемся на ночлег. Опять идет дождь. На наших глазах выходит из берегов ручей. Из расспросов охотника выясняется, что завтра мы будем в урочище Шарагольжи. Завтра... Какое счастье! Устраиваю себе из кошм нечто вроде палатки. Чай, лепешки из ячменной муки... наши запасы продовольствия окончились.

30.VII. Встаем с рассветом. Но китайцы опять не торопятся. Разговор с ними, впрочем, у Голубина короткий. Он берет их самыми язвительными насмешками. У нас с Голубиным сильная одышка. Я уже раньше испытывал ее за Сучжоу, но не придавал ей значения. Сегодня она очень сильна, и это заставляет меня задуматься. Что же со мной будет на настоящих высотах – в Тибете. Потом только я узнал, что, переваливая Наньшань, мы уже были на большой высоте, более 16 тысяч футов над уровнем моря.

Собираемся. Китайцы нехотя выючат. И вдруг из-за скал появляется конный монгол. Это первая живописная фигура за весь путь от Сучжоу. Маленькая крепкая лошадь, голубой кафтан на одно плечо. По поясу кожаный патронташ и длинное ружье с сошками за спиной. Почти коричневое, обветренное лицо монгола обросло редкой бородкой. Он улыбается и приветствует с добрым утром. За монголом выезжает другой, более скромно одетый, с вьюками за седлом. Очевидно, это слуга. Монгол спешивается, садится к костру, и начинается разговор по-китайски с Голубиным. С нетерпением жду его окончания. И вот... радостная весть. На Шараголе, на той стороне реки, у гор стоит большой европейский лагерь. Американцы. И какие отличные ружья. Их не меньше двадцати человек, много верблюдов и до сорока туземцев. "Палаток не меньше, – монгол

задумывается, – не меньше тридцати. К обеду доедете", – говорит он и прощается с нами.

Мы садимся и продолжаем путь на юг. Идем широкой горной равниной. Много барсучьих и лисьих нор. Проходим ущелье и... перед нами глубокий спуск. Внизу синеют дали, а на горизонте опять поднимаются горные цепи. Около тропы, круто спускающейся вниз, – традиционный обо. Несколько часов спускаемся вниз. Посередине спуска поворот, и с него видна глубокая долина Шарагола с извивающейся по ней рекой. Становится все жарче. Солнце пропекает насквозь. До самой долины еще километров 12. Китайцы собираются сделать остановку... но это им не удается. Мы жестоко гоним их вперед. Ущелье спуска расширяется – раздаются предгорья пройденного нами массива. Впереди давно невиданная ласковая зелень травы. У реки виднеются монгольские юрты. На равнине скачут всадники. Мы берем направление на одну из юрт на берегу Шарагола.

Подходим к реке. Она вздулась, и видно, что без проводника ее не перейти. После недолгих переговоров молодой монгол взялся доставить меня в европейский лагерь. Мне дают свежую крепкую лошадь, т.к. мою, слабую и усталую, может сбить течением. Голубин остается на сегодня с багажом на этой стороне реки. Сажусь и вслед за монголом въезжаю в реку. Лошади сразу погружаются по брюхо в мутные грязно-желтые волны, и нас порядочно сносит течением. Следующий рукав еще глубже. Третий, самый глубокий и опасный. Еще момент... и лошади поплывут. Берусь за гриву и готовлюсь спуститься с седла. Еще несколько футов – и мы на другой стороне. Всматриваюсь, где же лагерь. Монгол указывает в направлении предгорий рукой. "Американ", – говорит он. Где? А, европейские палатки. Топкий луг сменяется площадкой гравия. Мы с монголом несемся карьером. Низко стелются облака, пасмурно небо, и начинается дождь. Но теперь... не все ли равно. Я – у цели.

Перед палатками собирается группа европейцев. Впереди различаю Н.К.Р., его супругу Елену Ивановну Рерих и сына Юрия Николаевича. Какая радость. Неужели это правда, не сон. Через десять минут уже сижу в уютной палатке Н.К.Р. и Е.И. Оба расспрашивают меня о моем путешествии и последних событиях в "цивилизованном" мире.

Глухо рокошет гром, вспыхивают молнии, и дождь барабанит по парусине палатки. Вбегает Ю.Н.: "Поток из гор наводняет ущелье". За палаткой крики: "Уходите, вода!.. Сносит палатки".

Мы выходим. На месте, где стояли палатки справа, – несется мутный могучий поток. В пене выбивается он из довольно широкого ущелья. Столы, стулья несутся по его бурливой поверхности с мест палаток, сбитых в поток. Одна палатка Ю.Н., другая – столовая. И в ней был приготовлен обед, за который только что собирались есть.

В лагере кипит работа. Поднимают затопленные палатки, окапывают другие, прислуга вместе с туземцами вылавливает вещи из вновь образовавшейся реки. Так работают до темноты, приводя все в порядок. Ущерб велик. Потом опять сидим в палатке, и мне дают кружку крепкого ароматного кофе. Пережитый день и усталость последнего перехода дают себя чувствовать. Глаза смыкаются от смертельной усталости. Мне отводят запасную палатку, и я засыпаю, дойдя до цели своего долгого и трудного путешествия – экспедиции Н.К.Р.

31.VII. Рано утром прибывает с багажом Голубин. Юрты монголов на Шараголе частью затоплены, частью откочевали, и он с рассветом переправился на нашу сторону, что было очень рискованно и трудно.

К чаю выходит Н.К.Р. Он в сером спортивном костюме, дорожной шапке и крепких американских сапогах. После короткого разговора Н.К.Р. принимает Голубина на службу.

Погода хороша и тепла. Поток исчез, и только на месте его ложа вывороченная земля и вода в ямах. Еще совсем мутный, бежит из гор ручей. Лагерь стоит у подножия круглого холма на террасе, спускающейся к долине Шарагола. С обеих сторон он окаймлен ручьями, выбегающими из кристально чистых родников в скалах. В двух рядах расположен десяток прекрасных американских палаток. В центре первого ряда большой шатер Н.К.Р. и Е.И. Дальше с одной стороны палатка доктора К.Н. Рябина и начальника транспорта Портнягина, а с другой – Ю.Н., моя и Голубина. Во втором ряду круглая палатка-столовая, помещение европейской прислуги и туземные майхане монголов и бурят, идущих с караваном, поводырей верблюдов и конвойных. Среди них и один тибетец. Со смуглым лицом и курчавыми волосами, он очень похож на абиссинца, за которого я сначала его и принял. Всего нас 9 европейцев и человек 10 туземцев. Необычайное преувеличение в виде 40 европейцев и 60 монгольских солдат и тридцати палаток было обычной азиатской импровизацией. Лагерная жизнь экспедиции проста. Встают рано и ложатся рано. В 9 часов утра кофе с молоком домашних яков и сухарями. В час обед, обычно суп, баранина в том или ином виде и чай. В 7 часов вечера ужин – мясное блюдо или каша, и чай. Изредка что-либо из приходящих к концу европейских запасов.

После всестороннего обсуждения Н.К.Р. решает отправить Голубина в Сучжоу за покупками и двинуться в путь немедленно по его возвращении. С Голубиным едет удивительно красивый монгол, экзотическая фигура в ярком кафтане и красном платке, обмотанном в виде тюрбана вокруг головы. Вооружен он до зубов. Выступление экспедиции назначено на 18 августа.

После обеда Н.К.Р. идет со мной гулять. Он обстоятельно расспрашивает меня о моей жизни за то время, что мы не видались, и. делает предположения, связанные с нашим дальнейшим продвижением на Тибет. Вечером осматриваем с Ю.Н. животных каравана, которых монголы пригоняют на ночь с пастбища у реки. Их всего около ста. Верблюдов, мулов и лошадей. Предполагается еще покупка тридцати верблюдов. Тут же выбираю себе лошадь.

1.VIII. С утра в лагерь съезжаются монголы. Яркие кафтаны, на поясах короткие кинжалы. Некоторые вооружены ружьями, по которым можно проследить всю историю огнестрельного оружия. От кремневых до магазинных. Несмотря на жару, на всех монголах бараньи шубы, спускающиеся с одного плеча, и войлочные колпаки, часто со вкусом вышитые золотом. Вечером мы собираемся около строящегося субургана. Это ламайская часовня-obelisk, выбеленная и выкрашенная ритуальными рисунками, изображающими яркий орнамент и страшные маски по всем четырём сторонам. Тут же граммофон дает нам концерт, одним из номеров которого является "Полет валькирий" Вагнера. Вокруг молчаливой толпой стоят монголы. А вдали, на равнине у гор, пасется стадо диких ослов.

2.VIII. Во время утренней прогулки Н.К.Р. говорит мне о красоте отношения рыцаря к своему сюзерену, воина к своему императору и отсюда переходит к преданности и любви ученика к своему духовному Учителю. На Востоке наибольшим уважением пользуются мать и Учитель. Первая дает жизнь физическую, второй развивает жизнь духовную. Дальше Н.К.Р. говорит о необходимости потери чувства специальности. Необходимы, говорит он, разносторонность и простота. Через них лежит путь в области духа, через них

развертывается в сознании понимание единого закона эволюции, движущего жизнью Вселенной.

Ламы, находящиеся в караване, спешно заканчивают постройку субургана, который должен быть освящен до нашего отбытия.

3.VIII. "Необходимо осознать космичность жизни, – говорит Н.К.Р., – следует привыкнуть к этому осознанию, чтобы понять устои грядущего мира и духовности, на которой он будет построен. Понять, что самая красивая сказка – есть фактическая реальность".

4.VIII. С раннего утра куют лошадей. Люди с трудом справляются с мизерными китайскими инструментами. Подковы плохи, гвозди все время ломаются. Вечером Н.К.Р. говорит о приходе грядущей 6-ой расы и понимании мировой эволюции, долженствующей подготовить ее появление. В основе жизни этой расы будет лежать община, построенная на духовности и кооперации. И дальше Н.К.Р. говорит, что дух смотрит на физический план через окошко материального тела, и надо беречь это окно, чтобы в свое время посмотреть, через него же, из физического мира в область духа. Алкоголь, наркотики и табак сначала затуманивают, а потом и вовсе закрывают это окно.

5.VIII. Сегодня над лагерем произошло странное явление. Мы с Ю.Н. стояли у коновязи и говорили о Тибете и его духовных учениях. Ю.Н. тонкий знаток Азии и этой страны – магистр восточных языков Гарвардского университета. Вдруг крик: "Орел!" – "Где орел? Черный орел над лагерем!" – перекликаются голоса. Я взглянул по направлению поднятых голов и увидел не орла, а громадный желтовато-белый, сверкающий на солнце шар. "Какой же это орел – это шар", – сказал я подходившему Н.К.Р. и бросился в палатку за биноклем. Им я опять скоро нашел в воздухе странный предмет. Совершенно явственно, около полукилометра над нами, в высоте шел шар. Снаружи не было видно ни веревок, ни гондолы. Н.К.Р., Ю.Н., несколько монголов и я наблюдаем необычайное явление. Шар идет по прямой линии с востока на запад и вдруг, повернув под прямым углом на юг, скрывается, все уменьшаясь, за ближайшей горной грядой. Буряты утверждают, что сначала между шаром и землей парил огромный черный орел, но я его уже не видел. Сыпятся предположения, начиная с того, что это был детский шар из Сучжоу, и кончая тем, что над нами пролетел аэроплан китайской авиации – кстати, несуществующей. Но во-первых, было совершенно ясно, что этот, я не могу назвать его иначе как сферический аэростат, переменял курс, повинаясь точному повороту руля, а во-вторых – по своей конструкции не походил ни на одно известное мне воздушное судно. Нельзя допустить и того, что это был европейский аэроплан. Что бы он делал в тысячах верст от возможной базы и в направлении Гималаев, перелет через которые из-за воздушных пропастей совершенно невозможен. Только потом узнали мы о том, чем было на самом деле это замечательное явление. Это, конечно, не был ни обычный авиационный снаряд и ни детская игрушка из Сучжоу, занесенная сюда по прихоти ветра.

Днем подрались буряты. Началось с шутки Ордны, который вымазал лицо Бухаева мукой. Последний ударил шутника по лицу, и началась драка. Их развели и пристыдили.

После обеда мы пошли гулять, и Н.К.Р. говорил о создании "Храма Разумения" – из него должно выйти очищающее все учения духовное движение, которое соединит и скует все верования в одно неразрывное целое. Дальше Н.К.Р. указывает на то, что должно быть осознано только одно представление о человечестве. Не народы, не расы, не само человечество планеты, а воплощенные во всех мирах творческие духи, действующие в материи, – вот истинное понятие о человечестве, к которому надо стремиться.

Вечером доктор приносит найденный у лагеря камень с золотиносными жилками.

В темноте в одну из палаток забрался тушканчик. Вооружившись электрическими фонарями, на него устроили облаву и, поймав в шапку, долго рассматривали его хорошенькую испуганную мордочку.

6.VIII. С утра поднялся буран, бушевавший до полудня. Буряты Аюр, Сультим и Ордна явились просить расчет. Они мотивируют свое желание покинуть службу в экспедиции тем, что будучи людьми горячими, могут подраться с монголами, а потом и с тибетцами. Надо думать, что в их желании другая подкладка – боязнь перед опасным и трудным путешествием.

Сегодня Н.К.Р. говорил об истинном отношении к вещам. Не следует быть их рабами – но сам отказ от них должен быть тоже правилен. Человек должен всегда сознавать, что всякая вещь только в его временном пользовании. Без всяких вещей приходит человек на планету и без них уходит с нее.

7.VIII. Субурган готов. В его пирамиде устроен тайник, в который, по обычаю, будут замурованы соответствующие предметы. Окраска субургана немного резка по краскам, но ламам-художникам не мешали проявлять их личный вкус.

Ордна, Сультим и Аюр с утра собрали свои вещи и ушли в монгольские юрты на Шарагол.

Очевидно в связи со слухами о прибытии китайских чиновников из Синина, в лагерь приехал старшина Мачен регулировать свой долг Н.К.Р., уплату которого он тормозил изо всех сил. Мачен – назначенный китайским амбанем старшина монгольского населения. Это местный кулак, держащий в своих руках всю торговлю округи. Одутловатое, деревянное лицо, в котором чувствуется что-то жестокое и невероятно жадное. Он толст, громадного роста и являет курьезную фигуру на маленькой лошадке, которая с видимым трудом несет на себе тяжелый груз своего всадника.

После обеда происходит освящение нашими ламами субургана. Мы садимся на походных стульях, имея в центре Н.К.Р. и Е.И. Ламы торжественной чредой переходят ров, окружающий субурган, и садятся непосредственно перед его основанием, под которым расставлена масса аксессуаров искаженной магической операции. И так неуместно стоит между ними изображение Великого Учителя Будды, звавшего человечество к гораздо высшему служению. Но ламаизмом буддизм низведен на степень какой-то низшей магии, которая в его ритуалах утратила свое собственное значение. Четыре элемента играют в этом богослужении немалую роль. Как и в христианском ритуале, лама кадит перед престолом, изображенным небольшим возвышением, прикрытым ковром, и потом обводит курениями магический круг вокруг субургана. В тихом воздухе поднимается ароматный дым индийских курений, и служба начинается. Она состоит из бормотания молитв на тибетском языке, смысл которых ламы не понимают. На тибетском языке – латыни востока. Изредка это согласное бормотание четырех лам в определенном быстром ритме прекращается и отделяется от следующего ревом трубы, стуком барабана и звоном колокольчика. У старшего ламы в одной руке магическое зеркало, а в другой нить, спускающаяся в нее из вделанного в субурган ковчежца и связующая священнодействующего ламу с самой сущностью освящаемого субургана. Интересно магическое зеркало, временами обливаемое освященной водой и повертываемое к субургану, – намек на магическое отражение действия в астральном плане.

Около двух часов длится однообразное служение. В конце его субурган освящается

четырьмя элементами и жертвенная куколка из теста выбрасывается за круг, в жертву духам воздуха. Последний рев и звон музыкальных инструментов, и ламы, сложив ритуальные предметы, заканчивают свое служение.

При освящении субургана присутствует толпа монголов. Они разговаривают между собой, смеются и никакого благоговения к происходящему богослужению не выказывают. Субурган остается на их попечении...

Вечером Н.К.Р. говорит, что личность эволюционирующая, то есть расширяющая свое сознание, – перерастает воспоминания прошлого, теряющего для нее свою притягательную силу. Печальное явление представляют из себя старые люди, живущие в своем прошлом и копающиеся в рухляди пережитого. Они не подозревают, сколько для них заготовлено в будущем, за таинственным порогом так называемой "смерти".

Мачен сообщил, что завтра прибудет в лагерь геген Цайдама, или, иначе говоря, ламаистский епископ, который, узнав о сооружении субургана, пожелал самолично освятить его.

8.VIII. Лагерь всегда в порядке. Но сегодня вид его особенно праздничен. Около субургана постланы ковры, люди в лучших кафтанах. В палатке-столовой приготовлен достархан. Задолго до прибытия гегена к лагерю съезжаются местные нотабли, Мачен и монгольские дворяне. Все они в парадных костюмах. Мачен возложил на себя знаки отличий своей должности, и его шляпа украшена длинным красным султаном. Он говорит, что этим парадом монголы оказывают Н.К.Р. княжескую почесть. Дворяне передают Н.К.Р. шелковые хадаки, символизирующие подарки, и в молчании усаживаются рядами на коврах у субургана, поджав ноги. Им разносят чай и печения.

В то же время из долины появляются слуги, ведущие мулов с багажом Его Преосвященства, покрытых красными суконными попонами. На противоположном от лагеря берегу ручья разбивается палатка гегена, белая, с красными орнаментами, похожими на кресты тамплиеров, обращенные вершинами вниз. На спешно раздутом слугами костре закипает чайник. Наконец появляется сам геген. Под ним серая лошадь с вышитым красным чепраком и высоким монгольским седлом. Геген еще бодрый сухой старик с редкой бородой и спокойным взглядом. Он одет в золотисто-желтый халат. Сопровождают епископа почтительные причетники пешком. За несколько саженей до лагеря он сменяет свой войлочный колпак на лакированную деревянную митру, очень похожую на католическую.

У черты лагеря епископа встречают Н.К.Р., члены экспедиции и монгольские нотабли; наши люди берут его лошадь. Его ведут в палатку, где предлагается чай. Довольно оживленный разговор идет через переводчика.

После чая геген совершает служение у субургана со своим причтом. Четко и привычно скандируют певчие молитвенные напевы. По окончании служения, которое почему-то короче вчерашнего, геген прощается, садится на лошадь и едет несколько шагов к своей палатке, за ручей. Там, благословляя, возлагает он руки на собравшихся женщин и детей. Садится, окруженный ими, и долго что-то говорит. Это удивительная патриархальная картина. Так же, вероятно, окружали епископов первых времен христианства, и в такой же простоте обстановки проповедовали они своим паствам.

Потом геген уходит в палатку, а через час, отдохнув, садится на лошадь и уезжает. Ждавшая его выхода из палатки толпа в молчании падает ниц и остается в таком

положении, пока епископ не скрывается за скалой, по дороге, ведущей в ущелье. Потом толпа расходится. Слуги торопливо складывают палатку, выючат мулов и исчезают. Все опять пусто на месте стоянки гегена, и только дым догорающего костра поднимается в тихий вечерний воздух...

9.VIII. Скачет к лагерю вооруженный всадник. Это гонец цайдамского князя к Н.К.Р. Бейсе, по-монгольски – князь, шлет привет и жалеет, что не может лично повидаться с Н.К.Р., – так гласит грамота. Бейсе обещает всевозможное содействие и помощь. Одарив гонца, полупридворного, полунаперсника, Н.К.Р. посылает князю не менее любезный ответ.

Около полудня нам сообщают, что едут китайские чиновники. Далеко в степи вырисовываются две группы всадников. В одной – Мачен с монголами, в другой – китайские сборщики податей из Синина. Их сопровождает дюжина солдат в вольном платье с ружьями за плечами. Впереди едет уполномоченный амбаня. Чиновники подъезжают к лагерной коновязи, где наши монголы принимают у них лошадей. Лицо уполномоченного, с редкой седой бородой и лукавыми глазами, мало похоже на китайское. Он дунганин, и все его обличье, начиная с кафтана, совершенно мусульманское. Его сопровождают: китаец-секретарь, производящий более или менее приличное впечатление, и вертлявый переводчик, тоже дунганин. Будто бы – простой солдат, но чувствуется, что это-то и есть правая рука сборщика податей. Солдаты спешиваются поодаль. Они было сунулись в лагерь, но по фронту палаток у нас установлено наблюдение, и дежурный красноречивым жестом поворачивает их назад. Над шатром Н.К.Р. веет большой американский флаг, а у входа стоит вооруженный часовой. Чиновников ведут к палатке-столовой, где накрыт чай с достарханом – изюмом и китайскими финиками.

Приходит Н.К.Р., и после взаимных приветствий все садятся за стол. Мачен и переводчик-дунганин примащиваются на корточках у входа в палатку. Ю.Н. и тибетец Кончок ведут двойной перевод: с китайского на тибетский и с тибетского на английский для Н.К.Р. Очевидно, сегодня чиновники делают визит. Они сговариваются, между прочим, что в их лагере остался еще более важный чиновник. Это совершенно ненужная китайская ложь, так как всем хорошо известно, что старший сборщик податей и есть бородатый дунганин, и никого больше в китайском лагере нет. Идет нудная беседа, в которой чиновники ведут принципиальную торговлю об уплате нами податей, кои платить мы совсем не должны. Через полчаса визит кончается. Чиновники уезжают, и поднявшийся вихрь точно выметает их из долины и закрывает густыми облаками пыли.

Вечером приходят буряты. Они так дерзко ведут себя, что их приходится выгнать из лагеря.

10.VIII. Приезжают монголы. Они дают совет Н.К.Р. не уходить из Шарагольчи до разрешения на это сининского амбаня, ввиду того что сборщики податей будут писать ему и ответное письмо губернатора разрешит все поднятые вчера вопросы. Совершенно ясно, что монголы подсланы китайцами. Н.К.Р. не обращает никакого внимания на это неофициальное посольство, и монголы возвращаются к чиновникам амбаня без всякого ответа.

Следует сказать, что монголы вообще не любят китайцев, а в частности на Шараголе раздражены против поборов, чинимых сборщиками без соблюдения закона и справедливости. Кроме того, местные жители должны доставлять китайскому лагерю все необходимое продовольствие безвозмездно, что тоже раздражает население.

Положение сборщиков податей здесь очень непрочное. Келейно монголы сообщают, что выгнанные буряты делают китайцам донос на нашу экспедицию, который китайцы внимательно выслушивают.

11.VIII. К лагерю приезжают две туземные амазонки. Они спрашивают, здесь ли буряты, которые, оставив у них свои вещи, сами куда-то исчезли. Это подтверждает слова монголов о том, что буряты в китайском лагере.

За обедом Н.К.Р. говорит о сущности духовного подвига. Этот подвиг, говорит он, должен совершаться не в условиях отшельничества или монастырской обособленности от жизни, не в уединении скитов и лесных пещер, а в самой жизненной битве, в непрестанной деятельности и борьбе. Так говорится и во всех Учениях, данных великими Учителями человечеству.

12.VIII. Сегодня опять появляются китайские чиновники. Ко времени их приезда приходят буряты и располагаются на ручье, в сотне шагов от лагеря. Начинается заседание. Главный сборщик податей говорит резко. Это целая речь прокурора. Он говорит, что экспедиция везет с собой 30 винтовок без документов, что она обошла город Аньси, скрываясь от властей, и что, по всей вероятности, ни у кого из нас нет паспортов. Ясно, что все эти пункты подсказаны бурятами. Дальше чиновник требует осмотра всех вещей, хотя никакого права на таможенный осмотр не имеет. В ответ на это китайцам показывают паспорта, которые в полном порядке. Затем их ведут осматривать багаж, снабженный китайскими печатями, и дают прочесть таможенные документы и разрешения соответствующих властей на провоз и хранение оружия. По вопросу о проходе мимо Аньси – чиновникам указывают, что экспедиция не обязана заходить во все встречающиеся по пути китайские города. Осмотр вещей категорически отклоняется.

Китайцы разбиты на всех пунктах и "меняют лицо". Они становятся любезны и совершенно преображаются, расплываясь в довольных улыбках, когда Н.К.Р. говорит, что согласен уплатить пошлину за купленных верблюдов. Тут же пишутся расписки и выдаются квитанции, но трудно сказать, насколько то и другое действительно и не является прикрытием незаконной наживы. Теперь стрелы, выпущенные на нас бурятами, оборачиваются на них самих. Китайцы спрашивают, чем они могут оказать экспедиции содействие и есть ли в караване дурные люди, которых они могли бы наказать. Это ясный намек на бурят. Н.К.Р. рассказывает настоящую историю поведения трех негодяев и просит отправить их в Сучжоу с соответствующим письмом властям, для переотправки их на Хами, куда почтой будет отправлено другое письмо монгольским властям с просьбой достойного наказания предателей. Бурят призывают из-за ручья. Они бодро идут к лагерю, очевидно, предвкушая результаты своего доноса. Дунганин выходит вперед и начинает говорить... Видно, как лица бурят вытягиваются и делаются пепельно-серыми. Они попали в яму, которую рыли тем, от которых ничего, кроме добра, не видели. Экстренно китайцы предложили еще и выпороть их, но Н.К.Р. экзекуцию отклонил. Наконец, чиновники уезжают. Любезности, улыбки и махание руками со стороны седобородого дунганина. Облегченно вздохнув, мы садимся обедать и делимся впечатлениями дня.

Было бы искушением с негодными средствами путешествовать по Азии, не зная азиатской психологии. И надо отдать справедливость, Н.К.Р. знает ее до тонкостей.

Дипломатические способности Н.К.Р. не раз выводили экспедицию из очень трудных положений. Его такт, чутье и где нужно – непоколебимая твердость. И на этот раз хитрый план китайцев не пропустить экспедицию на Цайдам был разбит. Они, главным образом,

ждали осложнений, вызванных с нашей стороны, боясь действовать открыто, хотя бы ввиду перевеса наших сил и симпатий к Н.К.Р. бейсе и его монголов.

Среди монголов создавалась легенда, сопутствовавшая нам даже по Тибету. Пришел богатырь со своей верной дружиной с далекого севера, говорилось в ней, и разбил в трехдневной битве на Шараголе китайцев, пытавшихся преградить богатырю путь на Тибет, своими огнедышащими "будунь" – пушками. Так воспели кочевники дипломатическую победу Н.К.Р. над чиновниками амбана.

13.VIII. Поутру приехал дунганин-переводчик. Сегодня он частное лицо и продает довольно хорошую лошадь. Вчера и сегодня в лагере появляется очень подозрительный молодой лама. Одетый в какой-то театральный костюм, прискакал он в лагерь и не то что-то хотел рассказать, не то выпытать. Он говорит о каких-то воинах, где-то поджидающих экспедицию... Исчез так же быстро, как появился, и остался неразгаданным. "Кто он? Тайный друг или враг?" – заметил Н.К.Р.

Во время прогулки, которую мы предпринимаем далеко в горы, Н.К.Р. говорит, что ощущение ограниченности вселенной при осознании беспредельности пространственного принципа принадлежит к тем вопросам, которые каждый должен осознать совершенно самостоятельно, ибо это есть итог целого мирозерцания. К осознанию этих понятий расставлен целый ряд вех, но формула должна быть произнесена самостоятельно.

14.VIII. Сегодня у лагеря большой съезд монголов. Они издалека съезжаются, чтобы посмотреть на субурган, весть об освящении которого гегеном разнеслась во все стороны. С нескольких групп, незаметно для снимаемых, сделаны фотографические снимки. Потом гостям заводится граммофон, – но они как будто не совсем уясняют себе, в чем дело. Верхом приезжают монголки: мамаша, тетушка и бабушка с целой кучей детей. Двое едут самостоятельно, на одном седле, на смирной старой лошади. Остальные распределены по амазонкам, и даже с бабушкой двое внуков.

15.VIII. Наш уход решен на 19-ое. Голубина еще нет, и в лагере начинают посматривать на горный проход, ведущий из Сучжоу. Не едет ли? В караван нанято три брата-торгоута. Все они лихие наездники и, что важнее всего, – отличные кузнецы, то есть как раз те люди, которых нам не доставало. Они умело справляются с китайскими козовыми инструментами и, видимо, к ним привыкли.

16.VIII. С сегодняшнего дня начинается укладка, распределение грузов по верблюдам и составление в деталях дальнейшего маршрута. Н.К.Р., как я уже говорил, решил идти прямо наперерез Цайдама, при подходе к которому из Махая должен подойти небольшой далай-ламский транспорт оружия, долженствующий с разрешения Н.К.Р. идти в составе нашего каравана в Тибет. Для сообщения о дне выступления его начальнику посылается гонец.

Понемногу становится холоднее. Утром +6° С, предыдущей ночью градусник спустился на ноль.

17.VIII. В лагерь приехал монгол в прекрасном сафьяновом халате. Потом пришли купленные для пополнения транспорта экспедиции верблюды. Мачен, всячески старающийся надуть на покупках и назначающий цены втрое выше настоящих, – прислал в подарок собаку, которая немедленно украла с кухни баранью ногу. Вещи уже уложены, и в палатках остается только самое необходимое.

После обеда на горизонте появляется группа всадников. С ними вьючные животные. Все ближе и ближе и, наконец, уже без бинокля видно, что это Голубин с монголом и тремя навьюченными до верха мулами. Радостно приветствуют Голубина члены экспедиции. Все возложенные на него поручения он аккуратно выполнил и прибыл в срок, пробыв только два дня в Сучжоу. Там жара, говорит он, созрели дыни, персики, груши и на телеграфе в саду гроздь прекрасного винограда.

18.VIII. Последний день стоянки в долине Шарагола. Завтра начнется наше большое путешествие в Тибет. Все должно быть к вечеру готово, и в лагере кипит лихорадочная работа. Заранее пойманы лошади и поставлены на коновязи. Ловить их занимает очень много времени и часто приходится прибегать к аркану, который торгоуты бросают с удивительной верностью. Верблюды тоже пригнаны с дальних пастбищ и тщательно осмотрены.

Все животные в прекрасном виде, любимая мулицей, купленной Голубиным в Сучжоу, по статьям она безукоризненно красива. Монгольским нотаблям, с несколькими словами Н.К.Р., тут же переведенными, передается охрана субургана. Совершаем последнюю прогулку по знакомым местам. Звенят серебристые ручки, бегают и кувыркаются в веселой игре полуручные сурки, жизнь которых мы так часто наблюдали.

Во время прогулки Н.К.Р. говорит, что мысль не должна умяться незначительными рассказами и пустой болтовней. Надо беречь всякую мысль и осмотрительно тратить ее энергию, не загромождая пространства ненужными или вредными мыслеформами. Раньше человек отвечал за действия, потом начал отвечать за свои слова, теперь пришло время ответственности за мысли.

Рано погружается лагерь в сон. Завтра с рассветом экспедиция двинется в путь.

19.VIII. Ночью встаю и выхожу из палатки. Еще рано, но не хочется спать. Холодная лунная ночь. Небо усеяно звездами. Чаша Ориона, дальше Венера. Юпитер переливается то красноватым, то голубым свертанием. Последние часы стоит наш лагерь, погруженный в сон, вокруг белого субургана.

Четыре часа утра. Поднимаются люди, то там, то здесь зажигаются костры. В шапке с большим козырьком, походном плаще и с револьвером на поясе – выходит из своей палатки Н.К.Р. По всему лагерю кипит работа, копошатся фигуры людей. К приготовленным грузам подгоняются верблюды. Лошади доедают свою утреннюю дачу ячменя. Тихо озаряется горизонт светом, и из-за хребтов Наньшаня стрелами пронизывают небо яркие лучи солнца. Одна за другой упали палатки, и, точно отбежавший от предгорья, субурган как-то красивее, окруженный воздухом. Караван готов, полотняного городка больше нет. С недовольным, капризным ревом поднимаются с колен груженные верблюды, двигается палаточный транспорт на мулах, за ним идет стадо баранов, предназначенных на продовольствие.

Мы садимся на лошадей и вытягиваемся по одному, Н.К.Р. – впереди. Направление – через горный хребет имени Гумбольта. Торжественно, величаво утреннее молчание гор. По редкому воздуху четко доносятся до меня голоса спутников. Я еду сзади, замыкая цепочку нашей конной группы. Ю.Н. с проводником переезжают вперед. Когда смотришь на внушительную группу верховых, на длинный караван аккуратно груженных верблюдов с конвойными по бокам, то чувствуешь свое участие в большой, хорошо организованной экспедиции, идущей в далекое путешествие. Дорога проходит вдоль гор. Справа утесы,

слева обрыв к долине Шарагольчи, со сверкающей в лучах солнца рекой. Аромат поднимается от зарослей вереска; между утесами собаки поднимают дикую козу, и она несется, точно стелется по воздуху, красиво отделяясь всем корпусом от земли. Переходим замерзший ручей. У скалы притаилось несколько эдельвейсов, точно в бархатных белых шапочках. Караван входит в скалистый коридор.

За утесами исчезает Шарагольчи, и мне кажется, что эта долина резко разграничила два периода моей жизни. Там, сзади, осталось все прошлое, какой-то ушедший в небытие ветхий мир, а впереди стелется путь к новому и прекрасному, неведомому, таящемуся в необозримых далях Центральной Азии, в таинственном Тибете. Уходит прежнее, став маленьким и ненужным, скользит в туманы прошлого. Взор устремляется только вперед. "Из возможностей внутреннего роста, в окружении всей роскоши пути проснется Ваше новое сознание, – говорит мне Н.К.Р., к которому я подъезжаю поделиться своими мыслями. – Развивайте наблюдательность и претворяйте внешние впечатления во внутренние переживания. Это поможет "переменить кожу" и внезапно очнуться сознанием в духовном мире".

В неширокой долине, в которую мы спускаемся с нагорья по крутой тропинке, разбивается лагерь. Сочная высокая трава, и по камням весело журчит светлый ручей. После обеда мы уходим с Н.К.Р. по лужайке далеко за лагерь. То здесь, то там разбросаны громадные рога каменных баранов – точно брошенные на стихшем поле битвы боевые рога. Н.К.Р. обращает внимание на эти рога, на тонкость работы природы. "Мы идем путем особым, – говорит мне Н.К.Р., – и если Блаватская должна была когда-то идти втайне и проникла в Тибет, скрытая в возе соломы, – то мы пойдем открыто и торжественно, с развернутыми знаменами. Каждый наш шаг будет достоянием легенд, которые сложатся о нашем походе. И кто знает, какие. На пороге прихода шестой расы – особенными должны быть и события".

Сегодня на моем попечении ночной караул. Наступает вечер, и понемногу засыпает лагерь. Смолкает говор, и только слышны в тишине шаги часовых. Медленно течет время. Собаки бросаются с лаем на кого-то невидимого – потом тишина, из которой рождаются тоскливые крики ночной птицы, отдаленный вой волков и шелест высокой травы под порывом ночного ветерка.

20.VIII. Теплое утро. Лагерь снимается в темноте, и при первом зареве зари двигаемся дальше. Выходит солнце. Над ним, точно распростерла крылья сказочная огненно-золотистая птица, ярко освещенное снизу продолговатое облако. Тихим светом озаряются снега гор, и тени ложатся на склоны. Издали любопытно смотрят на нас дикие козы и, повернувшись, мчатся, как ветер, преследуемые собаками. Идем постепенным подъемом. Местами по лугу, местами по гальке и песку. Впереди освещенные солнцем горные поляны и темное мрачное ущелье, а сзади громады массивов параллельных цепей, уходящих в туман солнечной дымки. Подъем делается значительно круче. Путь пересекается ложем реки, усеянным камнями; лошади спотыкаются, у некоторых ноги в крови. Тропинка становится диче и круче, а из-за скал выдвигается огромная гора, на которой лепится стадо антилоп-дзеренов. Наша тропа вьется над самым обрывом, и как-то невольно рука укорачивает повод. Лошади на подъеме останавливаются, тяжело водят боками и не могут отдышаться.

Перед нами Улан-Дабан – 16.000 футов высоты над уровнем моря. Почти над головой обо, груда камней, сложенная благочестивыми путниками и усаженная палочками с навязанными разноцветными флажками-тряпками. Эти обо обычно ставятся на спусках,

подъемах и трудных местах. Живописными силуэтами наверх въезжают наши передовые всадники. За ними поднимаются спиральной тропой и все остальные. От обо открывается чудный вид на дали горных цепей. К этим цепям спускается голубое небо с рядами длинных белых облаков, производя впечатление занавеса театра.

Отдохнув, начинаем спускаться. Я останавливаюсь и пропускаю мимо себя караван, который, следует сказать, очень красив. Монголы и торгоуты в национальных костюмах, ярких и живописных, с украшающим и дополняющим их оружием. Особенно интересен монгол, ведущий заводную лошадь. Он напоминает собой персонаж из XVIII столетия, в красном дорожном плаще с пелериной и черной шляпе-треуголке, из-под которой видна коса. Круто спускаемся вниз. Тихо, пустынно. Людей нет, но много разного зверья. Зайцы, горные курочки; за пару сажень вильнула хвостом лисица, а тут спасается в свою нору неуклюжий барсук. На высоте появляется грациозное стадо куланов.

Караван втягивается в долину реки Холтын-Гол. За ней амфитеатр снеговых гор с ледяными полями, сверкающими на солнце. Это новый хребет – имени Риттера. Подходит верблюжий транспорт. Намечаются места палаток. Общими силами ставится по очереди каждая. Потом идем в круглый шатер-столовую, в которой уже приготовлен обед. Чай в термосах, мясные консервы и лепешки, испеченные в золе.

После обеда идем с Н.К.Р. на прогулку. Н.К.Р. говорит о духовных Учителях и преданности им. О гуру и о том, что заповедано древней мудростью Индии. "Следует, – говорит он, – отличать преданность условную от преданности безусловной. Чаще всего люди проявляют последнюю при получении, но как только перед ними отдача, как немедленно начинают они ставить условия. Они вмещают получение, но ставят преграды, когда подозревают кусочки отдачи. Между тем, следует запомнить, что степень преданности есть степень получения. Вера в Учителя должна равняться точному знанию, и каждая условность веры дает условность последствия. А ведь никто не захочет назваться "условным" учеником. Такое название вызывает обиду. Точно так же реагирует закон на каждую условность – но закон не обижается, он соизмеряет. Надо быть уверенным в соизмеримости".

Дальше Н.К.Р. говорит о приближении времени появления шестой расы, которая должна заменить нашу, пятую, интеллектуальную.

Шестая явится носительницей духовной культуры, и перед ней откроются совершенно новые возможности.

21.VIII. Сегодня дневка. Животные каравана отдыхают на хорошем пастбище. В лагере идет просмотр вещей, чистятся оружие и седла. В большинстве у европейцев казачьи седла. У туземцев – похожие на них местные. Н.К.Р. ездит на английском седле.

Сегодня Н.К.Р. говорил о мудрости проведения черты между прошлым и будущим, между личным желанием и общим благом. Первая черта должна быть всегда в настоящем моменте. Вторая, отодвинув личное, дать как можно больше простора общему благу.

22.VIII. Рано готов караван. Предполагается трудная переправа через Холтын-Гол.

Когда мы садимся, под Н.К.Р. дыбится лошадь и падает. С удивительным спокойствием сел он на нее опять, без единого слова раздражения или неудовольствия, и поехал, точно ничего не случилось.

Идем к переправе. За горной грядой светлеет небо, и как всегда перед рассветом – холодно. Понемногу гаснут звезды. Обгоняем верблюжий транспорт. Важно шествуют верблюды своей медлительной, размеренной походкой. Переправа глубокая. Маленькое стадо наших порционных баранов сносит течением довольно далеко. С трудом выплывают непривычные к воде монгольские собаки. Дальше пустынная равнина перед предгорьем и горный хребет. Становится жарко.

Загорается безоблачное небо солнцем, и тени падают на запад. Чудный горный воздух, бодрящий и возбуждающий силы. Проходим высохшую реку. На берегу лежит пара гигантских рогов с маленьким черепом. Мало заметный, но постоянный подъем вверх. В высоте на голубизне неба резко вырисовывается обо. Солнце уже высоко. Монголы, по обычаю, скидывают свои бараньи шубы на один рукав. Мы проходим над обрывом, и в глубине его скользят наши тени. Поднимаемся на перевал, и за ним открываются новые горные гряды. С резким противным карканьем кружатся над караваном громадные черные вороны. Спускаемся в русло реки со сдвинувшимися над ним горами. Совершенно течение Рейна с его крутыми поворотами. Нависшая скала – совершенная "Лорелея", но взгляд на караван разрушает иллюзию – мы в Центральной Азии. Пейзаж оживляется водопадом. Нигде ни травки, ни дерева, и это характерно для проходимой нами местности. По ложу реки бегут несколько ручейков. В полноводье они превращаются в грозный горный поток, переправа через который немислима. Выходим на поляну. Она точно под защитой громадной крепости, построенной природой. На километры тянутся ее верки. Виднеется пещера, похожая входом на крепостные ворота. Доктор исследует ее, предполагая, что это древний пещерный храм. В пещере, по стенам, есть действительно что-то похожее на гигантские человеческие лики. Но есть ли это созданные в древности человеческими руками изображения или причудливое зодчество самой природы – сказать трудно.

Вечером Н.К.Р. говорит, что в искусстве надо отбросить все узконациональное, ибо в жизни искусства следует слиться со всем миром. Дальше заговорили о бездарных картинах, выставляемых обычно в окнах писчебумажных магазинов. Н.К.Р., не принимавший участия в дальнейшем разговоре, вдруг заметил: "И какая безысходная нужда стоит часто за этими картинами".

23.VIII. Холодное утро. Ручей лагеря затянуло ледяной корой. Вчера поздно легли, и все заспались.

Входим в горную долину. Впереди высокие горы. Над ними пики другого хребта с глетчерами на седловинах. Коричневых тонов горы уходят в голубое с белыми облаками небо. Снег сверкает на солнце. Нависшие громады скал, причудливые формы камней и утесов. В их очертаниях чудятся то какие-то человеческие фигуры, то формы сказочных животных. В граните, высоко над дорогой, пещера с ковром лиловых цветов у входа. При нашем приближении плавно поднимается с утеса большой белоголовый орел, и черная тень его скользит по обрывистой круче. С каждым шагом горы принимают все более грандиозные размеры. Кругом тишина. Обычным порядком идем мы часы за часами и около двух пополудни становимся на место.

Сегодня после обеда разговор идет о жизни будущей шестой расы. Высокодуховная, она построит ее по проекции жизни Высших Миров в форме общины, в которой главной основой будет духовность. Потом Н.К.Р. говорит о признательности и сравнивает ее с жемчужиной. И прибавляет: "Формальное встречает формальное, и истинное находит отклик в истинном. Так, например, формальная преданность Учителю встречает

формальный дар. Истинная преданность – и в ответ получается истинный дар".

24.VIII. Плохо спалось ночь во всем лагере. Одни задыхались, других теснили кошмары. Причиной этому – большая высота, на которой мы находимся, и мороз, дающий еще более разреженный воздух.

Туземцы боятся удушения на перевалах и называют его *сур*. В их представлении это или какие-то газы, вырывающиеся из земли, или стиснутые во время сна вокруг горла неосторожного человека руки злобных мстительных горных духов.

Плохо спится. Слышу, как дежурный будит лагерь. Выхожу из палатки – еще темно, и небо в сверкающих звездах. Горы обступили поляну. Дымят костры. Монголы сидят вокруг огня и пьют свой соленый чай, приправленный маслом. Это священнодействие, на которое уходит много времени.

На коновязи мелькают фонари, спешно выючат кричащих верблюдов. Дежурный докладывает Н.К.Р., что все готово. Садимся на лошадей и двигаемся в путь.

Освещаются вершины гор, и небо загорается теплыми оранжевыми тонами. Розовеют снеговые вершины дальних гор. Начинается день.

По узкой тропе между кочками замерзшего болота поднимаемся мы к перевалу Хотын-Дабан. В высоте, почти над нашими головами, появляется конный монгол. Он круто осаживает коня и пытливо всматривается в наших всадников. Встречи в пустыне всегда значительны, а кроме того, за спиной у каждого из нас злое поблескивает карабин. Постояв в нерешительности, монгол спешно спускается, и по дороге лицо его расплывается в широкую улыбку. Происходит обмен приветствиями. Он сначала не разобрал, что это европейцы. Думал, может быть, злые люди... По тропе спускается еще несколько монголов и с ними женщина. Все их вооружение – дрянное ружье на сошках. Начинаются расспросы: "А вы с Цайдама?" – "Да, идем уже много дней" – "Как болота?" – "Сейчас сухо и мух нет. По солончакам пройдет". Н.К.Р. выясняет картину пути по Цайдаму, Сведения удовлетворительны. Сухо, не жарко и нет ядовитых мух, которые делают проход через Цайдам невыносимым в жаркое и сырое время. Дружелюбно прощаемся с монголами и поднимаемся на перевал.

С другой стороны под перевалом – глубокая котловина, которую обступили громадные скалистые горы. Котловина так глубока, что лучи солнца не доходят до низа. Картина Доре. Из котловины ведет скалистый коридор в долину с ложем пересохшего потока. С обеих сторон горы. Отвесы скал в сотни сажен высоты наклонились над самой дорогой. Монгол, ведущий в поводу лошадь с завтраком, хотя мы давно миновали перевал, – плотно завязал свой рот платком. Вокруг совсем пустынно. Даже нет зверей. Только сурки, особый вид бесхвостых крыс, точно серые шарики катятся со всех ног в норки при нашем приближении. Псы Амбал и Тумбал довольно успешно охотятся за ними. Солнце греет совсем основательно. Опять вокруг пути сдвигается тесный коридор. Скалы песчаника с пещерами и какими-то причудливыми барельефами почти образуют в своем наклоне туннель. Над нами чудное темно-синее небо. Доктор ловит какого-то особенного кузнечика, испуганный заяц выскакивает из-под ног лошадей и несется вверх по склону горы. Через полчаса хода открывается болотистая поляна. На ней разбивается лагерь. Здесь останавливался Далай-Лама в 1904 году, когда бежал от англичан, занявших Лхасу. Поляна покрыта солончаками и окаймлена с одной стороны грядой холмов наносного песка, за которыми поднимаются горы. С другой стороны речки останавливается группа

всадников; монголы в полутибетских нарядах. Мы с Н.К.Р. подходим к ним. Старик с ясным, приятным лицом и его два, по всей вероятности, сына. Один взрослый, громадного роста, вооруженный хорошим ружьем и тибетским мечом, другой еще мальчик. С ними несколько вьючных лошадей.

Н.К.Р. говорит: "Если в Европе мирный расцвет XX века, то в Азии – средневековые с вооруженными путешественниками. Но следует оговориться, что если такой путешественник, не по европейскому обычаю, оставит летом свои вещи около дороги, то сможет найти их опять зимой, засыпанными снегом".

Через час сыновья старика приходят в лагерь. Старший приоделся. Красный халат с малиновым поясом, на голове малиновый же плоский тюрбан. С уха спускается громадная серьга-кулон. Бирюза с розовым кораллом, оправленные в зеленоватое тибетское золото. Обоим дают какие-то безделушки, поят чаем, и, очень довольные, они уходят за реку, где в наступающих сумерках загорается костер.

Вечером у меня делается сильная лихорадка. Доктор определяет, что это так называемая солнечная лихорадка от действия химических лучей солнца, особенно сильных на высотах.

25.VIII. Утром встаю бодрый после длительного сна, вызванного соответствующей дозой опиума. Ночью произошло малопонятное – сорвалась вся коновязь лошадей. Собаки, на которых во всяком случае можно положиться, – не лаяли. Монголы утверждают, что на этой поляне лошади всегда чего-то пугаются. Часть лошадей убежала. Наконец, они все пойманы, взнузданы и оседланы. Караван нагружен – все в порядке. Выходим по ложу реки к долине. Нагроможденные в диком беспорядке камни свидетельствуют о силе потока в разлив. Поднимается резкий холодный ветер. Горы становятся ниже и переходят в гряды холмов. Мы идем по тропе, по спускающемуся нагорью. Вдали желтеют пески; холмы с лилово-синими тенями раздаются в стороны. Слева монолитные горы-стены. Солнце начинает греть. Впереди поднимается на самой равнине скала – совершенно египетская пирамида.

То здесь, то там, среди песков – пожелтевшая трава. Нежными лиловыми цветами цветет дикий лук. На горе высятся развалины китайской сторожевой башни. Начинаются зелено-желтые луга, прихотливо вьется между кустами ручей. Ближе к горам на горизонте начинаются сплошные заросли степных кустарников. Дымятся юрты монголов. В лугах тысячные стада овец и табуны лошадей.

Около развилки ручья разбивается лагерь. Здесь мы простоим довольно долго. Необходимо дожждаться далай-ламского каравана, который идет к нам на соединение. Н.К.Р. предложил его начальнику идти с нами, и тот охотно согласился. Это безопаснее, т.к. транспорт – оружие, а на границе Тибета разбойничьи племена, и конвоя у транспорта нет.

Н.К.Р. говорит: "Мысль не должна умалаться незначительными рассказами, анекдотами... Это указывает на непонимание, как надо относиться к каждой мысли и беречь ее. Мысль есть живая сила, и ею следует пользоваться мудро".

26.VIII. Сажу в своей американской палатке. У окна, затянутого кисеей от москитов, походный стол, за которым набрасываю эти строки. И когда поднимаю голову от дневника, то в окно вижу лесок туи, за которым поднимается массив мощного горного хребта Цайдамин-Ула. Под самой палаткой журчит ручей. Идем через самый Цайдам, а не

обходим его с запада, как это намечалось раньше. Путь этот, хотя и труден, но интересен, потому что мы будем первыми европейцами, которые пройдут им. Еще так недавно, у себя в деревне, читал я на карте названия тех, тогда таких неизвестных и далеких мест, которые прохожу теперь на своем маленьком монгольском иноходце.

Сама реальность путешествия кажется моментами навеянными мечтами сном, от которого боишься проснуться. И вспоминаются слова Н.К.Р.: "Если бы люди захотели понять, насколько близка от их серой обыденности волшебная сказка жизни. Если бы они сумели одним усилием оторваться от старого мира предрассудков – какие возможности достижений и исполнения самых несбыточных желаний открылись бы перед ними. Неужели так приятно быть духовными мертвецами?"

С вечера пошел дождь. По натянутому брезенту палатки барабанят частые капли. За ужином говорим о странном всаднике, появившемся в лагере. Он необычен и крайне подозрителен. Подскакал к палаткам с аффективно-радостным лицом. На светло-гнедой лошади, в голубой чалме и коричневом кафтане. Смуглое лицо, черноволосый, белки глаз и зубы сверкают белизной. Маленькая бородка. Кричит: "Аман, аман", здоровьейте, и исчезает. Н.К.Р. думает, что это политический агент, приезжавший убедиться, здесь ли мы, дабы проверить донесения своих соглядатаев. Для многих наш проход в Тибет не особенно приятен. О всаднике говорят, что это узбек из Урумчи, чем-то торгующий. Чем-то!.. Так или иначе, но он очень подозрителен.

27.VIII. Стоянка наша болотиста. Палатки окопаны. Ручей надулся и вот-вот выйдет из берегов. Сыро, идет дождь. Поздним утром зайчик солнечного света пробрался в палатку и возвестил хорошую погоду.

Прекрасна панорама гор. Она на фоне нежно-голубого неба с протянутыми по нему бело-серыми облаками. Над вершинами горных цепей, покрытых выпавшим за ночь снегом, клубятся свинцовые тучи. Передние горы четко вырезаны на небе, дальние гряды чуть видны в тумане. Откинулись темно-синие тени по склонам, блестят своими белыми шапками пики Цайдамин-Улы, поверх облаков освещенные солнцем. Прекрасный воздух, но не горный, редкий, а густой, влажный.

К лагерю с пастбища подходит табун. Перекликаются между собой табунщики-торгоуты на своем, чуждом уху, гортанном языке.

Из шатра выходит Н.К.Р. Вчера посланы гонцы навстречу тибетскому каравану. Со дня на день надо ждать его появления. Мы говорим о маршруте, о том, что первыми из европейцев пройдем по намеченному пути. Н.К.Р. делает распоряжения. Тут и продовольствие, и ковка, и болезнь верблюда. Потом, гуляя по берегу ручья, мы говорим об искусстве. Все связанное с искусством и красотой бесконечно близко Н.К.Р. Он не только художник. Им много написано прозы, есть и сюита стихотворений глубокого символизма. Н.К.Р. удивительно красиво читает стихи. Как-то просто и в то же время проникновенно... "Искусство во всех проявлениях одно неразрывное целое; а кисть, резец, перо, слово – одинаковы в руке великого художника", – говорит Н.К.Р.

Днем делаю проездку своему "монголу" по направлению к развалинам башни. После обеда – чистка оружия, которое сильно ржавеет от сырости.

В полсотни шагов от лагеря на луг спускается орел. Он гуляет вперевалку и при виде бросившихся на него собак не спеша поднимается на своих могучих крыльях в воздух.

Вечером приезжает монгол Кебен. Он ездил в Аньси отвезти на китайскую почту наши письма. Он соскакивает с коня, подходит к Н.К.Р. и с почтительным поклоном вручает расписки. И приятно их видеть – они свидетельствуют, что до близких дойдут наши вести, последние перед долгой, долгой разлукой. Кебен удивительное существо. В нем какая-то дикая красота. Гордый, породистый профиль, точно кошачья, мягкая походка. Простой монгол – с врожденным умением драпироваться, и притом красиво, в самые невозможные лохмотья. На таких типах, как он, любопытно было бы проследить теорию перевоплощений. Я знаю литовку-учительницу, которая живет исключительно грезами о древнем Египте; знаю американца англосаксонской крови, для которого нет ничего ближе и дороже России. Интересно, кем был Кебен с его недюжинным вкусом.

Вечером из-за полога палатки слежу за жизнью целой колонии сурков. Их подземный городок в пятнадцати шагах от меня. Они играют, гоняются друг за другом или, сев около норки на задние лапки, с любопытством следят за каждым движением в лагере.

На закате идем с Н.К.Р. на далекую прогулку. Мне редко приходилось видеть человека, который так любил бы и понимал природу, как он. Его интересует каждая скала, каждая травка, каждое облако. И сколько видит он, вероятно, того, что ускользает от взгляда другого. Н.К.Р. всегда делится впечатлениями с окружающими. Прямо удовольствие быть около него во время заката или восхода, когда особенно сильны эффекты освещения. Он так сильно чувствует каждый момент и так тонко его отмечает. Начинаешь около него постепенно учиться проникновению в красоты природы. Как-то я сказал, что в его присутствии, присутствии такого великого художника, мне не совсем ловко высказывать свои дилетантские взгляды. "Это ничего, научитесь, – улыбнулся Н.К.Р., – уже через месяц наблюдения будете прекрасно понимать все эффекты тонов, но главное – наблюдательность. В этом все". И действительно, через короткое время научился я улавливать в природе то, чего прежде никогда не замечал.

Н.К.Р. больше всего любит горы и меньше всего лес. "Лес закрывает от меня небо, – как-то сказал он. – И в моих картинах вы редко увидите лес".

28.VIII. Тихий, уже осенний, день. Через местных монголов доходит слух, что далай-ламский нерв, доверенный, уже двинулся на соединение с нами.

29.VIII. Старшина улуса является приветствовать Н.К.Р. От него узнаем, что недавно тибетское пограничное племя вторглось на монгольскую территорию и напало на монгольские юрты. Произошла стычка, в которой оказались раненые и убитые с обеих сторон.

Над лагерем парят, кружат молодые орлы, целый выводок.

Сегодня особенно большой съезд монголов к лагерю. Одни приезжают продать барана, масла или овечьего сыра, другие – просто посмотреть на иностранцев. И у всех разгораются глаза при виде оружия. И притом не охотничьего, а боевого... Азиаты любят и ценят его. Прибывает и самый богатый человек в Махае. Самодовольный, упитанный, с тяжелым властным взглядом. С ним дворянин в голубом кафтане с красными обшлагами времен XVIII столетия.

Сегодня мы внимательно рассматривали ларцы, в которых монголы носят священные изображения. Эти ларцы вешаются на гайтанах на шею. Квадратные, иногда круглые, они из массивного серебра, с удивительно красивыми орнаментами. Обычно они украшены бирюзой или кораллами. И никогда двух одинаковых, все ручная работа. К счастью,

фабрика и штамп еще не проникли в пустыню. И подумать, что все, кроме оружия, – седла, утварь, одежда, юрты – осталось, как было во времена Чингиз-хана. Время здесь остановилось.

Прибыл гонец. Караван нервы подходит. Через час из горного прохода показывается всадник. За ним груженные верблюды. Караван останавливается, верблюды ложатся. Нерва совершенно болен. Красивое худое лицо с длинными опущенными усами, глухой слабый голос. С ним слуга. Огромного роста лама с белыми губами и веками. Вид разбойничий. Этот караван – остаток большого, ушедшего раньше. Один ящик с 29-ю американской работы пехотными ружьями и два с патронами, по тысяче на каждую винтовку. Так как верблюдов не было, Н.К.Р. распорядился послать пять из запасных нашего каравана. И мы опять говорим, как хорошо иметь такой груз в дополнение к своему вооружению. Завтра в поход.

Вечером Н.К.Р. высказывает взгляд, что суровость должна заменить безответственные эмоции и кисло-сладкую сентиментальность. Через незаменимость следует в неустанной работе стремиться к общему благу, и сама жизнь человека должна стать глубоко серьезной. Каждый, без указания, должен находить свой труд и свою максимальную полезность другим. Таких людей Н.К.Р. ценит больше всего, так же как и быстрый темп работы.

30.VIII. Раннее утро. На чуть светлеющем небе силуэты груженных верблюдов, точно вырезанные на предраассветной синеве. Особенно живописен верблюд, груженный оружием. Он отмечен флагом с надписью, что груз принадлежит "Непоколебимому держателю молний", то есть самому Далай-Ламе. Желтое поле и черная надпись. Ветра нет, и флаг неподвижно чернеет на длинном древке с навязанным под копьём хадаком, точно лентой на боевом знамени. Недвижен верблюд, а около него – застывший в утренней молитве лама. Силуэты Азии.

Светлеет с каждой секундой. Подъезжают на верблюдах монголы. На их животных выжженные на шее тавра – свастики, знаки огня; на наших, большею частью, круг – символ вечности. Азия окутана чарами мистики, и много тайн скрыто в местах, в которые никогда не ступала и не ступит нога европейца. Тайны зашифрованы и в рукописях монастырей, и в таинственных знаках на камнях, и в старых легендах, в сокровенный смысл которых не может проникнуть непосвященный.

Над нами веют два флага. Караван Н.К.Р. идет также с впервые развернутым американским флажком-знаменем.

Ландшафт и горы в густом тумане. Переходим через быстрый, бегущий по камням Иче-Гол и входим в узкую горную долину. По левой руке, с востока, массивы гор, за которыми виднеются все новые пики других цепей. Около девяти часов утра справа от дороги появляется ряд озер. Сначала они производят впечатление миража. Спрашиваем проводника. "Иче-Цайдам-Нор, господин", – лаконично говорит он Ю.Н. Карта подтверждает, что перед нами действительно система озер с наибольшим из них – Иче-Цайдамом на горизонте. Часа через четыре подходим к нему и разбиваем лагерь. Озеро в азиатских масштабах. Миль десять в длину и около двух в ширину. Вода в нем совершенно соленая. Берега топкие, грязевые. Вокруг озера громадные пространства лугов, на которых пасутся верблюды, стада овец и табуны прекрасных лошадей. До горизонта разбросаны юрты кочевников.

Наш лагерь на самой большой дороге, то есть у края глубокой тропы, протоптанной караванами. Синеватая гладь озера с серебристой полосой у противоположного берега, с которого в спокойные воды, как в зеркало, смотрится горная цепь. На значительном расстоянии амфитеатр гор окружает озеро и прилегающие к нему луга. Жарко. Воздух знойный, и окрестности тонут в лиловой дымке. Против моей палатки горный пик со сверкающим на солнце снегом – точно в бриллиантовой диадеме, переливающейся искрами своих граней.

Лагерная жизнь налажена. Дымятся костры с варевом, торгоуты, большие мастера конного дела, звонко куют лошадей. Члены экспедиции разошлись по палаткам. Кто отдыхает после перехода, кто пишет дневники, как я. Обед, как всегда: кусок сочной баранины с диким луком, чай и масляные лепешки. Надо сказать, что баранина мало надоедает. После обеда любуемся озером. Синий цвет воды, удаляясь, переходит постепенно в бледно-лазоревый, а последний – в серебристо-белый у противоположного берега. Отмели – богатые отложения соли. В десятке сажен от лагеря работают наши люди. Они прочищают ключ. Вода холодная, вкусная, но еще мутная.

Н.К.Р., доктор и я – идем к озеру. По дороге натываемся на залежи прекрасной голубой глины. Дойти до воды невозможно – грязь становится все более топкой. Доктор считает эту грязь целебной и говорит, что при культурности Монголии здесь могла бы быть большая грязелечебная станция.

Цайдам, в переводе с монгольского, означает – "соленая грязь". Эти болотистые равнины проходимы только зимой и при очень сухой погоде осенью. В период дождей солончаки Цайдама растворяются и страна становится непроходимой, особенно в своей центральной полосе, тянущейся от востока на запад. Там влажная жара, тучи комаров, оводов, шмелей и особых ядовитых мух наполняют воздух. На земле кишат тарантулы, скорпионы и змеи всех пород и сортов. Бывали случаи, что укусы насекомых доводили животных до бешенства. Только зимой или осенью, при исключительно удачных условиях, Цайдам проходим для караванов. При этих условиях мы и вступаем на территорию Цайдама. Как сказано выше, наш путь через нее особенно значителен тем, что мы первые европейцы, идущие этим направлением. Поэтому все наши записи и маршрутная съемка Ю.Н. имеют географическое значение как первые, на еще неисследованных местах. Обычно проводники указывали экспедициям другие пути и путешественники обходили Цайдам или с восточной его окраины, или с западной, через Таджинер.

Те места, по которым мы проходим Цайдам, сплошное болото, сейчас присохшее, но временами нога, проломив твердую корку солончака, погружается в мягкое месиво. Так или иначе, пробуем подойти к воде, к береговым лужам. Вода чисто-соленого вкуса. С кочки на кочку, проваливаясь в болото, возвращаемся назад и, наконец, выходим на твердую площадку перед лагерем.

Говорим о будущем. Н.К.Р. с большой надеждой относится к будущему сотрудничеству Америки и Азии, в частности Сибири. Он смотрит на сибирских крестьян как на большую силу, видит в них неиссякаемую энергию, природный практический ум и большую работоспособность. Американская техника как раз то, что нужно, говорит он, для поднятия Сибири на громадную производительно-культурную высоту и выявления всех ее природных богатств. Сибирские Вахрамеичи уже ждут американские тракторы и локомотивы.

31.VIII. Вчера и сегодня присматривался я к цайдамским лошадям. Это не те крысообразные лошаденки, которые обычно доводится видеть в Монголии. Какое коневодство можно было бы создать, слив цайдамскую породу с другой – чистой крови. Высокие, с могучими формами и прекрасным костяком, здешние лошади напоминают собой европейских полутяжелого типа. Если к этому прибавить красивую шею, правильный постав головы и тонкий хвост с нормальным отделом, – то тип цайдамской лошади обрисован.

Сегодня выступили в 6 часов утра. Хороший день. Ярко-голубое небо, и только на юге прильнули к горам тучи мрачных жемчужно-серых оттенков. Они сливаются на горизонте с сизым утренним туманом, в который прячутся дальние горы. Там же, на юге, выше облачной завесы молочно-белого цвета – тучки, уже окрашенные зарей в нежно-розовые оттенки. И нижние тучи принимают цвет розового опала. Мы огибаем озеро, сверкающее, как полоса дамасского клинка. Из-за гор брызжут каульбаховские лучи, и вслед за ними поднимается солнце. И опять глядятся горы в посветлевшее, как зеркало, озеро. С лугов поднимается аромат трав, издали кричат дикие утки – турпаны. Мы идем один за другим по тропе среди высоких трав. По мягкости тонов нежной дымки, в которую уходят дали, пейзаж очень напоминает Шотландию. Навстречу скачет монгол на прекрасной рыжей лошади. На нем белая конусообразная шапка со спущенным на нее султаном из красных снурков, темно-синий кафтан, подпоясанный голубым кушаком, и желтые сапоги. Около юрт заливаются собаки. Наш путь пересекает другая тропа. По ней идет несколько груженных верблюдов со сложенной юртой и домашним скарбом перекочевывающих монголов. Впереди, верхом на вороном коне, еще молодая, довольно пригожая женщина с двумя детьми. Младший у нее на руках, а старший привязан на спине. Муж ведет верблюдов, а шествие замыкают два свирепого вида пса. Всадник за всадником идет наша конная партия. В ветерке тихо веет звездный флаг, привлекая внимание монголов. Его везет на длинном голубом древке бурят, оруженосец Ю.Н. Проходим стадо. Монгольский скот очень плох. Мелкий, выродившийся. Молока он дает очень мало. Впрочем, и условия его существования ужасны. В зимние холода хлевов нет, разве что у хорошего хозяина около юрты навалена земляная стенка с наветренной стороны. Запасов сена на зиму не делается, и бывают случаи, когда тысячные стада гибнут от бескормицы. Монголы не любят работать, а кроме того, придерживаются старины. Так было при деде, так было при отце, так должно остаться и при нем. Проходим стадо. Коровки, похожие на плохих телят, с любопытством смотрят на нас. Мчатся собаки. Одна с хриплым лаем хватается лошадь доктора за задние ноги. Обычно флегматичная и неповоротливая, лошадь неожиданно ловко бьет ногой двух собак по очереди, и псы с жалобным воем катятся в траву. Они больше не рискуют нападать после такого сурового урока.

Останавливаемся около гор, в виду маленького бедного монастыря. После обеда все идут его осматривать. Убогий запертый храм с синими бунчуками по сторонам ворот в глинобитной низкой стене. Десяток келий, тоже запертых. Сегодня особенно долго не видно верблюжьего транспорта. Делаются разные предположения и посылаются верховой навстречу. Наконец, из складки местности показывается передовой верблюд. Транспорт идет в трех колоннах и представляет собой внушительное зрелище. Важно выступают корабли пустыни в своих кильватерных колоннах, изредка поворачивая по сторонам мохнатые головы. На переднем во второй колонне развевается желтый флаг Его Святейшества. Вокруг всадники конвоя.

К монастырю съезжаются конные монахи; из окрестностей скачут монголы посмотреть на дотолу здесь невиданных европейцев.

Высоко кружит над ожившей степью могучий орел. Лагерь вытянулся в линию. Наряженные дневальными люди отгоняют от палаток любопытствующих, стремящихся проникнуть в них. Вокруг кухни густая толпа. Появляются монахи с подарками, за которые кроме благодарности получают звонкие китайские доллары. Теперь здесь всюду расчеты на доллары. Еще несколько лет тому назад приходилось возить с собой серебряные болванки, которые разрезались и взвешивались на специальных весах. И обычно возникали недоразумения. У монголов и китайцев серебро было всегда полновесно, а у европейца "неправильные весы", – что, конечно, бывало наоборот. Среди посетителей четыре китаец. Хозяин и служащие. Внимание привлекает сам хозяин. Громадного роста атлет с бычачьей шеей и наглым лицом. И что особенно удивительно для Цайдама... в русских сапогах.

За чаем Н.К.Р. говорит о кооперации. Все держится ею, говорит он, и муравейник, и человеческое общество, и планетная система. Кладите всюду в основу общее благо – и прежде трудное станет легким. Приучаясь к вечному труду на благо человечеству, входишь в область космической жизни. Надо не только быть всегда готовым для работы, но трудясь, думать о следующем труде для общего блага. Надо почувствовать голод работы, ее непреодолимую потребность.

По словам монголов, место нашего лагеря изобилует змеями. Но в настоящее время видны только отверстия норок. Осень, и началась их спячка.

С трех часов ночи поднимается сильная песчаная буря.

1.IX. Холодно, чувствуется осень. Задолго до рассвета все готовы. Ведет караван местный проводник-монгол без дорог, по острым замерзшим буграм и кочкам. Кусты высоких трав по плечо всаднику. Переходим усохшие ложа потоков, стремящих воду во время таяния снегов к Цайдамским озерам. В сумерках утра вдали опять намечается водная поверхность. Болото кончается. Переходим на луг с высохшей травой. Наконец, легкие облачка на востоке начинают окрашиваться в бронзовый цвет. Запад неба розовеет в отсвете отраженной зари. Потом постепенно освещаются вершины гор. Огнем сверкнуло острие знаменной пики. Солнце поднялось над равниной. Растительность исчезает, и начинаются пески. Влажный полуболотистый грунт становится тверже. На юге невысокая горная цепь раздвигает проход, и в нем небо встречается с землей на линии горизонта. Но наш путь западнее, и мы входим в горы через ряды дюн, нанесенных господствующими песками. Собаки бросаются на стадо антилоп, но они не очень торопятся и, подпустив собак, легко уходят от них на простор пустыни. За песками, у гор, глаз ласкает изумрудная полоса травы, вероятно, около источника. Дорога с небольшим подъемом уводит нас в горы. Поворачиваю лошадь и смотрю на пройденный путь. Вдали полоса Ихе-Цайдама с сомкнувшимися вокруг него грядами гор. Всюду тишина, слышен лишь стук подков, да изредка брякнет стремя или приклад карабина.

В девять часов утра входим в узкий скалистый коридор. Скалы растут и быстро превращаются, выйдя из теснины, в отвесы, большие нежели небоскребы Нью-Йорка. Между ними уходит в неясные дали новая необъятная долина. На ней приветливо сверкает на солнце гладью своей поверхности озеро Бага-Цайдам-Нор. Здесь ниже, и долина покрыта густой сочной травой. Точно змея, извивается по ней речка. Подковообразно окружают долину горы. На востоке эта подкова размыкается, и простор становится безбрежным. С севера горы особенно круты и вздымаются вверх неприступными скалистыми отвесами. На западе гряда снижается и дает проход в другую долину, мимо которой мы завтра пройдем.

Расположились на берегу реки. Желтыми и зелеными полосами трав расцвечена долина; вдали едва заметными точками пасутся животные каравана под надзором верховых пастухов. В одной из палаток найден только что тарантул, и я раскладываю у входа к себе свежую баранью шкуру, шерстью вверх, – это вернейшее средство от заползания тарантулов и скорпионов. Хороши также веревки из верблюжьего волоса; в Персии ни один караван не останавливается в поле без этой предосторожности.

Красива воздушность пейзажа. Простор необъятный, и удивительная тишина, обычная в пустынях. Вдали поднимается пыль. Берем бинокли. Это стадо куланов с забавными большеголовыми жеребятами. Время идет быстро. Записал впечатления дня, почистил свое оружие; карабин даже не действует затвором от забившегося в него песка...

Вечером иду по реке вниз. Хорошо пахнет трава. Вечернее спокойствие разлито в природе. Возвращаюсь, и мы с Н.К.Р. смотрим, как лама Ламаджан с кремневым аркебузом, снабженным сошками, подкрадывается к диким козам. Лама! Где же заветы Будды? Долго видим голову охотника в траве. Козы настораживаются и... исчезают с быстротой ветра. Охота будущего гегена неудачна. И как-то невольно спрашиваю я Н.К.Р., любит ли он животных. Кошачьей породы – определенно нет. А остальных? Остальных! Пусть все живущее живет – это ответ на мой вопрос. Но я думаю, что Н.К.Р. любит животных, интересуется всеми их проявлениями и жизнью, что я замечал много раз на примере, больше, нежели об этом говорят.

Всюду в степи и у реки маленькие аккуратно-круглые норки. Это – змеиные. Противное и неприятное соседство.

2.IX. Монголы сообщают сведение, что недавно, направляясь в Тибет, прошли через Таджинер европейцы и по дороге снимали карты.

Н.К.Р. предполагает, что это не кто иной, как бывший германский офицер Фильхнер, путешествующий в настоящее время по Азии.

Ночью с коновязи опять сорвалась часть лошадей и мулов и исчезла в горах. Обрывки поводьев указывают, что животные чего-то испугались. Мы относим этот испуг к подошедшим куланам или волкам. Монголы – всецело к проделкам *тог-да*, проказливых духов гор.

В жемчужных облаках разливается цвет "сомон", переходящий в опалово-розовое освещение, эффектное на туманно-синем фоне неба.

Н.К.Р. распоряжается назначить людей на поиски сорвавшихся лошадей. Едут – тибетец Кончок и торгоуты. Они превращаются в чуть видные точки и исчезают в степи. Караван уходит, а мы с Ю.Н. остаемся с парой монголов ждать результата поисков как промежуточный пост. Мучает голод, и монголы предлагают цзампу. И надо сказать, что по сытности нет ничего лучшего. Маленькая чашечка месива, похожего по виду и даже отчасти по вкусу на тертые каштаны, – и сытость обеспечена надолго. Маленький мешок цзампы, кусок кирпичного чая и горсть соли – месячное продовольствие туземца в пути. Можно себе представить подвижность конных армий былых монгольских завоевателей, с лошадьми на подножном корму степей и продовольствием воинов, не зависящим от провиантских магазинов. Но все же к цзампе необходимо привыкнуть, и привыкнуть с детства. В ней для непривычного европейца есть какая-то противная приторность. Изредка смотрим в бинокли. В степи нет движения, не видно ни наших беглецов, ни посланных за ними людей. Время идет. Ю.Н. посылает вторую партию на поиски. Едут

монголы, и им дается новое направление – на вчерашний лагерь, так как животные часто возвращаются на прежнюю стоянку. Потом садимся и идем догонять караван. Рысью и галопом по густотравной равнине. Ветер свистит в ушах на скаку, ароматный и теплый. Так как моя лошадь также угнана духами гор, то я еду на муле. Он очень приятен под верхом, только немного нелепа комбинация казачьего седла и лопоухого полуосла. Впрочем, мулы очень милые животные, умнее лошади, изящные и тонкие. Только тугоузды и упрямые. Сильны они поразительно. На солончаке переходим в шаг. Едем точно по только что выпавшему снегу, даже хрустит, как в мороз. А в небе пылающее жгучее солнце и в воздухе разлито тепло. Дорога становится хуже. Под тонким настом притаилось мокрое болото. Всюду топко, и копыто легко пробивает соляную кору. Потом начинается открытое болото. Почва похожа на торф. То здесь, то там открытые "окна" с черной стоячей водой. Провалиться в такое "окно"... страшно подумать. И еще раз убеждаешься, какое предательское место Цайдам. И сразу поднимается в двух шагах дюна сухого, крепкого золотистого песка. Отвес, сажени в две высоты, обрывающийся прямо в болото. Птицы и насекомые отсутствуют. Только в воде кишит какая-то мелочь. Издали за холмом стучат молотки разбиваемого лагеря.

Хорошего источника, несмотря на утверждения проводника, не оказалось, и мы довольствуемся болотной водой. Доктор находит ядовитых пауков. На подушке моей постели сидит скорпион значительного вида и величины. Часа через три возвращаются лошади. Они в ужасном виде и несомненно неслись с какой-то погоней за собой. Их поймали у старого лагеря. После обеда начинается песчаный буря и загоняет всех по палаткам. Верблюды лежат с вытянутыми по земле шеями, лошади повернулись по ветру и стоят понурясь, с развевающимися гривами.

Вечером сидим все вместе, и течет круговая беседа. Н.К.Р. замечает, что обычно невежество складывает у человека фальшивое представление, будто бы он очень образован. И дальше высказывает мнение, что понятие о Боге или отсутствует у большинства людей, или заменено понятиями, не превосходящими фетишизма. Редко становятся они на правильный путь сознания, что постижение Силы, создавшей из непроявленного жизнь во всех ее бесконечных формах, – есть нечто совершенно невозможное. Могут быть лишь пути к пониманию, но не конечное знание. И подумать, какой ожесточенный многовековой спор ведется теологами о происхождении Духа Святого от Отца или от Отца и Сына.

3.IX. Сегодня стоим на месте. Перед нами трехдневный безводный переход по пескам и солончакам. Н.К.Р. распоряжается отправить верблюжий транспорт вперед на один переход, под начальством Голубина. В нем идет весь тяжелый груз. Мы остаемся, так как пройдем в два дня то расстояние, которое проходится верблюдами в три. С нами пойдут мулы, имея на себе палатки, постели и кухню. Все запасы воды усиленно пополнены.

День холодный. Выхожу на холм. Порывы ветра крутят и несут тучи песка. Ни один режиссер не смог бы создать такого неестественно-театрального свиста и воя, как сам ветер. Точно на Ваграмском поле в "Орленке" Ростана... А под холмом следы разыгравшейся здесь драмы пустыни. Рожки, ножки и клочки окровавленной шкурки дикой козы, а вокруг отпечатки волчьих следов.

В ночь уходят верблюды. Лагерь опустел и необычно тих. Пес Амбал скулит на веревке – его сотоварищ Тумбал ушел с транспортом. Днем является лама, весь в желтом. Он приносит неизбежный шелковый платок – хадак и мешочек изюма в подарок. Просит разрешения идти с нами в Тибет. Разрешение получено, и к нашему лагерю

пристраивается еще палатка. Два ружья, два человека и пять лошадей. Чем больше караваны в таких путешествиях, тем лучше. Счет людей идет количеством ружей.

Н.К.Р. говорит: "Если бы люди поняли душой, что за пределами их сознания развертываются все новые и новые высшие жизни. Жизнь никогда не прекращается, не имеет предела и "дышит" везде. На дальних и ближних мирах – всюду жизнь. И как прозрачно намекает об этом Евангелие. Как ясно указывает на это Учение Благословенного Будды".

4.IX. В три часа ночи поднимаемся, по обыкновению. Опять в одной из палаток находят необычайной величины тарантула. Но есть и милые зверьки. Сурки здесь так небоязливы, что играют под ногами и в пылу игры вскакивают на сапог. Еще темно, когда мы двигаемся в путь. Начинается рассвет. Болото, по которому с трудом проходят лошади, потом галька. Впереди горы. В первых лучах восходящего солнца сверкает большое озеро на равнине. На фоне посветлевшего на западе неба видны только силуэты гор. Их скаты затянуты завесой утренних туманов.

По обычаю, на первом километре пути слезаю подтянуть подпругу. Какая картина за нами. Ясное зеркальное озеро. На противоположном берегу полоса луга, а за ней розовеют, переходя в темно-красные тона, горы песчаника. Точно, отступив, любуются они собой, отражаясь в водных глубинах. А у самого берега поднялся из воды отдельный утес. Одной вершиной уходит он в небо, а другой, отраженной, – в зеркало голубых вод. Из далей, точно купаясь в туманах, поднимается хребет Бага-Цайдамин-Ула со своими снеговыми вершинами. Все пронизано, залито солнцем. И ярки и нежны одновременно краски природы. Последний взгляд на озеро, местами тронутое белым блеском соляных отложений, и дальше... догонять спутников.

В восемь часов вступаем в горы, высокие, утесистые. Поворачиваем через узкую долину на северо-запад. Перед нами угрюмый дикий пейзаж. В глубине долины точно гигантская сцена с подымающимися в небо отвесами каменных кулис. Никакая фантазия не могла бы создать лучшей картины дантова ада. Проносится ветер. Воет. Шелестит сухой осенней травой, пригибает к земле чахлые кустарники. И в этих порывах ветра точно жалобное пиччикато скрипок "Франчески да Римини" Чайковского. Стонет мелодия, и в ней вой ветра в каменных коридорах адского круга. Точно стоны, точно крики отчаяния... так похожа песнь ветра на оркестр... и кажется, вот-вот появятся в воздухе бледные тени Лионеля и Франчески и расскажут свою печальную повесть... Уходим за правую каменную кулису в много миллионов пудов весом и из природного театра спускаемся перевалом через узкий коридор в равнину. Стремя чиркает о выступы скал. По бокам раздвигаются скалы то с малиновым, то с бронзовым отсветом и зеленоватыми жилками. Над тропой последняя скала. Черная, с ажурными контурами, точно с наброшенным на нее платком дорогого испанского кружева. За коридором разостлалась долина с мягкими перекатами небольших длинных холмов, протянувших свои гряды с востока на запад. По земле от высоко плывущих в небе облаков скользят лиловые тени.

Проводник поворачивает на восток. В темном халате и ярком платке-тюрбане сидит он на соловой лошади с высоко подтянутыми стремянами седла. Опытный, старый, зорко всматривается он своими острыми глазами вдаль. Несколько часов идем на восток. И к общему удивлению и большому смущению проводника наш путь пересекает прозрачный горный поток. Широкий и довольно глубокий. Что же он врал, что нет. Но монгол умеет выйти из положения: "Не пейте – эта вода ядовита". Мы останавливаемся на несколько часов. Все проголодались. Через четверть часа завтрак. Поджаренная на саксауле

баранина, приправленная ароматными травами, и последний цейлонский чай на... ядовитой воде. Уже много раз приходилось отмечать весьма малую осведомленность проводников и их ложь. Сколько лишнего груза – воды, и совершенно ненужное разделение каравана.

Отдохнув, двигаемся дальше. Погода сухая, ветреная. Подъезжаю к Н.К.Р. Мы говорим об искусстве, старых мастерах и школах живописи. Характерно, как личность Н.К.Р. поднялась над всем пошлым. Я не мог бы себе представить того, кто бы в его присутствии позволил бы себе рассказать грязный анекдот. Во всяком случае, я не хотел бы быть на месте рассказчика, хотя уверен, что ответом на такой анекдот было бы со стороны Н.К.Р. только одно молчание.

Темнеет. В чистом небе заходит солнце, и на смену ему поднимается луна. Издали в ее неверном освещении поблескивает озеро Дабасун-Нор. Мы вступаем в самую опасную часть Цайдама, именуемую монголами "Шале". Пейзаж упрощен. Ровная, как скатерть, пустыня, чистое небо с луной в неизмеримой высоте и мерцающими звездами. Точно призраки, скользят один за другим всадники в надвинувшейся темноте. Вступаем в недвижные волны холмов-барханов, переходим на кочковатые болота. Дальше – точно река, запруженная ледоходом с нагроможденными друг на друга льдинами, – это громадные плиты соляных отложений. Нам сопутствует удача. Несколько дней дождя... и, потопив караван, потеряв, быть может, несколько человеческих жизней, – мы должны были бы повернуть обратно. Проводник, видимо, очень обеспокоен. Иногда останавливается и, точно собака, принюхивается к воздуху. Съехавший с тропы бурят Бухаев получает резкий окрик. "Идите только за мной и не съезжайте с тропы, – говорит проводник, – тогда мы отсюда все выйдем благополучно". Идем, собственно говоря, над жидким болотом, покрытым соляным настом от 4-х до 10-ти вершков толщины. Лошади ступают с гулким стуком копыт, точно по настилке деревянного моста. В тропинке дыры, по сторонам при тусклом освещении молодого месяца видны черные "окна", вероятно, бездонные. Несколько шагов от тропинки... треск, провал и неминуемая гибель.

В два часа ночи привал. Лошадей привязывают на канат-коновязь и навешивают торбы с ячменем. Ложимся прямо на болоте, на соляных глыбах. Будит нас восходящее солнце. По краскам восход напоминает солнечные восходы в Месопотамии. Перед нами опять пустыня. Ночью пройдено гиблое место Шале.

На горизонте холмы. Часа через два пути опять входим в солончаки. Вдоль далеких холмов заросли кустов, около которых образуется мираж многоводной реки. Кусты тянутся по всей дуге горизонта, а из туманов, лилового вершинами, выступает новая горная система. Это уже тибетская гряда Талай-Нара, переходящая в хребет Го-Шили. По мере движения солончаки сменяются степью с зарослями молодого тростника и лугами высокой травы. Через тропу перекинулись сотни звериных следов. Становится жарко. Мулы сильно устали и идут в нескольких километрах сзади. Всадники, утомленные бессонной ночью, дремлют, качаясь в седлах. Даже проводник держится сегодня сзади. Он не нужен на прекрасной дороге, ведущей на Хуху-Арал и, видимо, отдыхает от ночного нервного напряжения. Переход был опасен, и это оцениваешь только потом.

Около 12-ти часов дня караван разделяется. Н.К.Р. остается с Е.И. и частью прислуги, чтобы переждать палящую жару в наскоро разбитой палатке. Я веду транспорт палаточных вьюков дальше. Усталые мулы или ложатся, или сбивают вьюки, и тогда их очень трудно поймать. Путешествия по Персии, Индии и Месопотамский поход, очевидно, сделали меня малочувствительным к жаре. Мы идем по изумрудно-зеленым зарослям.

Среди колышущегося в ветерке камыша струится извилистая река. Луга сменили болота и белые солончаки. По пути много дичи. Пасется стайка грациозных газелей, из-под копыт выскакивают зайцы. Между густой осокой мелькнула спина серо-серебристого волка. Хуху-Арал кипит оживлением. Верблюжий транспорт уже пришел. Палатки разбиты, дымят костры, и Голубин встречает меня с большой кружкой чая. Переход сделан благополучно. Голубин шел по берегу Дабасун-Нора и днем через полосу болот. Провалился один верблюд, которого с трудом вытащили. Вечером выставляем на пригорке электрические фонари, из которых образуем равнобедренный треугольник, далеко виден он в темноте. Кроме того, навстречу Н.К.Р. отправляется монгол, чтобы провести отставшую партию по самой короткой дороге. Поздно вечером в темноте выходит на наш сигнал Н.К.Р. с остальными спутниками.

6.IX. Рассвет. Точно действительно из голубых сумерек поднимается розовоперстая Эос. Перед лагерем пасутся наши верблюды вперемежку с дикими козами. Над рекой пролетает треугольник диких гусей, точно розовых под лучами поднимающегося над землей солнца. Из тростников взмывают с криками утки, вспугнутые водоемом. В тростниках люди только что видели медведя и бегут за ружьями. Жаркое тихое утро. Поражает необыкновенное количество куликов, синиц и чаек. В высоте звенят невидимые жаворонки и парит большой ястреб.

В лагерь приходят монголы и сообщают интересное сведение – монгольское посольство из Урги прошло в Нагчу и дальше в Лхасу для переговоров о назначении особого Богдо-Гегена для Монголии. Другое сведение – подтверждение сражения монголов с тибетцами недалеко отсюда, в предгорьях. Теперь будто бы тибетцы ведут разведку на пути, по которому пойдет наша экспедиция. Из расспросов у меня создается впечатление, что это уже вторая стычка, о которой мы слышим. Н.К.Р. обсуждает со мной положение, докладываю ему о выработанных мерах бдительности и тактике в случае столкновения с тибетцами. И Н.К.Р. соглашается со мной, сделав несколько дополнений. Одним из них является пробная стрельба, чтобы видеть, насколько лошади будут спокойно относиться к выстрелам. Вечером у коновязей выпускается несколько пачек патронов. Результат получается вполне удовлетворительный. А в общем, мы представляем из себя совершенно достаточную силу, чтобы отразить в открытом бою шайку разбойников.

Урочище Хуху-Арал – последняя наша стоянка на территории монгольского Цайдама. С севера виднеется последняя горная гряда пройденной нами Монголии. На юге и юго-востоке поднимаются снеговые горы. Это уже горы Тибета. Завтра переходим к новой фазе пути, в которой надо быть особо бдительными. Мы вступаем в области, населенные разбойничьими племенами.

Вечером по поручению Н.К.Р. мы еще раз обсуждаем с Ю.Н. вопрос возможности боевых действий, результатом чего появляется маленькая инструкция: "На походе вперед выделяется дозор, идущий на расстоянии 250 шагов от ядра нашей конной партии. За ним следует боевая группа, имея при себе вьюки с боевыми припасами. Сзади на $\frac{3}{4}$ километра верблюжий транспорт с конвоем, потом мулиный транспорт и тыловой дозор. В случае тревоги боевая группа спешивается и занимает позицию, обеспечивая собственные фланги. Лошади отводятся к верблюдам. Верблюды укладываются за подходящим закрытием, а люди конвоя образуют вторую линию, на которую в случае надобности отходит первая, или резерв для маневрирования. Люди мулиного транспорта берут на себя охрану тыла и флангов верблюжьего "вагенбурга". Эта инструкция имеет в виду предотвратить суматоху и беспорядок, могущий в неорганизованном караване

создать панику при первых выстрелах противника. Дальше решено сделать репетицию перехода из походного порядка в боевой, с тщательным распределением людей, особенно на флангах, как наиболее чувствительных местах. Н.К.Р. одобрил и это, причем руководство боем предложил мне. Из полевого устава взяты знаки-сигналы и сообщены людям.

7.IX. Встаем, по обыкновению, до восхода и свертываем лагерь. Опять с верблюдами что-то не спорится, и среди поводырей чувствуется какая-то вялость. Наконец – все готово. Выступаем в 6.30 утра. Низко, не выше пары футов, пролетают над нами дикие гуси. Солнце поверх туч освещает вершины гор ярким светом. Идем по травянистому лугу с глубокой быстрой речкой. Она то течет посередине, то прижимается к обрывистым краям своей долины. Много болотных птиц. Под самым солнцем ровная облачная завеса опалового цвета – остальное небо нежно-лазорево. Впереди далекие силуэты тибетских гор. Из розово-жемчужных облаков и тумана сверкают их снежные вершины. В лугах табуны лошадей, стада мелких коров, тысячи овец и коз; последние уже тибетского типа. К нам подходит прекрасная лошадь и смотрит на проходящий караван. По дороге, которая переходит из долины реки на пустынное плоскогорье, тянутся заросли кустов с солеными; красными ягодами, из которых монголы готовят довольно крепкий напиток приятного вкуса. Свежие ягоды отчасти напоминают вкус арбуза и очень сочны.

Около 8-ми часов утра вся местность поднимается, точно брустверами укреплений изрезанная глубокими каньонами. Речка здесь быстрее, и ил дна заменяется крепким гравием.

Изредка чахлые деревья, но трава по реке становится все гуще и изумруднее. Идем по верху, который за несколько часов пути стал совершенно безжизненным. Песчаная пустыня. Жара. Весь караван закутан густым облаком пыли. К полудню спускаемся к реке, где и располагаемся лагерем. Это урочище Бура, на реке Буран-Гол. Верблюды сильно отстали. По прибытии начальник транспорта Голубин докладывает, что все время сваливались плохо притороченные вьюки. Пригонка была плоха. И невольно приходит мысль, что в поведении поводырей есть какой-то фокус.

В ожидании обеда расходимся по палаткам, а Голубин с самодельной удочкой отправляется на ловлю форелей, которых довольно много в быстрых реках.

За обедом Н.К.Р. говорит, что перед человечеством предстали события космического величия. Приблизилось создание новой культуры, и происходит перед нашими глазами переоценка прежних ценностей. Деньги обесценены, земельные акции стали шаткими, и человечество подходит к новым ценностям, ценностям искусства и знания. Переходя к вопросу общего блага, Н.К.Р. сказал: "Величайшая и благороднейшая задача человека направить страдающих от эгоизма и себялюбия – к работе на общее благо".

Вокруг нас юрты монголов, бежавших из предгорий. Дальше они направляются под защиту цайдамского бейсе – князя, неограниченного феодала. Очевидно, не сегодня завтра между монголами и тибетцами приграничных племен начнется война.

Подымаюсь вечером на обрыв. Внизу лагерь. И расположен он очень уютно. Палатки разбиты на узком лугу, с крутыми подъемами с обеих сторон. Река цвета вороненой стали течет среди луга. За полосой кустов горные цепи с лиловыми тенями, а надо всем – глубокое, темно-синее небо. Красиво выделяется желтый далай-ламский флаг над палаткой со сложенным в ней оружием. Между палатками снуют люди и кудахчут петухи и

две курицы, едущие с нами из Шарагольджи. Они совершенно освоились с жизнью в деревянном домике, который в пути возится на верблюде, и теперь хлопотливо роются в жирной земле. В тени наметов лежат собаки, а вокруг на даровом корму, так как здесь ни луга, ни земля не принадлежат никому, пасутся наши многочисленные животные.

Завтра большое событие – мы вступаем в Тибет, оставляя за собой пройденный Цайдам. Кстати сказать, карты Цайдама совершенно неверны. Они изображаются сплошными болотами, тогда как на самом деле на нем есть и пустыни, и горы, и местности, пригодные для скотоводства.

8.IX. Уходим с места стоянки вечером. Верблюды и мулы уже ушли днем, по жаре. С утра накрапывавший дождик перестал. Жарко. На небе ни облачка. Над местом убранного лагеря парит ястреб и вдруг бросается с высоты вниз, как стрела. Впрочем, это совершенно не производит впечатления на бегающих по земле трясогузок. Цель ястреба – остатки барана у кухонного костра. Выступаем в шесть часов вечера. Идем по долине реки. На обрыве сидят три удода. Монголы находят, что это прекрасный знак. Удоды, и кроме того – три. Особенное счастье ожидает нас. В Европе в средние века удод считался магической птицей. Здесь как монголы, так и тибетцы относятся к нему почтительно; последние, говоря об удоде, всегда прибавляют к названию птицы *кушо* – господин. Мы проходим, и удоды продолжают сидеть, посматривая друг на друга, точно действительно что-то знают о нас. Долина реки беднеет травой, кустарники постепенно исчезают.

Опять поднимаемся из долины на плоскогорье. Держась за гриву, наклонившись вперед, выскакивают наши всадники по крутой тропинке наверх. Начинает попадаться новая разновидность кустов с черными ягодами, вроде бузины. Ягоды густо, без промежутков, выросли гроздьями на стебли. Они тоже съедобны, несколько вяжущие, вкуса вишни и сильно красящие, как черника.

К восьми часам вечера сгущается туман и окутывает очертания ближних холмов. В туманах и горы второго плана. Дальние гряды едва намечены. Долина реки сжата стенами из песчаника, с глубокими промоинами весеннего половодья. Обгоняем верблюдов. Их караван красиво вьется по долине, всползает змеей на кручу на точно размеренных дистанциях, в обычных трех колоннах. Впереди бегут собаки, а в промежутках – поводыри и конвойные. Живописны их азиатские фигуры в красочных свободных нарядах; и таким неуместным кажется Голубин среди них, в мятой фетровой шляпе и пиджаке, подпоясанном патронными сумами.

В долине становимся лагерем. Мы с Ю.Н. тщательно осматриваем и оцениваем местность с военной точки зрения. Палатки ставятся в "мертвом пространстве", а карниз над ними дает прекрасный второй ярус обороны. Впереди брустверами укладываются группами тюки, могущие служить совершенно достаточными закрытиями от пуль кремневых и однозарядных ружей, имеющихся, как мы выяснили, на вооружении у голоков и паногов.

Сегодня ложимся спать не раздеваясь. Слух о последнем бое монголов с голоками совершенно подтвердился. Убитые еще не убраны и лежат недалеко отсюда при дороге на боковое ущелье. Делаю распоряжения, распределяю караулы и иду с вечерним докладом к Н.К.Р.

Одна из особенностей Н.К.Р. – это его удивительное умение создать приятную атмосферу совместной работы. В случае проявленной инициативы и самостоятельного творчества – его сотрудники всегда получают полное поощрение. Никогда ни нервного окрика, ни

резкого слова.

В лагерь приходят монголы и дают новые данные. Оказывается, монголы устроили головам засаду и в упор открыли по ним огонь с сошек. Несколько человек были убиты, а остальные поскакали в горы собирать сородичей для мести монголам. Ближние монгольские улусы спешно откочевали в глубь Цайдама. Князь имеет кое-какую вооруженную силу. Ю.Н. полагает, что тибетское племя были не голоки, а панаги, особенность которых – атаковать в конном строю с диким криком "ко-хи-ху".

К 10 часам лагерь спит. Не спят только часовые и вполголоса бормочут молитвы. В карауле обычно один европеец, следящий за правильным исполнением караульной службы. Сегодня караул из лучших людей, бдительных и надежных, насколько может быть надежен бурят или монгол.

Ночью, проснувшись, я выглянул из палатки. Слева силуэт обрыва; дальше вправо тонущая в темноте равнина, а впереди, в бледном свете луны, точно призраки, стоят горы Тибета. Из мрака появляется фигура Портнягина с карабином за плечом. "Все благополучно?" – "Да, уже скоро рассвет". Опять ложусь. И как только голова коснулась подушки, действительность уходит из сознания. Крепко и быстро засыпаешь в пути.

9.IX. Притаюсь за скалой с биноклем, я наблюдаю. На утесе невдалеке два орла. Нельзя наглядеться на их медлительные царственные движения. Они охорашиваются, чистят перья и равнодушно посматривают на меня. И в этом равнодушии сквозит какое-то презрение. Как мало похожи эти птицы на своих родичей за проволокой, в зверинцах: грустных, нахохленных, с растрепанными перьями. Нет, диких животных надо смотреть на свободе.

Н.К.Р. говорит о музее своих картин в Нью-Йорке. "Я забочусь о нем так же, но не больше, чем о других учреждениях под моим руководством, в которых нет ничего моего. Я истребил личное отношение к своим картинам и совсем оторвался от них". Дальше Н.К.Р. говорит о собственности вообще: *"Мое – надо заменить понятием временно находящееся в моем распоряжении"*. Собственность в обычном понятии вредна тем, что привязывает к земле". Становится понятным, почему великие Учителя человечества так подчеркивали освобождение от "имения" и звали заменить ценности "мира сего" ценностями духа.

Один за другим поднимаются на ноги верблюды, и поводыри привязывают их друг за другом; седло переднего и носовое кольцо заднего. Скоро транспорт исчезает в облаке пыли. Мы остаемся и пьем чай под красивой черной скалой с цветными жилками. К шести часам жара уменьшается, и мы садимся на лошадей. Путь вьется равниной между кустами. Солнце садится в густую мглу облаков, протянувшихся на западе. Остальное небо чисто и в нем еле намеченная луна. Что-то маленькое и верткое мечется под ногами лошадей – это тушканчик.

Он уморительно прыгает на своих длинных ножках, видимо, очень напуган, и быстро скрывается в куче камней. Вокруг песчаные барханы, потом сажженный подъем, и мы выезжаем на ровную площадку, усыпанную песком, точно нарочно приготовленную для военных парадов. Генералы Фридриха Великого были бы от нее в восторге. Сумерки, туман и пыль. Песок становится крупнее, и галька скрежещет под копытами. В темноте под обрывом шумит и бьется о скалы быстрый Неджи-Гол. Далеко впереди при лунном свете виден между горами широкий проход. Это созданные природой ворота – ворота в

Тибет.

Невдалеке весело краснеют костры. Чьи? И к нашему удивлению узнаем, что это наши верблюды, которые должны были бы быть в движении и далеко впереди. Голубин докладывает, что люди развьючили верблюдов, пьют чай и дальше идти не хотят. Н.К.Р. приказывает вызвать нерву каравана, то есть старшину – тибетца Кончока. Через переводчика следует горячий разговор. И тогда выясняется поведение монголов, которое мы уже несколько дней не могли понять. Трупы убитых невдалеке. Здесь еще, так сказать, пахнет порохом – и трусливые монголы попросту боятся идти вперед. А вдруг засада. Проводник-лама, видно, тоже боится. И тогда вмешивается в разговор Н.К.Р., подъехавший к кучке спорящих, окруженных толпой наших бунтарей. "Они не хотят идти вперед!" Н.К.Р. говорит: "Они должны идти". Хотя монголы не понимают языка, но сама интонация действует на них, и люди расходятся, спешно грузят верблюдов. За все время похода я никогда не видел, чтобы кто-либо не послушался спокойного и властного слова нашего вождя.

Один за другим гаснут быстро разгорающиеся и так же быстро затухающие костры из аргала. Теперь новая заминка. Проводник отказывается идти вперед, ссылаясь на то, что темно и ничего не видно. А луна озаряет местность полным светом. Но с проводником разговор короткий. Ю.Н. переводит ламе несколько моих крепких, подходящих случаю выражений. Потом мы становимся впереди, и конная партия приходит в движение. Невдалеке бесшумно скользят громадные со своими выюками силуэты верблюдов. Проводник едет за Ю.Н. и выразительно читает вслух молитвы. Идем быстро, но горы точно уходят от нас, и только часа через три подходим к проходу в скалах. Пришпорив лошадь, отделяюсь от других на сотню шагов и первым вхожу на землю Тибета. Смотрю на часы – ровно двенадцать.

Невдалеке от тропы, неестественно вытянувшиеся, длинные, лежат трупы убитых.

Горы сразу меняют свой вид. Их громады величественнее и диче сравнительно с горами Цайдама; при луне – вид у них сказочный.

Через два часа останавливаемся на ночлег, который устраивается под прикрытием наклоненной над песчаной площадкой скалы. Впереди, за увалами, надежная стрелковая позиция.

Сегодня моя очередь дежурить. На походе европеец входит в число туземных часовых. Но так хочется спать. Глаза слипаются, мысли путаются... Единственное средство быть бдительным и не заснуть – оставаться на ногах.

Собаки ложатся поодаль. С ними легче. Но вот они, точно сговорившись, встают и ленивой побужкой исчезают в темноте... это очень скверно. Монгольские собаки мало привязаны к человеку, плохие сторожа и глупы. Мелькнула тень. Точно кто-то перебежал от того острого камня... Машинально щелкает затвор карабина. Нет, ничего, так показалось. А вот опять какое-то движение у коновязи... И всматриваешься напряженными, усталыми глазами в темноту... Отстояв свою очередь, бужу бурята и, завернувшись в шубу, ложусь с карабином у изголовья. И моментально засыпаю.

Под утро подходят мулы и верблюды.

10.IX. По утреннему холодку, выпив по кружке горячего крепкого чая – двигаемся дальше. Идем долиной, в которой река Шагин-Гол вырыла себе глубокое ложе с

многосаженными стенами. Внизу бьется о камни вся запененная зеленая вода; глухо шумит, то образуя пороги, то сбрасываясь в каскаде вниз. Караван поднимается и опять опускается в глубину, к реке. Идем опасными узкими тропами, часто с уклоном, на котором лошади съезжают, садясь на круп и упираясь в землю передними ногами. Как лошади, а особенно неуклюжие верблюды эквилибрируют по карнизам и поднимаются на кручи – нечто непостижимое. Мулы же чувствуют себя совершенно в своей сфере. Они родом из гор Наньшаня. По сторонам – высокие снежные горы. У одной, недвижимой полосой, точно лентой обвивая ее вершину, залегло облако. Оно царственно-пурпурное в лучах солнца.

Мы идем поверху. Там, где в глубинах своего ложа река поворачивает, из обрыва по отвесу поднимается стадо серых диких коз. Они прыгают по чуть заметным выступам и почти уже наверху. Передовая коза выскакивает на площадку и неожиданно натывается на бросающихся на нее собак. Момент, и козы скачут вниз, в пропасть, по обрыву, по крайней мере, высотой с шестизэтажный дом. Надо видеть самому, чтобы поверить, как они бросаются на всем скаку в глубину, изредка задерживаясь на выдавшемся камне или выступе в ладонь шириной. Какой расчет, какая ловкость. Миг – и козы внизу у реки, пощипывают траву, а собаки, изумленные исчезновением добычи, опасно поглядывают вниз.

Подходим к горе с облаком. Ее вершина, точно из оксидированного серебра с чернью, темные скалы, проступающие на проталинах из-под снегового покрова. Облако уже жемчужно-розовое от нового освещения. Оно поднялось выше и короной венчает вершину. Между просветом двух гор видна новая горная цепь. Небо синие, горный воздух чист и прозрачен. Скалистой тропой, сначала между стенами гранита, потом по открытому карнизу, опять спускаемся в долину Неджи-Гола. Новый поворот, почти отвесный спуск, и мы у реки внизу. На противоположном берегу, точно из самой воды, поднимается неприступная каменная стена, теряясь в высоте. С шумом бьется поток о скалы. За этим шумом не слышно голоса. На нашем берегу маленькая полянка, запертая в утесах, на которой мы и решаем поставить лагерь. Над спуском, в высоте, силуэт обо – наваленных друг на друга камней; точно бесстрастная фигура буддийского монаха, застывшего со склоненной головой в бесконечном созерцании.

Один за другим спускаются на поляну верблюды. Каждого, окружая, осторожно сводят вниз проводники. Н.К.Р. обращает внимание на красоту картины. "Не так ли, – говорит он, – шли когда-то караваны библейских времен. В той же обстановке, среди той же природы".

Усталые, рано идем мы сегодня спать. Ложусь и начинаю дремать, слушая усыпляющий шум водопада. Так шумел он тысячелетия тому назад, так шумел он, когда еще молода была наша планета. Какие люди останавливались до нас на этой площадке? Что происходило на ней столетия тому назад?.. И точно какие-то сцены прошлого проходят перед мысленным взором, вызванные силой воображения.

11.IX. Четыре часа утра. Лунный свет дробится в волнах, играет бриллиантами в брызгах реки – картина удивительной красоты на фоне черных, с резкими тенями скал. Шумит Неджи-Гол в своей вечной ноте "фа".

Поднимаемся по вчерашнему карнизу и выходим на равнину в горах. Опять спуск и переправа через точно кипящий в своей быстроте приток Неджи-Гола. Дальше опять подъем. Обступающие реку скалы суживают ложе и образуют мрачное ущелье, из

которого с воем и шумом вырывается река.

Над бездной с кипящим внизу пенным котлом потока идет наша тропа. Только поставить копыто – ладони две шириной. С одной стороны пропасть, с другой – стена. В первый раз идти по такой тропе жутко. Шагов пятьдесят до расширения, и за ним опять карниз. Переходя это опасное место, животных развьючивают, облегчая и уменьшая грузы. Все идут пешком. Страшно посмотреть вниз. Но это только страшно в первый раз, потом привыкаешь, заставляя себя не бояться.

И просто соображаешь. Какая разница падения с высоты в десять или тысячу футов – результат один.

Через час становимся лагерем в местности Буху-Тахой. Широкая равнина с тем же Неджи-Голом, по которому мы идем уже несколько дней. Здесь он широкий, спокойный и неглубокий. Кусты, хорошая трава.

Монголы обращают внимание Ю.Н. на каких-то туземцев, которые точно высматривали нас, а потом, вскочив на лошадей, усаkali. Посланные люди вернулись с того места и сообщили, что еще тлеет костер. Привезли забытую чашку для цампы и полунабитую трубку. Что-то уже очень подозрительное...

Взбираюсь с биноклем на скалу и осматриваю внимательно местность. Всюду спокойствие, тишина, и никого не видно. Под ногами долина реки, зеленые луга с кустарником, между которыми выются несколько ручьев, впадающих в Неджи. Много ключей. За рекой по плоскогорью ходит стадо куланов. Под скалой разбивается лагерь. Бегают, хлопчут люди. Вокруг всего, точно рамой картины, поднялись высокие горы. Поднимаюсь еще дальше на гору. С треском крыльев выпархивают из-за камня горные куропатки. Удастся подойти совсем близко к ворону. Он больше своих европейских собратьев и совершенно черный. Поворачивает вбок голову и умно посматривает на меня своими блестящими глазами. Точно важная духовная особа в черной сутане. Каждое движение полно собственного достоинства. И вдруг несколько неожиданных скачков галопом. Сразу пропадает впечатление значительности. Это уже не важный прелат... Это просто клоун. Так часто бывает и с людьми. Выгодное серьезное впечатление разбивается какой-нибудь глупой несообразностью, и впечатление сразу пропадает.

Обедаем мясом кулана, убитого сегодня утром нашим табунщиком Дорджи, страстным охотником. Мясо нежное, вкусное и лучше воловьего. Кстати сказать, я не знаю человека более неприхотливого в пище, чем Н.К.Р. Он обычно довольствуется самым простым, скромным и никогда не говорит о еде. С ужасом вспоминает Н.К.Р. помещичью жизнь прошлого, когда целый день не сходила со стола еда в деревенском доме и усердно потчевали гостей. Во время работы, а особенно творчества, Н.К.Р. совершенно забывает о пище.

12.IX. Встали, по обычаю, рано. Брезжит день, а над горой еще стоит бледный диск луны с четко намеченными на ней неровностями и кратерами. Понемногу разливается свет зари, и, укорачиваясь, исчезают лунные тени, гаснет ее бледный диск. Холодно. Резкий ветер заставляет кутаться во все, что есть. На востоке удивительной чистоты тонов горное небо, в контрасте с клубящимися грозowymi облаками на западе.

Идем верхом. Внизу сталью поблескивает река. Спускаемся по осыпающемуся песчаному обрыву. Со всех сторон бьют светлые ключи. Долина широка, густой ковер сочной травы. Вдали стада куланов и диких коз. И чувствуется, что это пустыня, что так далеко отсюда

люди. Над долиной гигантские утесы, уходящие своими вершинами в небо. Вообще следует отметить, что горы с каждым днем становятся красивее, оригинальнее и больших размеров. Спускаемся в долину и много раз переходим притоки Неджи. Все еще холодно, хотя солнце давно уже поднялось над горами. Местами попадаются мерзлые лужицы.

Извилистыми ущельями ведет тропа на плато, на котором, как на столе, высятся горы с зеленоватыми, а чаще красноватыми отливами в складках и расщелинах склонов. Подымаются пики, белые, сверкающие своими снеговыми панцирями; за ними плывут белые облака. Вдали, над горами, собираются опаловые тучи. Н.К.Р. говорит, что обычно в этом цвете они – над перевалами.

Общий интерес вызывает наш старший торгоут, заметивший стадо куланов. Он стреляет по одному, но неудачно. Поднимая пыль, стадо несется к горам. Охотник скачет дальше, спешивается. К нему присоединяется Портнягин, ехавший далеко впереди, и другие. Они заметили более крупную добычу – диких яков. На лугу, за скалой, пасутся эти громадные черные животные. Косматые азиатские бизоны мирно щиплют траву. Их три. Выстрел. Два яка уходят – третий бросается на охотников, которые спасаются от него во всю прыть лошадей. Охота кончается благополучно, но неудачно. Оцарапанный пулей як прекращает погоню и уходит в горы.

Переходим хребет Толай и становимся лагерем у его подножия. Идем, следует отметить, очень удачно. Без дождя, а по рекам видно, что вода только что спала.

Вечером разговор о политике. Загорается жаркий спор. Н.К.Р., как общее правило, никогда не противопоставляет своего мнения другим. Он как бы покрывает чужие взгляды своей поправкой, которая всегда освещает неправильность мнения оппонента.

13.IX. Двигаемся поутру в путь. Крутом глубокая, звенящая тишина. Над горами серые, а выше – нежно-оранжевые облака. Солнце всходит в туманах, но потом туманы садятся и загораются теплым светом снеговые вершины гор. Море красок и оттенков рождается навстречу солнечным лучам. Через час пути перед нами поднимается новая горная цепь со сплошными ледяными полями. Снег эффектно выделяется на фоне облаков своей девственной белизной. Это мощная горная цепь Ангар-Дакчин или, на языке Географического общества, – хребет Марко Поло. Темная громада с лиловыми оттенками и белыми налетами снега по скатам. Наверху сплошной вечный снег. Пока из-за ближних цепей видны только самые вершины массива. Идем по плато. Справа оно обрывается над рекой, за которой поднимается отвесная стена гор. Слева переходит в холмы предгорья тянущейся параллельно дороге горной цепи. Впереди несколько холмов, а за ними равнина с юртами на дальнем плане. Еще дальше роща давно не встречавшихся деревьев. Вдруг из-за холма впереди показывается сомкнутая группа всадников, скрывающаяся за следующим холмом (см. схему 1). Проводник останавливает лошадь и отчаянно кричит: "Голоки, разбойники, разбойники". Потом поворачивает и с воплями несется к реке, показывая знаками, чтобы все следовали за ним, после чего в единственном числе исчезает в каньонах у реки. Несомненно, в этих появившихся и исчезнувших за холмом и вооруженных до зубов всадниках есть что-то, будящее подозрения. Складывается ясное представление, что они стремятся обойти и отрезать нашу конную группу от транспортов. Впрочем, расстояние до врагов велико, вооружены мы отлично, и времени на разрешение боевого задания – сколько угодно.

Теперь, когда я, спокойно сидя в палатке, записываю впечатления дня и всесторонне оцениваю произошедшее, то не могу не указать, что благополучному исходу дела мы

исключительно обязаны Н.К.Р. и данному им распоряжению. После появления всадников в полной неизвестности обстановке наступила некоторая растерянность в нашей группе. И тогда послышался спокойный голос Н.К.Р., приказывавший частью спешенных людей занять небольшой гребень на плато, а другой, конной, быстрым движением зайти в тыл голокам.

Ни один офицер генерального штаба не смог бы лучше разрешить задачи, ни один боевой офицер – распорядиться хладнокровнее перед очевидной возможностью боя. Решение сразу обеспечивало нашу связь с тылом, создавало огневую завесу и прикрытие фланга, а равно давало нам прикрытый отход по реке. Маневр же конной части создавал для обходящих нас опасность быть самым взятыми с тыла.

Весь наш маневр был настолько явен и противнику, что этим шахматным ходом и в его глазах игра была решена. Предупреждено было кровопролитное столкновение. Конечно, голокам пришлось бы плохо – заговори наши скорострельные карабины, но для нас этот бой мог создать осложнения дипломатического характера с тибетским правительством, а это могло повлечь за собой отказ властей впустить нас в Тибет.

В результате столкновение всецело прошло на маневре с обеих сторон. Первым его моментом следует считать появление голоков, поворот нашей конной партии назад и занятие гребня стрелками. Второй – окружение нашими всадниками противника, зашедшего за холм и остановившегося там, как только подскакали наши всадники.

Когда я подъехал за холм – голоки спешили, в знак отказа от дальнейших агрессивных действий, и раскуривали трубки. Спешили и наши, не выпуская, впрочем, карабинов из рук. Предводитель голоков – маленький сухощавый старик с хитрым лицом. Серьга в ухе, жидкие опущенные вниз усы и коса на бритой голове делали его очень похожим на запорожца. Синий кафтан, спущенный с обнаженного правого плеча, меч, усыпанный бирюзой, и берданка дополняли его живописный облик. Остальные воины, в ярких кафтанах, вооружены частью кремневыми, а частью однозарядными современными ружьями. Все с мечами и небольшими кинжалами-ножами у пояса. Лошади маленькие, плохие. Лица полумонгольские, полуиндоевропейского типа, с длинными всклокоченными волосами. На груди невероятное количество ладанок с образами, заговорами и амулетами. У всех правая рука обнажена по плечо. В руках одного воина, почти мальчика, длинное копьё. Эта пика совершенно ясно указывает, какие намерения были у голоков. Это "копье войны", посвященное богу войны и как бы заменяющее его личность в бою.

Разговор самый сбивчивый, странный. На наш вопрос, что значит этот вооруженный, оскорбительный для нас наезд, старик объясняет, что, конечно, ни он, ни его соплеменники не хотели нападать на нас, великих и сильных людей, но они приняли нас за отряд монгольских солдат, идущий на их аилы. Потом перешел на то, что украдена какая-то белая лошадь, и он с воинами преследует похитителей-монголов, а на помощь и в подкрепление старшинами вызвано еще 50 сородичей, которые вот-вот должны подойти. Из всего этого вранья ясно видно, какая цель была перед голоками, и объясняется, кто были туземцы, которых мы спугнули несколько дней тому назад на берегу реки. Наша сила, уверенность в себе и активность остановили предполагавшееся нападение на экспедицию. Во время переговоров, которые мы намеренно затягивали, подтянулись наши тылы. Голоки же, сказав, что едут дальше преследовать конокрадов, сели на коней и исчезли с глаз.

На сближенных дистанциях, с мерами предосторожности, двигается наш караван к перевалу Неджи-Дабан. Но ввиду того, что этот перевал из-за сыпучести троп непригоден для верблюдов, Н.К.Р. решает завтра идти на другой перевал, милях в семи отсюда, а сегодня остановиться в долине Неджи. И это решение, как оказалось потом, избавило нас от нового и худшего столкновения. В горах нас ждала засада на первом перевале, и как раз в числе 50 человек, о которых говорил предводитель партии, вышедшей нам навстречу. Слух о нашем движении дошел сюда уже давно, и нападение готовилось несколько недель, о чем нас смутно, тоже по неясным слухам, предупреждал таинственный лама.

Особенно тщательно выбирается по распоряжению Н.К.Р. место лагеря (см. схему 2).

Места для палаток выбраны непосредственно под кручей в несколько футов высоты, с ровной площадкой наверху. На ней вырыт ряд окопов, приспособленных для стрельбы в обе стороны. Из окопов этого верхнего яруса обстрел достаточно хорош назад и на фланги. Вперед огонь свободно может быть открыт через верх палаток. Палатки стоят в ряд. Сзади наши, далеко вперед вынесены туземные майханы. Нижние окопы расположены на фронте лагеря перед туземными палатками. Правые – с расчетом обороны сектора перед выдающимся мысом, а передние дают превосходный обстрел равнины. Левый фланг обслуживается левыми окопами верхнего яруса. Таким образом военное искусство Запада противопоставлено беспорядочному нападению азиатских воинов.

Верблюды на ночь укладываются между линиями палаток справа, а лошади выдвинуты табуном вперед влево, так как при шуме стрельбы они неизбежно, сорвавшись с коновязи, потоптали бы лагерь и внесли бы ненужную суету. В холмике перед палаткой Н.К.Р. и его супруги вырыто углубленное укрытие на случай обстрела лагеря с фронта. Охранение вверено часовому на верхней площадке, и при нем в окопе находится дежурный по охране. При всяком подозрительном движении или шорохе он подходит к часовому. В дежурной части три человека караула, дремлющие под кручей. Остальные люди распределены на случай тревоги по окопам. Секторы имеют своих начальников-европейцев. Маневренный резерв собирается к палатке Н.К.Р. Все патроны и ручное оружие сложены у той же палатки. Все распределено, окопы вырыты, и на душе совсем спокойно.

После обеда в лагере начали появляться голоки. Это, конечно, тоже своего рода разведка. Часовые, составленные в козлы ружья и суровое отношение к посетителям производят должное впечатление. Их не боятся, а это наиболее импонирующий всякому азиату фактор. В довершение всего далай-ламский нерв в разговоре сообщает голокам, что у нас есть пулеметы. Голоки прекрасно знают, что это за штука – пулемет. Они необычайно жадны к оружию и с вождением рассматривают издали наши ружья. "О, это маузер, не наган", – говорит один из воинов, смотря на револьверную кобуру проходящего мимо доктора. Оказывается, в предгорьях Марко Поло прекрасно разбираются в системах новейшего оружия.

С небольшой свитой появляется старшина. По обычаю азиатской вежливости, он приходит в гости без оружия, как и все остальные.

У этого нотабля необычайно хитрый вид и облик, начиная с одутловатого скуластого лица

с жидкой бородкой и кончая кафтаном и лисьим колпаком – удивительно похож на облик московского стряпчего XVII столетия. Он сообщает, что послана отмена прибытия подкрепления, и рассыпается в обычных цветистых азиатских любезностях.

Из гор со всех сторон сгоняются стада баранов. И это опять показатель того, что их угоняли в безопасные места на случай боя. А может быть, это военная хитрость для успокоения нашей бдительности. Вечером Н.К.Р. лично обходит все посты, он входит во все мелочи, расспрашивает обо всех деталях предполагаемой обороны и осматривает окопы.

14.IX. Час ночи. Лежу в окопе, закутавшись в теплую баранью шубу. Над окопом – неподвижный силуэт часового. Мог ли я подумать, что когда-либо придется мне охранять европейский лагерь в самом сердце Азии. Странна судьба, и никогда нельзя знать, что ждет человека на его жизненном пути. При часовом – собаки. Они сегодня бдительны, чутки и точно чувствуют, что надвинулась какая-то опасность. Лежат, положив головы между лап. Поднимут головы, насторожатся и слегка рычат... Смена. Освещенный луной, взад и вперед ходит часовой с карабином на плече.

Ночью чувствую, как слегка дрожит мелким дрожанием земля. Легкое землетрясение. На горах с точно остановившимися около них на ночлег облаками чуть начинают розоветь снега. Верблюды уходят на утреннее пастбище. Облака делаются лиловыми, потом принимают дымчато-опаловый оттенок. Начинается долгожданный восход. В лагере просыпаются люди. Потягиваясь и зевая, идет Кедуб к кухонной палатке разжигать костер и ставить чайники. Стук копыт. Появляется всадник. Это поводырь от верблюдов. Четыре лучших верблюда исчезли и, по-видимому, злостно угнаны. Распоряжаюсь Зерену и халхаскому ламе ехать немедленно на поиски. Должно быть, опять здесь не без голоков. Или надо задержать нас подольше на месте, или ими руководит иная цель. Из палатки выходит Н.К.Р. и, выслушав мой доклад, решает ждать, пока не будут найдены верблюды. На походе он указывает быть особенно бдительными.

Конечно, на месте нам не страшны никакие нападения, даже стремительные конные атаки. Все заключается только в том, чтобы вовремя заметить движение и остановить его огнем. Залегши на местности, открытой на тысячи шагов во все стороны, не только голоки, но и опытные европейские войска не могли бы удержаться без лопаты. При нашем вооружении, количестве патронов и укрепленной позиции – мы непобедимы. Но на ходу, при внезапном огне из-за укрытий, при недостаточности наших органов разведки – положение было бы гораздо хуже.

Приходит в лагерь монгол – не голок. Он рассказывает проводнику, что голоки сильно разлакомились на наш караван и так или иначе, рано или поздно, собираются напасть. Особенно заманчив груз оружия.

Шесть часов утра. Полная луна совсем побледнела и скрывается за горной стеной. Ламы возвращаются со всеми четырьмя верблюдами. Их нашли в глухом ущелье, куда они сами не могли зайти. Ламы видели даже следы конских копыт, перепутанных с их следами. Вне сомнений, что верблюдов туда угнали.

Солнце высоко в небе, когда мы выступаем с нашей укрепленной позиции. Выезжаю на горы-барханы песка темно-желтого бархатистого отлива. Удобно наблюдать с высоты всю нашу колонну. Впереди едет Н.К.Р. Иногда, когда спрашиваешь его, как сделать то или другое, он неизменно отвечает – "сделайте так, как лучше". И вот там, внизу, таким маленьким кажется он в группе точно игрушечного каравана. Да и вообще, разве велика

физическая оболочка человека – но какой всеобъемлющий дух часто живет в ней. Дух Н.К.Р.! Он велик в этой удивительной, такой своеобразной и яркой личности. Много легенд сложилось вокруг имени Н.К.Р., и самое имя это произносится в разных странах разнообразно; но чувствуется, сколько жизненных битв и побед, всегда побед, группируется около него.

Караван втягивается в зеленую долину. Замыкающие ее горы, тоже с порослями зелени, – явление в северном Тибете редкое. На сочном пастбище беспризорный монгольский скот. Маленький, выродившийся. Куропатки, зайцы и неизбежные сурки. Лошади спотыкаются об их норы. Долина суживается в ущелье с ложем полусухого ручья. Здесь начинается подъем на перевал Неджи-Дабан. Воды в ручье достаточно, тогда как проводник божился, что на всем перевале вообще воды нет; о том же говорили и голоки. И это опять наводит на размышления.

Подъем крутой, скалистый; особенно трудно идти верблюдам с их мягкими, ничем не защищенными подошвами копыт. Все выше и выше. Оглядываюсь назад. Уже далеко внизу осталась пройденная долина. Облака плывут по склонам гор и понемногу закрывают собой глубины. Тропа становится все хуже; нагроможденные камни и плитняк. Какие-то красные и темно-желтые цветы на ползучих растениях, обвивающих серые камни. С клекотом реют над нами орлы. Это молодые, которые еще учатся летать. Животные выбиваются из сил и все чаще останавливаются, тяжело дыша и вода боками. Ехать верхом опасно. Неверный шаг лошади – падение и сломанная нога всадника...

За день у нас несколько встреч. То из-за утеса выезжает вершник и следит за движением каравана, то появляются несколько всадников и, увидев нас, залегают за камни. По верхней дороге спешит молодой монгол на белом коне, весь в красном, с закинутой за спину винтовкой – это, вероятно, гонец из аила в аил. Каждый раз подозрительным всадникам противопоставляются равные силы, и дело ничем не кончается. Ясно – голоки следят за каждым нашим движением. Но у нас все начеку. Чехлы с ружей сняты, а у монголов развернуты тряпки, которыми они любят завязывать от пыли затворы.

Н.К.Р., около которого я еду местами, где позволяет ширина пути, говорит со мной по поводу текущих событий. Он требует большой бдительности, усиленных караулов и того, чтобы людям были указаны места на случай тревоги в лагере.

С трудом поднимаемся к желанному обо, и перед нами ровная площадка. На ней появляется Голубин, скачущий навстречу с винтовкой, поднятой над головой. На языке войны это значит "внимание, неприятель близко". Как-то дрогнуло сердце. Так всегда перед боем, и мысль мелькает в мозгу: "А, наконец начинается".

Мы с Ю.Н. спешим вперед, навстречу... но застываем на месте, пораженные. Забыты голоки, забыты военные столкновения и зловещий знак Голубина. Забыто все перед лицом незабываемой красоты. Красота и мощь природы. Громада масштабов. Передать словом эту картину нельзя – ее надо видеть. Обо и сразу крутой спуск в тысячи метров. Точно ниточка – исчезающая в складках отлогости тропа. Далеко-далеко внизу громадной ширины долина в десятки километров; на ней еле заметными точками видны в бинокль люди, группа лошадей и что-то побольше, черное недвижимое в середине. Большое, уже величиной в целую спичечную головку. С другой стороны поднимается грандиозный хребет Марко Поло. Мрачный, черный, с ледниками и ледяными полями. Суровая, но величественная картина, которой никогда не забудешь. Долго смотрим мы на нее.

Тревога оказалась ложной. Внизу наши люди, и их выстрел по яку взбудоражил Голубина. А дальше по долине точно песчинки черного цвета. Какие это песчинки – это дикие яки. Стадо, голов около пятисот. Один из них, сраженный меткой пулен, – лежит в центре группы внизу. Спускаемся в долину. Торгоуты дожидаются нас. Экземпляр яка очень большой, с крутыми страшными рогами. Раненный, с перебитой ногой, он бросился на охотников. Вторая пуля в голову остановила его.

Над горами тучи, свинцово-серые, тяжелые. Из них рокошет гром. Монголы очень недовольны охотой торгоутов. Горный бог рассержен.

Разве не его голос в раскатах грома? "Несдобровать нам, ведь это убийство живого существа в его царстве", – говорят они.

Начинается дождь, переходящий в рыхлые хлопья снега. Становимся лагерем у ручья за оврагом. Люди, шедшие сзади, опять повстречались с партией голоков. Шел разговор о пропаже белой лошади и куда держат направление иностранцы. Что значит – опять разведка.

Валит густой снег. В нескольких шагах ничего не видно. В этих условиях возможно нападение. Но Н.К.Р., хорошо знающий обычаи Азии, сомнительно качает головой. "Нападение! Нет, шансов на это мало. Два обстоятельства уменьшают эту возможность. Во-первых – гроза, во время которой ни один азиатский разбойник не решится напасть, разве кроме китайца. В ней суеверные туземцы видят угрозу божества идущим на неправо дело. А во-вторых, на снегу останутся следы нападавших, по которым их можно преследовать".

Палатки разбиты. В них холодно, неудобно. Дышать трудно. Долина на высоте не меньше 15.000 футов. Не переставая идет снег, а в то же время в горах гроза и гром тысячью отзвуков отдается в горах.

15.IX. Встаю рано. Выхожу из палатки – зима. Лагерь спит. Согревая друг друга, плотно прижавшись, лежат рядами запорошенные снегом верблюды. Лошади роют копытами снег и, пофыркивая, ищут траву. Ночью умер шедший с нами лама. Сердце не выдержало высоты. Другой лама с помощью наших людей готовит похороны. По обычаю, мертвеца оставляют в скалах или пустынном месте, а дикие звери исполняют роль могильщиков.

У меня сильная одышка. У большинства людей болит голова и идет носом кровь. Это состояние связано у них со вчерашним обильным ужином из мяса яка. Монголы неводержанны в пище, а на высотах первое, что необходимо, – это строгая диета.

Медведи! Два медведя подходят совсем близко к лагерю. Походив и понюхав воздух, они неуклюжей рысью бегут к горам. Медведи большие, с белой шерстью на шее. Долго еще видно в бинокль, как они возятся около остатков убитого вчера яка, спугнув десяток насыщавшихся ими коршунов. При первом же крике "медведи" – Н.К.Р. вышел из своей палатки, чтобы посмотреть на них. И в этом видны интерес и любовь его ко всему живому. Он одинаково внимательно относится и к лечению лошади, и к полету в синеве неба белого сокола-балабана, и к ужимкам придорожного зайца, уморительно чистящего мордочку. Игра сурков или движение дикого зверя равно интересуют его.

Перед уходом каравана происходят похороны. Мы все выходим на край лагеря отдать последний долг нашему почившему спутнику.

Вот и печальный кортеж. Труп, завернутый в чистую белую войлочную кошму, взвален на лошадь, которую в поводу ведет другой лама. Сзади, не подходя близко, с лаем бегут собаки. Шагах в пятидесяти от лагеря тело сваливается прямо на снег и покрывается шубой. На голову кладется желтый платок, указывающий на то, что покойный был ламой.

Караван готов. Впереди идут колонны транспорта, сзади мы. Караван уходит, а около опустевшего лагеря остается лишь то, что вчера еще было оболочкой живого человека. Проходим мимо. Труп уже занесен снегом и почти что не виден под саваном, которым его бережно укрыла сама мать-природа. Быстро разошлись облака. Сверкает в солнце белый пейзаж, а в синеве неба кружат большие птицы – это коршуны. Думал ли лама, мечтавший о монастыре Радинга, заветной цели своего трудного и далекого путешествия, что он останется так неожиданно на этой пустынной стоянке. Умер он, впрочем, хорошей смертью, во сне, не просыпаясь.

Идем ущельем, несколько раз переходя горную речку. Дорога подымается на нагорье. Идет снег. Природа дика и сурова, а небо такое мрачное, темное. Из-за скал появляется в дали круглая гора Анггар-Тахин, гигант среди окружающих ее гор. Чернеют на снегу дикие яки. Дальше стадо горных коз. Начинается спуск. Мокрая от талого снега земля. Идти трудно.

Все как-то приуныли, устали. Противная сырость пробирает до костей. Н.К.Р. угадывает наше настроение. Для каждого находится у него слово ободрения, после которого становится как-то легче. Слово, меняющее течение мыслей и делающее все окружающее не таким уже мрачным. Сам Н.К.Р. точно не чувствует ни усталости, ни промозглой сырости, ни одышки. Одинаково бодрый, приветливый, как всегда едет он на своем обычном месте – впереди. Особенностью обращения Н.К.Р. является не шутка, не сладкие слова, а мысль, выраженная просто, без всяких ухищрений, но яркая, ясная и образная.

Поднимается ветер и разносит облака. На минуту появляется солнце, и становится тепло. Выходим на открытое место, ветер делается ледяным, и холод пронизывает все тело.

Далай-ламский нерва совсем плох. С трудом держится он на верблюжьем седле. Приходится его устроить полулежа и привязать веревками. Доктор считает его положение очень плохим. Сердце может не выдержать. И всем трудно, особенно с дыханием. Мы жалуемся на одышку, подъезжаем к доктору за лекарствами. Н.К.Р. не показывает, что и ему трудно. Только присмотревшись, я заметил, что и у него одышка.

16.IX. Встаю рано, в 4 часа утра. На высоте человеческого роста проходят над поляной облака-призраки. -4° С. Среди монголов несколько человек больны горной болезнью. Тибетец – нерва далай-ламского каравана – совсем плох. Доктор с минуты на минуту ждет его кончины.

Вчера выяснилось, что голоки, производившие диверсию, но не решившиеся на нападение на экспедицию, послали за подкреплением к родственному племени паногов для совместных против нас действий. Мы идем со всеми мерами предосторожности. Дозором тщательно осматривается передилежащая местность. Но всюду тихо, пустынно и не видно ни одного живого существа. По обе стороны нашего пути пологие холмы. Становится холоднее, и снежинки кружатся в морозном воздухе. Проходим местность, точно вспаханное гигантами поле. Вместо посева ряды острых коротких скал. Далеко вперед тянется долина, и холмы становятся все ниже и ниже и, наконец, исчезают. Появляются стада диких яков и дзеренов.

Чудное голубое небо оттеняется белыми облаками. Солнце уже высоко. Оно сильно греет, но воздух остается холодным. Впереди вырисовывается на горизонте горная цепь Кукушнли; сзади видны снежные громады хребта Марко Поло. Начинаются пески, которые через час переходят в степь с прекрасной травой. В ложбинах лежит снег. Проходим еще несколько часов; со всех сторон цепи гор с ледниками и тенями облаков, скользящими по ним, что делает пейзаж особенно красивым. Проводник показывает следы на мелком песке. Следы точно громадной кошки. Здесь прошел снежный леопард.

Останавливаемся и разбиваем палатки. Работать тяжело, одышка дает себя чувствовать. Доктор смотрит пульс. Он у всех повышенный, кроме Н.К.Р. Тибетец Чимпа чувствует себя совсем плохо. Под руководством Е.И. его осторожно сняли с верблюда и положили на кошмы. Он умоляет его оставить, так как толчки верблюда для него слишком мучительны. Но конечно, сделать этого нельзя. Мы в пустыне, и кроме диких зверей здесь никого нет.

С биноклем и записной книжкой поднимаюсь на холм около лагеря. Идти очень трудно, такая одышка. Но я вознагражден за усилие. Кругом вид великолепен. На севере равнина, поросшая уже желтой травой. За ней по всему горизонту тянется величественный хребет Марко Поло с горой Ангар-Тахин, поднявшейся в горной гряде переднего плана. Вдвое выше соседних гор, она до основания покрыта снегом и походит на белую пирамиду. Голубое небо покрыто у гор тучами, и снега вершин сливаются с их бело-серыми клубами. Угрюмы и холодны черные цепи имени великого венецианского путешественника.

На юге низкие холмообразные очертания хребта Кукушили. На равнине пасутся наши верблюды, дальше дикие ослы и дзерены. Еще дальше черные точки – это яки. Холм, на котором я стою, покрыт маленькими следами газелей. Под самым холмом лагерь, окаймленный с запада естественным резервуаром воды зеркальной чистоты. Из лагеря доносится звук глухого взрыва, и видно, как сбегаются люди к палатке-кухне. Поспешно спускаюсь – оказывается, от неосторожности Бухаева взорвался бидон с бензином, но, к счастью, благополучно.

Вечером горы дали удивительный эффект цветов. Весь их снежный пейзаж в сочетании с облаками дал гамму от нежно-голубых оттенков снега до темно-синего, почти черно-синего цвета грозowych облаков над хребтом Марко Поло. Изредка облака освещаются блесками молний.

Место лагеря выбрано очень неудачно с точки зрения обороны. Хуже нельзя себе ничего представить, говорим мы с Ю.Н. и пробуем хоть как-нибудь определить линию его защиты. Ложимся спать одетые, с оружием под рукой. Впрочем, у нас есть мощный союзник; с нескольких сторон из гор рокочет гром... гром, во время которого ни один панаг или голок не решится на нападение. Ночь прошла спокойно. Наутро лагерь завален рыхлым пушистым снегом, который быстро тает в первых лучах восходящего солнца.

Мы на Чантанге. Это мертвая пустыня, тянущаяся с севера на юг через весь Тибет, почти до Брахмапутры. В некоторых областях Чан-танга населения совсем нет. Высота плоскогорья до 16000 футов над уровнем моря.

17.IX. Выступили поздно. Весь пейзаж покрыт пеленой снега. Горы совсем белые. Понемногу снег тает, и выступает зелень лугов. Сочетание голубого неба, белого снега и зеленой травы. Подходим к реке Чу-Мар. Снег уже совсем стаял, и солнце греет довольно сильно. Вода реки совершенно красного цвета от размытой течением глины. Рукавов около десяти. Они пролегают по песчаному руслу реки, общая ширина которого не менее

километра. Песок очень вязкий, и приходится весьма осмотрительно выбирать путь. Благодаря сухой осени мы сравнительно легко переходим рукав за рукавом, и только один из монголов, попав в яму, погружается в нее до шеи. Лошадь плывет несколько футов. Вполне понятно, почему бурят Цыбиков в своем дневнике путешествия описывает переправу через Чу-Мар как очень опасную: когда река в полной воде, переправа через нее из-за быстрин почти невозможна. Переходим реку и идем к ближним холмам. Перекачивается издали гром. Невдалеке от нас идут верблюды. Они подходят, и разбивается лагерь. На этот раз он превосходно выбран между двумя озерками с вязкими берегами. Вокруг палаток, точно естественные окопы, протянулись длинные ямы.

Сегодня я держу ночной караул. К 10 часам вечера поднимаю своих импровизированных часовых, сменяющихся через каждые полтора часа. Собаки, которым поручено наблюдение за целым сектором обороны, ревностно исполняют свой долг. Монголы караулят, громко читая молитвы, и это напоминает нечто средневековое. Около 2 часов ночи при легком морозе сверкают зарницы. Сегодня со мной в карауле: монгол Циринг и молодой Кончок, Рингзинг – совершенный персонаж из восточной сказки, и ленивый толстый лама Таши, разбудить которого стоит невероятных усилий.

На рассвете большая стая диких гусей спускается на озерцо. Они летят на юг от суровой северной зимы и держат путь на Индию.

Сегодня дневка. Чимпа просит хотя бы день отдыха. Он считает, что его дни сочтены... и под его диктовку будет написано завещание нервы.

18.IX. Тихо, тепло. На безоблачном небе яркое солнце. Пишу дневник около палатки, и маленькая доверчивая трясогузка бегает около ног. Н.К.Р., согласно просьбе Чимпы, приказал приступить к составлению завещания. По этому документу груз правительственного оружия передается на ответственность экспедиции.

За обедом Портнягин говорит, что по окончании путешествия намерен ехать в Австралию. Удивителен интерес Н.К.Р. к судьбе всех так или иначе связанных с ним лиц. Он с оживлением обсуждает план Портнягина и в конце, в ответ на предположения, чем тот займется, замечает: "Надо начинать с того, что первым представится – вот что важно. Едешь с целью стать шофером – подвернется работа в саду, берись за нее. Так начинаются карьеры в колониях".

19.IX. Встаем в темноте. Охватывает пронизывающий холод, от которого даже не спасает шуба. Работать трудно из-за одышки, и на погрузку тратится почти три часа. Наконец, трогаемся. Перед глазами проходит унылая пустыня с озерками дождевой воды. Впереди волнистый в очертаниях своих гребней Кукушили. Сам по себе он невысок, но имеет абсолютную высоту больше 17.000 футов. Чантанг, на плато которого он проходит, сам по себе на высоте 16.000 футов. Переходим луговую речку. Солнце начинает согревать, и становится веселее на душе. Горы первого плана покрыты зеленью. Входим в них и идем по проходу того же названия – Кукушили. Дальше горка, окруженная болотом, по которому серебрятся струйки ручьев. Вдали пасутся яки, ближе стада куланов. Издали доносится собачий лай. Лай в пустыне означает присутствие людей. Усиливаем охранение и тщательно осматриваем местность. Недоразумение как будто выясняется. Возможно, что это не лай, а доносящееся издали короткое ржание куланов, а может быть, это свист крыльев громадных воронов, парящих вокруг каравана, дающий тоже впечатление отдаленного собачьего лая. Вопрос так и остается неразрешенным, но во всяком случае, ни вдали, ни вблизи не видно ни людей, ни аилов.

Долина поворачивает на запад, сомкнутая с обеих сторон невысокими холмами. Мы в области мхов, а значит, и очень высоко. Скаты высот покрыты бархатистыми зелеными, голубыми и серовато-синими коврами мха. В самой долине красные лишайи всех оттенков; точно старинные гобелены постланы на нашем пути. Посередине мелодично звенят струи небольшой речки. В одном месте берег поднимается вверх и обрывается черными, точно базальтовыми, скалами с белыми и зелеными жилками. Идем против течения – но вот новый ручей, текущий в сторону, в которую мы идем. Значит, прошли водораздел и начали спускаться. Наш измеритель высот показывает только до 10.000, но по далеко не совершенным картам высота, на которой мы находимся, больше 17.000.

Через полчаса пути долина кончается двумя большими горами. Это ворота прохода – за ними виднеется новая снежная цепь – Думбуре. Становимся на место, и скоро зовут обедать. Но есть не хочется, и все едят очень мало. Замечаем, что пропорционально количеству пищи увеличивается и одышка. Организм так мудро устроен, что на большой высоте почти не ощущаешь голода и довольствуешься очень малым. Сон также очень короткий, и отдыхаешь в очень небольшое число часов. Одно, что очень мучает, – это холод, и я одеваю все, что у меня есть теплого. На нас идет буря, и только что застегнут последний крючок палатки, как об нее начинается барабанить дождь. Дождь сменяется снегом, и скоро вся местность опять покрыта белым покровом. Уже темнело, когда собаки подняли неистовый лай и бросились на спускавшееся к лагерю со скал стадо диких яков.

Буря продолжается, и в промежутке двух порывов налетающего вихря улучаю секунду, чтобы зайти в палатку к Н.К.Р. Он предлагает мне сесть, и скоро между нами начинается интересная беседа. Между прочим, говорим о возрасте. Н.К.Р. вообще держится мнения, что возраст мало играет роли в жизни здорового телом и сильным духом человека; и тут же замечает, что если признаком молодости не является открытие новых дверей сознания, а она облечена в невежество, то это глубоко печальное явление, за которым следует преждевременная дряхлость.

20.IX. Ночью несколько человек опять слышат как бы отдаленный лай и порой взвизгивание. После всяких предположений пришли к самому близкому к истине: волки иногда выманивают этим визгом и подражанием лаю собак. Их здесь очень много, и часто, особенно на зорях, слышен отдаленный вой.

Вставать холодно. Вода в кувшинах покрылась за ночь толстой коркой льда. Выступаем в густом снегопаде. Сегодня, с разрешения Н.К.Р., сажусь на лошадь, купленную у спутника умершего ламы. Она высока, довольно горяча и немного пуглива, серая, и статьи ее недурны. И хотя она принадлежала покойному нашему спутнику – я беру ее себе под верх без суеверия, благодаря которому туземцы боятся на нее сесть. Идем холмами и по обрывам вдоль заледевшей реки. Дальше равнина, за которой в розовых туманах висится цепь Думбуре. Высоко в воздухе летят перелетные птицы на юг. Их многие, многие тысячи. Заметно тяжелее становится дышать. Идти пешком уже почти совершенно невозможно. Переходим две высохшие горные речки. Каменистая почва пустыни сменяется песками. Холмы постепенными перекатами становятся все выше, и их сменяют барханы предгорий. Вдали, точно ряд гигантских белых шатров – снежные пики Думбуре.

Думбуре, Кукушили...

Интересные данные собраны Н.К.Р. на Алтае. Вот что рассказал он нам сегодня. По поверью алтайских старообрядцев, существует какая-то запретная страна, в которой соблюдается древнее благочестие дониконовского православия. Она где-то в Азии и

именуется "Беловодьем". В легенде даже указывается маршрут будто бы необычайно трудного пути. Сначала по Иртышу и реке Аргуни, потом озерами через Богогоршу и Кукуши, по самому Ергору... Если дешифровать искаженные названия и допустить, что одно из озер есть Лоб-Нор, то не есть ли Богогорша – Божья гора, или проход Бурхан-Будда, то есть Господа Будды по-монгольски. Нетрудно в Кукушах признать Кукушили, а самый Ергор, самые горы, не есть ли сами Гималаи? А за ними духовные центры Индии, таинственный Монсальват Востока, куда, может быть, не раз ходили отважные искатели духа из Сибири. Как знать? Так заключил свой рассказ Н.К.Р.

Теплое солнце, осенняя тишина и бодрящий холодный воздух. Большая дорога, вернее, тропа, по которой мы идем, – заросла травой. На ней не видно свежих и даже давних следов, и надо предположить, что уже давно нет никакого движения. И странно, что в пыли лежат кем-то потерянные четки. Никто не слезает, чтобы поднять их. Отчасти характерное отношение к чужой вещи на востоке – "не мое", отчасти боязнь коснуться наговоренной, инвольтированной вещи, могущей передать болезнь или несчастье, как выясняется из слов монголов по этому поводу.

Входим в ложбину, в которой чуть поблескивает ручеек. Местами его ложе безводно, но сыро. Холмы дробятся, мельчают, и подходим к большой реке с сухим дном, около которой и разбиваем лагерь. Теперь мы в семи днях пути от Дречу и девяти от Нагчу, где придется ждать разрешения на дальнейший проход через Центральный Тибет, ревниво оберегаемый Лхасой от иностранцев.

Вечером наши ламы торжественно гадают на бараньих лопатках, обожженных в костре. Гадание выходит очень удачно. Оно гласит, что путешествие окончится благополучно и никаких разбойничьих нападений на наш караван не произойдет. Конечно, это гадание очень приятно, но не пострадала бы на его основании бдительность ночных караулов.

21.IX. На горизонте разливается пожар зари. Темно-серое облако точно оторачивается золотой каймой, и из-за него веерообразно бьют лучи восходящего солнца. С трудом выючат люди караван. Они еле двигаются, исключая тибетца Кончока. Всех нас замучила одышка.

Прекрасно солнечное утро. Яркие краски и ослепителен свет. Вокруг торжественная прозрачная тишина, которую не может себе представить тот, кто не побывал в пустынях. Но вот на озерке закричали проснувшиеся турпаны, а за ними защебетали какие-то птички. Мы огибаем цепь песчаных барханов с совершенно темными тенями у водоемов, прильнувших к их скатам. Н.К.Р. обращает мое внимание на то, что здесь нет ни животных, ни насекомых... но тучны пожелтевшие пастбища. Везде в изобилии вода. Зеркально блестит она в озерах, чернеет в водоемах, закрытых тенью холмов. Но нет ничего живого на этой гибельной, нездоровой части Чантанга. Особенностью ее являются ядовитые газы, отравляющие воздух и делающие долгое пребывание здесь совершенно невозможным.

Мы идем путем, по которому редко проходят люди и на котором еще никогда не встречались европейские экспедиции. Этими местами прошел Далай-Лама в 1904 году. Наши лошади и верблюды вязнут в болоте, чуть прикрытом легким слоем песка. Они тяжело ступают и с трудом вытягивают ноги из грязи. Идем без дорог, держа направление на красно-лиловые холмы предгорий Думбуре. На пути ложа высохших рек, и по их сырости видно, что вода только что спала. Переходим реку Кончак-Улан-Мурен. Воды в ней мало. За рекой в трех группах, соединенных холмами, поднимаются горы со

снеговыми вершинами. Вокруг пруды с вытекающими из них ручейками. Их зеркальная поверхность отражает голубое небо. Простор велик и расстояние до гор еще очень далекое.

Странное явление. На зелени дальнего луга вырисовывается белая палатка. Палатка в пустыне, и притом – белая. Сыпятся предположения, каждый высказывает свое мнение: тибетский военный пост, разбойники, остановившиеся в ожидании добычи, купцы на отдыхе... Но палатки, насколько мы знаем, в Тибете черные. Передний дозор снимает ружья... Бинокли дают новые данные. Это, скорее, глыба льда или снега – но опять что-то странное – слишком тепло. Мы теряемся в догадках.

Экспедиция переходит новую реку, сливающуюся из двух рукавов. При их слиянии высится большой зеленый холм. На берегах трава, вода в реке красная от размывтой глины, а надо всем голубое небо. Картина удивительна по нежности акварельных тонов. И равнина, и река, и горы – все таких грандиозных масштабов. "В Европе, – говорит Н.К.Р., обращаясь ко мне, – после этих просторов все показалось бы вам таким маленьким, игрушечным". В середине реки, через которую мы переходим, оригинальные струи голубоватой чистой воды, долго не соединяющиеся с красным цветом остального течения. Река быстрая и довольно глубокая. Переходим ее, поднимаемся на противоположный крутой берег и выходим на луг.

Загадка странного белого предмета разъясняется. Это заглохший гейзер с отложениями глауберовой соли, как определяет доктор белую солеобразную массу, покрывающую поверхность гейзера. По виду она очень похожа на постамент – скалу для отсутствующей статуи, величиной не меньше памятника Виктору Эмануилу в Риме. Думается, не есть ли это какой-нибудь знак неведомого значения. В окружающей гейзер, теперь застывшей, беловатой тине – голова затонувшего в ней дикого яка. Она сохранилась, как живая, и все мы удивляемся ее необычным размерам.

Через полчаса становимся лагерем в ближайших предгорьях. Сегодня мы потеряли мула. Он больше не мог двигаться, и его пришлось оставить на произвол судьбы.

22.IX. До рассвета мы все уже готовы. На побледневшем небосклоне сверкает утренняя звезда. В бирюзе неба намечаются лиловые и бледно-персиковые оттенки. Четкие черные силуэты людей и животных. Небо делается оранжевым, и в нем восходит нестерпимо сверкающее солнце. При восходе всегда бывает особенно холодно. Ручьи покрыты льдом, трава в серебристом инее.

Извиваясь змеей по тропе, караван поднимается в горы и входит в небольшую горную долину. По ней течет речка с обледенелыми берегами. По бокам холмы, поросшие травой и обрывающиеся вниз обвалами красной глины. Временами в реку впадают притоки, звеня по камням.

Впереди виднеются вершины Думбуре. Поднимаемся на перевал. С него видна громадная гора, покрытая сверкающим в лучах солнца снегом. Мы уже на перевале, а внизу, точно игрушечный, идет верблужий транспорт. Верблюды совсем маленькие, и всадники не выше трети спички. Такова высота. И поднимаешься на нее часами. На перевале много рогов горных баранов. Пригревает солнце, и со всех сторон щебечут всевозможные птицы. Шумят ручьи, как весной, а на ближней горе изваяниями недвижно стоят два диких яка. Надо всем возвышается гора с точно наброшенным на нее черным бархатным покрывалом. Это эффект снега и черных скал. Ниже склоны ее во мху, точно в бархате

зеленых тонов. Спускаемся с обрывистого, крутого берега в ложе реки Думбуре. "Вот дети идут и видят деревья с изумрудами вместо плодов; на елках, точно свечи, горят алмазы и яхонты..." – вспоминается какая-то сказка. Дно реки, через которую мы переправляемся, усыпано крупной бирюзой. Иногда попадаются удивительные экземпляры по величине и чистоте тона. Это та бирюза, которой славится Тибет. Видно, что еще ни одна рука не коснулась этих богатств. Много этих ценных камней и на берегу – но никто не слезает, чтобы собрать их.

Песчаные берега поднимаются в холмы, покрытые травой, с изредка обнаженными скатами коричнево-красной глины. На один из высоких обрывов выходит бурый медведь – хозяин здешних мест. Со спокойным вниманием смотрит он на караван и, пропустив последнего верблюда, опять скрывается за холмом.

В экспедиции начался падеж животных – главным образом, от истощения. Сегодня пал в дороге верблюд и брошен еще один мул.

23.IX. Лагерь расположен на перевале. Вокруг обрывистые горы, а перед рядом палаток течет река. Верблюды и бараны нашего стада пасутся по скалам. Около самого лагеря река круто поворачивает под скалой и бьется об нее, рассыпаясь брызгами спектра радуги под уже нежаркими лучами солнца. В пейзаже – акварель. Сегодня вдаль, в скалах, люди видели тигровую кошку.

После чая снимаем лагерь и двигаемся в проход мимо скалы с шумящей под ней рекой. Горы предстают перед нами в красивой игре тени и света под лучами солнца в безоблачном небе. Общее внимание останавливает какой-то отдаленный рокот. Глухой ли шум горного обвала, а может быть, просто стук копыт наших лошадей по мерзлой сухой земле. Горы поднимаются все выше, и на одной из них точно фантастический город из волшебных сказок, окруженный зубчатой стеной скал, точно с белыми снежными крышами домов и шпилями башен.

Спускаемся в ущелье со сдвинутыми над ним утесами. Идем глубокой заросшей тропой. Горы высоки, но мягких отлогих очертаний. Проходим лугами низкой альпийской травы, перемешанными с площадями ковров мха всех оттенков и всех цветов. Погода хорошая, солнце опять приветливо греет, и переход проходит как-то незаметно и не утомительно.

Поднимаемся на перевал Думбуре-Дабан-Хутунг и проходим местность Цаган-Обо, по-монгольски "белый знак". Хотя самого обо нет, но местность пользуется особым уважением монголов, относящихся с величайшим благоговением к этому символу.

За первым – связанный с ним второй перевал. За ним открываются дали. С придорожных скал ползут низкие растения с большими темно-зелеными листьями, расцвеченными красными жилками. Из-за холмов поднимаются горы с розовыми скалистыми склонами песчаника, покрытые белыми шапками снега. Спускаемся в долину и поворачиваем по ней прямо на юг. Потом входим в проход, окаймленный горами светло-табачного цвета, к которым подступают луга, и выходим на нагорье. Идем вязкой глиной. Осторожно ступают лошади. Одна ввалилась в жидкое месиво, и спешившиеся торгоуты с трудом вытаскивают ее. Вокруг все размыто, и надо тщательно выбирать путь, чтобы не провалиться в топкое место становящегося опасным болота. Дефиле пройдено, и мы на лугу около реки. Впереди равнина с далями, завершенными отдельными горными цепями. Самая дальняя из них Тангла.

Монголы ловят двух больших горных куропаток. Это красивые птицы с красными глазами

и пестрым оперением. Они так доверчивы, что без страха позволяют брать себя в руки. В Лхасе разводят их для яиц. Полюбовавшись на куропаток, отпускаем их на волю, и они не спеша скрываются в высокой траве.

Подошли верблюды с палатками. И только что вбит последний гвоздь последней палатки, как дохнул буран и завывала снежная буря. Кажется, в Тибете наступила глубокая осень с холодами и метелями – теплые дни миновали. Очень плохо положение мулов.

Шестнадцать из них с натертыми спинами из-за грузовых, слишком узких седел. Их спины – сплошные гнойные язвы. Верблюды и лошади держатся хорошо и в полном порядке.

Вечером Н.К.Р. говорит, что ищущему идей высших миров следует выйти из предела обычных разговоров и приучиться держать себя на известном уровне высоких ощущений. Он должен также уйти из власти воспоминаний прошлого, обыкновенно захватывающих человека. Важен лишь духовный опыт, полученный через это больше не нужное прошлое.

24.IX. Ночь была очень холодная. Вода в кувшинах промерзла до дна. Сегодня встаем позднее обыкновенного. Отблеск зари уже над горами. Розовое, голубое, потом темно-синее небо, и незаметно сменяются его оттенки, переходя друг в друга. Встает солнце. Блики света трогают то здесь, то там скалы или целые скаты холмов. Наконец вся местность озаряется светом, пронизанным лучами солнца. Наводит на размышления название *Цаган-Обо* и то, что самого обо нигде нет.

Сегодня люди быстро свертывают палатки, выючат транспорт и седлают лошадей. Уже в 7 часов утра мы в движении и проходим одиночную скалу, похожую на обелиск. Ручьи промерзли тоже до дна, и собаки пробуют лапами "твердую воду" и с осторожностью перебираются через лед, так как в первый раз в жизни встречаются с таким чудом – водой, по которой можно ходить.

Тибетец Кончок выносятся вперед на своей белой лошади с ошейником из бубенчиков. Наряд тибетца очень живописен. Малиновый платок на голове, обвитый вроде чалмы, короткая шуба со спущенным правым рукавом и узкая черная туника под ней. Из-под полушубка развернулись по всему седлу широкие черные шаровары. Ноги в фильцевых поножах, оканчивающихся наглухо приделанными к ним туфлями, делающими походку туземца какой-то неслышной, кошачьей. Через плечо винтовка с красной кистью в дуле.

По пути много холмов желтовато-коричневого песчаника с налетом травы, спускающихся обрывами к реке. Перед глазами с поворотом открывается далекий, тонущий в голубоватой дымке безбрежный простор. В степи поднимается отдельная гора Буху-Магнай с невысокой цепью гор за ней, протянувшихся с востока на запад. В самой дали отроги мощного хребта Тангла. Вокруг нас широкая долина. Песок, галька сменяются пастбищами. Разноцветные лишайники на камнях и уже совсем пожелтевшая трава.

Долину обступили холмы красивых оттенков, от фиолетового до нежно-розового. Фиолетовый – цвет мантий кардиналов... и дальше от желтого до темно-зеленого. Холмы! Это, в сущности, лишь названия, чтобы отличить их, с мягкими линиями очертаний, от грозно изломанных с отвесами и пропастями неприступных горных массивов. На самом деле, в соотношении к этим холмам собор Св. Петра в Риме был бы как спичечная коробка в сравнении с шестиэтажным домом.

На равнине пасется несколько диких яков, вдали маячит стадо куланов. Вот картина местности северного Тибета, через который мы идем 24 сентября в залитом солнцем, но уже прохладном утре. Переходим реку Чучум-Гол и входим на территорию системы озер с

наибольшим – Олун-Нор. Это монгольское название. Через несколько часов пути проходим еще одну безводную реку, не обозначенную на карте, и перед нами уже совершенно ясно поднимаются предгорья Тангла.

По словам Кончока, где-то здесь стоит первый тибетский кордон. Несколько раз всматриваемся мы вдаль, надеясь увидеть настоящих тибетцев... но все ошибки. То кулан, принятый за всадника, то камни, похожие на палатки. Наконец, зоркие монголы указывают на самый горизонт: "Дым", – говорят они. Бинокли подтверждают наблюдение. Совершенно ясно виден дым, поднимающийся тонкой струйкой к небу. Пройдя несколько километров, ясно различаем черную палатку, костер и несколько человеческих фигур вокруг него. Возможно, солдаты, но не исключено, что это могут быть и разбойники.

Караван останавливается, и передний дозор с нашим тибетцем во главе движется по направлению к замеченной группе у костра. Н.К.Р. выезжает на ближний холм и всматривается в направлении группы. Следует отметить, что Н.К.Р. редко пользуется биноклем, соперничая в остроте зрения с монголами. Видно, как от палатки, откуда нас тоже заметили, скачет конник в горы. Очевидно, военное донесение или весть разбойничьему племени о подходе большого каравана. Мы стоим в группе за Н.К.Р. На пике монгола полощется в ветерке флаг. Точно штаб отряда в характерном затишье перед первым выстрелом. Переговариваемся между собой. От дозора, подошедшего почти вплотную к черной палатке, отделяется всадник и скачет назад, а дозор скрывается за скалой.

Наконец, подскакивает Таши и докладывает, что перед нами военный тибетский пост. За Таши подъезжает к пришедшему в движение каравану Кончок. Все благополучно. Он самолично был уже на посту. Это тибетские милиционеры, старшина которых уже послал сообщить о нашем прибытии начальству, которое скоро прибудет. Мы на фактической границе Тибета и должны выполнить некоторые пограничные формальности.

По распоряжению Н.К.Р. ставим лагерь на берегу маленького озера против тибетского поста, стоящего на его другой стороне, и ждем дальнейших событий.

За обедом говорим о редкостях Востока, и я вспоминаю богатую коллекцию драгоценностей шахского дворца в Тегеране. Переходим на Императорский музей в Пекине, уже три раза ограбленный, но сохранивший еще удивительные картины древних китайских мастеров – акварели, обреченные на гибель, главным образом, из-за сырости... Лучше бы они попали в музеи Америки или Европы. Н.К.Р. против увоза китайских сокровищ искусства из Азии. Наступит день, говорит он, когда Азия потребует, чтобы возвращено было все то, что увезено из нее и поступило в Европейские музеи. Но почему же, если Рокфеллер содержит на свой счет целый университет, – другой миллионер не мог бы создать охрану сокровищ Китая и, в частности, музея старого Императорского дворца. Если имущие люди могут помогать больным людям, то почему же они не могут помогать и "восстанавливать здоровье" гибнущих учреждений.

Поздно вечером прибывает начальник пограничного района. Он разрешает переход границы, а тибетский паспорт экспедиции и письмо губернатору Нагчу берет для немедленной отправки по назначению. Приходят и несколько милиционеров с поста поглазеть на европейцев.

25. IX. С утра тепло и небо затянуто тучами, которые скоро расходятся. В золотой дымке

испарений поднимается солнце. Горы в туманах, и земля покрыта обильной росой.

От поста к нашему лагерю приближается группа. Это воины, несущие подарки Н.К.Р. Масло, зашитое в бараний желудок, и овечий сыр.

Вчера мне не пришлось видеть вблизи тибетцев, и поэтому внимательно разглядываю эти странные облики, знакомые только по картинкам. Это определенно фигуры из XIV века, типа крестьян средней Европы того времени. Лица характерны. Особенно одно – старика. Орлиный профиль, угловатый подбородок и лукавая усмешка нормандского крестьянина. Они стоят в группе... Напрашивается какое-то разительное сравнение. Да, вот зашумят старые липы, с бревен наскоро сколоченной эстрады завизжат скрипки и зальется фагот, а тибетцы начнут приплясывать и притоптывать ногами в грубой крестьянской пляске картин Питера Брейгеля.

Но тибетцы стоят спокойно. Их фигуры облагораживают длинные прекрасной работы мечи, заткнутые за пояс, – национальное оружие страны. Одеты туземцы во все темное. Кафтаны или полушубки на баране. Частью они в шапках-треухах, как носили их в Московии при после Герберштейне, судя по рисункам его книги, в войлочных ермолках или низких шапках вроде кавказских. Частью без головных уборов, с лохматыми длинными волосами, заплетенными в косицы, вероятно, единожды в жизни. Кафтаны низко подхвачены поясами-шарфами и образуют сзади складку вроде мешка. Сапоги обращают на себя внимание: голенища суконные разноцветные, в квадратах, вышитых крестиками, низы кожаные с немного загнутым носком, и напоминают собой обувь, носившуюся в Норвегии средних веков. В ответ на их подарок Н.К.Р. распоряжается дать тибетцам барана, а начальнику – хадак с завернутой в него стопкой долларов. В благодарность туземцы высовывают языки. Это характерное приветствие в Тибете.

Всадник привозит пропуск. Все устраивается дружелюбно, без трений и к обоюдному удовольствию. Показав еще раз языки, воины уходят, ведя с собой барана.

ТИБЕТ, ТИБЕТ... УЖЕ СЕКИРА ПРИ КОРНЯХ ТВОИХ

25.IX. В 8 часов утра экспедиция Н.К.Р. переходит государственную границу Тибета. Спускаемся в долину. Через дорогу проскакивает стадо антилоп с большими узловатыми рогами – похожих на африканских гну. Блестят озера в зелено-желтых берегах лугов. Горы и проход, через который мы вошли в Тибет, отражаются в спокойных водах, как картины. Становится теплее и легче дышится. Окружающие возвышенности и дальние снеговые горы в лиловых и голубых тонах. Идем прямо на юг. Нас обгоняют два воина на маленьких лошадках с длинными мохнатыми гривами. Высокие седла завьючены мешками и стремяна подтянуты. Гремят бубенчики конских ошейников. Один воин в белой войлочной шляпе с бахромой красных кистей, другой – в лисьем малахае. Черные кафтаны подпоясаны цветными поясами и мягкие сапоги-мокасины глубоко вставлены в старинные гравированные мелким рисунком стремяна. Уздечки в кистях. На вооружении милиционеров кремневые ружья. Это гонцы, везущие наши документы. В руке одного медное молитвенное колесо, которое он временами любезно одалживает другому. Некоторое время гонцы едут с нами вместе.

В степи удастся наблюдать охоту волков за дикими козами, прерванную нашими собаками. Преследователи обращаются в преследуемых. Местность вокруг как будто пуста, но если приглядеться, она оживает, полная дикими животными, пасущимися в степи. Куланы, разновидности диких коз и яки.

Переходим серебристую Мар-Чу около целого часа. Вода в ней недавно спала. Идем зыбким затягивающим песком. Это опасная переправа, которую мы совершаем благополучно, благодаря умению сопровождающих нас воинов-гонцов находить твердые броды. Перейдя реку, разбиваем лагерь на высоком берегу, под которым струится прозрачная чистая вода. Гонцы, не останавливаясь, продолжают путь. Дружески распрощавшись с нами, они исчезают в надвигающихся сумерках.

26. IX. Встает солнце – золотые лучи по голубому небу. Точно пожар разливается между тучами на юге, и красный отсвет его окрашивает воды Мар-Чу. За рекой воют волки. Холодно. Китайская шуба из Сучжоу как-то мало греет. Быстро готов караван, и мы двигаемся в путь. Дремлю на лошади, усталый после ночного дежурства. Какая-то дрема. То кажется, что идем по карнизу с шумящей внизу рекой, то будто прорезаем площади какого-то шумного города, запруженные народом. Очнешься... безлюдье и ровная степь.

Переходим цепь холмов. Между ними вздымается гора – точно гигантский небоскреб. Только что начало греть солнце, как подул ветер, пронизывающий, холодный. На востоке гряда гор. Местность переходит в холмы – точно застывшие волны травянисто-желтого моря. Между ними синева реки. Сверкнув, она опять скрывается. Это великая река Китая – Янцзы-Кианг, или Голубая река. Делаем несколько небольших перевалов. Уже довольно близко курится облаками гора Буху-Магнай.

Глухая пустыня. Нет людей, и животные исчезли. И вот странное явление. По степи несет аромат как бы тончайших индийских курений, и четверо из нас ясно обоняют его. Делаясь соучастником жизни пустынь Центральной Азии, нужно быть всегда готовым к непонятным явлениям. И мы вспоминаем Оссендовского и травлю, которую предприняли против него альберихи официальной науки...

Солнце греет, и ветер стих. До Голубой реки еще несколько часов ходу. Н.К.Р. решает остановиться на ночлег. Ищут воды – но она горько-соленая. Наконец, проводник находит ручей с водой какого-то отвкуса, но пресной. Из-под камней выскакивает лисица и мчится по степи. Собаки бросаются за ней, но догнать не могут.

Завтра исторический день – переход через Голубую.

В пути брошены лошадь и мул.

27. IX. Все небо в разноосвещенных восходом облаках. Недалеко от лагеря у подножия горы точно спит густого прекрасного серого цвета облако. Снега Тангла розовеют по хребту и скоро окутываются облаками, через которые сверкают местами в лучах солнца ледники, ослепительно ярко. Идем холмами, потом мокрым лугом с осенней травой. Небо очищается от туч, и Тангла становится весь виден, эффектно выделяясь в синеве неба грядой своих снеговых вершин. Наконец перед нами Янцзы-Кианг.

Только путешественник знает особое чувство, когда тот или другой пункт, известный из географии или истории, в реальной действительности предстает перед его глазами. Немногие европейцы были у верховий знаменитой Голубой реки. В том месте, где мы переправляемся, она шириной около полукилометра. По каменистому руслу, благодаря сухой погоде, стремится только несколько разделенных рукавов. Главный из них – совершенно прозрачный, действительно голубого цвета, с очень сильным течением. Высота воды на месте переправы немного выше стремени, но если бы вода прибыла на несколько вершков – переправа была бы нелегкой из-за силы течения. Во всяком случае, последнюю водную преграду до Брахмапутры преодолели мы благополучно, против

ожидания проводника.

Террасами поднимаемся к предгорьям Тангла. Погода из холодной меняется на довольно теплую, но осень чувствительна.

В высоте характерный крик журавлей. Их около сотни. Они кружатся в воздухе, одновременно сверкая при поворотах серебристыми крыльями. Проходим соленые озера. Поднимается ветер с дождем и градом. Температура сразу понижается.

Проходит шквал непогоды, заблестело солнце и опять тепло. Еду, по монгольскому обычаю, в шубе, сбрасывая ее по мере необходимости с одного или с обоих плеч, и тогда она лежит на крупе лошади. Наблюдаем проход теней от облаков над глетчерами гор – это удивительно красиво. Около ручья остановка, и день закончен.

Вечером Н.К.Р. говорит, что следует избегать абстрактного мышления. И без того полки библиотек ломаются от трудов абстрактных мыслителей, которые ничего не дали ни себе, ни другим.

28.IX. Утро пасмурно, к восходу солнца тучи расходятся. Идем холмами, потом через замерзшее болото. К нашей дороге подходит тракт из Синина, ведущий к знаменитому монастырю Кумбум. Это место рождения реформатора буддизма в Тибете, мудреца Дзонхавы, бывшего, по преданию, учеником несторианского священника. Солнце чуть греет. Поднимаемся все выше к Тангла, покрытому тучами. Впереди горы, а, сзади, насколько видит глаз, – океан степи.

В сотне шагов от нас довольно большой медведь. Он так занят выкапыванием из нор сурков для своего завтрака, что не обращает на нас внимания. Наконец, почуял, оглянулся и неуклюжим галопом поскакал к горам. Собаки бросились за ним со звонким лаем. Но одного поворота и грозного рычания довольно, чтобы преследователи повернули назад с поджатыми хвостами. Долго еще виднеется сначала черный шарик, а потом точка в направлении гор. "Мистер Браун" торопится домой.

Поднимается и крепнет ветер. Переходим гряду гор и останавливаемся в долине Адаг-Ханчига, по-тибетски Карга, где некогда стояли шатры Далай-Ламы при его бегстве от англичан. Сегодня верблюды пришли раньше мулов, и это показывает на утомление последних. Также много набитых и больных лошадей. Из окна моей палатки видны горы Тангла. Точно изнутри освещены глетчеры, а облака, проходящие над ними, дают красивую игру теней и света. Поднимается вихрь. Со всех сторон стучат молотки – монголы крепят палатки.

29.IX. Сквозь сон слышу точно грохот грозы. Утром пелена снега вершка в три покрывает всю местность. Погода совсем теплая. Ночью, действительно, была гроза, по словам караульных. Красив снег и темно-синее небо. Через густую завесу туч пробивается заря, и облака делаются нежно-опаловыми. Начинается опять снег и переходит в дождь. Качающимся шагом уходят верблюды каравана. Пустеет место лагеря, и на нем остается стоять брошенная лошадь с понуренной головой. Грустная картина. Еще одна жертва тяжелого похода. Мы уже говорили с Н.К.Р. Пристреливать? Это, кроме всего, произвело бы нехорошее впечатление, а если оставлять, то животные могут еще отойти. Корм и трава есть. Могут их подобрать и туземцы, залечить и откормить. Плохи и два верблюда. Они идут полуразгруженные, налегке.

Земля и горы в белом уборе. Небо затянуто жемчужно-белой завесой, и весь пейзаж в

белых, серых и жемчужных тонах. Невидимое солнце в некоторых менее плотных местах точно изнутри освещает занавес туч. Часа через два проглядывает из разорванных облаков синева. Брызнули лучи солнца, и стало жарко. Поднимаемся на перевал. Солнце жжет. Нельзя притронуться к коже седла или ложу карабина. Лучи обжигают лицо, а на земле снег. В этих условиях, когда снег отражает солнечный свет, – особенно жарко. Слепит глаза, и приходится одеть солнечные очки, иначе возможна временная слепота.

Тангла, точно фатой, покрыта прозрачными облаками. Проходим полуперевал по середине горного склона. Тропинка под снегом, и лошади то и дело попадают в довольно глубокие ямы с водой. В долине, в которой пасутся, разгребая снег, тысячи куланов, – останавливаемся лагерем. Градусник показывает -21° С. Сегодняшний переход был тяжел. Одышка и особое сонливое состояние охватывает большинство людей.

Вечером Н.К.Р. говорит, что духовная работа должна сочетаться с работой в физическом плане на общую пользу. Иначе получится одностороннее достижение, развивающее дух человека односторонне.

30.IX. Поднимаемся под мелким морозящим дождем. Рассветает, но солнце заслонено густыми облаками точно порохового дыма на былых полях сражения. После вчерашнего дня в караване много больных, горная болезнь сказывается на монголах все резче.

Ночью было холодно, и ручьи стянуты льдом. К полудню погода проясняется, и греет солнце. Большинство людей тоже защитило глаза. У них со лба спускаются на глаза занавески из якового волоса. Подымается ветер, скрывается солнце, и начинается дождь. Идем постепенными подъемами. Дорога трудная, по кочковатому, частью покрытому снегом лугу. Лошади идут с отвисшими губами и оскаленными зубами.

И это признак их большой усталости, возбуждающий в нас тревогу. Местность полна стадами диких яков, куланов и газелей.

Входим в полосу тумана, в нескольких шагах ничего не видно, и проводник признается, что потерял дорогу и сбился с пути.

Н.К.Р. высылает разведку. Останавливаемся сначала до выяснения пути, а потом и совсем. Подходят верблюды, и на берегу реки разбивается лагерь. Черно-зелеными струями бежит поток среди белых берегов. С разведки возвращается Кончок и сообщает, что перевал, по которому надо идти, завален снегом, но подошедший туземец объясняет, что никакого снега на перевале, которого не существует, нет, и говорит, что, сбившись с дороги, мы несколько километров прошли по неверному направлению. Солнце Тибета горячо, и население его отчасти напоминает тарасконцев; не ложь, может быть, но несомненные преувеличения. На Кончоке уже много раз можно было проверить эту огненность воображения, которая иногда рисует то, чего на самом деле нет. Подошедший тибетец – в полушубке, спущенном с голого плеча. Ноги его в красных сапогах обнажены на колене, как у шотландских горцев. За поясом меч с изящными серебряными украшениями на ножнах. Непокрытая голова, а на носу портящие все впечатление – европейские синие очки. Через этого же тибетца выясняется, что за горой стоит много тибетских солдат. Сколько же? "У-у-у, много-много. Три, четыре... может быть, десять тысяч". Последнее сообщение производит большое действие на монголов и особенно бурят, которые за последнее время не являются образцом дисциплины. Из-за финансовых соображений они всячески стараются оттянуть наш приход в Нагчу, где все туземные слуги каравана должны быть сменены тибетцами. Каждый же день – лишний доллар... и они

всячески тормозят движение. Близкое наличие военной власти и начальства заставляет их призадуматься. "Вы не боитесь солдат?" – спрашивают они нашего главного переводчика Ю.Н. – "Нет? Ну, а мы их боимся". Надо сказать, что положение было так остро, что ожидалось даже неповиновение и нежелание седлать верблюдов... Теперь все как рукой сняло.

Два верблюда и мул остаются и разбираются местными жителями.

Так как мы прошли по неправильной дороге, то приходится вернуться назад. Переходим опять реку, переваливаем гряду низких холмов и входим в долину, которую обступил амфитеатр гор. По миниатюрным фигурам людей и животных, идущих в стороне от нашей конной партии, можно судить о протяжении пространств и величине гор.

Издали появляются два тибетских вершника. Ю.Н. и я едем к ним расспросить о дороге. За несколько сот шагов всадники спешиваются. Осторожность или приготовление к бою? Но оказывается, это третье. Знак уважения и боязни. Языки высунуты до отказа. Родная речь сразу успокаивает тибетцев. Тип их совершенно арийский с орлиными тонкими носами. Оружия нет, темные шубы и цветные сапоги. Лошади маленькие и невзрачные. Из их слов выясняется, что сбившись с пути и сделав крюк, мы тем самым миновали пост регулярной пехоты, высланной сюда из Нагчу. Это и к лучшему. Приятнее иметь дело с генералом в Нагчу, нежели с сержантом на дороге. Спрашиваем, много ли войск за горой. – "Да, сотни, много сотен..." Прощаемся с тибетцами и возвращаемся к каравану. Опять печет знойное солнце, а под ногами хрустит снег. Для настоящей зимы рано – но высота, а по карте она не меньше 16.700 футов, дает себя чувствовать. Воздух резкий и очень холодный. Когда идешь против солнца, на лице впечатление близкого костра, а со спины – мороз. По пути встречаем того знакомого тибетца в синих очках. Он, оказывается, приказчик богатого купца из Нагчу и распоряжается пастьбой громадного стада домашних яков, которое мы проезжаем. Идем по реке с незначительными холмами по сторонам и перевалом, вырисовывающимся вдали. После шести часов перехода становимся на отдых. В 5 часов вечера идет снег, но солнце знойно даже из-за туч. И вода в реке почти теплая. Смотрю на градусник: -7° С.

1.X. Ночью крик и шум голосов. Оказывается, верблюд обрушился на палатку доктора. В шесть часов утра -6 ° С.

К выходу каравана все появляются, одетые по-зимнему. Н.К.Р. в американской брезентовой шубе, теплых фильцевых сапогах и шапке, напоминающей шлем с меховыми наушниками. Я в авиаторской шапке, шубе и очень теплых фильцевых сапогах. Винтовка, револьвер и бинокль дополняют наряд. Это одежда и вооружение большинства. С солнечными или снеговыми очками мы не расстаемся.

Всходит солнце, и под его лучами облака окрашиваются в целую симфонию красок. Уходя, опять оставляем верблюда и двух мулов.

2.X. Утром туман, вроде лондонского фogs, и довольно тепло. Солнце проглядывает из него, как металлический диск. Как призрачное шествие, выплывает наш караван из мглы. Идем большим трактом паломников от Кукунора на Лхасу, но он абсолютно пуст, хотя судя по описаниям – это самая пора паломничества. Везде безлюдье, и нас окружает степь. Туман еще очень силен, и вот на нем появляется нечто странное: как бы белая радуга на сером фоне. Через час – сразу проясняется небо. С боков подступают к дороге горы, и образуется узкий проход, по которому мы несколько раз поворачиваем и наконец

выходим к реке. По ней плывет так называемое сало – полулед, полуснег. Скалы обросли зеленым мхом. Тропу пересекают характерные медвежьи следы. Взбираемся на крутой подъем, оставляя за собой обо, и всходим на перевал Тангла, очень длинный, километров в 25. Несколько тибетцев, взятых в помощь проводнику-монголу, просят громко не произносить названия прохода, чтобы незаметно пройти через владения здешнего духа гор, необычайно свирепого и придиричивого. Но несмотря на эту предосторожность, дух заметил наш караван. Поднялся ветер, режущий льдом. В горах завывало, застонало... и стало не до того, чтобы любоваться двумя альпийскими озерами и грядой снеговых гор.

С трудом ставим лагерь на самом перевале. По ветру хлопают полотнищами палатки, и вырывает веревки из рук. И теперь, когда я, сидя на своей походной постели записываю эти строки, ветер рвет мою палатку, расшатывает ее остов, и со звуком пистолетного выстрела лопаются две веревки. Через час буря стихает. Из окна виднеется горная цепь такой воздушности, таких нежных тонов, благодаря редкому воздуху и снежному покрову, лиловоющему на склонах хребта. Над ним стоит точно флотилия облаков, а выше – это удивительное голубое небо. Уже так холодно, что мы не снимаем в палатках шуб.

Вечером Н.К.Р. говорит, что при работе космических масштабов следует быть всегда готовым ко всякой работе и к неустанным передвижениям. А духом следует подняться взлетом и, оставшись на этой высоте, – овладеть землей.

3.Х. Ночью довольно сильное колебание почвы. Утром любимся точно медно-красным восходом. Постепенно его цвет переходит в медно-оранжевый, потом в палевый, и озаряются белые горы с черными скалами... Загораются блеском ледяные поля Тангла... и все опять гаснет. Солнце зашло за тучи.

За рекой, текущей по пути нашего движения, черные тибетские палатки – может быть военный пост, может быть аил. Высыпает народ и долго смотрит вслед невиданному каравану чужестранцев. Идем к девятиглавой горной системе. По словам проводников, там живут двадцать два духа, и самый маленький из них лютее нежели гений прохода Тангла. Погода солнечная, относительно тепло и сухо. Совсем близко горы. Под ними луг и темно-синяя река с ледяной корой у берегов. Две красивые черные цапли неторопливо гуляют по оранжево-желтому песку. Идем, идем, но расстояния обманчивы, так же далеко горы, как были. Наконец, входим в проход между ними. На южной стороне скатов снега нет. Поднимаемся почти до 18.000 футов; одышка страшная. Ударил плетью лошадь, и кажется... вот-вот лопнет сердце. На пути много разрушающихся гор с остатками как бы скалистых остонов. Долина засыпана скатившимися в нее камнями, и животным трудно идти. Это один из самых томительных переходов. Наконец, показывается длинный обо, сложенный из тысяч камней. На нем обрывки молитвенных флагов и разноцветных лент, трепещущих в ветре. Ламы возжигают курения стихийным духам и бормочут молитвы. Спуска еще нет. Впереди опять горы и долина на высоте перевала, мрачная, пустынная. Встречаем двух тибетцев. Они гонят груженных яков. Одного черного, другого... голубого. Хоть не часто – но эта странная масть встречается среди домашних яков. Дикие же – все угольно-черные. Каждый туземец вооружен кремневым ружьем и мечом. Проходим узкий коридор и после девяти часов утомительного пути ставим на берегу ручья лагерь.

Потери сегодняшнего дня – лошадь, мул и верблюд.

Вечером разговор касается общины. Идеал ее подобен прекрасному цветку лилии, нежному и благоухающему, – принесенному с неба как дар земле. Но какова судьба всех

идеалов? Так говорит Н.К.Р.

4.X. Обычные пейзажи. Дорога идет по реке. Кругом обрывистые горы, снежные, с глубокими трещинами. Понемногу снижаемся по спуску. Из-за камня выезжает несколько всадников. Все они вооружены многозарядными ружьями старой системы, некоторые с длинными пиками, острия которых зловеще поблескивают на солнце. Это люди милиции, идущие занимать пост у прохода Кукушили. Удивительно удачно прошла наша экспедиция. Опоздай мы немного, какая была бы сложная процедура переговоров для получения пропуска. Теперь же мы прошли без всяких задержек. Видно, что лхасское правительство создает целую сеть кордонов для охраны путей во внутренний Тибет. Н.К.Р. предполагает, что это связано с приходом в Лхасу "искателей с севера". Несколько минут дружелюбной беседы с начальником воинов, который подтверждает предположение об охране путей и говорит, что таких отрядов отправлено много, – и мы расходимся в разные стороны. Выясняется также, что Нагчу в четырех хороших переходах от нашей вчерашней стоянки.

Начинается спуск. На повороте натыкаемся на стадо домашних яков во много сотен голов. А на горе с головокружительным обрывом – их дикие родичи. На этой высоте громадные животные кажутся величиной с муху. Из скалы течет горячий источник, чуть подернутый паром, и впадает в реку. Собаки ложатся в теплую воду. Проходим брод, а из-за скал выскакивают всадники и, остановившись в неподвижности изваяний, долго смотрят на проходящий караван. Вид у них довольно мрачный, и по приказанию Н.К.Р. некоторое количество наших всадников концентрируется на противоположном берегу против группы тибетцев и остается в таком положении, пока не проходит последний верблюд. Как у тех, так и у наших – снятые ружья на передней луке седла.

Следует сказать, что у встречавшихся нам тибетцев лошади недурны, но очень малы. Хорошие ноги, красивые шеи и породистые головы.

Сегодня переход невелик, и в час дня становимся лагерем, над которым парит большой орел. После обеда с Н.К.Р. и доктором идем посмотреть то место, где, по словам Кончока, должны быть еще горячие ключи. И надо сказать, что хотя я с трудом дошел до них из-за одышки, но не пожалел затраченного на прогулку труда. Быстрая река течет мимо обрывистых берегов, высоких, созданных из отвесов-обрывов горы. Сначала берегом доходим до оригинальных губчатых скал, образующих полуоткрытый грот. В нем бассейн, соединенный с рекой, со дна которого поднимаются пузыри. Каменное дно бассейна точно пробито, и внизу образуется второй водяной резервуар. Там вода от верхнего освещения совсем голубая, а в ней ходят, чуть шевеля мохнатыми плавниками, тупомордые большие рыбы. А дальше по берегам реки со всех сторон бурлят кипящие гейзеры. Одни клопочут, как вскипевший котел, другие выбрасывают воду узкими струями фонтанов. Вода реки всех оттенков; от зеленого, как в озерах Швейцарии, до цвета аквамарина, связанных бирюзовым, темно-зеленым и ярко-голубым. Трудно описать красоту этой картины природы, самой замечательной, которую я только видел в этом путешествии.

Над тем местом, где мы стоим с Н.К.Р., – скалы. Будто парапет разрушенного рыцарского замка, даже с намеченными природой ступенями лестниц. А на малодоступном утесе благочестивая рука водрузила темный полированный камень с изящной вязью букв "Ом мани падме хум", что в переводе значит: "О Ты, драгоценность в лотосе".

Вечером говорим с Н.К.Р. об учениках. Ученик, говорит Н.К.Р., должен стремиться

почувствовать вполне божественность жизни и необходимость помогать всем существам. Он должен быть всегда готов идти туда, куда его пошлет Учитель; и потому в Индии он называется бездомным. Одиночество и отсутствие дома на земле – таков один из признаков ученика.

5.Х. Разгорается отсвет зари на западе, и небо принимает золотистый оттенок. Точно отрезанная, освещается верхняя часть горы. Потом противоположный берег реки принимает на себя первый луч солнца, скользящий по ее серебристой поверхности.

В 7 часов утрадвигаемся в путь. Идем через область гейзеров. Встречаются и недействующие жерла. Сегодня фонтаны бьют выше, и пары стелются в тихом воздухе над рекой. Но ни вчерашнего освещения, ни цвета воды еще нет. Солнце поднялось недостаточно высоко. Тишина, и в ней лениво плещется река. Вершины гор в снегу и алмазами блестят на солнце. Переходим приток реки и поднимаемся на отвес, по которому вьется наша тропа. Маленькая птичка, раза в три меньше воробья, деловито порхает вокруг каравана. Горы постепенно снижаются в холмы, которые сближаются между собой. Идем перекатами, постоянно снижаясь вдоль многоводной красивой реки Су-Зап-Чу. За рекой на одной с нами высоте движется всадник. Он на прекрасной серой лошади и с ружьем за плечами. Сначала дорога хороша, но потом становится каменистой, что плохо для большинства наших раскованных лошадей. К полудню тракт оживляется. Проходят несколько караванов яков. На маленьких деревянных седлах небольшие грузы – мешки ячменя. Становимся лагерем на обрыве, тылом к реке.

Приезжают два тибетца, предоставив третьему гнать по дороге яков. Оба вооружены русскими ружьями Бердана, с прекрасными светлого дерева ложами лхасской работы. Из вежливости тибетцы оставляют оружие у входа в палатку, в которую их приглашают, вынув предварительно затворы. Потом появляется из-за горы туземец с одним только мечом. Где мог я видеть это лицо? Сразу поражает оно, обрамленное длинными пушистыми волосами, сходством с лицами французских портретов XVII–XVIII веков. Правильные черты, тонкий точеный нос, маленькие усы и крошечная эспаньолка. Для придворного христианнейшего короля Людовика XIV черты недостаточно аристократичны, для корсара этих времен недостаточно грубы. Тибетец улыбнулся, и его лукавая усмешка дала точное определение. Вместо полушубка – синий кафтан мушкетера... и вот воплощенный д'Артаньян, как он мне всегда представлялся.

С пастбищ доносится лай сторожевых псов. За горами несколько аилов.

Н.К.Р. говорит о буддизме. Будда, говорит он, нашел путь в сердца людей не путем чудес, но практическим учением улучшения жизни каждого дня и личным примером великого сотрудничества. Он строго запрещал своим ученикам обнаруживать их оккультные способности перед теми, кто незнаком с принципами, заложенными в них.

6.Х. Опять спускаемся террасами вдоль реки. Потом переходим ее вброд, что возможно только благодаря сухой осени, иначе каждая речонка превратилась бы в опасный, трудно проходимый поток. Наблюдаем много птиц, и хищных, и обыкновенных. Черные белоголовые орлы, беркуты и ястребы всех пород. Особенно красив громадный орел, сидящий на камне и спокойно взирающий на караван. Но самая интересная птица – ворон. То важный и медлительный, то бочком скачущий к чужой добыче, то смешно бегущий вперевалку. Сколько ужимок и уверток, чтобы выхватить из-под самой морды собаки лакомый кусок. Он малобоязлив и должен быть очень забавен в прирученном состоянии. К моим наблюдениям Н.К.Р. прибавляет, что когда ворон неотступно клюет

спины животных и заклеывает их насмерть, – тогда он уже страшен. Попадаются черные клушицы с ярко-красными клювами и лапами и несколько разновидностей воробьиных пород.

Солнце греет – сегодня опять не холодный день. Идем по долине реки, окаймленной холмами красного песчаника с покровом желто-зеленой травы. Впереди виднеются фигуры тибетцев. Несколько человек построилось около дороги и, видимо, ожидают нашего подхода. Едущий впереди Ю.Н. вступает с ними в переговоры. Это пост милиции. Старший милиционер и при нем несколько подростков. Все, как, впрочем, и до сих пор виденные нами туземцы, – неописуемо грязны. Оружия, кроме пары плохих мечей, у них нет. Это представители племени *хор*. У них два резко разграниченных типа лиц. Классически правильный и грубо расплывчатый. Арийский и монгольский. Очень красив молодой человек с задумчивым лицом. Он точно отсутствует, и красивые глаза грустны. Он рассеянно вертит в руках сломанный рог антилопы. Слой грязи покрывает лицо и руки. Остальные пожирают глазами невиданных чужеземцев. Костюмы милиционеров несколько не отличаются от уже виденных нами, за исключением остроконечной шляпы одного из них – совершенно такой, как их носили щеголи XIII века во Франции. От старшего узнаем, что в двух переходах отсюда находится ставка тибетского генерала, начальника всех вооруженных сил государства на востоке. С ним сто солдат. Письмо губернатору Нагчу уже несколько дней тому назад прошло через этот пост. Здесь же узнаем, что идущим впереди нас европейцам предложено, пройдя земли племени *кам*, повернуть на Синин. Дальше их не пропускают.

Двигаемся дальше. Поднимаемся на высокий перевал, за которым в котловине синее озеро. Равнина широка. На юго-западе виднеется невысокая гряда гор. В степи дикие козы, гуляющие без всякой боязни между черными палатками тибетцев. Ближе к горам пасутся стада домашних яков. Около часа дня останавливаемся. Местность называется Шингди.

7.X. Сегодня дневка. Во-первых, нами получено сообщение, что в лагерь едут чиновники, а во-вторых – лошади сильно утомлены и им надо дать отдых. Н.К.Р. думает прикупить местных лошадей.

День выдался прекрасный, тепло, как в августе. Утром, не вставая с постели, слежу, как солнце заливает теплым розовым светом зеленую ткань моей палатки. Пью чай в столовом шатре, и в него просовывается голова тибетца. Его приглашают войти и дают кружку чая. На нем серый кафтан с белой барашковой оторочкой и красные сапоги с черными квадратами, в которые заправлены черные шаровары.

Кафтан высоко подобран красным поясом, и рукава с прорезями свешиваются до самой земли. Подкафтанье темно-синее, узко обхватывающее руки. Меч в тисненых медных ножнах снабжен кистью вроде темляка; на ремне опускается из-под пояса узкий длинный кинжал с рукоятью, осыпанной бирюзой. Острые черты худощавого лица со спускающимися по бокам косами. Движения кошачьи, быстрые. На голове волчья шапка с цветным верхом. За ним появляется присланный от генерала офицер. Он в "штатском" и фетровой европейской шляпе. Лошадь поседлана английским седлом. Начинается деловой разговор...

В лагере появляются туземцы. Среди них и наш вчерашний мечтатель. Видно, что он оделся сегодня в свое лучшее платье. Лисья шапка с чем-то вроде кисти, свешивающейся назад. На груди, на темно-синем кафтане на одно плечо – серебряный ковчег с

кораллами, за поясом меч. А лицо густо смазано смесью крови и жира с красными кружками на месте румянца на щеках. Вид получается довольно зловещий. Приходит и подросток со вчерашнего поста. Он одет щеголевато, по-тибетски, конечно, и за поясом у него меч, вдвое длиннее, нежели он сам. Видно – это балованный ребенок не бедной семьи. Гости сначала настроены будто недружелюбно, но осмотрев все, что им интересно, и получив безделушки, начинают улыбаться. Лед сломан. В то же время в палатке Чимпы, куда перешли представители власти, Ю.Н. ведет переговоры о нашем дальнейшем продвижении вперед. Наши козыри – письмо к Его Святейшеству Далай-Ламе, наличие в караване казенного груза и... соответствующее количество долларов, завернутых в хадаки.

Приходят в лагерь старики. Многоопытные, лукавые – и выпрашивают все, что только им ни попадается на глаза. На кухне они сейчас же приспособливаются к каким-то остаткам и жадно едят их. Потом опять ходят по лагерю и, получив что-нибудь, высовывают в благодарность языки. Впрочем, им дают немного – и они скоро исчезают. Приезжают таможенные чиновники, и начинается осмотр вещей. Это длинная процедура, и осматривается все. Открывается каждая коробочка, с интересом рассматривается каждая мелочь. Впечатление производит ящик с *танками* – буддийскими церковными знаменами, с изображениями Будды и предметами богослужения. "Это Ваш лучший паспорт", – говорит один из чиновников, обращаясь к Ю.Н. У этого чиновника довольно симпатичное лицо – немного китайского типа. Одет во все темное, а в ухе длинная серьга-кулон – оправленная в золото бирюза с подбоем из красной эмали. Серьга обычно является отличием ранга. На халат накинута шуба, на ногах зеленые сапоги.

Еще продолжается осмотр – но я иду к себе в палатку. Туда же появляется маленький тибетец с большим мечом. Он внимательно рассматривает все вещи, а потом показывает мне мыло и помаду скверной европейской фабрики, которые он как драгоценность носит с собой в тряпке за пазухой. Выкурив несколько миниатюрных трубок табаку, он, умильно и чистосердечно глядя на меня своими большими, еще детскими глазами, начинает выпрашивать уже начатую тетрадь дневника, лежащую на столе, и уже тянется за ней. Я энергично отбираю ее и предлагаю взамен четыре бланка визитных карточек. Тибетец в восторге, и я выпроваживаю уже начинающего надоедать дикаря. Он уходит, и я за ним, застегнув предварительно палатку, так как бродящие по лагерю тибетцы заглядывают в каждую, как это делалось бы в европейском музее по отношению к палатке Наполеона, Вашингтона или Шаляпина. Смотрю вокруг себя. Как все необычно. Странные темные лица, своеобразные одежды и чужой непонятный говор. Подумать, что мы в Тибете – даже как-то не верится.

Вечером Н.К.Р. говорит: "До чего разнится народ не цивилизованный от другого, уже изведавшего ее плоды. У первого какая-то природная вежливость и природный такт, какое-то умение держать себя с достоинством, тогда как у второго всегда какая-то грубость и распушенность, а вместо подчас красивого национального костюма – жокейка, пиджачная тройка и руки в карманы. При этом какая-то разухабистость и известная наглость".

К вечеру прибывает пост охраны, поставленный, как нам объясняют, чтобы сторожить наших животных. Тибетцы разбивают черную палатку и разводят костер из аргала, у которого греются, сев тесным кружком.

8.X. Стоим на месте в ожидании разрешения тибетского генерала – следовать дальше. За обедом делимся впечатлениями.

Интересна версия Н.К.Р. о том, что тибетцы, потесненные со своих мест китайцами, и были готами, двинувшимися когда-то в Европу. Поражают черты лиц тибетцев, такие похожие на облик романских народов. Интересна подробность, что в одном из иезуитских сообщений о Тибете указывается, что Лхаса некогда именовалась Готой. В тибетцах чувствуется и некоторая воинственность, связывающая их с готами – завоевателями Европы.

По словам туземцев, недалеко от нас на юг стоит европейский лагерь. В нем будто бы американец, два немца и японец. Н.К.Р. не исключает возможности, что это партия антикваров, подобная тем, которые приезжали в Синин в 1924 году и, подкупив китайцев, выкрали через них самые старинные и драгоценные изображения богов из храмов Дунхана. Тщательно запаковав, вывезли они свою добычу на многих подводах в Ланьчжоу и, через Шанхай, – в Европу.

Вечером приезжает от генерала офицер с предложением следовать в его ставку. Это типы, в которых что-то общее с офицерами времен Тилли и Валленштейна. Фетровые шляпы на длинных волосах дополняют схожесть их лиц с изображениями времен XVII века. Они в красных кафтанах, с мечами и на маленьких белых лошадках.

9.X. Холодная ночь и холодное утро. Журавли курлыканьем встречают солнечный восход. Уже в 7 часов утра мы в пути, сопровождаемые присланными офицерами. Ввиду нашего нахождения на государственной территории и такого солидного сопровождения – мы снимаем оружие и идем налегке, имея при себе только револьверы. Поднимаемся на короткий, но крутой подъем с аллеей обо. Над нами пролетают сотни уток, гусей и удивительно красивых диких лебедей. В стороне от тропы расположился на отдых тибетский караван. У костров сидят погонщики яков, а поодаль лежат яки и пережевывают жвачку. Собаки неистово лают. Перед глазами проходит фильм холмов, озер, равнин. Везде пасется домашний скот. Диких животных больше не видно. Издали показываются черные палатки со снующими вокруг них людьми. Проходим через стадо яков, и странно выглядят коровы с точно куртизованными лошадиными хвостами. Морды яков – поразительно тупого и глупого вида. Дальше стадо коз с прекрасным длинным руном – знаменитых тибетских коз. Палатки уже у самой тропы, и их можно разглядеть поближе. Черный цвет полотнищ в сочетании с белыми молитвенными флагами, нанизанными на веревки, протянутые по шестам, придает тибетским жилищам какой-то траурный вид. Сами палатки с плоскими крышами издали напоминают гробы. У одной из них толпа народа. От дальнего аила нам наперерез скачут всадники, и двое впереди – в европейских шляпах. Значит – должностные лица. Машут руками: "Стой". Подскакав, перегораживают лошадыми дорогу. Лица не внушают доверия. Подъезжают наши офицеры, и следует короткий разговор. Лица подъехавших проясняются, и на них появляются улыбки. Они думали, что у иностранцев нет пропуска.

Идем дальше. Дорога ужасна. Или тропинка по кочкам, или без нее – прямо по щебню и острым камням. Но у лошадей тонкий расчет, и им не следует мешать поводом.

Тропами идет между большими камнями зигзагообразный подъем. Навстречу показывается всадник с двумя вооруженными, вероятно, слугами. Через плечо красная лента. При виде Н.К.Р. он улыбается, приветствует рукой и произносит "салям". "Это близость Индии", – говорит мне Н.К.Р., около которого я еду.

С вершины горы открывается вид на глубокую котловину. Мы на историческом месте. Это проход Бумза, последний, который удалось пройти Пржевальскому. Под ним он был

остановлен – и повернул назад.

В котловине, за поворотом, как говорят офицеры, – раскинута ставка генерала. Мы едем, разговаривая с Ю.Н. Вдруг он заметно бледнеет и покачивается в седле. Я успеваю подхватить его. Подъехавшие монголы бережно кладут Ю.Н. на землю. Доктор склоняется над больным. Пульс слаб, сердце еле бьется. Это острый приступ горной болезни, и доктор дает самые сильные средства. Я улавливаю, как он озабоченно покачивает головой. В нескольких саженьях позади – такой же припадок с бурятом, ламой Малоновым. Спереди приходит сообщение, что Е.И. тоже чувствует себя плохо. Самое скверное состояние у Ю.Н. Ему оттирают похолодевшие конечности, и он в состоянии полузабытья. Караван уже спустился вниз и разбиты палатки, когда Ю.Н. бережно сводят вниз и кладут в уже приготовленную постель. Ввиду болезни нашего переводчика и слабости многих других членов экспедиции – свидание с генералом откладывается.

В лагере появляется толпа местных жителей. Между ними одна сравнительно красивая женщина – похожая на индианку. Остальные представительницы прекрасного пола ужасны. Особенно одна – сущая дьяволица, недалекая обличьем от шекспировской ведьмы. В довершение всего, лица женщин размазаны свежей кровью. Лоб и нос естественного цвета, а с висков на щеки спускаются симметричные рисунки, соединяющиеся на подбородке. В необычайно сальных прическах кораллы и бирюза. В косы как мужчин, так и женщин – вплетены эти камни. У последних они в браслетах и в широких полотенцах, спускающихся по спине, и перемежаются с серебряными монетами. Следует отметить, что в области вкуса монголы стоят выше тибетцев, в смысле же грязи последние побивают рекорд.

10.X. Выяснились титулы и ранг генерала. Имя его Кап-шопа, а должность *хорчиаб*, то есть верховный комиссар области хоров, совмещающий в себе и командование всеми войсками, расположенными на востоке Тибета. Он принадлежит к старому княжескому роду, резиденция которого около Гиангце.

Сегодняшний день искупает по своему интересу многие трудности нашего далекого путешествия. Но с утра – он начинается очень печально. С вечера Н.К.Р. получил приглашение от генерала пожаловать к нему в ставку. "Но только, пожалуйста, пораньше", – предупредил нас начальник уезда, присланный с приглашением. Последнее, как потом выяснилось, исходило уже исключительно от усердия чиновника.

Около 10 часов утра наша кавалькада направилась к ставке хорчиаба. Впереди Ламаджан с флагом на копье, потом Н.К.Р., а за ним Ю.Н. и я. Нас сопровождают торгоуты. По обычаю, мы без оружия, дабы показать доверие и не оскорбить хозяина. В последнюю минуту ввиду нездоровья Ю.Н. – Н.К.Р. просит доктора присоединиться к нам. Оказывается, ставка не так близко, как казалось, – километров 8 по убийственной кочковатой местности без тропы. На полдороги Ю.Н. опять чувствует себя дурно. Его снимают с лошади и кладут на землю. Он в полуобмороке. Ампула с камфарой сразу улучшает положение больного. Подъезжает тибетский чиновник из ставки. Ему объясняют, что Н.К.Р. поедет к генералу и, не имея возможности говорить с хорчиабом без Ю.Н., который не может ехать дальше, – передав хадак, вернется обратно и просит, чтобы для переговоров были высланы в наш лагерь доверенные офицеры. Садимся на лошадей. Опять впереди флаг, потом Н.К.Р. со мной и торгоут позади. Не доезжаем шагов трехсот до ставки, около которой на мачте развевается большой флаг, – нас знаками просят слезть. После этого начинается невероятная путаница. Ни мы не понимаем тибетцев – ни они нас. Так стоим мы с Н.К.Р. на луговой кочке, а вокруг тесным кольцом

обступили нас жители аила, около которого расположена ставка. Несмотря на открытое небо – становится трудно дышать от тяжелого, дурно пахнущего воздуха, зараженного толпой. Особенно это тяжело нам, так привыкшим к идеально чистому воздуху пустынь. Подходят какие-то чины, судя по серьгам в ушах. Что-то объясняют, о чем-то говорят. И мы стараемся объяснить им, что не хотим ждать и, передав хадак, желаем вернуться обратно к себе. Нам отвечают недоумевающие взгляды. Н.К.Р. хочет подойти к лошадям – но нас не пускают, вежливо, но категорично загораживая дорогу. В довершение всего приносят часы и начинается счет на пальцах. По этому счету выходит, что генерал примет нас в 5 – тогда как теперь только около одиннадцати. Видно, что Н.К.Р. немного раздражен происходящим, но замечает, что единственное наше оружие – спокойствие и терпение. И действительно – что можем мы сделать без языка. Как объяснить, что мы хотим уехать и приехать на другой день? Приносят какие-то круглые подушки и просят на них сесть. Чиновники уходят. Опять сдвигается вокруг толпа, уже немного привыкшая к нам. Видно, что делаются какие-то замечания по нашему адресу. Все это утомительно и совершенно невыносимо.

Так проходит чуть ли не полтора часа. Наконец, подходит солдат в хаки с толстой косой из-под какого-то странного головного убора. Опять пробую объяснить и ему, что мы хотим видеть генерала или уехать. Выслушав, он раздвигает толпу и просит идти за ним. Подходят и чиновники. Наш флаг свернут. Тибетцы знаками просят развернуть его. У входа в ставку поставлены часовые и, надо сказать, довольно печального вида. Недружно вскидывают они свои ружья и делают при нашем приближении какой-то ружейный прием. На мачте громадный флаг. Из середины его расходятся вверх синие и красные лучи, а нижняя часть не то размалевана облаками, не то цветами. Мачту, а может быть, просто длинное древко – венчает железный трезубец, согнувшийся набок. Народ густыми шпалерами теснится по пути, по которому идем мы с Н.К.Р. в предшестве нашего флага. Н.К.Р. распоряжается его оставить около генеральского знамени. Входим в небольшой, чисто выметенный дворик, обложенный довольно высокими стенками из дерна. В его глубине большая палатка, и в ее полутьме виднеется что-то яркое – чего нельзя разобрать. Сопровождающие чиновники просят Н.К.Р. войти. За ним вхожу я, и с яркого солнца только вижу что-то желтое на возвышении. Глаза привыкают к полутьме, и из желтого вырисовывается кланяющаяся голова и рука, указывающая на тахту. Н.К.Р. отвечает на поклон. Его примеру следую и я. Потом мы садимся. Внутренность палатки велика и просторна. Одну ее треть занимает возвышение, на которое опускается до тех пор стоявший молодой человек в шелковом желтом халате – очевидно, хорчиаб. Бледное, слегка косоглазое лицо, опущенное усами и бородкой, азиатские глаза без ресниц и благожелательная улыбка на полных губах. Халат тиснен цветами. Из-под него виден голубого шелка кафтан, подбитый тонким белым мехом. На голове мандаринская китайская шляпа, круглая, черная, со сверкающим над ней рубинами крестом – знаком Акдорже, составленным из пяти кругов-орнаментов.

На всем окружающем, начиная с костюма генерала, печать еще недавно ушедшего Китая. Мы сидим с правой руки генерала, с левой на таком же диване три неподвижные фигуры. Это ближайшие помощники тибетского сановника. Три военных майора. Два помоложе, один пожилой, хмурый и замкнутый в чертах хитрого лица. Все три в шелковых курмах, надетых на такие же кафтаны. Курмы голубая, вишневая и коричневая. Шапки у всех того же покроя, как у генерала, но только с парчовым верхом и шариками, обозначающими ранг. Бирюзовыми и нефритовыми, оправленными в золото. Каждый – образчик тонкого ювелирного искусства. Под шапками майоров дамские прически, собранные вперед и завершенные сверкающими камнями – рубинами и бирюзой. У одного на руке

прекрасное кольцо. Бриллиант и рубин. Сапоги у всех китайские из парчи. Здесь сохранились, как видно, яркие костюмы былого Китая, составляющие резкий контраст между служилой знатью и населением страны, носящим одежды совсем другого покроя. На возвышении, на котором сидит генерал, набросаны ковры, валики и подушки. Самое сиденье покрыто тигровой шкурой, а дальше брошена шкура снегового леопарда. С правой руки маленький алтарь. Под божественными изображениями в чехлах стоят жертвенные приношения в серебряных чашах с водой и рисом. Ниже – ряд зажженных лампад. За генералом лакированный ковчег, обернутый в шелк, на поставце. Ковчег обвязан хадаком и, очевидно, содержит какие-то реликвии или грамоты. К главному столбу палатки ремнями прикреплено знамя, свернутое и завернутое в кисею. Наверху – трезубец, а на яблоке – двуликий янус. Это темная бронза превосходной работы. Это знамя олицетворяет полномочия генерала как верховного комиссара и командующего войсками. У знамени меч, весь в серебре, с рукоятью, усыпанной драгоценными камнями. Боковые диваны тоже в коврах – но неважного достоинства. На полу разостланы чистые белые кошмы. Над сиденьем генерала балдахин, поддержанный копиями с бунчуками из красных, крашенных конских хвостов. Ящики, поставцы, низкий письменный стол с прибором и плохими томпаковыми часами на нем – все носит на себе отзвук китайщины, дух которой еще остался в Тибете.

Н.К.Р. передает хадак. Следует несколько улыбок и вопрос, который для нас непонятен... и воцаряется молчание. Наш флаг, оставленный из такта при знамени, – вносится во двор. Офицеры на противоположном диване нас внимательно рассматривают, а хорчиаб благожелательно улыбается. Стены двора усеяны лохматыми черноволосыми головами любопытных. Начинается объяснение жестами. Болезнь Ю.Н., высота гор, тяжесть дыхания. Генерал сочувственно улыбается. Майоры неподвижны как статуи. Положение, из-за невозможности объясниться, становится неприятным, а выхода из него не предвидится.

На дворе среди слуг происходит какое-то движение. В палатку вносят скамейку и покрывают ее коврами. Входит Портнягин и сообщает, что Е.И., Ю.Н. и доктор едут сюда и уже близко. Значит, Ю.Н. стало лучше. И мы с Н.К.Р. облегченно вздыхаем. Приятно выйти из положения немых. Майоры выходят на двор и подходят к стенке, с которой исчезают лохматые головы. Офицеры по очереди смотрят в дрянной бинокль. Они священнодействуют. Останавливаются у ворот всадники, и в палатку входит Е.И. За ней остальные. Ю.Н. обращается с приветствием к генералу по-тибетски, и последний как бы не верит ушам, слыша родную речь в устах европейца. Брови его малоподвижного лица удивленно поднимаются, и... начинается оживленная беседа. Тем временем слуги разносят угощение. Солёный, жирный, как бульон, чай прекрасного вкуса, сбитый с маслом, сушеные фрукты, какие-то печенья и сладости, среди которых первое место занимает сахар.

Один из приближенных генерала узнает Н.К.Р. и Е.И. – он их видел в Дарджилинге, где о них шла слава, как о людях, так хорошо понимающих буддизм и благожелательно относящихся к тибетцам и ламам. Это сведение удваивает любезности хозяина, и беседа переходит на вопросы буддизма. Потом касается священной Шамбалы. Не забыты и деловые вопросы о нашем продвижении. Генерал приказывает написать распоряжение о нашем пропуске губернаторам в Нагчу, оказывается, их два, и обещает дать чиновников для сопровождения нас. Слуги следят, чтобы чашки были полны, и неустанно обносят нас достарханом. В удобный момент Н.К.Р. передает генералу завернутый в хадак подарок. Это прекрасные золотые часы с инкрустированными на эмалированной крышке букетами

роз и мелким жемчугом. Вещь очень красивая и ценная, которая, вероятно, придется по вкусу тибетскому князю. Он благодарит и кладет подарок, не развертывая хадака, на стол рядом с томпаковой дрянью рыночного производства – своими собственными часами. Один из офицеров тут же пишет распоряжение, и генерал, внимательно просмотрев его, прикладывает свою печать.

Во время приема за моей спиной какое-то движение и шепот. Это три тибетские дамы. Может быть, княгиня со своими женщинами или женами офицеров. Они держат себя с достоинством, не конфузятся и внимательно слушают идущую в палатке беседу, по этикету не входя в нее. Лица некрасивые, но молодые и некрашенные. У одной только на щеках еле заметные полосы из смеси жира с кровью. Одеты они по-старинному китайскому – но в темных тонах. Две – с плоскими простыми прическами в косу. У третьей на голове вместо шляпы красный лакированный треугольник из дерева. Все угощения, вероятно, приготовлены при участии этих дам.

Немного притихший разговор опять оживает и переходит на тему о гуру, духовных учителях Индии. Генерал совершенно в курсе этих вопросов и свободно говорит об эзотерике Востока. Е.И. показывает ему письмо одного из Великих Учителей, и генерал, взяв сверток обеими руками, – благоговейно прикладывает его к своему лбу.

Прием затягивается часов до пяти. Н.К.Р. дает знак к отъезду. Но радушный хозяин не хочет нас отпустить без нового угощения, после которого изъявляет желание проводить нас в наш лагерь. Новое угощение – рис, варенный на пару, с маслом и сахаром. Потом сласти и чай. Ю.Н. устал, и беседа опять затухает. Доктор все время дает ему поддерживающие средства. Во двор вводят приготовленного для отсылки к губернаторам Нагчу гонца. По всей видимости, народ в крутом повиновении у властей и почтительном страхе перед таким важным лицом, как генерал. Со шляпой в руках застыл гонец в позе поклона и очень напоминает собой зайца Гейнце в аудиенции короля из гетевской сатиры. Опять что-то пишут. Генерал поглядывает на нас исподлобья и улыбается. Еще раз ставит печать на проверенную бумагу. В разговоре выясняется, что генералу только 25 лет и что свое назначение он получил из рядов гвардии Его Святейшества. У него право непосредственных сношений с Далай-Ламой. Очевидно, этот молодой человек – сановник на большом ходу. По иногда вырывающимся интонациям его голоса и чему-то еле уловимому в обращении – видно, что генерал умеет властвовать и имеет дар повелевать, перешедший к нему из поколения в поколение его знатного рода. Подчиненные с уважением относятся к своему, вероятно, сверстнику. Два офицера помоложе, хорошо воспитанные и породистые, производят впечатление сотоварищей детства князя. Пожилой майор, исключительно, как видно, подчиненный, имеет мало общего с остальными.

Передав корреспонденцию, генерал снимает шапку. На его голове две косы, свернутые в прическу, склотую надо лбом аграфом черного и красного цвета. Приему конец. Слуги обносят курильницами благовонного дыма – и каждый навевает его на себя. Генерал встает, и за оградой раздается резкий звук военной трубы. Это сигнал отъезда. Слуга почтительно подает хорчи чабу очки, и мы все выходим из палатки.

За воротами выстроен почетный караул. За ним густые толпы народа. На первом плане лошадь генерала с седлом, покрытым ковром, который снимается при его приближении. У стремени приступка с наброшенной на нее цветной кошмой. Кланяюсь дамам, стоящим во дворике, что производит на них ошеломляющее действие, – прохожу к воротам, около которых наши лошади. Как только генерал занес ногу в стремя – раздалась длинная

команда и десяток солдат караула неуклюже взял "на караул". Солдаты в грязных английских хаки, еще с английским гербом на пуговицах, защитных штанах и башмаках. Никакого снаряжения на них нет. Шляпы австралийские, вроде бойскаутских, с полем, пристегнутым сбоку. Из-под шляп торчат толстые косы. Генерал садится, и раздаются три пушечных выстрела, изображенные петардами. Садимся и мы. Лошадь генерала трогается, солдаты караула вприпрыжку бегут к лошадям и садятся. Раздается нестройная музыка. Оркестр тибетцев в партикулярном платье играет на длинных трубах, вроде римских, и бьет в литавры. Ему со всех сторон вторят яростно заливающиеся лаем псы.

Кавалькада выдвигается на равнину. Она удивительна по своей живописности и чисто азиатской нестройности. Вероятно, мы последние, кто ее видит, и тем более интересно наблюдать этот отзвук отошедшего прошлого. Впереди знамя, стоявшее у ставки. Его везет солдат на белой лошади. Дальше попарно почетный караул. У каждого воина вниз по спине коса до пояса, а справа налево старая английская магазинка.

Теперь это конвой. За ним, тоже попарно, едет оркестр военной музыки. Он состоит из кавалерийских труб, пехотных горнов и... бог весть как попавших сюда – шотландских волынок. По пути попеременно играют на трубах или на волынках. По этой игре можно безошибочно определить, что музыкальные способности тибетцев очень относительны. За музыкантами едут чиновники, тоже по два в ряд, в цветных китайских костюмах – и это очень красиво. Курмы одного и халаты другого цвета. Потом в ряд три майора ближней свиты, за ними хорчичаб, рядом с ним Н.К.Р. За ними члены экспедиции со звездным флагом и остальная свита генерала, смешанная с конными любопытными. Немного поодаль группа, вероятно, сельских властей, вооруженная до зубов. Население – без мечей, как знак уважения, стоит по пути. Шагом, километр за километром, приближаемся мы к нашему лагерю. Он уже близко. Солдаты гурьбой скачут вперед и, построившись со знаменем, берут по команде "под козырек". Генерал, проезжая мимо них на своем бойком выкормке, привычным жестом прикладывает руку к своему головному убору, со всеми замашками настоящего генерала. Часть солдат соскакивает с лошадей и бежит к палатке Н.К.Р. – где занимает парный пост и опять берет "на караул" слезающему около нее военачальнику.

Администрация лагеря уже давно предупреждена о необходимости почетной встречи. Палатка Н.К.Р. осенена большим американским флагом. Под навесом накрыт стол с чаем и устроен достархан из скудных запасов, которые только еще остались. Главное место среди них занимают несколько плиток шоколада. Н.К.Р., Е.И., Ю.Н., доктор и я размещаемся с генералом и лицами его ближней свиты за столом.

Идет беседа, и тибетцы уничтожают шоколад. Генералу показывают виды Нью-Йорка, которые он с интересом рассматривает. Особенно его поражают небоскребы. Из разговора выясняется, что идущая впереди нас экспедиция принадлежит Фильхнеру. Выпив чай, генерал сам приступает к таможенному осмотру. Отчасти, конечно, из любопытства, отчасти из любезности – чтобы, как он говорит, руки меньших чинов, нежели он, не касались вещей такого великого человека, как Н.К.Р. Конечно, все дело в любезности – ведь не далее как пару дней тому назад его же чиновники уже перерыли весь багаж. Посидев в кресле и полюбовавшись вещами, генерал встает. Дальнейший осмотр произведет его секретарь. Потом по предложению Н.К.Р. – хорчичаб идет навестить Чимпу и, попросив Н.К.Р. передвинуть наш лагерь поближе к его ставке, – уезжает. Гремят трубы, и сопят волынки. Дружески попрощавшись со всеми, генерал в предшествовании своего знамени скрывается со своей свитой в надвигающихся вечерних сумерках.

11.X. Встаем поздно. Понемногу убирается лагерь, и часам к двенадцати дня переходим на новую стоянку. Палатки разбиваются на небольшой речке с чистой прозрачной водой, протекающей через равнину. Из соседних аилов собираются толпы тибетцев, ходят по лагерю, заглядывают в палатки и исподтишка, в знак приветствия – показывают язык. Одним из распоряжений последнего времени было уничтожение этого старинного обычая.

Кончок, побывавший утром в ставке генерала, сообщает, что письмо о нас пошло к Далай-Ламе, так же как и распоряжение губернаторам в Нагчу пропустить экспедицию дальше на юг. Н.К.Р. приглашен сегодня к генералу и уехал к нему с Ю.Н. и доктором. Нам необычайно надоедает назойливое любопытство туземцев. Среди них появляется новый тип испанца и, надо сказать, очень красивого.

Приезжает Н.К.Р. Он рассказывает, что по отношению к нам как будто заваривается целая история. Губернаторы Нагчу, так как власть в Тибете одновременно возглавляется представителями светской и духовной власти, двумя сановниками, действующими одновременно и сообща, – написали генералу, который хотя и старше их по положению, но другого ведомства, что не берутся пропустить нас на основании существующего общего положения, и предлагают ему взять наш пропуск исключительно на себя. Хорчиаб остался очень недоволен таким поворотом дела и вызывает губернаторов в свою ставку, указав в своем письме, что "Великий Посол... соглашается подождать вашего приезда". Большое преимущество, что мы застали генерала. Опоздай мы на один день, и его ставка была бы уже снята. Теперь генерал решил остаться до разрешения вопроса нашего продвижения на Нагчу. Любезность тибетского сановника очень велика. Вероятно, подарок сильно пришелся ему по вкусу.

Впечатление Н.К.Р., что вокруг нас завязывается борьба между генералом с одной и губернаторами с другой стороны. Но, конечно, это пешки. За ними стоят силы покрупнее. Силы, которым во что бы то ни стало надо задержать Н.К.Р. и помешать выполнению им своей миссии. Это две силы, которые я пока не буду называть и которые в соединении представляют из себя самую большую мощь на нашей маленькой планете.

Только что явился караул тибетцев племени хор с десятником во главе. Пошли в ход палки, и назойливых туземцев точно водой смыло из лагеря.

Вечером из ставки генерала доносятся звуки труб и волынок с аккомпанементом барабана, который в некоторых местах – играет соло. Это вечерняя зоря, или "большой сбор", играемый по распоряжению генерала в честь Н.К.Р., как сообщил об этом специально присланный офицер.

После ужина Н.К.Р. рассказывает об Индии, где он долго жил, и о великом Акбаре, который стремился к соединению религий в одну. Потом разговор переходит на искусство Индии. И чувствуется, как с большим художником сочетается знаток истории. И сколько ни говоришь с Н.К.Р., – никогда, даже мимолетного, повторения.

12.X. В лагере целыми днями идет работа. Приводится в порядок инвентарь, чистится оружие и смазываются бараньим салом седла. Идет ковка и осмотр животных. Сегодня генерал приглашен в лагерь. На кухне из ничего – стараются создать нечто для достархана.

Чимпа очень плох. Но доходят странные слухи, что он делает что-то несуразное, говорит скверно про нас и ведет какой-то подкоп под экспедицию. Наши буряты-ламы все время

ходят к нему в палатку, которая отделена от нашего лагеря ручьем и сотнями двумя шагов. На запрос по этому поводу тибетцев – они отвечают, что Чимпа сошел с ума и злые духи овладели его душой.

Для октября погода прекрасная и теплая. Но беда, что на пастбищах почти совсем уже нет травы. Завтра ожидается приезд губернаторов из Нагчу. Приезд генерала к чаю будет носить полуофициальный характер.

В назначенное время из ставки показывается группа. Два солдата ведут лошадь генерала под уздцы. Сзади едут три майора, и шествие замыкают несколько слуг. Поодаль скачут несколько солдат. Они опережают поезд генерала и, соскочив с лошадей, занимают парный пост у палатки Н.К.Р. Мы все выходим навстречу гостям. Сегодня князь не в своих парадных одеждах. Вместо шляпы со знаком Акдорже – на нем белый Тонкинский головной убор с красным султаном. Свита одета тоже проще. Через Кончока выяснилось, почему мы были так долго задержаны перед ставкой в наш первый приезд. Шло приготовление к приему, и все чиновники, с генералом во главе, одевались. Благодаря неуместному старанию уездного начальника – мы прибыли слишком рано. Во время чая появляются "нибелунги". Н.К.Р. в шутку зовет так тибетцев. Черные кафтаны, черные волосы и грязь смуглых лиц тоже в этом тоне делают их фигуры удивительно траурными. Так и представляются над их плечами носилки с белокурым Зигфридом, несомым со злосчастной охоты. Нибелунгов около тридцати. С трепетом и испуганными взглядами выстраиваются они полукругом перед палаткой, под навесом которой сидит хорчиаб со своими знатными друзьями. Они принесли дары. Мешки с ячменем, рисом и сыром. Цибик чая и куски яковой говядины. Под навесом происходит обмен любезностями, а наши монголы берут у тибетцев принесенные подарки. Разговор, главным образом, касается Америки. Гости рассматривают альбомы фотографий и репродукций картин Н.К.Р.

После отъезда генерала сидим у палатки Н.К.Р., греемся на солнце и смотрим на развернувшуюся перед глазами картину. Желтый фон равнины и гор, а на нем черные палатки, черноволосые люди в темных одеждах. Черные яки и такие же черные вороны – вот преобладающие цвета Тибета под куполом вечернего неба, окрашивающегося в лилово-розовые тона близкой зари. Солнце скрывается за горой, ложатся вечерние тени и сразу становится холодно.

13.X. Утром с чаем пьем яковое молоко. Оно синеватое, довольно вкусное и жирное, как сливки. Грифы и белоголовые орлы неподвижно сидят на кочках вокруг лагеря. А между палатками скачут вороны, и наглость их выше всяких пределов. На кухне они стараются стянуть мясо, на палатках долбят своими острыми клювами брезент, а одна унесла в когтях алюминиевую чашку.

По сведениям из ставки к генералу приехал гонец из Гиангцзе. Там, со слов гонца, находится английский резидент. Другое сведение из Нагчу. Один губернатор отговаривается делами, а другой – болезнью, и они сюда не едут. Это, конечно, дипломатический прием, и наше положение усложняется. Завтра от 10 часов утра продолжится таможенный осмотр вещей экспедиции.

Вечером говорим о современности. Н.К.Р. указывает, что самое большое зло нашего времени спекуляция, эксплуатация и конкуренция. Спасением от этого может быть только кооперативность.

14.X. Рано утром умер Чимпа. В последнее время он уже не лечился у нашего доктора, а пользовался лекарствами лам, которые одновременно изгоняли из него и злых духов. Положение больного было безнадежно в связи с тем, что он не держал диеты, курил и пил водку.

После его смерти власти ознакомились с документами Чимпы. Среди них нашли письмо, которое касалось нас и должно было быть отправлено губернаторам в Нагчу. Целая интрига плелась вокруг экспедиции облагодетельствованным Н.К.Р. и Е.И. человеком. Она заключалась в том, чтобы убедить монгольских слуг и бурят-лам бросить европейцев и идти дальше под начальством Чимпы. Смерть положила предел проискам тибетца и пресекла предательство. Так ответил он на все сделанное для него. Такова была его благодарность. Буряты-ламы, ведущие двойную игру, стали на сильное подозрение у тибетцев и больше не имеют влияния на остальных слуг, открыто осуждающих лам. "И это лама, – одно, что сказал Н.К.Р. – Где же истинный буддизм!"

Днем происходил таможенный осмотр. Воспрещен ввоз в Тибет взрывчатых веществ и литературы. Ни того и ни другого у нас нет. Производил осмотр наименее приятный из всех приближенных генерала, пожилой майор. Он перевернул все, заглядывая в коробку карандашей и открывая каждый флакон духов. В основе, конечно, лежало любопытство дикаря. Имея удовольствие путешествовать по Тибету, надо терпеливо сносить и его маленькие неудобства.

Н.К.Р. находит, что задержка нашего дальнейшего продвижения связана, главным образом, с проходом в Лхасу монгольского посольства, за что губернаторы Нагчу чуть не поплатились головой, и движением Фильхнера, идущего впереди нас.

Ночью монголы не выходят из палаток, боясь бродящего вокруг лагеря, по их мнению, духа Чимпы.

Н.К.Р. ценит в работе, как ее качество – быстроту.

15.X. Сегодняшний день должен многое разрешить. Завтра с утра генерал уезжает. Видно, как к его ставке сгоняются грузовые яки с деревянными седлами.

Ночь была очень холодная. Днем воздух резкий, и у всех увеличилась одышка. Небо в тучах. Но когда прояснилось, начало греть солнце. Когда ветер – то против него дышать невозможно – захватывает дух. Местные лама приготовили Чимпу к погребению, то есть, попросту говоря, разрезали его тело на куски. Потом, сложив их в мешок, – отвезли к горам и выбросили грифам. Однажды мы наблюдали из лагеря, как эти противные птицы терзают падаль – труп лошади. Это те же птицы, которые исполняют роль могильщиков в башнях молчания в Индии. Мне в Бомбее показывали деревья около этих башен, на которые обычно садятся грифы после своих страшных пиров. Деревья без листьев и засохли. Высотой гриф почти до трех футов. Он не сразу подходит к добыче и садится в нескольких десятках шагов от нее. Потом, точно человеческой побежкой, глубоко спрятав свою голую шею в плечи, подбегает к падали и начинает ее терзать.

Вечером говорим о нирване. Нирвана как небытие – есть результат незнания, что такое буддизм, на Западе. Нирвана есть состояние человека еще при жизни, а паранирвана после смерти и есть полное развитие духовных сил человека.

16.X. Н.К.Р. с утра ведет переговоры с хорчибаом. Последнему указывается, что чинимые экспедиции препятствия могут побудить американских буддистов выбрать

своего западного Далай-Ламу, что создаст разделение буддизма на восточный и западный. Результатом переговоров является новое письмо генерала в Лхасу. Видно, что он понимает положение и делает все, чтобы помочь нам.

День холодный, солнце прячется за тучи.

17.X. Холод увеличивается, и мы с доктором обкладываем наши палатки войлочными кошмами. Наглухо зашиваю окно и устилаю пол войлоком. В палатке как будто становится теплее, но зато делается темно. Главная проба палатки будет ночью.

В лагерь приходит пожилой майор. Выясняется, что он выслужился из солдат во время войны с китайцами и не умеет писать. Дальше его карьера ознаменовалась тем, что он гнал за Таши-Ламой.

Генерал еще не уехал. Он просит Н.К.Р. приехать к себе для новых переговоров. По-видимому, начинается нескончаемая азиатская канитель, которой тибетцы научились у своих недавних властителей – китайцев.

После обеда сидим с Голубиным на берегу реки. Вода прозрачна и чиста, а в ней сотни форелей, которых можно ловить руками. Они набились в яму у подрытого течением берега. Это голубая форель. Дальше вниз по реке, точно в садке, распределились по возрастам и размерам меньшие, тогда как около нас самые крупные рыбы. Вечером они все поднимаются вверх по ручью и так густо идут на перекате, что спины их выдаются из воды. Охотятся за форелью вороны и бог весть откуда прилетающие большие чайки. Во всех водах Тибета масса рыбы, но туземцы ее не едят. Мы же воздерживаемся от нее потому, что есть указание о ядовитости рыбы в Тибете. На то же указывает и Пржевальский. Однажды весь состав его экспедиции чуть не отравился. С другой стороны, по распоряжению Н.К.Р. мы строго придерживаемся обычаев страны, что является главным фактором дружественных отношений с туземцами.

18.X. Все покрыто инеем. Ручей замерз. В 7 часов утра в моей палатке -7° С. Благодаря кошмам у меня сухо и нет обычно покрывавшего по утрам весь купол палатки инея. Мой спальник мешок из бараньего меха и шуба достаточно спасают от ночного холода. Недели через две или три на Чантанге будет уже очень холодно. При морозах солнце печет, как летом. Голубин докладывает Н.К.Р. о положении животных, которое очень тяжело. Вся дача ячменя около двух кружек в день, что составляет около полутора фунтов. Тающий на солнце снег замерзает ночью и образует наст над и без того замерзшей землей. Пастбище кончилось.

Н.К.Р. и Ю.Н. поехали к генералу для переговоров, результат которых оказался неудовлетворительным. Хорчиаб сказал, что больше ничем помочь не может, и прощание с ним получилось очень сухое и натянутое. Н.К.Р. решил совершенно самостоятельно войти в сношения с лхасским правительством. Ровно в 11 часов утра со стороны генеральской ставки "загрохотали салютационные орудия", и хорчиаб отбыл. В наше распоряжение оставлен самый несимпатичный из всех аколотов генерала – майор из солдат, а уездный начальник получил приказ держать около лагеря "почетный караул". При прощании Н.К.Р. с генералом во двор ставки вошли старшины местных айлов. Пав на колени и высунув языки, они просили Н.К.Р. самовольно не уходить из их района, так как в случае, если бы это произошло... И они недвусмысленно провели ладонью по своему горлу.

Вечером говорим с Н.К.Р. и касаемся духовных учений. Ученик, говорит Н.К.Р., должен

свободно мочь обсуждать преподанное ему учение, ибо лишь самостоятельными усилиями достигается познание и овладение истиной.

19.X. Н.К.Р. отправил сегодня письмо губернаторам Нагчу. В нем он указывает, что если экспедиции не будет дан свободный пропуск на юг, то лхасскому правительству могут грозить серьезные неприятности. Кроме того, подчеркивается, что все случившееся с членами экспедиции из-за задержки – ляжет на представителей местной власти в форме тяжелого их обвинения и будет на ответственности губернаторов.

Наблюдаем тибетских воробьев, старающихся проклевывать мешки с ячменем. Они немного больше своих европейских собратьев и с головками, расцвеченными черными полосками, точно на них надеты и повязаны черными бантами – вдовьи капоры с белыми оторочками. Кроме ворон здесь еще маленькие птицы с оранжевым горлышком и серыми перьями – тоже какая-то разновидность воробья.

Сегодня прекрасная погода. Невысокие горы, окаймляющие нашу долину, четко выделяются на ярко-голубом небе. Жаркое солнце греет, но в палатках очень холодно. На воздухе тяжело дышать и говорить.

20.X. По словам майора, Фильхнер направлен тибетским правительством на Ладак и снабжен всем необходимым для этого путешествия. Это очень трудный путь вверх по Брахмапутре и вниз по Сатледжу. Возможно, что этот маршрут совершенно совпадает с намерениями самого путешественника.

В 10 часов утра в закрытой палатке около -4 ° С.

После обеда в лагерь является майор. Его сопровождает огромного роста солдат с густой косой. На нем рваный английский мундир и тибетская шапка. Солдат по английскому уставу щелкает каблуками и отдает Н.К.Р. честь. Майор сообщает, что на два письма о нашем пропуске губернаторы ответили уклончиво, а на третье, посланное самим майором, – они совсем не прислали ответа. Впрочем, писал ли майор и были ли отправлены до этого письма из штаба генерала, – проверить довольно трудно. Н.К.Р. настаивает на посылке майором нового письма, ввиду болезненного состояния некоторых членов экспедиции и усиливающегося падежа животных. Из ста пало уже 28.

С каждым днем становится труднее. Холод усиливается, а мы стоим на мерзлом болоте в тропических палатках. Наши туземцы в продуваемых насквозь китайских майхане. По распоряжению майора тибетцы привозят по два мешка ячменя в день – но это капля в море сравнительно с тем, что необходимо. Лошади сдали и ослабели. Верблюды в ужасном положении. Их поддерживают чаем с распущенным в нем маслом.

21.X. По распоряжению Н.К.Р. губернаторам написана бумага с предложением дать пропуск на юг, а буде такого не будет дано, – разрешить экспедиции зимовать в одном из монастырей между Нагчу и Лхасой.

На ручье гуляет орел. Белая голова с точно спускающимся на плечи белым париком. Шея и ноги розовые, а крылья черные. Спереди совсем английский судья в парике и черной судейской тоге.

Лошади получают по три фунта ячменя в день. Нужное на каждый день количество зерна с величайшим трудом достается от местного населения. Цены непомерно велики и ежедневно растут. Хоры разлакомились на серебро, которое до нас они никогда не имели

в руках, так как ходячей монетой здесь являются медные шо. Верблюдам достают солому, но ее скоро нельзя будет получить совсем.

22.X. Самый холодный из всех предыдущих дней. Ночью вокруг лагеря выли волки. С утра теплый ветер. Он очень силен и рвет палатки. Идет дождь со снегом, и одновременно в горах гремит гром. К вечеру белая пелена покрывает долину, а с севера начинает дуть ледяной ветер.

Келейно через майора узнаем, что генерал писал о нас письма непосредственно Далай-Ламе, очень хорошо о нас отзываясь. Н.К.Р. и окружающие, говорилось в письме, люди особенные. Они знают обычаи Тибета, не снимают фотографий и планов и не стреляют животных.

23.X. Кончок уже давно отмежевался от экспедиции и живет недалеко от майора, устроившегося на месте бывшей ставки. Он якобы охраняет казенное оружие, шедшее с нами и сложенное около палатки майора. Дружба между Кончком и майором самая тесная, основанная на приверженности к ячменной водке и азартной игре. К вечеру, как нам рассказывают монголы, оба обычно совершенно пьяны. Как-то Н.К.Р. заметил майору, что западные буддисты не пьют и не курят. На это майор, усмехнувшись, заметил: "А восточные и пьют, и курят". Кончок женился на какой-то местной красавице.

Пост при лагере сменен новым. Видно, с какой радостью люди старого караула покидают лагерь. Даже привычные местные жители не могут противостоять холодам этой необычно суровой зимы, какой не помнят старожилы. Пурга, метет снег. Голубин посылается за майором. Через час майор появляется с солдатом, несущим над ним бог весть откуда попавший сюда европейский зонтик. Идут медленные, вялые азиатские переговоры без всяких последствий. Недаром оставлен с нами майор. Это опытный и искушенный в своеобразной азиатской дипломатии тип. Все труднее добывать провиант. Фураж для лошадей и мулов – ячмень плохо ими переваривается. Да и его так мало.

24.X. Установилась зима. Белая равнина, белые горы и голубые просветы на постоянно затянутом облаками небе.

Сегодня днем пришел в лагерь Кончок. Он совершенно пьяный, затеял драку с Серингом из-за каких-то денег. Пришлось вызвать солдат, которые увели Кончка к майору. Торгоут Очир поехал сегодня в Нагчу к губернаторам в сопровождении тибетского солдата. Он везет им подарки от Н.К.Р. Одному бинокль, другому чайный сервиз, и при подарках – соответствующее письмо. Очиру, кроме этого, поручено сделать в Нагчу закупки провианта, а если удастся, и фуражу. В виде конвоя едут местные крестьяне с мечами и фитильными ружьями. У лагеря стоят заседланные, приготовленные для дальнего пути лошади. Одна покрыта синим чепраком и взнуздана желтой уздечкой с колокольчиками и красивым красным налобником. Это лошадь солдата. Уезжающие садятся и скрываются в хлопьях снега. Сегодня же уходят на лучшее пастбище верблюды. Оно довольно далеко, почти под самым Нагчу. Но лучше там, нежели здесь, где их ждет голодная смерть. Ведет их называемый нами Том-Тит-Тот, так похожий на персонаж из английской сказки. С ним идет конвой хоров. Лошадей тоже гонят в горы, где будто бы сохранилась трава. С табуном идут торгоуты. Из каравана осталось: 22 лошади, 17 мулов и 33 верблюда. Решено 4-х лучших верблюдов не отсылать под Нагчу и оставить при лагере.

25.X. Несколько дней тому назад майор сообщил, что лама соседнего монастыря погрузился в медитацию, чтобы выяснить, что произойдет дальше с нашей экспедицией.

Сегодня прислан ответ медитатора, что разрешение идти на юг уже санкционировано и из Лхасы спешит гонец. В благодарность ламе-прорицателю посылается хадак с вложением долларов.

26.X. Холодное утро. Понемногу исчезли все птицы, кроме ворон и воробьев. Мы являемся гостями племени хор, так как жители будто бы должны нам доставлять все продукты даром, а правительство при сборе налогов сосчитается с ними. Практически хоры отказались брать деньги, но зато доставка продуктов совсем завяла. Теперь мы платим хорам, но "из-под полы". Похоже, что здесь какая-то комбинация майора.

27.X. Утром в палатке -12° С. Сажу у себя и пишу задеревенелыми от холода пальцами свой дневник. Входит доктор и сообщает радостную весть. Прибыл от губернаторов гонец с разрешением экспедиции двинуться в дальнейший путь. Подарки приняты, и нас приглашают в Нагчу в дзонг, то есть в крепость. Это, конечно, странное приглашение. Вечером ожидается прибытие фуража и продовольствия. Н.К.Р. распоряжается придвинуть к лагерю лошадей. Грузы пойдут на транспорте яков. Послезавтра, дав лошадям день полного корма – двинемся в Нагчу. В лагере общая радость. Уже надоело стоять в этих неприветных местах и мерзнуть. Немедленно Голубин посылается за майором. Но он возвращается один. Из ставки майора сообщают, что он стоит на молитве и его нельзя беспокоить. Во время войны он перебил много людей и теперь молится, испрашивая себе прощение небес. Посылается тем не менее новый посол, которому поручается сказать благочестивому майору в промежутке между молитвами, что из Нагчу пришло разрешение трогаться дальше. Через час появляется майор, совершенно пьяный. Очевидно, его молитвы воссылались исключительно Бахусу и сопровождались ритуальными возлияниями олимпийцу. Он пьян, но все же прочитывает письмо и, что удивительнее всего, замечает фразу, ускользнувшую от Ю.Н., которая совершенно меняет дело. А именно, что приглашая в Нагчу, губернаторы просят Н.К.Р. только немного повременить с отъездом и подождать, согласно обычаям страны, – ответа из Лхасы. Сразу падает настроение. К вечеру подходит транспорт из Нагчу. Мороз крепчает.

28.X. Мимо лагеря проезжают шесть воинов, вероятно, смена на какой-нибудь пост в горах. У каждого на ружейных сошках по флагу: оранжевый, белый, зеленый, розовый... Звенят по морозному воздуху бубенцы. Чувствуется, что наши отношения с туземцами начинают натягиваться и портиться. Н.К.Р. распоряжается раздать европейцам карабины, которые были смазаны и уложены в ящик. Мы говорим, что похожи на бургундцев из саги о Нибелунгах, прибывших на пир по приглашению Кримгильды и окруженных в своем лагере враждебными гуннами.

29.X. Н.К.Р. отправил Далай-Ламе письмо с просьбой дать возможность экспедиции, которая находится в бедственных условиях, двинуться вперед, на юг. Удивительно спокойствие, с которым Н.К.Р. относится к событиям. Смотри на него, мы подтягиваемся и черпаем силы. Каждый из нас сознает, что положение очень тяжелое, а в то же время никто не согласился бы идти назад. Вперед – девиз Н.К.Р. и его экспедиции.

30.X. Уже три недели стоит наш лагерь тропических палаток в местности Чунарген на высоте 15.000 футов над уровнем моря.

Н.К.Р. ведет дипломатические переговоры с Нагчу и через него с Лхасой, но пока результатов нет. Очень похоже, что вызов по нашему делу 25-летним генералом на Чунарген пожилых губернаторов – их сильно обозлил, и мы косвенно платимся за отсутствие такта в молодом администраторе. Местные старшины, до которых доходят

кое-какие слухи, утверждают, что кроме всего в дело вмешана и одна могущественная держава, агенты которой всячески стараются помешать продвижению экспедиции Н.К.Р. по Тибету.

Становится все холоднее. Днем, при солнце, в палатках -12° С. Топливо приходится находить под снегом, его очень мало, и нет теплой воды для мытья. Бриться все давно перестали. Палатки занесло снегом, и мы наваливаем его с наветренной стороны к палаткам, чтобы защититься от ветров. Сплю не раздеваясь и кутаясь во все, что есть теплого. Прибыл с пастбища торгоут. Он говорит, что и там высохшая трава под корой льда и пеленой снега, и лошадям нечего есть. Пал мул и верблюды. Очень плохи 5 лошадей, 3 мула и верблюды. Из-под Нагчу пришло сведение, что пало 4 верблюда. Скоро мы уже не сможем двинуться собственными силами. На указание майору, что Н.К.Р. желает продать часть животных и на это есть желающие хоры, майор ответил, что пока не разрешены вопросы, касающиеся самой экспедиции, продажа животных не может быть разрешена. Конечно, это заявление для нас не играет никакой роли, но туземцы боятся покупать, и все налаживавшиеся сделки расстроились. Покупатели рассчитывали увести животных на восток, где ниже и есть пастбища. Теперь, распоряжением буддиста майора, животные обречены на гибель. "Пусть все живущее живет" звучит здесь какой-то насмешкой над заветами Будды. "И это в стране, которая считалась крепчайшим оплотом чистого учения Благословенного", – говорит Н.К.Р.

Вечером Н.К.Р. в разговоре вспоминает японца, написавшего в альбом английской даме: "Вспоминайте нас при восходе солнца. Мы будем вспоминать Вас при закате". Сильно сказано, и не придерешься.

31.X. Довольно теплый день благодаря безветрию и солнцу. Пишу в палатке с открытым пологом-дверью. У меня гости, птицы размером с дрозда с длинными клювами. В них трогательно то, что они совсем не боятся человека. Уселись на стол и, нагнув головки, смотрят, как я пишу дневник. Не надо только делать резких движений.

Мимо гор тянется караван яков. Он идет в Лхасу.

Хоры сообщают, что в соседнем монастыре, кроме прорицателя, имеется еще маг, управляющий погодой. Вероятно, последний, узнав о подарке, сделанном прорицателю, захотел тоже помочь нам. Он сообщает через своего посланца, что последние дни трудился над тем, чтобы сдержать снег, который грозил завалить наш лагерь, а в настоящее время занят окончательной установкой хорошей погоды. Также и прорицатель прислал новое предсказание, совершенно подтверждающее первое. Мы скоро должны двинуться на юг. Майор сообщил, что после проезда Фильхнера Лхаса издала приказ пропускать через Тибет иностранцев только с особого каждый раз разрешения правительства. Поэтому, говорит майор, и приходится ждать так долго. Впрочем, он лично думает, что разрешение должно скоро придти.

Во время прогулки по дорожке, прочищенной в снегу по фронту лагеря, Н.К.Р. говорит, что полнота жизни только у тех, которые знают, для чего живут, кому служат и для чего работают. Полнота и интерес.

1. XI. Весь день проходят на Лхасу черные караваны яков. Солнце греет, и относительно тепло. Читаем второе сообщение медитатора. Быстрота, удача и счастливое окончание путешествия вполне обеспечены. Наши ламы также гадают на бараньих лопатках по монгольскому способу – аналогичный результат. Есть степень развития, когда гадания, как

бы они верны ни были – перестают интересоваться, и события физического плана теряют свою значительность. Все переносится во внутреннюю духовную жизнь, не имеющую ничего общего с триадой прошлого, настоящего и будущего внешнего мира.

2.XI. С утра поднялся режущий ветер, и никуда не спрячешься от холода. Доходят слухи, что монгольское посольство Чапчаева, сторонника Московии, – выслано на уртонах из Лхасы. Уртонами называются подставы из лошадей или яков, выставляемые на известных пунктах-станциях по требованию едущего впереди правительственного гонца. Есть слух и о Фильхнере, будто он будет зимовать около Нагчу.

Тяжело приходится нам эти дни. Невыносимо мерзнут ноги, несмотря ни на какие меры. Н.К.Р., ободряя нас, говорит: "Терпение превращается во фризии преданностью и духовным обновлением". У всех без исключения учащенный пульс, который вызвал бы тревогу в иных условиях. Но здесь, на такой высоте, это явление обыкновенное.

3.XI. Медитатор сообщает, что через четыре дня будет получен благоприятный ответ из Лхасы. Начинаем понемногу, насколько возможно, устроиваться на зиму. Поднимаются выше валы из снега вокруг палаток, пол устилается добавочными кошмами и мешками. Чемоданы, подложенные под кровать, придают ей устойчивость. У меня становится очень уютно. Беда одна – уже несколько дней градусник, поставленный в палатке, выше -14° С не поднимается.

В лагере возбуждение. Прибыл гонец из Нагчу и... привез обратно подарки губернаторам. Какое разочарование, какая безнадежность. Бинобль и серебряный сервиз. Мотив – что администраторы хотят получить подарки от самого Н.К.Р. по его прибытии в Нагчу. В этом фальшь и очень скверный признак. Возвращение азиатом подарка-взятки – это нечто совершенно невероятное. Возникает вопрос – не сочли ли губернаторы подарки слишком легковесными и не изобразили ли свое неудовольствие по этому поводу. Это с юга. С востока, из ставки генерала, находящейся в пяти переходах от Чунаргена, где мы стоим, более приятное сведение. Будто бы генерал написал о положении экспедиции Далай-Ламе. Одновременно получено сведение, что Фильхнеру разрешено идти мимо озера Тенгри-Нур на Ладак.

Н.К.Р. составил телеграмму в Америку, сообщающую о нашем трудном положении, и распорядился отправить ее при письме губернаторам Нагчу, прося их переправить ее на лхасский телеграф. Удивительны энергия и деятельность Н.К.Р. Он неустанно работает, диктует письма и детально разбирает создавшееся положение с доктором, исполняющим роль его секретаря. Н.К.Р. или занят работой, или на воздухе в непрестанном движении. Он во все вникает, и самая мелочь в лагере выполняется по его личному распоряжению. Он не нервничает, удивительно спокоен и всегда ровен.

4.XI. Хоры сообщают, что до них дошел слух, будто бы пришло к генералу письмо от Далай-Ламы, в котором последний разрешает нам продвижение на юг.

Вечером Н.К.Р. говорит о возвышенной, одухотворенной жизни человека. "Из обихода должно быть выкинуто все пошлое – это груз, тянущий вниз, в обывательщину", – записываю я его слова.

5.XI. Прибыл из Нагчу солдат, посылавшийся для покупок продовольствия и пришедший с целым маленьким караваном. Сдав счета и оставшиеся деньги, он произнес трогательную формулу, что Будда в Лхасском соборе видит, как добросовестно и честно он выполнил данное ему поручение.

Лагерь совсем занесло снегом, но погода стоит мягкая и сравнительно теплая. Приехал очень подозрительный лама. Возможно, что это беглец из монгольского посольства Чапчаева. Им привезено сведение, что тибетские войска сосредотачиваются между Нагчу и Лхасой, а в последнюю будто бы вошли англичане с артиллерией.

Приходится наряжать людей, чтобы прогонять ворон, которые таскают клоки кошмы и, что хуже всего, долбят верхи палаток. По распоряжению майора выпорот солдат, ездивший в Нагчу за продуктами и уличенный в наглом подъеме цен в свою личную пользу.

С обратным гонцом возвращена из Нагчу телеграмма, посылавшаяся Н.К.Р. на лхасский телеграф. Провод, соединяющий нас с цивилизованным миром, обрезан. Губернаторы сообщили, что они по закону не имеют права передавать в Лхасу письма иностранцев. Это, впрочем, старая история, судя по описаниям других путешествий.

6.XI. Мороз с ночи крепчает. И днем и ночью мерзнут ноги. Совсем трудно дышать. Положение животных трагично. Им выдается по одной кружке ячменя в день. Запас зерна, и без того скудный, – с трудом пополняется.

"Нельзя, будучи обычным 20 часов в день, делаться необычным на 4 часа, как это практиковалось прежними эзотериками и магами. Двадцать часов мелочный торговец и четыре часа властитель стихий. Так можно остаться ветхим, твердя величайшие формулы. Нельзя делить. Это основа, чтобы стать повелителем начал. Надо двадцать четыре часа в день быть необычным", – так говорит Н.К.Р.

7.XI. Проснулся в три часа ночи. В палатке -19° С. Утро прекрасное. Светит солнце. Долина покрыта белой ослепительной пеленой. Нежно-голубое небо с белыми облачками на горизонте. Со всех сторон несется чирикание птиц. Высоко, в самое небо поднимается прямыми столбами синий дым из крыш черных тибетских палаток. Доктор говорит, что из-за недостатка нужных элементов питания в лагере может появиться цинга.

Вечером говорим о великих учениях, данных человечеству. "Ни Будда, ни Христос не оставили непосредственно своих учений, как это сделали Магомет и Моисей. Слова обоих Учителей только потом записаны их учениками", – говорит Н.К.Р.

8.XI. Ночью градусник опускается на -25° С. Ничто не согревает, и от холода нельзя спать.

Н.К.Р. решает отправить новые телеграммы и на этот раз через генерала, с просьбой переслать их в Лхасу на телеграф. Телеграммы сообщают о бедственном положении экспедиции правительствам Англии, Японии, Соединенных Штатов, а также американским учреждениям, возглавляемым Н.К.Р., с правом последним опубликовать их в прессе Европы и Америки. Содержание телеграмм: что наша экспедиция задержана без всякого основания тибетским правительством в пустынях Чантанга. Занесенная снегами, в крепчающих морозах, без топлива и в тропических палатках, она гибнет, потеряв две трети животных, и если в скором времени не удастся пройти на юг, то положение ее катастрофично. Одновременно такая же телеграмма приготовлена и для Парижа. Основой апелляции к французскому правительству служит то, что когда в одном из предыдущих путешествий Н.К.Р. слухи о нем стали тревожными, – французы обратились к сыну Н.К.Р. с предложением послать правительственную экспедицию на его розыски.

Уже давно, давно стоим мы по милости тибетцев на нагорье Чантанга на берегу реки

Чунарген, что в переводе на тибетский означает: "река старости". Однообразно проходят дни, и надежды на скорый уход отсюда еле теплятся. Распределение дня такое. В 8 часов утра – чай. Кирпичный чай, солодовый сахар по строго разделенным порциям и мучные лепешки на бараньем сале. В столовой обычно собираются Н.К.Р., доктор, начальник транспорта Портнягин и я. Е.И. и Ю.Н. больны и не выходят из своих палаток. В 12 часов дня – обед. Мясное блюдо и чай. В пять – ужин, не отличающийся от обеда. Утром и на вечерней заре происходит дача фуража животным каравана. Лошади и мулы опять при лагере. Но дачи так малы, что это, скорее, не кормежка, а выполнение какой-то формальности. Еле передвигая ноги с промерзшими копытами, уныло подходят к коновязи лошади, которых еще так недавно ловили арканами. Грустно стоят они в ожидании, когда им нацепят маленькие мешочки зерна – горсти в три. Лошадь Н.К.Р., такая красивая, обратилась в худое косматое чудовище.

Около 6 вечера уже темно. Каждый идет в свою палатку и остается там со своими мыслями и без света, так как свечи вышли, – до следующего утра. День проходит сравнительно быстро, но томительно, тянется бесконечная ночь, особенно для тех, которые страдают бессонницей, связанной с горной болезнью. Не спится и потому, что проходят через голову тревожные мысли, и потому, что просто холодно. Завернешься в одеяло с головой и зароешься в спальный мешок – душно. Откроешь голову – одышка от холодного воздуха. В палатке ночью ртуть спускается на -25-30° С.

Н.К.Р. говорит, что самое тупое, это превозношение своей собственной религии и умаление других. Причем курьезно то, что обычно человек даже поверхностно незнаком с сущностью других учений. "Я бы хотел, – прибавляет Н.К.Р., – чтобы христианские священники думали бы о Будде так же, как образованные ламы думают о Христе".

Наше положение очень тяжело. Шансов на быстрое продвижение становится все меньше. Погибло уже около половины животных. Необходима немедленная помощь и дипломатическое воздействие на Лхасу. И весь вопрос, как дать знать о нашей трагедии культурному миру. Но тибетцы не пропускают ни одного письма и ни одной телеграммы.

9.XI. Н.К.Р. меняет свой план действий сообразно обстановке. 24 ноября в Америке произойдут выборы главы Западных буддистов. Если к этому времени Буддийским центром в Нью-Йорке не будет получено сведений от Н.К.Р., – то он считает, что его миссия в Тибете закончена, ибо фактически Западом будет выбран другой Далай-Лама и переговоры с Лхасой отпадают. Поэтому Н.К.Р. диктует новое письмо, и на этот раз самому Далай-Ламе Востока, о том что ввиду явного нежелания Его Святейшества вести переговоры с Посольством буддистов Запада, ими 24 ноября будет выбран Далай-Лама. Н.К.Р. считает свою миссию в Тибете законченной и просит у Его Святейшества распоряжения, чтобы Посольство было пропущено на юг, в Индию.

Сегодня наших людей не подпустили к шедшему на север монгольскому каравану, мотивируя это запрещение тем, что в караване идут "злые люди". Так трогательно оберегают нас добрые тибетцы. На самом деле экспедиция находится под негласным арестом. Вчера написано новое письмо генералу, чтобы он сообщил о нашем положении Далай-Ламе. На другие письма пока ответов нет.

10.XI. Ночью мерзнут ноги, будто бы вся ступня до щиколотки находится в холодной воде. Чувствительность пальцев совершенно атрофирована, и ноги точно деревяшки.

Вокруг лагеря развелась масса полудиких собак. Они питаются трупами наших павших

животных и нападают на всякого отошедшего на несколько десятков шагов от лагеря.

Н.К.Р. приказал приготовить письма на имя английского резидента в Гиангцзе, где расположен первый гарнизон британских войск.

Разница температуры ночью и днем очень велика. Днем на солнце доходит до -15°C , а ночью градусник спускается на -40°C . С трудом достаем топливо для кухни. Сегодня готовили обед на дровах из ящиков и верблюжьих седел. Ячменя лошадям туземцы сегодня не доставили. Несмотря на невероятные цены, снабжение лагеря идет все хуже.

11.XI. Ночью в палатке -30°C . Положение очень тяжелое.

Говорили об архатах, о посвящении и красоте исканий.

12.XI. Вернулось письмо, отправленное Н.К.Р. Далай-Ламе. Оно будто бы было обронено гонцом на дороге, найдено и возвращается нам. Конечно, это самая бесстыдная ложь майора. Насколько возможна потеря гонцом письма, вверенного ему для доставки его духовному государю, и еще в Тибете, где не выведена рубка голов, – можно себе представить. Мы в настоящей западне. С пастбища сообщили, что пало три верблюда. Здесь пал наш лучший мул. Настроение подавленное. Холод и ледяной ветер. Только Н.К.Р., как всегда, ровен и спокоен.

13.XI. Бывает и смешное. Тантрик, заклинатель погоды, прислал расписку в получении им трех долларов за сдерживание снега в течение стольких-то дней. Впрочем, снегом мы завалены, и по утрам люди прочищают лопатами ходы сообщения между палатками. Майор просит о возвращении ему письма Далай-Ламе для вторичной его отсылки по назначению, но с изменением его даты на позднейшую. Надо думать, что письмо было просто задержано губернаторами и пойдет опять в Нагчу, где губернаторы, "сохранив перед нами лицо", – погребут его под сукном своей канцелярии. С новым гонцом послали письма Далай-Ламе и английскому резиденту в Гиангцзе.

14.XI. Идет снег. Относительно тепло. Пало два верблюда, мул и лошадь. Сегодня произошло столкновение бурята Бухаева с европейцем, начальником транспорта. Пришлось вызвать солдат, которые увели бурята на расправу к майору. Через час к Н.К.Р. пришли остальные буряты, кроме Кедуба, состоящего при мне, – требовать расчета, очевидно, из солидарности с Бухаевым, который распоряжением Н.К.Р. уволен за свою дерзость со службы. Они очень легко получили увольнение, но без принятия от них хадаков, которые увольняемые всячески старались всучить, так как прием этих кусочков шелка значил бы, что почин увольнения был со стороны Н.К.Р.

Любовь, говорит Н.К.Р., есть сотрудничество в его широком понимании и цельном объеме понятия. В это гармоническое сотрудничество и заложено духовное единение.

15.XI. Уже сутки, как опять хлопьями валит снег. Верблюды, как седые старики, напудренные снегом, лежат, тесно прижавшись друг к другу. Из каравана у нас осталось 18 лошадей, 13 мулов и 23 верблюда, считая с теми, которые ушли под Нагчу. Вчера, когда не шел снег, мы пошли по ручью к горам. Звериные следы переkreщиваются во всех направлениях. Здесь в изобилии водятся рыси, волки, лисицы, снежные леопарды и тигровые кошки. Во время прогулки Н.К.Р. высказывает мысль, что половинчатость мысли создает лицемерие, а лицемерие ведет к предательству, худшему преступлению, которое только может быть.

16.XI. Пал мул. Лагерь, точно забором, окружен костяками животных нашего транспорта, начисто обглоданными собаками. Очень холодно, и за ночь опять навалило много снега.

За обедом Н.К.Р. высказал мысль, что при наличии на земле уклада старого мира – самое существование планеты теряет смысл. Эволюция и духовность должны заменить отрицательные качества современных людей.

17.XI. Сегодня Н.К.Р. не выходит из палатки. У него началась ангина. В лагерь прибыл майор. Он предлагает наказать Бухаева палками, но ввиду того что Бухаев – лама, эта мера отклоняется. Тогда майор предлагает другое наказание – заставить виновного оползти кругом лагеря с земными поклонами. Наказание специфически тибетское и мало действенное. Н.К.Р. настаивает на самом чувствительном – денежном штрафе в пользу монастыря.

По вопросу нашего продвижения – со стороны тибетского правительства царит полное молчание.

Холод и снег. Обедаем в рваной палатке-столовой, и суп делается холодным, пока подносишь ложку ко рту. Яковое мясо надоело, чего нельзя сказать про баранину, которая никогда не приедается. Как лакомство, выдается ежедневно по 8 грецких орехов на человека.

Вечер. Сидишь в палатке без освещения. Снаружи, точно дети, плачут от холода верблюды, и им вторит противное воронье карканье. Крепчает мороз. Порывы ледяного ветра рвут палатки, и надвигается длинная зимняя ночь.

18.XI. Утром к самому лагерю подходит стадо куланов, что редко в такой населенной местности. Их преследуют со всех сторон дохнувшие с голоду полудикие псы. Но куда им догнать куланов. Через местного старшину выясняется, что в каждом округе страны содержится правительственный заклинатель погоды, колдующий над мертвой верблюжьей головой. К 2 часам дня разражается шторм, и несколько палаточных веревок лопаются. От дыхания в палатке все мокро. Руки мерзнут, и писать приходится в перчатках. Общее желание – уйти скорее из негостеприимного Тибета. Через майора пришло сведение, будто едет гонец из Лхасы. Он потерял на перевалах пять лошадей и поэтому так запоздал. Он везет разрешение экспедиции идти на юг. Трудно верится, хотя майор клянется, что это правда.

19.XI. Трудная ночь. Мороз не меньше -40° С. Одежда и шубы плохо греют. При каждом движении одышка, сердцебиение, и кажется, что вот-вот лопнет сердце. Болит голова, и так холодно. Утром пала одна из лучших лошадей.

20.XI. Гонца нет. Очевидно, это еще одна бессмысленная тибетская ложь. Среди населения идет какое-то глухое брожение неприязни к европейцам. Возникает вопрос ночных караулов.

21.XI. Совершенно ясно, что помимо того, что нам известно, вокруг экспедиции идут еще какие-то действия тибетского правительства, нам неизвестные и держащиеся в секрете майором и администраторами Нагчу. Нас не пропускают ни вперед, ни назад. Персонал экспедиции под всякими предлогами не выпускается из района лагеря, и как бы нарочно создаются обстоятельства, благодаря которым снабжение фуражом настолько мизерно, что мы скоро останемся без транспортных и верховых животных. При переговорах майор совершенно определенно ведет с нами дипломатическую войну. Конечно, сам майор –

величина ничтожная, но в его тоне, который довольно-таки агрессивен, чувствуется весьма нежелательное направление политики правительства по отношению к нашей экспедиции.

Удалось выяснить, что над внутренней жизнью лагеря идет тщательное наблюдение. До того, что каждая бумажка, выброшенная из палатки, немедленно подбирается людьми из тибетского караула.

22.XI. Сегодня боевой день в области дипломатических переговоров. Но я не в курсе, так как слег. Подробности их занесены в дневник доктора экспедиции.

23.XI. Ночью пало три лошади. Следует особенно отметить, говорит Н.К.Р., гостеприимство Далай-Ламы по отношению к Миссии Западных буддистов, шедших в Тибет с подарками и приветом от многомиллионных общин.

24.XI. Холода такие, каких не помнят местные жители. У хоров начался падеж скота от бескормицы. По слухам, на ближайшем отсюда перевале замерзло шесть лам-богомольцев. Остальные перевалы, по словам майора, завалены снегом, и мы отрезаны от Лхасы. Впрочем, последнее – вероятно, обычная ложь.

25.XI. Бродячие собаки разорвали в черте самого лагеря трех овец. По этому поводу было совещание с майором. На вопрос, можно ли перестрелять становящихся опасными собак, оказалось, что по законам страны этого нельзя – "пусть все живущее живет". И кровь овец, которые стоят вместе с яками вообще вне закона, осталась неотомщенной.

Н.К.Р. поправился, и только чуть осунувшееся лицо говорит о его недавней болезни.

В майоре произошла перемена. Он горячо поддерживает желание Н.К.Р. идти на Индию. Он даже был ошеломлен, когда узнал, что экспедиция не намеревается идти в самую Лхасу, и вызвался сам от себя написать губернаторам Нагчу о скорейшем разрешении экспедиции тронуться в путь. В этом письме будет указано и то, что идти назад, на Китай, нам нельзя, так как там война. Ясно, что это желание Н.К.Р. не является противным лхасскому правительству. Н.К.Р. отмечает, что главное – общий язык с людьми. Если бы он мог говорить с тибетцами лично, то было бы легче и были бы достигнуты быстрее результаты переговоров.

26.XI. Буряты, кроме Бухаева, явились сегодня в лагерь проситься обратно на службу. Их просьба отклонена. Житье их у тибетцев несладкое. И вместо того, чтобы получать на всем готовом по доллару в день – они должны на всем своем платить майору по столько же за свой постой.

После обеда в гости пришел тантрик – заклинатель снегов. Фигура мрачная. По мнению Н.К.Р., он прекрасный тип для постановки оперного колдуна. Ястребиный профиль уже немолодого смуглого лица, цепкие руки с крючковатыми пальцами. Он одет в малиновый колпак и синий кафтан с нацепленными на шею рядами всевозможных талисманов в виде ожерелья. В глаза он смотреть избегает и механически перебирает свои четки. На лице тупое выражение, а работа, не дающая результатов, указывает на то, что он просто плут. Получив в подарок несколько долларов, тантрик исчезает.

Под предлогом снежных заносов вернулся пакет со всеми посылавшимися за последнее время письмами. Привезенный пакет приобщен к делу.

27.XI. Портнягин в шутку проектирует перестрелять мулов, чтобы полной дачей кормить

лошадей. Недурной проект в том смысле, что, может быть, эти выстрелы отзовутся в Лхасе, – смеемся мы. Впрочем, и на это ответом был бы только лицемерный шепот – "пусть все живущее живет", говорит Н.К.Р.

Вечером лагерь пришел в волнение. По дороге от резиденции генерала показались всадники. И притом не хоры, а настоящие тибетцы. Даже караул пришел в восторг вместе со своим начальником, который начал выплясывать на снегу, с непокрытой головой и развевающимися волосами. Прибежал от майора солдат сообщить, что приехал гонец от правительства, привез распоряжение. Но какое – неизвестно. Через час выясняется, что это бумага от генерала с извещением, что ответ о нашем продвижении придет из Лхасы на имя губернаторов. Сам майор не явился. Он опять молится, замаливая убийства, совершенные им на китайской войне. На самом деле он пьян. И это так по-тибетски.

28.XI. Ждали майора, но он не явился. Это признак того, что в письме было для нашего сведения только то, что мы уже узнали.

Вечером Н.К.Р. говорит, что сознание своих малых знаний открывает следующую дверь достижений. Самое страшное решить, что много знаешь. Когда же нам кажется, что мы ничего не знаем – сознание наше растет.

Интересен следующий эпизод нашей лагерной жизни, рисующий фальшь тибетцев. Как-то майору подарили сопровождавших нас петуха и двух куриц. Солдат взял их и унес с клеткой к своему начальнику.

И через некоторое время из Нагчу пришел срочный запрос, правда ли, что иностранцы убили птиц и сварили из них суп. Запрос, подписанный обоими губернаторами. "Пусть все живущее живет". А одновременно погибает уже третья четверть наших животных, и по вине тех же сострадательных и религиозных губернаторов.

29.XI. Ночью было тепло. Утром вернулся посылавшийся через Нагчу пакет для Лхасы. Можно быть уверенным, что ни одна телеграмма, в которой наше спасение, – дальше губернаторской канцелярии в Нагчу не дошла. Ночью мыши натаскивают в палатки зерно и грецкие орехи. В наших сапогах и под подушками они устраивают свои продовольственные склады. Какая неутомимость и настойчивость в работе. Утром магазины разрушаются, а ночью они систематически их опять наполняют. Днем пало два мула от истощения. Один – любимец монгола, который держал до последнего вздоха голову животного на своих коленях.

Портнягин рассказывал, что во время прогулки видел, как тантрик переехал из своей пещеры в горах в палатку невдалеке от нашего лагеря. Над палаткой высятся четыре ветряные мельницы. На них флаги, испещренные молитвенными надписями. Тантрик выходит из палатки, внимательно следит за ветром и, когда сочтет необходимым, бьет в бубен. "Это начало метеорологии", – замечает Н.К.Р.

30.XI. Обсуждается вопрос о подаче иска на тибетское правительство за все убытки, понесенные экспедицией благодаря его неправильным действиям. Хоры принесли тибетский сыр *чуру* – нечто отвратительное по вкусу. Но его поджарили, и получились великолепные сырники.

1.XII. Н.К.Р. всегда подчеркивает разницу между истинным буддизмом и ламаизмом. Одно – прекрасное учение, данное Благословенным Буддой, другое – темное суеверие и колдовство, в том виде, конечно, в каком ламаизм находится в настоящее время в Тибете.

Сегодня я не выхожу и лежу в кровати.

После обеда идет киносъемка лагеря.

2.XII. -15° С при резком холодном ветре. Прячешься в палатку и кутаешься во что только можно. За обедом делаются предположения о том, чтобы, остановившись на продолжительное время в Гиангцзе, посетить оттуда знаменитый Ташилунпо и другие монастыри. Понемногу как будто является привычка к высоте – но работать, двигаться или дышать против ветра все же очень тяжело.

Сегодня старшина хоров пробовал взять взятку за то, что Голубин ездил в окрестности для закупки продовольствия. Это рисует положение. Прислушиваемся, не зазвонят ли бубенчики, не покажется ли со стороны Нагчу вершник-гонец. Но все тихо, никого не видать и ниоткуда нет известий.

3.XII. Стоят морозы. По утрам доктор обходит больных. Н.К.Р. распорядился вести медицинский журнал. Больных у нас много, и доктор говорит, что стояние на Чантанге должно отозваться на деятельности сердца в будущем.

4.XII. Идут переговоры с майором о нашем уходе, и ему для дальнейшей отправки передано медицинское свидетельство доктора о болезненном состоянии членов экспедиции и невозможности оставаться на этой высоте в разреженной атмосфере и существующих условиях.

5.XII. Майор дает новое объяснение нашей задержке на Чантанге. Он указывает, что будто бы первые чиновники, прибывшие на встречу экспедиции в местности Шингди, дали о нас губернаторам Нагчу очень неблагоприятный отзыв, и последние сообщили его в Лхасу. Генерал же послал совершенно противоположный, очень лестный отзыв, и Далай-Лама поручил девашунгу, то есть парламенту, разобрать дело. Теперь все приведено в известность, и губернаторам будто бы грозит строгий выговор. Все это, конечно, опять сплошная ложь, тем более что соприкасавшиеся с нами офицеры и чиновники выдавали себя исключительно за принадлежащих к административному аппарату генерала, а не губернаторов. И здесь опять ложь. Майор утверждает, что дня через три будет получено приглашение идти в Лхасу – на что ему отвечают, что в Лхасу мы совсем и не собираемся. Но майор говорит, что от такого приглашения нельзя отказываться и что оно явится исключением из правил ввиду того, что Н.К.Р. такой "великий" человек. Азиатская выдумка на китайской подкладке.

6.XII. Монголы, научившиеся довольно сносно болтать по-тибетски, рассказывают, что тибетцы больше всего боятся англичан, китайцев и нашу экспедицию. Ходит легенда, что к северу от Нагчу стоит большое войско, победившее осенью китайцев и идущее завоевывать Лхасу. Это войско – мы.

7.XII. Прибыли из Нагчу продукты, а с ними версия, что дня через два из Лхасы придет благоприятный ответ о нашем продвижении на юг. Говорим о красоте и тепле Индии, кутаясь в шубы под резким, холодным ветром. Когда-нибудь мы выберемся отсюда – и это утешает нас и примиряет с окружающим.

8.XII. Майору указано, что все его слова и уклонения от истины будут запротоколены. Это ему совсем не нравится, и он беспокойно водит своими кошачьими усами. И его положение не из приятных.

9.XII. Н.К.Р. говорит, что идти в Тибет – значит, лезть в западню. Тибетцы боятся англичан, русских и китайцев, не любят непальцев и бутанцев, а монголов и сиккимцев презируют. Всюду видят они какие-то подвохи и никому не верят. Н.К.Р. начинает посылать Голубина и Портнягина на разведку дорог. "Надо иметь на них свой открытый глаз", – говорит он.

Вечером в беседе Н.К.Р. замечает, что величайшей ошибкой было бы считать Тибет оплотом истинного буддизма. Как и учения всех других великих Учителей, буддизм в своем чистом виде, и особенно в Тибете, больше не существует. Еще в XIV столетии, уже совершенно искаженный, тибетский буддизм был реформирован Дзонхавой, но дойдя до нашего времени, не только вновь потерял свою чистоту, но и извратился, став уже не учением Благословенного, а ламаизмом, примыкающим к самому настоящему шаманизму. Учение, ныне существующее в Тибете и возглавляемое Далай-Ламой, утратило дух и стало исключительно на догматическую почву, причем и эта последняя потеряла свой первоначальный смысл. Этот "лже-буддизм", как по-настоящему следовало бы назвать ламаизм Тибета, в свою очередь превратился в утратившие смысл магические церемонии – богослужения, переплетенные с суевериями и колдовством. Община, завещанная Буддой, потускнела в монастырях лам, где совершенно не соблюдаются заветы Благословенного. Там гнездятся многочисленные неподвижные правила, которых именно не признавал Будда. С другой стороны, та духовность, та внутренняя дисциплина, которой требовал Благословенный, – совершенно оставлена в ламаизме Тибета. Красная, желтая, а особенно черная секта бон-по, иначе называемая черной верой Тибета, являются не чем иным, как колдовскими сектами, заклинающими над верблюдами головами, гадающими на бараньих лопатках или бессмысленно бормочущими молитвы духам стихий под грохот барабанов и нестройный рев труб. Нет "знания, бесстрашия и сострадания", завещанных Буддой. Знание заменено тинью невежества, бесстрашие – робкой лживостью, а сострадание живет только на языке и изгнано из сердца. Так извращено великое учение великого Готамы, названного Буддой, то есть тем, кто обладает "совершенной мудростью".

На фоне этих извращений учения значительной и интересной фигурой является Таши-Лама, отошедший от Лхасы и принужденный бежать из Тибета. К нему сосредотачиваются лучшие элементы, не желающие терпеть эгиду желтого папы, которому по существу принадлежит не духовная, а административная власть в Тибете. Что скрыто за этим движением, группирующимся вокруг истинного духовного вождя Тибета – Таши-Ламы, – покажет будущее. Так говорит Н.К.Р. и прибавляет: "Где же истинные заветы Будды?" – И добавляет: "Конечно, не в Тибете".

Вечер. Большой четкий месяц. Синий небосклон заливается розово-лиловыми тонами заката и темнеет. Село солнце, и крепнет мороз. Лошади и мулы стоят у коновязи, точно призраки, закутанные в кошмы. Перед ужином майору посылается письмо для отсылки с гонцом к генералу. Оно должно быть переотправлено в Лхасу. В письме подчеркиваются тяжелые условия, в которых находится экспедиция, и указывается, что мы задержаны, как шайка разбойников. Животные каравана почти все пали, и деньги на исходе. Указывается, что письма и телеграммы возвращаются властями обратно. Миссия Н.К.Р. уже окончена, так как Далай-Лама Запада уже избран и "поток Учения течет непрерывно". Единственно, чего желают Посол Запада и спутники его, чтобы экспедиция-посольство была бы выпущена из Тибета на Индию.

10.XII. Ночью холодно, и, вероятно, холода усилятся. Признак этому – новое исчезновение птиц. Однообразно и тоскливо проходит наша жизнь на "реке старости". Казалось бы, эта жизнь застыла и идет только постольку, чтобы поддерживать физическое

существование людей. Но это не так, жизнь духа и мысли не глохнет среди нас.

Шекспировское "из ничего не выйдет ничего" не более как афоризм, говорит Н.К.Р. Часто из ничего выходит все, а из всего в иных случаях не выходит ничего. Здесь, где, казалось бы, нет никакой работы, жизнь Н.К.Р. – сплошная деятельность. Не просто фраза в его устах часто повторяемое: "Нет, лучше завтра – сегодня не успею" или "подождите немного, мне сейчас некогда". Утром Н.К.Р. занят распоряжениями по лагерю. А надо сказать, что делать эти распоряжения – подчас трудно. При стоянке в пустыне и пассивности тибетских властей, с которыми иногда приходится вести дипломатические переговоры из-за одной кружки ячменя, – все стоит многого труда и умения. А доклады идут: "нет больше цзампы", "последний фунт соли" или "нет топлива и не на чем готовить обед". Надо указать, откуда достать, когда привезут... Приходит начальник транспорта: "Монголы бунтуют и не хотят якового мяса. Они желают барана, а Таши ударил старшего". Необходимо разобраться, кто прав, кто виноват, и наложить наказание на строптивого монгола. Несколько слов приводят в порядок бунтарей-монголов, и они идут на кухню за ногой яка. Строгий тон Н.К.Р. их немедленно укрощает. При всей этой деятельности – удивительно спокойствие Н.К.Р. Всегда спокойный, доброжелательный. Ни окрика, ни грубого слова. Тибетские власти должны быть дипломатическими приемами поставлены в необходимость исполнить требование Голубина и достать еще ячменя. Все устраивается, приходит в норму без суеты, без крика и как-то незаметно неослабной волей, железной энергией и неустанной деятельностью Н.К.Р.

Если бы я был скульптором, то создал бы группу-памятник нашему вождю и его экспедиции. Я поставил бы его фигуру в походном уборе в спокойной простой позе, окруженную группой спутников замерзающего, потерявшего бодрость, погибающего каравана. Именно так изобразил бы я впоследствии памятник историческому Посольству Западных буддистов в Тибет.

Полдень. Быстрыми шагами входит Н.К.Р. в палатку-столовую. Обед длится недолго, но и за это время Н.К.Р. умеет повернуть разговор на какую-либо интересную тему. Вообще, за столом долго не сидят – это обычай Н.К.Р.

После обеда Н.К.Р. обычно занят вопросами нашего дальнейшего. Создаются твердые, стальной логики письма тибетскому правительству и ответы на письма генерала и местных властей. Всё тут же переводится, переписывается и направляется гонцами по назначению. В работе Н.К.Р. удивительна быстрота и незыблемость решений, обдуманных заранее и всесторонне. Иногда мудрость Н.К.Р. предусматривает события далеко вперед. Мы уже не критикуем, как это раньше бывало, кажущееся нам непонятным в действиях Н.К.Р. В свое время казавшееся непонятным объясняется, а казавшееся неподходящим – становится на нужное место.

Раза три в неделю происходят встречи с вызываемым в лагерь майором – типичным азиатским дипломатом по хитрости и лживости каждого слова. Н.К.Р. сам ведет переговоры через переводчика Ю.Н., а это дело трудное. Потом в палатке доктора Н.К.Р. работает над дневником экспедиции. В этом дневнике не только занесено самое путешествие и события, связанные с ним, – в нем разворачивается образная и красочная политическая, религиозная и общественная жизнь Тибета, поскольку ее можно отметить по нашим путевым впечатлениям. Здесь отмечена и беспринципность правящих сфер, и угнетенное состояние населения, и закат духовной жизни страны. Этот дневник-документ имеет громадную историческую ценность и когда-нибудь осветит с совершенно новой точки зрения всю историю Азии*. Поздно вечером уходит в свою палатку Н.К.Р., и долго

еще светится там лампа на его рабочем столе. Так течет работа и жизнь Н.К.Р. изо дня в день на Чантанге во время стоянки у реки Чунарген.

11.XII. У Н.К.Р. является мысль отправить телеграмму в Америку на Синин, где уже есть телеграф, но из-за того что линия телеграфа перерезана фронтами гражданской войны, – мысль отпадает.

Майору вручается протест на действия девашунга, который не имеет права пресекать наши сношения с Америкой и Европой, задерживая нашу корреспонденцию, а также не допускать наших сношений с проходящими мимо караванами. Если же мы арестованы, то нам должен быть предъявлен состав наших преступлений. Самым же незаконным является то, что экспедиция задержана при наличии у нее паспорта на проход через Нагчу, выданного тибетским посланником за границей. Копия протеста с указанием, когда он вручен майору, приложена к делу.

Попутно возникает мысль занять помещение в соседнем монастыре. Разведка Голубина и Портнягина выяснила, что там имеются две свободные комнаты, правда, без печей. Расположен монастырь в горах, в долине, защищенной от ветров. В монастыре, рассказывал Портнягин, два храма, и в одном – изображения богов Шамбалы. Четыре фигуры с грозными лицами, имеющими на лбу по третьему глазу. Третий глаз Озириса, третий глаз Шивы – символический глаз духовного видения. Так смешиваются в Тибете суеверие и невежество с осколками истинного эзотеризма.

Сегодня совершенно самостоятельно и трогательно вернулся с дальнего пастбища верблюдов. Его закутали и напоили теплым чаем, пожертвовав большим куском масла, которое уже на исходе.

12.XII. Относительно тепло. Переговоры с майором входят в новую фазу. Н.К.Р. останавливается на плане идти на соединение с хорчичабом. Через него, как благожелательного человека, и от него – непосредственным каналом сообщения – легче войти в связь с Лхасой, нежели через майора и губернаторов Нагчу. По выяснившимся данным, до генерала, из-за снежных заносов, – девять переходов. Простояв около ставки неделю, можно дойти до Гиангцзе в 21 день и притом по южному склону Чантанга, где значительно теплее и нет холодных ветров. По этому вопросу будут вестись переговоры с майором. Пришел майор, и заседание состоялось. Но, как и следовало ожидать, майор не взял на себя решить наше передвижение к генералу и снесется с ним по этому поводу письменно, что опять займет дней 18. По вопросу перехода к монастырю – майор препятствий не ставит, но в то же время клянется, что через два дня должен прийти ответ из Лхасы, чему никто не верит.

13.XII. Солнце совсем не греет, и очень холодно. Руки без перчаток точно жжет. И подумать, что за каких-нибудь триста верст отсюда по прямому направлению уже в феврале поспевают мандарины, или, как их называют в Индии, танжерини, и вечно зеленые чайные плантации. Лхаса точно забыла о нас, а может быть, девашунг успокоился на том, что наша экспедиция вымерзла и весь вопрос ликвидирован. Большие труды и страдания выпали на нашу долю. Вокруг палаток подняты брустверы из льда и снега – но что же это помогает там, где нужны топливо, печи и теплые зимние юрты.

Голубин и Кедуб опять поехали в монастырь для его осмотра на случай нашего перехода туда. Н.К.Р. считает, что этот переход необходим хотя бы для того, чтобы тибетцы потом не сказали, что их предложение, сделанное еще в первые дни нашего стояния на

Чунаргене, было отклонено. А это предложение было мотивировано тем, что мы сможем устроиться в каменных помещениях монастыря. В случае перехода туда возникает также вопрос хороших отношений с монахами. Они стоят вне всяких законов, и обычно правительство Тибета не берет на себя ответственность за действия святых отцов, которые в случае недоразумений пускают в ход длинные железные ключи от своих келий. Впрочем, Н.К.Р. полагает, что сотня долларов всегда наладит хорошие отношения с ламами. Нашим посланцам указано на всякий случай иметь под шубами револьверы.

В аилах среди туземцев свирепствуют горловые болезни.

Чтобы поддержать жизнь верблюдов, Н.К.Р. распорядился распороть оставшиеся транспортные седла и пустить находящуюся в них солому на фураж.

14.XII. Н.К.Р. окончательно решил передвинуть лагерь к монастырю и стать в горной долине, относительно защищенной от ветра. В монастырских помещениях так грязно, что поселиться в них – нечего и думать. Возникает вопрос, как снять палатки, так как палаточные гвозди замерзли вместе с землей. Пробовали разными способами, лучший – разбить землю вокруг колов топорами.

Сегодня мы говорили с доктором, и я внес предложение совершить рейд и, добравшись до Гиангце, – сообщить английскому резиденту о нашем бедственном положении и через него послать нужные телеграммы. Или совершить такой же рейд на Синин и оттуда спуститься вниз по Желтой реке на плоту. И, дойдя до первого правильно функционирующего телеграфа, послать депеши о нашем трудном положении – SOS. Стоять дальше, как мы стоим, безнадежно. Могут пройти месяцы, а по наступлению теплого времени Лхаса предложит нам повернуть обратно.

15.XII. Сегодня утром сварили остатки кофе. Было очень приятно выпить другое, нежели обычный кирпичный чай.

Н.К.Р. считает, что наше стояние обуславливается борьбой партий в Лхасе. Одна за нас, другая – против. Из монастыря получены сведения, что англичане усиливают свой гарнизон в Гиангце, а настоятели монастырей Чумби и Ташилунпо – бежали к Таши-Ламе. Несомненно, в Тибете не все благополучно и идут раздоры и волнения.

Н.К.Р. говорит: "За все свое пребывание в Тибете вижу только одно – страна погружается в сумерки своего заката". Говорили с Н.К.Р. о предлагаемом мной плане. Слабый его пункт – невозможность достать проводника. Если же мой тайный отъезд будет обнаружен, то экспедиция может быть уже окончательно лишена свободы. Возможно, по приходе в монастырь можно будет достать гонца – особенно, если настоятель – приверженец Таши-Ламы. Просто было бы, если бы в монастыре были его люди. При проезде Таши-Лама встретил в монастыре самый радушный прием, но монахи принадлежат к черной секте, и их радушие, по всей вероятности, было вызвано присутствием нескольких сотен вооруженных приверженцев Таши-Ламы. Познакомившись с настоятелем, можно будет выяснить и возможности.

Н.К.Р. рассказывает об осторожности тибетцев. Однажды к Н.К.Р. пришел крестьянин-туземец и сообщил, что некто дожидается его на опушке леса. Подойдя к указанному месту, Н.К.Р. нашел там тибетца, который, вытряхнув из рукава принесенный предмет, поклонился и, не произнеся ни одного слова, исчез. Это было несколько лет тому назад во время путешествия Н.К.Р. по югу Тибета.

Возможно ли при таких условиях добыть тайного гонца?

16.XII. Сегодня выяснилось, что майор выехал рано утром по нашим делам в Нагчу. Тибетец Кончок сообщил, что это сделано майором будто бы по его, Кончока, совету. Следует думать другое – а именно, что майор вызван туда. Эта поездка, думается нам, есть какое-то начало перемены в нашем положении. Как я уже писал – ясно, что наряду с известной нам идет и другая, секретная деятельность властей по отношению к нашей экспедиции.

17.XII. Сегодня переходим в монастырь Шаруген. С самого утра кипит оживление в снимаемом лагере. Стучат топоры, и идет погрузка вещей на еще с вечера пригнанных транспортных яков. Хоры быстро и дружно работают под присмотром своих старшин и солдата, оставленного состоять при экспедиции за отсутствием майора. Между солдатом и старшинами вспыхивает ссора, переходящая в свалку. Доктор бросается с револьвером в кучку дрожащих от бешенства тибетцев. Е.И. с помощью других европейцев успокаивает и разводит поссорившихся. Началом всего послужило какое-то едкое слово солдата и вызвало инцидент. Спасительно то, что воины в Тибете оружия не носят, как это принято у гражданского населения, – иначе ссора стала бы опасной. Погрузка длится часа три. Яки не даются, сбрасывают грузы и носятся, разбивая ящики и волоча их за собой по замерзшему болоту. Подымается резкий ветер. Но у меня прекрасная шуба, и холодно только рукам, несмотря на теплые перчатки. Часть каравана уходит вперед. Садится и наша конная партия. Мой серый "монгол" в порядке, и я еду за Н.К.Р., лошадь которого ведет солдат, скорее, впрочем, для почета, нежели из-за необходимости. Вид тибетского марса – мало воинствен. Белая баранья шапка с синим шлыком, черная шуба на одно плечо и зеленые с красным сапоги. Из-под шубы виден грязный английский хаки с красным погоном. С равнины переходим в ущелье. Справа мягкие очертания невысоких холмов, слева скалистые обрывы значительных гор; красный и розовый гранит. Переходим через замерзшую речку. Снега мало. Взабираемся на невысокий карниз. Два верблюда с него падают, поскользнувшись над кручей. По дороге несколько аилов, состоящих из черных палаток со стенками из земли с наветренной стороны. Местные жители высовывают кончики языков, что уже не так некрасиво, и приветливо улыбаются. У одной из палаток играют, высоко подпрыгивая в воздух, настоящие тибетские коты – дымчатые, с пушистыми хвостами. Издали виден каменный оштукатуренный обо. Против него в поперечной долине приютился маленький монастырь Шару-ген. Поворачиваем к нему около обо в виде обелиска, его пьедестал обвит змеем – красивым зелено-красным орнаментом на желто-кофейном фоне. В четверти километра выше монастыря по маленькой речке разбиваем лагерь. Я устраиваю свою палатку, укрепив ее с наветренной стороны канатами, в которые ввязаны большие камни. Вешаю для защиты от холода кошмы и устилаю пол войлоком. Против самой двери – высокие розовые скалы с естественной тропинкой вверх, ведущей к маленькой пещере.

18.XII. Ночь была не холодная. Ранним утром в лагерь доносятся звуки раковин, которыми ламы созывают на молитву. Братии в монастыре человек 26. Часть из них, в том числе и настоятель, живут в скиту за горой. Монахи приветливы и благожелательны. В монастырь приехала жена майора. Ей монастырь устраивает парадную встречу с барабанным боем, что в переводе на европейские инструменты было бы – встречей с колокольным звоном.

19.XII. Мы стоим в треугольной долине, относительно защищенной от ветра. На высотах появляются дикие козы, а через лагерь проскакивают зайцы. Сегодня доктор ходил в монастырь лечить майоршу и принес сахару, который у нас уже на исходе. Н.К.Р.

распорядился сделать новую разведку дорог.

После обеда я ходил с Кедубом осматривать монастырь. Монастырь построен у слияния двух горных рек и притаился под защитой высоких скал. Он обнесен невысокими стенами с крепкими воротами и парой бойниц. Стены в квадрат, перемежаются двухэтажными зданиями. У задней стены – высокая башня. И здания, и стены сложены из камня, слегка скрепленного известкой. Тип построек, ворот, окон – напоминает древнеегипетский со сторонами прямоугольника, расходящимися книзу. По середине грязного двора шестмачта с развевающимися на нем длинными молитвенными флагами. Храмов – два. Старый во втором этаже. К нему ведет лестница, попросту балка с зарубками. Это низкое мрачное помещение. В полутьме стоит алтарь с золочеными божественными изображениями и ритуальными аксессуарами для богослужений. Укрепленный на свае потолка – висит громадный барабан. По стене десятка два страшных дьявольских масок, употребляемых при священных танцах-мистериях. Полы застланы грязными циновками и рядами коричневых матрасов для сидения монахов во время служб. Служение происходит в этом храме.

Другой храм, новый, через двор внизу. Он больше старого – в оба этажа – и еще не имеет алтаря. Очевидно, его только что отделали. Живопись очень недурна. По верху идет балкон на столбах с образами женских божеств – тар. Внизу стены расписаны изображениями основателя секты бон-по и ее святых. Дальше духи стихий, многообразно и страшно вооруженные, и боги Шамбалы. Можно найти и священного коня, везущего сокровище мира, и божественного слона, и других мистических животных. Некоторые святые изображены с зелеными лицами; одежды и позы выписаны строго по канону. Цвета, преобладающие в росписи храма, красный и черный. Орнамента – золотом. Очень хороша дверь, тоже с расходящимися вниз линиями. Она черная лакированная и художественно расписана красным и черным с добавочным зеленым. Во двор выходят двери келий, завешанные рваным сукном. Сами кельи грязны, неуютны и без отопления. За новым храмом помещение, занятое книгами Канчжура, обнимающими все священные знания. Долго ходим мы с Кедубом по монастырю. Нас сопровождают монахи и между ними миряне. Те и другие одеты здесь совершенно одинаково, и отличием монахов являются только четки. Не зная языка, трудно получить больше, нежели внешние впечатления, и, поблагодарив присутствующих, мы возвращаемся в лагерь, сопровождаемые солдатом. Издали заливаются лаем монастырские псы.

Вечером любимся удивительным солнечным закатом. Небо сменяет нежно-персиковый, розовый, "сомон", лиловый, фиолетовый и малиновый цвета на темно-синий. Удивительна гармоничность и постепенность перехода из тона в тон.

20.XII. Получены вести. Согласно им, как и предполагал Н.К.Р., наш вопрос является предметом дебатов в парламенте. Далай-Лама о нас будто бы ничего не знает. Это последнее опять ложь. Губернаторы предлагают Н.К.Р. ехать в сопровождении двух лиц для переговоров в Нагчу. Н.К.Р. от этого предложения категорически отказывается, так как предполагает со стороны тибетцев желание разделить нас. Губернаторам будет сообщено, что никакие переговоры места иметь не могут, так как все уже определено нами и сказано. Кроме предложения ехать в Нагчу, губернаторы сообщают, что письма, посылавшиеся через них в Лхасу, ими пересланы. Опять ложь.

21.XII. Майору передано письмо, что разделение экспедиции совершенно невыносимо и Н.К.Р. никаких переговоров вести больше не желает. Он желает только одного – уйти из Тибета, и это губернаторам и в Лхасе уже известно. Как все относительно. -5° С в палатке

уже вызывает впечатление тепла – так мы привыкли к холоду. Получено известие с верблюжьего пастбища, что осталось всего 6 верблюдов, и то два совсем плохи. И это из 33, в таком прекрасном состоянии вышедших так недавно из Шарагольчи.

Выяснилось, что в Нагчу приехал купец-тибетец, знавший Н.К.Р. в Индии. Возникает мысль связаться с ним и переслать телеграммы и письма через него.

22.XII. Самое трудное и холодное время это с рассвета до 10 часов утра. Потом как-то легче, особенно когда около двенадцати всходит солнце и начинает сквозь брезент нагревать палатку. После обеда явился настоятель монастыря в сопровождении повара-монаха. Они принесли дары: кусок местного сыра в выброшенной нами вчера коробке от ботинок и дымящийся чайник с чаем. Одаренные долларами, они ушли обратно с довольными лицами.

23.XII. От генерала получен объемистый пакет. С интересом открыли, оказалось, что в нем все наши письма, телеграммы и деньги для их отправки. Н.К.Р. относится к этому акту хорчичаба с полной терпимостью и только полагает, что партия губернаторов в Лхасе сильнее приверженцев генерала и последний не хочет рисковать своей карьерой.

24.XII. Сочельник. Получены хорошие вести, будто бы через две недели мы получим разрешение идти в Нагчу и оттуда прямо на Гиангцзе. Наше дело будто бы прошло через личную канцелярию Далай-Ламы. В большинстве слухи доходят до нас через Кончока, солдат или самого майора. Верить им и полагаться на сообщаемые слухи, конечно, нельзя.

25.XII. День Рождества. Он проходит однообразно, как и все остальные дни. Серинг принес мне чулки из овчины. Особенно в них хорошо спать – ноги в тепле и не мерзнут.

26.XII. Над лагерем летают красивые черные соколы.

Иногда на фоне скал выплывают какие-то странные образы. Точно из сказок. Вот идет согбенный, точно гном Миме, тибетец с громадным мешком за спиной. Весь черный, длинные волосы и орлиный профиль морщинистого лица. А издали несется веселый звон молота по наковальне – точно Зигфрид кует в пещере своего воспитателя-гнома знаменитый меч. Это Портнягин кует скобы для ящиков, а тибетец несет ячмень для лошадей. Выясняются интриги местных старшин. Оказывается, что они хлопотали у губернаторов, чтобы нас не выпускали в Нагчу. Для населения наша экспедиция является курицей, кладущей золотые яйца – в виде серебряных долларов.

27.XII. Из поездки прибыл майор. Он сообщил, что губернаторы сами едут сюда для переговоров. Будто бы, познакомясь лично с Н.К.Р., они пошлют в Лхасу свой окончательный рапорт.

28.XII. Вдалеке какой-то грохот – точно шум обвалов.

Н.К.Р. считает, что если захотеть, то можно свести к нулю всю жалкую торговлю Тибета. Не говоря уже о печатании священных книг, являющемся главной статьей дохода Далай-Ламы и монастырей. Любое американское издательство могло бы за сравнительно гораздо меньшую цену – дать легкие и изящные книги, гораздо лучшего, нежели тибетское, издания.

29.XII. Выгнан лама, так называемый Том-Тит-Тот. Он самовольно явился в лагерь с сообщением, что все верблюды, порученные его надзору, пали под Нагчу. На самом же

деле шесть верблюдов продолжают там пастись – как это выяснилось через хоров.

Наблюдалось легкое трясение почвы, замеченное Н.К.Р. и мной.

30.XII. Раскрыта интрига майора. Он запрещал туземцам продавать нам продукты и требовал, чтобы вся продажа шла через него, очевидно, с должной для себя пользой. В случае непослушания – ослушникам грозило строгое наказание. При старшинах Н.К.Р. заставил майора снять запрещение на свободную торговлю, что очень обрадовало население и заставило майора фыркать и недовольно поводить усами. В полдень на солнце было почти тепло.

31.XII. Сегодня целый день занимаюсь приведением в порядок своих записок.

1 января 1928 года. Мог ли я предполагать год тому назад, что буду заносить эти строки в палатке экспедиции, лагерь которой стоит в горах Тибета. Как странна судьба, и какие неожиданности встречаются в жизни. Но можно разделить людей на две категории. На одних, жизнь которых течет обычно, и на других – с которыми постоянно что-то происходит, и необычное является только этапами их жизненного пути. Я принадлежу к числу последних и уверен, что 1929 год мне придется встретить в совершенно новых и неожиданных условиях. Так стоит жить. В этом и интерес, и красота, и жизненная сказка.

Майор сегодня не явился – отговариваясь болезнью глаз. Надо думать, что это предлог, вроде замаливания убийств, совершенных на войне. По всей вероятности, майор опять пьян. Доходят монастырские сведения, что губернаторы двигаются сюда с большой свитой и получен приказ готовить им помещение в монастыре.

"В жизни больше всего нужны наблюдательность и действие, – говорит Н.К.Р. – С момента, как мы делаемся отвлеченными, сама наша жизнь становится отвлеченностью и абсурдом".

К вечеру ветер стихает. За ужином получается самое серьезное известие, что приезд губернаторов – реальность. Об их приезде пришла повестка в Чунарден, и завтра они уже будут здесь.

3.I. Ночью очень сильный ветер. Приезд задержавшихся в пути губернаторов ожидается в монастыре завтра. За столом Н.К.Р. высказывает мнение, что губернаторы приедут не так скоро, так как тибетские чиновники путешествуют не на счет казны, а на средства местного населения, и едут потихоньку – ни в чем себе не отказывая.

4.I. В лагере, как общее явление, усиливаются бессонница и отдышка, особенно у монголов, и завидно смотреть на туземцев, которые карабкаются по скалам и бегают вверх по холмам без всякой трудности. Хоры утверждают, что через месяц здесь уже будет тепло.

В лагерь приходит женщина с ребенком на руках. Ее лицо густо вымазано кровью, лицо ребенка сплошная короста грязи. Нельзя описать, до чего эти два человеческие существа нечистоплотны. Следует подчеркнуть, насколько мало детей видно в Тибете. Н.К.Р. указывает, что это несомненный признак вырождения уходящего с исторической сцены народа. Ограниченность рождений – ясный этому признак. С ужасом смотрим на молодую женщину. Е.И. дает ей какие-то безделушки, которым дикарка радуется со звериным повизгиванием. Монголы редко моются и, конечно, не образец чистоты – но разве они сравнимы с тибетцами.

Слух, что губернаторы приезжают в монастырь, разнесся по округе. Со всех сторон стекается толпами народ. В монастыре чистят, метут и все приводят в порядок. Теперь уже сомнений нет, что приезд администраторов – не очередная тибетская ложь, а редкая правда.

На наши скалы прилетает пара белых грифов. Они необычны после черно-рыжих и очень красивы.

5.1. Утром безветренная, но очень холодная погода.

Следует отметить, что на наших глазах идет глухое, но интенсивное брожение против властей. Раздаются даже голоса, что при китайцах жилось лучше. Поборы и злоупотребления чиновников, научившихся этому у китайцев и превзошедших их в этом, медленно но верно раздражают народ. Пришлось видеть и правительственную расправу. За уклонение хора от караула при лошадях – солдат расправился с ним. И хорошо бы кулаками, нет – тяжеловесными камнями по чем попало. Хор промолчал, но за спиной солдата язык его развязался и... далеко не в пользу начальства.

Умерла долго болевшая жена майора. Она умерла в 23 года от беспробудного пьянства при легочной болезни. Через несколько дней состоятся торжественные похороны молодой дамы – то есть передача ее разрезанного тела в распоряжение грифов и... монастырских собак. Получено известие, что губернаторы, получив сведения о бунте находящегося в Нагчу монгольского посольства, – повернули обратно. Сведения недостоверны, но интересно, в какую басню превратят свой поворот губернаторы. А может быть, они никогда и не выезжали из своей резиденции и все приготовления к встрече – только искусная инсценировка. Н.К.Р. предполагает расценивать этот поворот губернаторов как акт невежливости по отношению к экспедиции.

Вечер – это большое удовольствие для всех нас. Мы слушаем Н.К.Р. Следует удивляться свойствам и значительности его речей. Обычно люди не говорят, а просто болтают, лениво цепляясь за несвязные мысли, проходящие через недисциплинированный мозг. А если они и бывают интересны, то на несколько часов, после которых все их внутреннее содержание походит на выжатый лимон. Каждая фраза Н.К.Р. – это четкая формула. Всегда значительная, интересная и никогда больше не повторяющаяся. Во всех его словах, действиях и мыслях виден полный контроль сознания и воли. То, что называется внутренней дисциплиной. Начинаешь понимать разницу, указанную в Евангелии, – между глаголом и праздным словом.

Вечером на продажу приносят несколько тибетских мечей. До чего они похожи на мечи готов. Уже темно. У костра тибетец поет красивую песню о легендарном Гесер-хане, песню с грустным однообразным припевом. Гесер-хан герой, о котором существует целый цикл легенд. В прежних воплощениях он боролся за правду на земле. Теперь он опять должен скоро прийти со своими прежними соратниками и очистить землю, а в частности, Тибет, от зла и восстановить справедливость и истину. Ладакские короли, потерявшие трон после завоевания Ладака кашмирцами, с гордостью ведут свое происхождение от Гесер-хана.

6.1. Приехали губернаторы. Духовный и гражданский, низший рангом, в сопровождении своих свит и челяди.

Наш лагерь вытянут в линию, имея в центре шатер Н.К.Р. Над ним веет американский флаг на пике, а у входа водружено знамя с изображением Майтрейи – грядущего Будды.

Впечатление лагеря почти военное В палатке-столовой, тоже украшенной американским флагом, приготовлены чай и достархан. К часу дня на лошадях, покрытых яркими чепраками и ведомых приспешниками, появляются административные близнецы. Уже пожилые, в типичных китайских одеждах. На одном – мандаринская шапка с пером, откинутым назад, темный кафтан и тисненная шелковая курма. Подпоясан он широким красным шарфом. На другом – лисий малахай с желтым верхом, темно-красная курма и коричневый кафтан. Начинается заседание. Губернаторы держат себя дерзко, почти вызывающе. Их страна не нуждается в иностранцах. Они не хотят видеть в своих городах ни китайцев, ни русских, ни англичан. По отношению к американцам у них, правда, нет такого интердикта – но появление их в глубине Тибета приведет к приходу и других наций. Во все города въезд иностранцам категорически воспрещен. Также и в Гиангцзе. Губернаторы предлагают маршруты на Синин, Батанг или на Симлу по Брахмапутре и Сатледжу, обойдя, конечно, Центральный Тибет. Все три маршрута для Н.К.Р. неприемлемы, и начинаются прения, которые ведет через переводчика сам Н.К.Р. Паспорт, выданный дипломатическим представителем Тибета за границей, – Лхаса не признает. Это доньер, то есть уполномоченный, не по дипломатической, а по торговой части. Конечно, опять ложь, так как этот доньер дает все пропуска на Тибет многочисленным паломникам.

Переговоры длятся долго, со всякими придирками, вывертами и подвохами хитрых губернаторов. Переговоры дня кончаются тем, что к завтрашнему дню Н.К.Р. сообщит маршрут, избранный им, и губернаторы его обсудят. Н.К.Р. предполагает, что завтра будет оживленная торговля, но в то же время думает, что все инструкции у губернаторов уже имеются. Завтра решающий, боевой день.

7.1. Утром составляются телеграммы в Америку, английскому резиденту в Сикким и американскому консулу в Калькутту. Содержание – тяжелое положение экспедиции и просьба о дипломатической помощи для дальнейшего нашего продвижения. Уходя, губернаторы сказали, что, вынеся самое приятное впечатление от знакомства с Н.К.Р., они перешлют в Лхасу телеграммы без всякого промедления. Тибетец Кончок, почувствовавший, вероятно, что положение экспедиции становится прочнее, опять у нас на службе и является деятельным посредником между нашим и губернаторским лагерем. С одним из губернаторов он однокашник по монастырю, в котором провел свою юность. Через Кончока выясняется, что идти на Гангток, Гиангцзе, Чумби и Пари мы не можем. Но обход стен этих больших крепостей – уже другое дело. Это как раз соответствует плану Н.К.Р., который хочет, чтобы экспедиция вышла на Сикким.

К часу дня появляются губернаторы. На этот раз приходят пешком. Говорят они уже гораздо мягче и сильно сбавляют резкость вчерашнего дня. Они даже говорят, что если Н.К.Р. захочет идти на Лхасу... Но Н.К.Р. совершенно исключает, по особым соображениям, этот таинственный, а в сущности очень малоинтересный город. Впрочем, говорят губернаторы, идти на Лхасу иностранцам опасно. И они рассказывают сенсационную новость. Борьба новой и старой партий в парламенте – кончилась поражением первой. У власти стали консерваторы, реакционная ламская партия. Уничтожен телеграф, благодаря чему отпадает посылка наших телеграмм; электрическая станция и дома, в которых жили приверженцы нового строя, связанного с европеизацией страны, – разрушены. "Уничтожено все то, что нам было нужно прежде, чтобы поддерживать отношения с англичанами, помогавшими нам свергнуть иго китайцев. Теперь китайцы ушли – и англичане нам больше не нужны". Так говорят губернаторы. Англичане ушли из Гиангцзе. И надо сказать, плохи были эти пелинги-англичане. Они

плохо обучали тибетских солдат, продавали плохое оружие и... вводили большевизм. По последним сведениям видно, что губернаторы уже просто заврались. Особенно после того, как намекнули, что из Гиангцзе английские войска ушли под давлением тибетцев. Если англичане, действительно, покинули свой тибетский форпост, то во всяком случае, по своим соображениям, а не под угрозой тибетской армии, так как достаточно было бы одной бригады с артиллерией из Индии, чтобы разогнать храбрую тибетскую армию на все четыре стороны. Сведения о перевороте в Лхасе более правдоподобны. Губернаторы говорят, что сторонник англичан генерал Ладен-ла убит и в уличных столкновениях имеются и другие жертвы.

Получили мы также сведения о положении дел в Китае. Гражданская война продолжается с перевесом то в ту, то в другую сторону.

В переговорах о маршруте губернаторы пробуют сбить наш путь на Катманду – столицу Непала. В поощрение администраторам переданы сервиз и бинокль с упоминанием, что в случае удачного разрешения вопроса о нашем дальнейшем пути их ждут и другие подарки.

8.1. Утром слышу из палатки крик каких-то птиц – высокий, печальный. Сегодня довольно тепло. Через несколько дней идем в Нагчу, где для нас приготовлен дом, даже с печами и комнатами, обтянутыми материей. Там простоим около месяца, в течение которого будут вестись переговоры о нашем дальнейшем продвижении, маршрут которого, вероятно, и выпрямится в желательную сторону падкими на взятки тибетцами. Н.К.Р. считает, что посещение Лхасы – только вопрос той или другой суммы долларов.

При Далай-Ламе состоит герцог Доринг-Кушо, знакомый Н.К.Р. по Сиккиму. Он сможет много помочь нашему делу, если с ним только списаться. Это один из немногих порядочных людей среди тибетских сановников. Так или иначе – идем на юг и вообще идем, после томительной трехмесячной стоянки в самых тяжелых условиях суровой тибетской зимы. Мы будем вознаграждены интересным путешествием по югу страны от одной пограничной крепости до другой. Но это будет и поопаснее. Победившие прогрессистов фанатики-ламы могут настроить массы на самые враждебные действия против нашего маленького каравана.

9.1. Вчера губернаторами посланы официальные письма в Лхасу с просьбой пропуска экспедиции на юг и снабжения ее животными и всем необходимым. По словам губернаторов, правительство снабдит экспедицию охранной грамотой и для сопровождения даст конвой. Конечно, такой конвой будет немногим надежней китайского, и надо быть готовыми к самым неожиданным случаям. Наша сила – пять европейцев и три торгоута, которые и хорошие стрелки, и неробкие люди, что они не раз уже доказали. Оружия – вдвое больше потребности и за глаза достаточное количество патронов. Лишние винтовки очень полезны тем, что они могут заряжаться неучастствующими в стрельбе, благодаря чему увеличится интенсивность огня. В разговоре губернаторы отметили, что если бы переговоры сразу пошли бы через них, по правильному административному руслу, а не через генерала, то все дело, не затягиваясь на три месяца, свелось бы на двадцать дней. Губернаторы отбыли в Нагчу.

На свежую память записываю слова Н.К.Р. "Я отказываюсь понимать, – так начал Н.К.Р., – как губернаторы решились говорить так скверно об англичанах при иностранцах. Вполне официально и при свидетелях. И это в то время, когда Великобритания и Тибет находятся в отношениях "благоприятствующих" держав. Сколько помогли им англичане в дни

китайской оккупации, да помогают и теперь, так как только благодаря договору Англии с Китаем – последний не наводняет своими войсками Тибет. А поношение теми же губернаторами монголов – разве это не есть политика самоубийства". Далее Н.К.Р. говорил о том, что наименьший потенциал истинного буддизма, сравнительно с другими странами, где почитается Имя Благословенного, – именно в Тибете. Потом Н.К.Р. переходит к вопросам религии. "Верчение ручных, ветряных и водяных колес, уснащенных текстами, – разве не колдовство? Потерянный смысл служения в бормотании ламами молитв, которых они не понимают. Ложь, пороки, лицемерие – это отвратительные особенности ламаизма, которым мы были свидетелями.

Высокое имя Учителя Будды не может больше унижаться среди невежества, суеверия и кощунства. Учение Благословенного должно быть восстановлено во всей его красоте и мудрости. По счастью, изучение первоисточников дает возможность снять с Учения всю накипь веков и восстановить его во всей сверкающей величиной первоначальной чистоте". Но в то же время вспоминает Н.К.Р. и много хорошего, что он знает о Таши-Ламе, вспоминает умного, проникновенного настоятеля монастыря в Чумби, настоятеля Спитуга в Ладаке и благостно-трогательного старца, настоятеля в Ташидинге. Он вспоминает благочестивых живописцев-монахов, писавших для него лик Будды Всепобеждающего и картину Шамбалы. Говорит о прекрасных обликах галонгов и монахов. "Знаю просвещенных ученых, буддистов Японии, Китая и Бирмы, – говорит Н.К.Р. – Встречал чутких лам в Монголии и Бурятии, но ведь все эти страны – не Тибет. Таши-Лама, настоятель Чумби и другие монахи Ташилунпо, дух которых возмущался против невежества последнего времени, теперь политические эмигранты, и по Тибету из уха в ухо передается осторожная молва, что лучшие ламы покинули страну. По собственным тибетским пророчествам, близится время Шамбалы и Господа Майтрейи. Время обновления духа и очищения Учения. И перед восстановлением истинного Учения Благословенного – показалась на миг уродливая маска безумия и глупости. Под камнем Гума, как предвозвестие духовного рассвета, лежит скрытое до времени пророчество великой Шамбалы". Так говорил Н.К.Р. и, когда он кончил, воцарилось среди нас глубокое молчание. Среди нас, которые уже давно видели в Н.К.Р. скорее духовного учителя, нежели начальника.

10.I. Как будто сегодня еще теплее. Появились какие-то новые птицы. На скале над моей палаткой – воркуют голуби, и издали кричат горные куропатки. Ночью шел снег. С утра было облачно, но поднялось солнце, озарило окружающие лагерь горы, и небо стало прекрасного темно-синего цвета. Через 8 дней предполагается наше выступление отсюда, но Н.К.Р. думает сделать все, чтобы его ускорить. Непонятно, что это – глупость, наглость или незнание тибетскими чиновниками географии своей страны. Для того чтобы идти на юг, губернаторы предлагают нам сначала пройти 200 миль на север.

Пока я пишу, в палатку явились два сурка. Маленькие зверьки умильтельны своей доверчивостью. Они бегают по палатке, пробуют крошки лепешки и играют, стоя на задних лапках, как маленькие медведи, давая друг другу пощечины. Малейшее мое движение, и они прячутся за что попало. Тишина, и из-за сапога выглядывают две маленькие мордочки, чтобы узнать, в чем дело.

11.I. В лагере началась цинга. Заболели Портнягин и Кончок. Бурят Малонов вернулся в лагерь. Он харкает кровью, конец его близок, и Н.К.Р. приказал его приютить.

Начались ветры. Это характерная особенность Чантанга в январе и феврале месяце. Сразу стало холодно, даже при солнце.

Сегодня вынос и погребение недавно скончавшейся жены майора. С утра прибежал солдат просить топор, которым на кухне рубят мороженое мясо. Из монастыря доносятся заунывные звуки раковин-рогов и глухой стук барабана. Печальная церемония началась. Через некоторое время лентой вьется в горы шествие. В нескольких мешках несут то, что недавно было майоршей. И теперь нам становится понятно, для чего слугам майора нужен был топор. Для того, чтобы ламы разрубили тело майорши на куски. Н.К.Р. предполагает, что сев в "бест" в Нагчу, мы заставим тибетцев быть сговорчивыми.

12.I. Холодно. Ветер рвет и парусит палатку. Вчера говорили об обычаях тибетцев. Пожалуй, самый скверный из них – это опускание в озера и глубокие места рек умерших от заразных болезней. На пути через Тибет мы употребляем исключительно кипяченую воду.

"Конечно, – говорит Н.К.Р., – как погребение в воде, так и разрезание покойников на куски для кормления ими птиц и зверей следовало бы заменить сожжением трупов, но Тибет настолько беден топливом, что такой способ невозможен". Насколько топливо драгоценно в стране, показывает то, что на скачках в Лхасе как третий приз фигурирует корзина с сушеным яковым пометом.

За яками для нашего транспорта послано в Кам и за Тангла. Сегодня наблюдали, что не только собаки, но и домашние яки едят падаль.

13.I. Ночь и утро относительно были очень теплы. Н.К.Р. с утра чувствовал себя плохо и не выходил из палатки. Беспокойство за вверенных ему судьбой людей, неопределенность положения и предвидение будущего тяжелого пути – должны действовать на него.

14.I. Наше выступление предполагается через три дня. Записываю цены, которые мы платили в Тибете, в мексиканских долларах. Средней величины домашний як – 12-15; баран – 3-5; 40 фунтов цампы – 8.45; фунт пшеничной муки с отрубями – 16; 60 фунтов ячменя – 8-10. Бутылка молока 40-50 центов. 1/4 фунта сахара – 1 доллар. Невероятна цена за табак (который, кстати сказать, никто из нас не курит), 1 фунт этого зелья ядовитого китайского приготовления стоит 40 долларов. Он привозной, из Синина. Аргал после выпадения снега стоил 20-30 центов за 20 фунтов.

15.I. Доходят следующие сведения: губернаторы соглашались на наш маршрут через Намру, так как выяснилась вся нелепость первого их предложения. На этот предмет они запросили Лхасу. Другой, более глухой слух утверждает, что если Н.К.Р. будет настойчив, то нам предоставят пройти напрямик на Гиангце, но с оговоркой, что это последнее будет зависеть от подарка губернаторам в виде долларов. Явился солдат сообщить, что к сроку будут доставлены 100 яков и 40 лошадей. Если опоздания не будет, то Н.К.Р. распорядился выдать солдатам и старшинам денежные награды. Первая наша остановка будет у "реки старости" на месте нашего зимнего лагеря. Поступают предложения купить у нас патроны по 50 долларов за 100 штук. Но Н.К.Р. считает продажу патронов совершенно невозможной. Портнягин болен и несколько дней уже не встает с постели.

16.I. Бурная, но теплая ночь. Прилетел филин-пугач и жалобно кричал в темноте. Днем мела пурга. Кончок сообщил, что губернаторы действительно послали письмо в Ахасу, прося Далай-Ламу дать иностранцам более короткий маршрут. В письме есть будто бы и ехидное место, что американцы терпели лишения и стояли в ужасных условиях три месяца благодаря хорчибабу. Письмо подписано тремя лицами, причем третья подпись майора. Вино развязало ему язык, и содержание письма узнал Кончок. Майор поступил

по отношению к своему генералу уже совершенно в тибетско-китайском духе. Смотрели карту, и я думаю, что буду в Индии в половине апреля. Н.К.Р. говорит, что совсем не плохо, что мы были задержаны тибетцами на три месяца. Благодаря этому мы узнали лицо современного Тибета. Иначе, пройдя без остановки страну, может быть, даже приглашенные в Лхасу Далай-Ламой, и так же скоро покинув ее, – мы не видели бы всей подоплеки.

Тантрик сделал карьеру. Познакомившись с ним, губернаторы взяли его с собой как очень талантливого заклинателя. Он уехал со всеми своими дуделками из человеческих костей и барабанами – приводить в порядок погоду в Нагчу. Задача его сводится теперь к тому, чтобы смягчить морозы. И вероятно, он блестяще справится со своей задачей, так как февраль и март – время посевов, а Нагчу по широте приблизительно находится на уровне Египта. Смотрели на проходившую по тропе группу путешественников. Все они вооружены, и их слуги с копьями. Разве это не средневековые?

17.I. Понемногу сгоняют яков. В лагере налаживается наш подъем. Ослабляют гвозди палаток, складывают багаж, идущий на транспорте, и распределяют выюки.

На передней линии лагеря – целый базар. Много народу, особенно женщин. Каждый старается что-нибудь продать напоследок.

Вышивка, масло, изображение тары... все продается. Упрямый старик тупо торгуется и не сходится на цене мешочка ячменя. Молодой лама в сером кафтане и с головой, обвитой красным тюрбаном, продает священные изображения, большей частью из меди. Н.К.Р. замечает: "Мена серебра на медь – но это уже последний день".

Близится отъезд. Голубин послан с монголами приводить в порядок переходы через лед, посыпая его для наших некованых лошадей песком. Около 2 часов дня начинается падающий большими хлопьями снег. Он мокрый и скоро тает. Благодаря снятым с палаток кошмам я жестоко простудился.

18.I. Нас будят рано. Спрашиваю, все ли яки? – Нет. И я не встаю. Меня знобит и лихорадит. Погода холодная, и в палатке мерзнут руки. Части яков все еще нет, и им навстречу посылаются гонцы. Когда все уложено и мысль витает уже где-то впереди, неуютны старые места... К вечеру подходят все животные. Завтра утром уходим.

19.I. Поднимаемся рано. На длинных "коновязях", веревках, прикрепленных к земле маленькими железными колышками, привязаны ряды черных яков. Между ними с криками суетятся вооруженные мечами туземцы. Звоня бубенцами, приезжает на круглой сытой лошадке старшина, назначенный для сопровождения нас до Нагчу. Он в чистой шубе, шапке со спущенными наушниками и ярко-красных с черным сапогах. За коричневым поясом отделанный серебром короткий меч. Понемногу снимаются палатки, грузятся яки и появляются оседланные нашими седлами лошади. Вперед, вперед – радуется сердце. На этот раз яки очень спокойные и охотно дают себя грузить. Только иногда склоняются рога, когда слишком близко подойдет европеец. Выступаем около десяти часов утра. Наш караван уже имеет вид, отличный от того, в котором он пришел на Чунарген. Из 33 верблюдов осталось только 5, и многих лошадей, не говоря уже о мулах, – не хватает. Верблюды большого транспорта заменены яками, а на оставшихся верблюдах идут личные вещи Н.К.Р. и Е.И. в сильно облегченных выюках. Безлошадные монголы едут на яках – и это не лишенное комизма зрелище. Н.К.Р. едет на своей лошади, которую ведет проводник-хор. За ним Е.И. Мы едем с доктором, я чувствую себя отвратительно и

еле держусь в седле. Кружится голова, знобит, и холод пронизывает до костей. В нескольких партиях идут выючные яки, обрамленные поводьями-туземцами в дорожном платье, коротко подвязанных поясами шубах. Они гонят животных свистом.

Пройдя километров пять за старую стоянку – ставим лагерь. День морозный, и поднимающийся временами ветер делает первый день нашего движения особенно трудным.

20.I. Проходим два небольших перевала. Путь спускается в занесенную снегом кочковатую долину. Хоры, ведущие конную партию, запутались на тропах, и мы делаем крюк. Около часу дня становимся лагерем в глубоком снегу. Дорога до Нагчу растягивается из двух переходов в четыре. По словам старшины, перед нами еще два дня пути.

21.I. Выступаем рано утром. Пейзаж "блан е нуар", а над ним ярко-лазоревоe небо без единого облачка. Но к середине перехода надвигается мутный туман, и сквозь него еле видно солнце. Идем в полном молчании. Холодно. Каждый закутался, съежился и ушел мыслями в себя. По параллельной дороге тянется большой караван яков. За ним несколько других. Между ними караваны наших старых знакомых, голоков и панагов. Они идут в Лхасу на богомолье. Первые без яков. Они верхом, все вооружены и под выюками имеют заводных лошадей. Панаги в более мирном обличье. На яках, с женами и детьми. Голоки в остроконечных двухцветных шляпах и песочно-серых и шоколадного цвета кафтанах, отороченных бархатом. Один из них особенно красочен. Вместо шапки у него целый мех лисицы с головой. Хвост спущен на плечо. Дальше обгоняем ламу. Он весь в оранжевом, что составляет красивое пятно на белизне снега. За плечами прекрасно содержанный короткий "манлихер". Спрашиваю ламу Кедуба, почему лама с оружием? И получаю в ответ, что ношение в дороге оружия монахами разрешается для самозащиты. И здесь изъян, и здесь обход правил, установленных Благословенным. Если ламы ходят по дорогам с магазинными ружьями, то где же осталось их духовное оружие. Проходим мимо горы Бумза, но она в тумане и ее не видно. Переходим перевал Тасанла и останавливаемся под горой. Старшина, сопровождающий нас, говорит, что несколько поколений аборигенов не помнят таких исключительных холодов, как в этом году. Это страшное несчастье, так как начался повальный падеж скота из-за бескормицы. Отчасти бедствие приписывается неудовольствию богов на власти за их несправедливое отношение к Н.К.Р. и его людям.

22.I. Чантанг провожает нас всей силой своих злобных дыханий. Ночью мороз доходил до -45° С. С трудом снимаем лагерь. Руки леденит, и дышать иначе как через теплый платок поверх рта – совершенно невозможно. Лама Малонов садится на яка и, покачнувшись, падает на землю бездыханный. Разрыв сердца... и его жизненный путь окончен. Надо надеяться, что это последняя жертва. Холод страшный. Мерзнут ноги, перчатки не греют. Еще раньше приучил я своего "монгола" идти под управлением одних шенкелей и баланса – без поводя, и теперь пользуюсь результатом своего труда. Бросив поводья, еду, глубоко засунув руки в рукава своей шубы.

Проходит пара часов, и перед нами в ложбине вырисовываются... здания. Здания, не виданные нами уже давно. Не мираж ли? Но нет, оказывается, это Нагчу, конечная цель этой части нашего пути. Точно, перед нами настоящий город. Предместья, дальше двухэтажные здания... но это уже мираж. Нагчу – два храма монастыря, правда, в два этажа, управление губернатора, или "дзонг", то есть замок, три лавки и сотня безнадежно грязных мазанок. Подходим к городу. Улиц нет. Вокруг домов пустыри, и всюду грязь,

отвратительная грязь. За скованной льдом рекой – женский монастырь. Еще дальше в горах скит. На вершине одной из гор место, обнесенное выбеленной стенкой, вокруг которой шесты с оборвышами молитвенных флагов. Это место для разрезания трупов. Мерзкое место. Женский монастырь со своими расходящимися вниз контурами производит впечатление, точно он привалился к откосу горы. Желто-серый – неприятным пятном выделяется на снегу. На краю города отведенный нам дом. Он грязен, довольно велик, и холодно в нем, как на дворе. Правда, стены обиты дешевой материей индоанглийской фабрикации и есть нечто для разведения огня. Это нечто – стоящий посреди комнаты глиняный столб фута в 4 высотой с плоской купелью для аргала. Трубы, конечно, нет, и дым гуляет при топке по комнате. Дым аргала настолько едкий, что выдержать его можно только пару секунд.

Благодаря энергии Е.И. все как-то начинает устроиваться. Работа идет целый день. Метут помещения, выносят из них грязь целыми кучами и заклеивают окна промасленной бумагой. По городу собирают железные печки, установкой которых предполагается заняться завтра. Вечером у каждого есть комната и ночлег. Конечно, все далеко от намека на комфорт, но после зимнего похода по холодному Тибету – и это уже хорошо.

23.I-29.I. Утром Н.К.Р. и Ю.Н. были с официальным визитом у духовного губернатора. Во время визита шли переговоры о дальнейшем нашем продвижении, принципиальный благоприятный ответ на которое уже получен. Но вопрос в выпрямлении маршрута, который все-таки почему-то должен начаться движением назад, на север. Он намечен на Намру, Наг-Цанг, Сага-Дзонг, Тенгри-Дзонг и Сикким. Н.К.Р. настаивает на прямом пути на озеро Намцо (Тенгри-Нур) и Харцзе-Дзонг на Сикким. Губернатор говорит уклончиво, ничего не обещает и ссылается на первый маршрут, хотя просит подождать дополнительного указания из Лхасы, которое и будет окончательным. С другой же стороны видно, что выпрямление пути будет зависеть от подарка. На приеме присутствует и гражданский губернатор, но не принимает участия в прениях. Потом переходят на частную тему, и выясняется, что гражданский губернатор в восхищении от парчи, которую видел у Н.К.Р. в свой приезд в Шаруген, а духовный никогда не видел такой чудной лисы, как на шапке у Ю.Н. Н.К.Р. прощается и уходит. Пока надо выжидать ответа из Лхасы – но, во всяком случае, непрерывный проход экспедиции через Тибет с севера на юг уже обеспечен. Вечером Ю.Н. опять виделся с губернатором, который показывал ему своих лошадей, очень недурных, но которых кормят ячменем пополам... с аргалом. Прибыл в Нагчу майор. Но он уже держится от нас в стороне и как будто при экспедиции больше не состоит.

Теплый день, и все мы отдыхаем от холода. На солнце до +20° С. Снег начинает таять, и на окрестных горах образуются проталины. В доме ставятся железные печи и проводятся через окна трубы-дымоотводы. Стараниями монголов приведен в порядок внутренний двор. Вокруг него с трех сторон дом с двумя крыльями. Четвертую сторону замыкает стена с воротами в своде. Средний фас дома имеет веранду, крыша которой поддерживается тонкими колонками. На двор выходят двери и окна помещений. Над воротами укреплен шест-флагшток с развевающимся на нем американским флагом.

Во время прогулки говорим с Н.К.Р. о современном Тибете. "В заметках прежних путешественников, – говорит Н.К.Р., – политическое и особенно духовное состояние страны затрагивалось по существу очень мало. И то и другое почти не отмечалось в книгах путешественников, как-то не соприкасавшихся с этими вопросами. Прежнее несуразное – обратилось теперь в нечто одиозное. Такое, что в этом своем виде больше существовать не может. Управление страной является не более как карикатурой на средневековую

государственность, а ламаизм – мрачная противоположность великому и чистому учению Будды. Это сплошное суеверие и невежество, среди которых неуместно даже упоминание о великом Учителе, учение которого так величественно, жизненно и мудро".

В Нагчу население двух видов. Двуногие и четвероногие, каждые живущие своей обособленной друг от друга жизнью. Тибетцы и собаки. Здесь собак не сотни, а тысячи. Полудикие, они не имеют ни дома, ни хозяев и живут в полуголодном состоянии. Это собачья республика с определенным, строго соблюдаемым укладом общественной жизни. Каждая стая имеет своего как бы старшего пса-руководителя и свой район. Горе собаке, которая забежала на чужой участок, – от нее летят клоки шерсти. В своем районе собаки живут с людьми мирно и как бы берут на себя обязательство охранять их. Но стоит чужому зайти на территорию, на которой собаки его не признают, – надо защищаться от бешеной атаки всей своры. Вечером и ночью идти через Нагчу опасно.

Палка плохое орудие защиты – псы вырывают ее из рук. Тибетцы защищаются от собак мечами, копьями и особыми кнутами, на конце кнутовищ которых приделаны тяжелые куски свинца и железа. Ими бьют по лапам и перебивают их. Шумят собаки неистово. Днем непрерывная грызня, а ночью лай и вой. Вместо того чтобы уничтожить несчастных животных, которые от голода доходят до роли отвратительнейших ассенизаторов, тибетцы благочестиво говорят: "Пусть все живущее живет". Самое мерзкое и лицемерное – это кормление несчастных животных ламами. В определенное время, раза два в неделю из монастыря выходят служки. В руках у них флаги, обычно зелено-оранжевые, и большие подносы. А на подносах по две или три жертвенные куколки из риса, которые даются собакам. В одну секунду со всех сторон сбегаются сотни собак. Сбросив куколок, с которыми ближайший пес кончает в один раз, служки размеренным, торжественным шагом скрываются в монастырских воротах.

Посетили лавку монаха-торговца. Главным образом, он торгует ячменной водкой, ужасным пойлом, от которого непривычных тошнит после одного глотка. Лавка – довольно просторное помещение с полом и железной печью. Мануфактура, чашки, рис, кнуты, китайская бумага и незатейливые предметы тибетского хозяйства. В углу большой алтарь со священными изображениями, жертвенными чашами и молитвенным колесом, стиль модерн. Оно вертится... часовым механизмом, крутит молитвы 24 часа и молится за ламу, попивающего на тахте чай. На низком столе кувшинчик с водкой, трубка и куча денег. Говорят, что лама местный кулак. На тахте копошится ребенок, а на полу сидит молодая, но некрасивая и грязная тибетянка...

Над всеми домами Нагчу шесты с молитвенными флагами. Они хлопают по ветру на веревках, протянутых от шеста к шесту. Эти флаги и есть неустанные молитвенники, заменяющие ламаистов, занятых земными делами.

Н.К.Р. послал к настоятелю монастыря спросить, можно ли посетить храмы. Пришел ответ, что, конечно, часть монахов будет рада нас видеть, но другая, более диких, – может встретить нас камнями, и поэтому наше посещение храмов отклоняется. И как все изменилось, когда Н.К.Р. велел сообщить настоятелю, что у него имеются для монастыря дары. Вышла будто бы какая-то досадная ошибка... все монахи радостно ждут нашего прихода.

Кончок принес на пробу тибетское кушанье. В одной чашке сырое крошеное мясо с красным перцем и уксусом, а в другой цампа, заменяющая хлеб. Кончок опять на службе экспедиции и изображает тибетского чиновника, состоящего при ней. Он изображает что-

то важное, говорит свысока с тибетцами и принимает от них дары, главным образом, кувшины с ячменным пивом, благодаря чему всегда навеселе.

"Состояние Нагчу показывает, – говорит Н.К.Р., – до чего жалка торговля страны. Нагчу должен был бы быть одним из самых цветущих центров Тибета, так как он является узловым пунктом всех караванных дорог, идущих из Монголии и Китая. После него на Лхасу идет уже один только путь".

Вечером сидим и смотрим на "город". Мы в центре Тибета, и перед нами разворачивается вся сущность его жизни. И судя по тому, что мы видим – она безотраднa и страшна. Освещенный последними отблесками зловеще-красного заката, расположен Нагчу в ложбине среди грязно-лилового цвета холмов с черными проталинами. Этот поселок мог бы олицетворять собой картину жизни последних городов людей в стадии дегенерации на гибнущей замерзающей планете. Самая яркая фантазия не могла бы дать более совершенной картины последнего прозябания. Мазанки без печей, в которых влачат свое существование жалкие существа без проблесков интеллектуальной жизни. В сумерках высится мрачное здание монастыря без приветных огоньков в окнах, которых, кстати сказать, почти нет. А если есть, то без стекол. Со всех сторон поднимаются миазмы невероятных запахов, сдобренные дымом топлива, приготовленного из экскрементов и насыщенного синильной кислотой. Через пустыри, служащие местами свалки нечистот, крадутся сгорбленные жалкие фигуры людей с безобразными мешками – складками одежд на спине. Это уже не хоры, вольные дети пустынь. Это тибетцы-горожане. Физически слабые, с потухшими глазами, они грязны, забиты и живут лишь сегодняшним днем. Лица измождены голодом, в котором эти несчастные живут годами. Раздобыть кусок падали, которой, кстати, тибетцы не очень брезгуют, – для них праздник. Мы смотрим на их неверные, шатающиеся походки. Точно не люди, а тени крадутся в сумерках и пропадают в надвигающейся тьме.

Кам – романтичнее, Тибет страшнее, говорит Н.К.Р. В Каме, в нескольких днях езды отсюда, сохранился замок Гесер-хана. Особенность его в том, что вместо обычных деревянных балок, как в других зданиях, там будто бы положены мечи.

Днем ходили по лавкам, и надо сказать, что купцы живут гораздо лучше рядовых горожан. Лавки – чистые помещения, одно даже с полом, одновременно являются и квартирами купцов. Отапливаются они железными печами индийской работы, не дающими дыма, с маленькими плитами, на которых обычно греется очередной чайник чая. В самой большой лавке – невероятная роскошь – застекленная рама. В ней хозяйка, опрятная нестарая тибетянка, бывавшая даже в Калькутте. Она торгует, муж ездит в Лхасу и другие пункты Тибета, делая закупки и торговые обороты. Помещение разделяется на жилую часть и самую лавку. Половина у окна уставлена по стенам мягкими низкими тахтами, служащими, вероятно, постелями на ночь. Перед одной из них лакированный низкий стол со шкафчиком. На стене ковер с висящими на нем ружьями и мечом хозяина. Оружие смазано, затворы завернуты от пыли тряпками и в большом порядке. С потолка свешивается большая керосиновая лампа-молния. Везде чистота, и чувствуется достаток. Потолок затянут материей. Сама лавка вся в полках с разложенными на них товарами: железные ящики с замками из Индии, много мануфактуры, предметы культа, хозяйственного обихода, ножи и несколько мечей. В общем, все то же, что в других лавках. Можно купить и патроны, очевидно, приходящие из Индии контрабандным путем. Двор завален тюками с зерном, кругом идут амбары, запертые большими замками. На цепи большой злой пес, бросающийся на чужих с хриплым лаем.

Губернаторы по отдельности говорили с Ю.Н., и каждый из них обещает полное содействие, но только просит, чтобы об этом не знал другой. Гражданский губернатор настаивает, чтобы при переговорах с его духовным коллегой мы держались бы более агрессивного тона. Администрация Тибета ужасна. Каждый большой или мелкий чиновник пользуется всеми возможностями своей должности, чтобы собрать как можно больше денег, и при этом не стесняется никакими видами поборов. К нам часто ходят чиновники из свиты губернатора. Нельзя себе представить более алчные существа. Один видом напоминает приказного старой Московии. Другой же фигура более мрачная. Это типичный руководитель пытками – личность, прямо выскочившая из средневековья. Грубость, лукавство и жестокость переплетены в нем в одно. Приходил Бухаев, выгнанный когда-то из лагеря и наказанный за грубость денежным штрафом в 35 долларов в пользу монастыря. Он пришел с повинной, просит прощения и принес хадак, который был принят. Каждому он принес подарок. Мне была поднесена раскаявшимся грешником свеча. Выяснилась и причина раскаяния – он просит позволения поместиться в палатке с нашими слугами-монголами. Н.К.Р. разрешает. Но перебраться ему не удастся. Губернатор воспротивился этому поселению у нас. Почему? А очень просто. По прибытию в Нагчу Бухаев поместился... у губернатора, который берет с него за постой по доллару в день. Какой же расчет губернатору терять доллар в день. Бухаев остается на прежней квартире, как бы полуарестованный.

1.III. Сегодня идем в монастырь. Нас будут сопровождать чины из управления духовного губернатора. Монастырь Нагчу, о котором нам говорили как об очень большом, имеющем 8000 монахов, – на самом деле имеет не более 80 насельников. Больших построек только две. Один храм коричневый с золотом, другой – золотистый, с красными карнизами. Лабиринт дворов, в которых находятся кельи монахов без окон, с дверями, завешанными сукном. Всюду грязь. К храму ведут покосившиеся ворота на мощный двор, на котором стоят мачты с молитвенными флагами.

Сначала нас провели в главный храм. Это большое высокое помещение без окон. В темноте горят ряды лампад. Потолок поддерживается несколькими рядами балок-колонн, обернутых шелком. Полутьма, глубокая тишина и свет лампад, озаряющих гигантские божественные изображения, производят впечатление. Золоченая статуя Будды больше человеческого роста раза в три – с прекрасным выражением лица с миндалевидными глазами. Вправо и влево от нее несколько меньшего размера статуи святых. Перед каждой – горящая лампада. Среди изображений одна статуя с закрытым тканью лицом. Это первый настоятель монастыря. По канону его черты должны всегда оставаться закрытыми. И в этом есть что-то красивое. Чиновник губернатора идет перед Н.К.Р. и набрасывает по хадаку на каждую статую. Стены храма изукрашены живописью, изображающей божественные сущности, и орнаментировкой в красном, черном и золоте. Мы выходим из храма. На веранде поставлены тахты, на которые нам предлагают сесть. Появляются служки с кувшинами и разливают приготовленный с маслом и солью чай. Веранда тоже вся в живописи, изображающей тар, духов стихий, покровителя Нагчу с тремя глазами и духов – властителей стран света, причем гении юга и востока изображены с музыкальными инструментами в руках. Выпиваем несколько чашек горячего чая, что так приятно после холода нетопленного храма.

Потом идем в другой храм. Его двор завален тюками шерсти и запружен вьючными животными. Поднимаемся по ступеням на паперть и проходим за завесу, заменяющую дверь. Это храм, посвященный Владыке Майтрейе, царю мира, Бодхисаттве, которому скоро надлежит появиться на земле. Тому, кого с благоговением ждет вся Азия. Храм

невелик, очень прост – но производит очень большое впечатление. Здесь преобладает художественная резьба по дереву. Горят лампы, и в их неверном свете глаза понемногу привыкают к темноте. В центре, на троне, большое изображение Господа Майтрейи. Это статуя большой красоты. С обеих сторон ряды Будд, уже приходивших на землю, и бодхисаттв, долженствующих прийти после Майтрейи при 6-ой и 7-ой расах. Буддизм не исчисляет годы планеты в шесть тысяч лет и не ждет ее скорого конца, при нормальных, конечно, условиях ее дальнейшего существования. Оба храма производят хорошее впечатление своим относительным порядком и чистотой, так не свойственными тибетцам. Монахов немного. Все в темно-вишневого цвета плащах с бритыми головами. Некоторые с бородами. Многие лица упитаны и заплывли жиром. Н.К.Р. передал монастырю дар – 100 долларов на лампадное масло. Узнав об этом, духовный губернатор, в подчинении которого находится монастырь, пришел в совершенную ярость, что деньги прошли не через его руки. Зачем монахам деньги, им было бы достаточно масла, которое он бы послал им.

"Мудрец похож на стрелка, – говорит Н.К.Р., вспоминая слова Конфуция. – Истинный стрелок, не попав в цель, ищет причин неудачи в самом себе".

2.III. Стоят теплые дни, благодаря солнцу, но в тени все-таки не больше -20° С. Зашли после обеда в лавку ламы полюбоваться танками чудной старинной работы. Одна изображает Дзонхаву, другая – Ригден-Джапо, будущего победителя мира. Последний изображен со своими бывшими подвижниками, которые должны вновь воплотиться вместе с ним для последней борьбы и победы над злом. По дороге Н.К.Р. обращает внимание на кувшины водоносов – откуда взялись в них античные очертания амфор, воздушные и грациозные.

Сегодня майор попался в... мошенничестве. Штраф, наложенный на Бухаева, был передан майору для препровождения в монастырь Нагчу – всего 35 долларов. Теперь выяснилось, что монастырь получил только 10, а остальные двадцать пять – остались в кармане майора. Майор совершенно не отрицает факта присвоения им денег, но сначала говорит, что у него нет денег, чтобы возместить задержанную сумму, а потом, рассердившись на бестактность... просто заявляет, что денег этих не отдаст. Весь разговор происходит при губернаторе. И это штаб-офицер, приставленный к иностранной миссии. Губернатор потребовал у Кедуба кусок парчи, которую тот вез в монастырь, в который он поступит, – в подарок настоятелю. Задержал и теперь предлагает, как последнюю, до смешного низкую цену. Судя по повадкам тибетских администраторов, парча, вероятно, безвозмездно перейдет губернатору как компенсация за отправку ее собственника в Лхасу. Кедуб ходит весь зеленый от душащей его бессильной злобы. Губернаторы со всем своим штатом чиновников заняты обиранием экспедиции под всеми соусами. Это крупная дичь, попавшая в их административные тенета. Достается также монголам и бурятам, идущим в Лхасу. Под разными предлогами их задерживают, пока не договорятся о контрибуции. Только голоки беспрепятственно прошли Нагчу. Они слишком страшны и хорошо вооружены, а у губернаторов нет ни одного воина. Губернаторы рассказывают, что получено из Лхасы письмо; оно будто бы содержит указание, что правительство очень недовольно действиями хорчичаба, являющегося инициатором задержки экспедиции на Чантанге и причиной гибели всего состава животных каравана. Кроме того, правительство ставит генералу в вину, что он не донес куда следует о нашем приходе в Чунарген, и выражает глубокое сожаление по поводу случившегося. Конечно, эти соболезнования ложь, а может быть, и все содержание письма. Но что верно – это факт подкопа под генерала со стороны губернаторов.

За обедом Н.К.Р. говорил о людях, которые не могут есть или не любят той или другой пищи. Он считает, что человек должен быть выше этого, и постановка самому себе преград, измышленных в вопросе еды, есть самоунижение. Так же как и взгляд на питание как на самое существенное в жизни и особое удовольствие. Это, по мнению Н.К.Р., уже приближение к животной стадии.

Мы около пяти месяцев в Тибете. Н.К.Р. говорит, что, очевидно, курс изучения Тибета требует 150-ти дней.

Прибыла жена Кончока, и как снег на голову мужа, который, кажется, отнес ее существование уже к области прошлого. Она относительно чиста и миловидна. Приехала верхом и, кажется, совсем не собирается расставаться со своим ветреным мужем. Неизвестно, что происходит в каморке, отведенной ему... но видно, что события протекают не без драмы и молодая женщина разливается горячими слезами. Приехавшие с ней тибетцы утверждают, что они обогнали по дороге предназначенных для нас транспортных яков.

Губернаторам внесены деньги за нанятых животных до Намру, где губернатором брат жены нашего духовного губернатора. Сговариваясь о плате, последний просил держать ее цифру в тайне, а майору назвать большую. Это особая якобы любезность, и здесь, как всегда, для чего-то нужен обман. Прием денег происходит во дворе нашего дома, в присутствии обоих губернаторов и свиты. Духовный губернатор по своей не внушающей доверия физиономии – олицетворение пирата. Какая-то перевязь вроде сабельной, исчезающая с левой стороны в складках накинутого на одно плечо кафтана, – дополняет сходство. В стороне монголы смазывают седла. Сановник немедленно направляется к ним и приказывает намазать свои сапоги. Гражданский губернатор находит иголку с ниткой. Он втыкает с довольным видом иголку в свой кафтан и обматывает ее ниткой. Приносят мешки с серебром, и губернаторы садятся на корточки и начинается счет долларов. Одному подаются своеобразные счета – мешочек, из которого высыпаются косточки фиников, камешки и пуговицы. Другой ведет счет на своих четках. Каждый доллар осматривается и чуть ли не пробуется на зуб. Монеты с царапинами откладываются – они не годятся. Потом принимается все, и губернаторы встают. Старшины, стоящие тут же, жалуются, что им что-то недоплачено за ячмень. По книгам начальника транспорта – все уплачено сполна. Очевидно, дело нечисто со стороны чиновников, через которых шла уплата населению. Гражданский губернатор опять усаживается, и начинается разборка. Беззубый, в грязном шелковом халате с вытесненными на нем драконами, губернатор паясничает и каждую цифру поет. Счет оказывается верным. Оказывается, что старшины хотели нагреть нас на десяток долларов, и это им не удалось. Их выгоняют, и они исчезают, изгибаясь в поклонах и высовывая на все стороны языки. Теперь чиновники приносят жалобу. Им вчера вместо 400 нарсангов (тибетская монета, приблизительно в 40 американских центов) дали только 300. Голубин, который платил деньги, утверждает, что дал им правильно – 400. А доказательств, конечно, никаких. Голубин зовет Кончока и исчезает. Через минут пятнадцать он возвращается, торжествуя. Оказывается, мошенники не догадались сговориться с купцом, у которого Голубин разменял доллары. Купец подтверждает, что было разменяно долларов на 400 нарсангов, тут же переданных чиновникам. Все хитрое построение, на котором предполагалось нажиться довольно крупно, у чиновников лопнуло. Губернаторы от души потешаются, а их подчиненные почесав голову... точно забывают о своей проделке. Во время разборки этого дела старшины стараются подменить проданные ими хорошие мешки рваными, но благодаря нашему цепному псу, который яростно рвется на них, маневр замечен. Здесь мошенники

все, начиная с губернаторов и кончая последним нищим. Келейно выясняется, что из Лхасы пришел караван с зерном для нас по лхасским ценам; губернаторы взяли его себе и продали экспедиции, но уже по здешним ценам, нажив при этом разницу. Обиранье богомольцев и иностранцев, спекуляция чем только возможно – но полное отсутствие настоящей работы и продуктивного применения деятельности. Таков Тибет. И самое пикантное то, что духовный губернатор, "купив" у экспедиции револьвер и патроны, послал за ними чиновников, которые между нашим домом и "дзонгом" ухитрились украсть половину патронов. Это выяснилось в разговоре Ю.Н. с губернатором. Впрочем, сановник не смутился. "Мои чиновники остаются при мне, и я знаю, как получить от них свои патроны", – сказал он. Но тут же прибавил, обращаясь к Н.К.Р.: "Мои чиновники опозорились".

3.III. Тибетцы сдают в наш склад очередной запас зерна. Двор наполнен копошащимися туземцами. Смотря на них, Н.К.Р. замечает, что они подобны скучным этнографическим фигурам, которые обычно ставятся в подвальных этажах музеев, где полы уже каменные. Почти свалка ненужных вещей, среди которых стоит несколько манекенов из папье-маше...

Майор, как ни в чем не бывало, является "купить" ружье – то есть получить его в виде взятки. Ему напоминают о его недостойном офицеру поведении и ружья не "продают". Тогда он с легкостью переходит на предложение банковской операции обмена долларов на нарсанги с явной для себя выгодой. И в этом отказано, после чего майор, очень недовольный, уходит.

Н.К.Р. рассказывает, что один из великих Учителей, Махатм, как их называют в Индии, должен был во что бы то ни стало проехать огромное расстояние из Тибета в Монголию по срочному делу. По 60 часов, меняя только лошадей, оставался Он в седле. Велико было удивление Н.К.Р. услышать этот рассказ в одном из монастырей, рассказ, упоминаемый в письмах Учителей, изданных только на английском языке. Рассказчик-монгол, знавший только свой язык, указал, что Махатма ездил к ламе-держателю, и точно определил маршрут поездки. Чувствуется, сколько поучительного мог бы рассказать Н.К.Р., поучительного и необычного, которое так мало подозревают люди в кажущейся обычности нашей современности.

Сегодня я побывал в канцелярии губернатора. Это и есть дзонг Нагчу, замок, или крепость. Прошел мрачные ворота, в их туннеле укреплено молитвенное колесо, которое обязан повернуть, проходя мимо, каждый добрый ламаист. Дальше узкий и длинный двор с конюшнями и кладовыми, посередине стоят грузовые яки. Несколько ступеней ведут к двери, в которой я сталкиваюсь с губернаторшей, молодой женщиной в пестром тюрбане на голове. Она жестом приглашает меня в комнату, в которую надо войти через узкую переднюю. Это одновременно канцелярия и приемная губернатора. Просторно, довольно чисто, и большое окно со стеклами. Посередине железная печь, распространяющая приятное тепло. По стенам низкие тахты с лакированными красными столами перед ними. Полдюжины чиновников пишут бумаги. Один из них запечатывает свитки обычной в Тибете черной печатью. Губернатор сидит на тахте, поджав ноги, и из-за его спины любопытно выглядывает мальчик лет шести – сын Его Превосходительства. Под рукой губернатора, хотя он и духовный, висит на стене громадный револьвер, украшенный зеленой кистью. На другой стене ряд ружей с завернутыми цветными платками затворами и новыми, желтой кожи патронными сумками при каждом. Это вооружение гарнизона Нагчу. Губернатор очень любезен, угощает чаем, и мы обмениваемся комплиментами. Одет он совершенно по-китайски и по-домашнему.

Уходя, замечаю "Чинтамани", изображение сокровища мира, везомого в ковчеге белым небесным конем. И странно видеть, как в окружающем духовном убожестве и серых сумерках застывшей жизни Тибета – соприкасаются в легенде о таинственном камне Восток и Запад. Здесь – "Чинтамани", а на Западе знаменитый миннезингер Вольфрам фон Эшенбах как бы поднимает над ним завесу тайны и говорит: "Und dieser Stein wird Graal genannt".* Это блуждающий камень, "Lapis exilis", как звался он магами и алхимиками. Может быть, он существует, этот камень, и может быть недалеко от нас. Как знать?

Проходит караван монголов с Кукунора, богомольцев, держащих путь на Лхасу. Красочный, живописный. Сегодня осматриваем лошадей. Они начинают сильно поправляться. Получаемая ими дача очень велика. На пастбище их гоняют ежедневно в горы, где есть на проталинах прошлогодняя трава. Верблюды тоже в порядке.

Стороной выяснилось, что в первые дни нашего прихода губернаторы допрашивали наших монголов, не "красные" ли мы. Монголы отрицали это, но губернаторы качали головами и долго не верили. Похоже, что кто-то старался их убедить в этом.

4.II. Из дзонга, ближнего к Нагчу по лхасской дороге, прибыл гонец и сообщил, что из Лхасы идет правительственное письмо, касающееся экспедиции, а кроме того, есть приказ собирать на уртонах по 40 яков и по 4 лошади. Очевидно, письмо и есть дополнительное указание девашунгом нашего маршрута, а яки заготавливаются для каравана, везущего заказанные для экспедиции продукты и фураж из Лхасы. 4 лошади соответствуют числу посылавшихся по нашим делам в Лхасу гонцов. Впрочем, члены экспедиции недоверчиво относятся к этому сообщению. "Конечно, хорошо – но только, если это правда". Так мала у нас вера во все, что говорят тибетцы.

Проезжают два всадника. У них за спинами английские ружья, тогда как снабжение тибетцев оружием строго воспрещается британскими властями в Индии. Должно быть, контрабанда. В Тибете очень трудно провести границу между легальными и нелегальными действиями властей. Часто трудно разобраться, есть ли покровительствуемая ими в том или другом случае коммерческая сделка торговля или контрабанда, в которой администрация обычно принимает самое трогательное участие. Действительно, нажива чиновника всеми способами – есть принцип, возведенный в неписанный закон.

5.II. Ночью -20° С, днем больше +30° на солнце. Лучи солнца знойны, но воздух холодный. Прибыл купец, муж хозяйки из большой лавки. Он говорит, что гонец из Лхасы по нашему делу с письмами едет ему вслед. Не лишено интереса, что в Тибете правительственных курьеров всегда обгоняют частные лица.

К часу дня температура снижается до 1,5° С на солнце. Подымается ураган. Ветер рвет палатки, стоящие на дворе, забивает дым в трубы и обдаёт мелкой пылью с навозных куч. Во дворе нашего дома появляется сборщик пожертвований на "дацан", или школу в Лхасе, имени Шамбалы. Но собирает ли он по собственной инициативе на себя или, действительно, на дацан – решить трудно.

Когда ветер стих, Н.К.Р. пошел с доктором на прогулку. Около монастырского субургана они натолкнулись на груды образков-приношений из голубой глины и очень недурно сделанных.

Сегодня обратили внимание на приносимое на продажу туземцами мороженое яковое

мясо. Оно уже очень подозрительно своим ярко-красным цветом и, без сомнения, от дохлых животных.

6.III. На мой вопрос, почему, придя с открытым сердцем в Тибет, мы натолкнулись на такую действительность, Н.К.Р. мне ответил: "Надо всегда идти с добрым глазом и не смущаться встречающимся несовершенством. Всякое действие, даже в неудачных условиях, – есть действие, строящее ступень будущего".

Интересный образчик беззастенчивой лжи лхасского правительства рассказывает Ю.Н. Когда в 1904 году четырехтысячный английский отряд занял Лхасу, к командующему генералу явились члены тибетского правительства и просили его очистить Лхасу, ввиду того что на город движется 40.000 воинов из Кама и правительство не может сдержать их желания сразиться с англичанами. Конечно, это была сама бесстыдная ложь... и английский генерал только посмеялся над ней. Ложь, не достойная какого бы то ни было правительства.

Всюду отвратительное лицемерие и – перебирание четок и верчение молитвенных колес. Запрос о том, правда ли, что иностранцы вопреки законам страны, сварили в супе двух куриц и петуха, и параллельно с этим – уничтожение целого каравана. Ужас при мысли, что мы можем перестрелять диких собак, загрызших в самом лагере овец, и легальное истребление стрихнином тысяч диких животных для мехов По поводу последнего Н.К.Р. замечает, что большой вопрос, насколько безвредно ношение этих мехов, с тканями, отравленными ядом.

Утром привели собаку вроде лайки. Условно ее взяли и посадили на цепь. Это совпало с трагическим эпизодом. Тумбал, наш пес, ушел из дому и лег в сотне шагов от него... чтобы умереть. Доктор предполагает прободение внутренностей острой костью. Через несколько часов Тумбал сдох. Н.К.Р. говорил о японцах, которым, как мы замечали, он очень симпатизирует. Он говорил об их искусстве. Вспомнил о японской даме и ее мимическом танце на очень интересную тему. Няня маленького принца, у которой есть и свой ребенок, узнает о готовящемся на ее питомца покушении, которое невозможно предотвратить. Тогда она самоотверженно заменяет принца собственным ребенком и, когда убийство совершилось, показывает свою печаль в строго официальной форме, не больше и не меньше, чтобы не навести убийц на истинное положение вещей. Н.К.Р. говорит, что исполнение этой драмы в танце японской дамы – было совершенством. И немудрено, прибавляет Н.К.Р., так как для маломальского умения надо учиться этому трудному искусству не менее семи лет.

Вечером смотрим на пейзаж. Как контраст грязному Нагчу, протянулись с востока на юго-запад Трансгималаи в своем девственно-белом уборе снегов. На склонах уже видны проталины. Вообще солнце начинает сгонять снег. В долине текут ручейки, а от зимнего покрова остался только тонкий ледяной наст.

7.III. Приходят новые слухи, что гонец из Лхасы должен вот-вот прибыть. Духовный губернатор просит Н.К.Р. быть твердым и настойчивым, если гражданский будет ставить палки в колеса. Во время обеда прибегает чиновник и по секрету передает, что гонец прибыл и привез долгожданное письмо. Оно по закону должно быть прочтено обоими губернаторами. За гражданским уже послали, и как только он придет – печати будут сломаны. Через полчаса является другой чиновник и официально просит Н.К.Р. пожаловать к губернаторам для выслушивания резолюции высокого правительства. Н.К.Р. и Ю.Н. уходят, а члены экспедиции собираются вокруг Е.И. и проводят с ней час

ожидания. Нервы приподняты, и все несколько волнуются.

Наконец, Н.К.Р. возвращается. По его лицу видно, что все прошло удачно и сведения из Лхасы утешительны. Ответ правительства гласит: "Хотя по закону иностранцы не могут идти далее на юг и должны поворачивать на Синин или Ладак, но для Н.К.Р. Далай-Лама, впервые узнавший о нахождении экспедиции на тибетской территории, делает особое исключение и дает позволение идти, как Н.К.Р. этого и хотел, – на юг, на Сикким. Исключение делается ввиду того, что Н.К.Р. великий человек, а его люди жестоко пострадали в Тибете от всяких невзгод". Дальше в письме указано, что экспедиция будет доставлена до границы Индии, под ответственностью властей, на английский пограничный пост. К письму приложен довольно туманный маршрут, но во всяком случае, крюк не превышает 10-ти переходов. Не стоит препираться из-за этих десяти дней и ждать дополнительного решения еще дней пятнадцать. Лучше идти. Губернаторы ставят вопрос довольно своеобразно. Получено, по их мнению, не категорическое разрешение, а расплывчатое позволение. Гражданский губернатор говорит своему духовному коллеге, что надо позволить нам идти, а то почему-то я и Ю.Н. поедem в Лхасу – а как нас удержать? Так или иначе, вопрос разрешен. Надо только ждать сбора транспортных животных.

Во время разговора духовный губернатор задал Н.К.Р. щекотливый вопрос – кто, собственно, задержал нас на Чунаргене. Очевидно, он считает себя совершенно невиноватым в этом и переносит вину на генерала. Из кое-каких намеков видно, что старая лисица старается через свою партию в правительстве съесть хорчиба на нашем инциденте, человека еще молодого и неопытного в интригах и кознях, в которых губернаторы – "съели собаку". Обвинение за наши злоключения губернатор возлагает сначала на доньера, чиновника, выдавшего пропуски экспедиции. Он сделал дело наполовину, говорит губернатор, но не договаривает, в чем вторая половина этого дела. Самым яростным обвинителем генерала явился майор. Кстати сказать, майор поссорился со своим другом Кончоком и теперь старается устроить ему тюремное заключение в лхасском дзонге за содействие иностранцам в проникновении в Тибет. Великие мастера тибетцы на маленькие гадости. В числе прочего, из Лхасы получено разрешение подать телеграммы в Америку. Разрешение, которое не давалось 4 месяца. Восстание в Лхасе, убийство тибетского генерала Ладен-ла и разрушение телеграфа – оказалось очередной ложью. Так же как сообщение, что англичане вывели свой гарнизон из Гиангце.

У всех хорошее настроение, и разговоры о дальнейшем путешествии, о Сиккиме и Индии наполняют каждого из нас бодростью и ожиданием увидеть интересное и новое.

Завершился день приходом кучки нищих. Худые и оборванные, они жалобно просят милостыню. Как подробность – они вооружены копьями. Точно картина из постановок Мейерхольда. В пасти ворот видна стая собак, отступающих с бешеным лаем. Потом появляется ряд опущенных против них копий, и наконец за их древками видна сгрудившаяся группа нищих.

Вечером Н.К.Р. рассказывает красивую легенду о японской императрице Комио, владычице древней Неры, столицы Японии до Токио. На лугу она обращается к цветку и говорит: "Я не сорву тебя и таким, как ты есть, посвящаю тебя Буддам прошлого, настоящего и будущего".

8.II. За ночь выпал глубокий снег, и Нагчу опять покрыт белым убором. Небо в облаках испарений, поднимающихся от тающего снега. Ночь была теплая и, благодаря

насыщенности воздуха, спалось точно после приема большой дозы опиума.

Сегодня губернаторы приняли от экспедиции правительственный груз – американские ружья и патроны. И как здесь все просто. Пришли несколько женщин и подросток, взвалили на себя казенный груз и унесли.

9.II. За ночь прибавилось снегу. С раннего утра поднимается ветер, переходящий к полудню в ураган. Холодно, солнце в тучах. Теплые дни временно миновали, но это не страшно. Дело идет к весне, и холода Чантанга прошли. Налажено, как заведенная машина, – течет наша жизнь. Настроение бодрое, спокойное, и всякий знает, что уход отсюда только вопрос времени. Впереди весна, тепло и интересное путешествие через Гималаи в Индию.

Параллельно жизни, не отличающейся от обычной жизни всякой экспедиции, – идет работа Е.И. в области психодуховных исследований. Работа эта связана с большой болезненностью, следствием открытых духовных центров, именуемых в индийской йоге "лотосами". Реакция нервных центров повышается при этой работе во много раз, сравнительно с чувствительностью организма в обычное время. Работа эта происходит в области так называемой агни-йоги, вмещающей в себя особенности остальных йог. Тогда как последние разрабатываются в условиях, приуроченных для этой цели, в полном покое и удалении от жизни и ее потрясений, агни-йога постигается в самых тяжелых жизненных условиях, в пылу жизненной битвы – но зато она и поднимает человека на самые высокие ступени достижения. Агни-йога связана с устремлением к Дальним Мирам и получением понятия о тончайших энергиях, действующих во Вселенной. Каждый день работы Е.И. приносит все новые факты громадной ценности – драгоценные вклады в науку.

За обедом Н.К.Р. говорит о месте нахождения Шамбалы – прекрасной, закрытой со всех сторон долине с субтропической растительностью, окруженной холодными и дикими пустынями, тянущимися на сотни квадратных миль и перерезанными неприступными горными системами. Приблизительно в таких же условиях находится и "Национальный парк" Североамериканских штатов. После красивой Аризоны поезд пробегает неприглядную печальную пустыню с жалкой растительностью и чахлыми кустами. Наконец, последняя остановка, и нигде ничего особенного. Через несколько сот шагов от станции – балюстрада. Подойдете, взглянете вниз, и перед вами в глубине обрыва долина, и в ней – вся красота, вся роскошь залитого солнцем южного пейзажа.

Говорим потом, что хорошо бы довести несколько верблюдов до Сиккима. Эти животные, там никогда не виданные, – произвели бы своим появлением необычную сенсацию.

10.II. Ночь страшно холодная. Но с утра тишина, безоблачное небо и сверкающее солнце. Часть монголов и буряты, бывшие при экспедиции, – идут на Лхасу. При этом замечательно, что астраханские калмыки и иркутские буряты получают на это разрешение раньше, нежели цайдамские монголы. Возможно, что тайна этой кажущейся несообразности прячется в складках парчи, которую купили у первых губернаторы по небывало низкой цене.

Н.К.Р. хотел взять на место уходящих слуг – тибетцев, но оказывается, что по гордому закону страны ни один тибетец не может опуститься до того, чтобы быть слугой иностранца. На фоне действительности этот закон немного комичен. Чтобы оставить Кончока при экспедиции, необходимо, по совету губернаторов, подать им же заявление, что Н.К.Р. нуждается в нем, как в хорошем слуге. Какая-то невежественная неразбериха во

всем. Мы пишем требуемую бумагу. "Не могу привыкнуть, – замечает при этом Н.К.Р., – что люди с такой наглостью и беззастенчивостью выставляют свое невежество и дикость. Даже очень малокультурные народы стараются как-то оговорить свою темноту – здесь же, в Тибете, она демонстрируется с особой настойчивостью".

11.///. Н.К.Р. очень беспокоится за здоровье Е.И. Она в связи со своей работой сильно больна. Эта болезнь есть горение воспаленных центров. Воспаменение открытых центров угрожает большими опасностями, и обычные жаропонижающие и иные медицинские средства в этих случаях – малоприменимы.

Мы сидим с Н.К.Р. и доктором на террасе дома, и Н.К.Р. делится с нами своими воспоминаниями. Как раз в эти дни, в 1924 году, Н.К.Р. и Е.И. выезжали из Талай-Потанга, направляясь на Сикким. Они ехали по прекрасной горной местности в ясное весеннее утро и любовались раскинутыми по горным вершинам монастырями. "Сикким не обманул наших ожиданий, – рассказывает нам Н.К.Р., – и дал нам целый ряд ценных, врезавшихся в память впечатлений. Сами туземцы и многие ламы оставили о себе тоже прекрасную память. Потом, в 1925 году, ехали мы около того же времени к границам Непала. Помню один день. Все было окутано туманами, стлавшимися по горам. И Непал дал нам самые лучшие и полезные впечатления. Запомнились несколько типов племени гуркхов, прирожденных солдат, отличающихся сознанием воинского долга и преданности". Потом Н.К.Р. переходит на Монголию и с удовольствием вспоминает о ее истинных потенциалах, связанных с ее славным прошлым, уходящим в глубь седой старины. Какой контраст – Тибет. Одичалый, отгородивший себя от всего мира вопреки заветам Благословенного. "С отъездом Таши-Ламы, – продолжает

Н.К.Р., – Тибет потерял своего истинного духовного руководителя, и теперь хранение Учения перешло к Монголии, Непалу, Сиккиму и Ладаку. Особенно значителен Ладак, по которому когда-то ступала нога Христа, где проповедовал Будда. Ладак, где высятся развалины, овеянные героическим прошлым, и стоят монастыри – хранители ценных реликвий". Следует отметить, что Ладак часто является источником многих вдохновений Н.К.Р. "Первое изображение Будды пришло в Тибет из Непала, и эта страна может гордиться тем, что в ее областях трудился великий Учитель. Велика разница между Непалом и пусто-кичливым Тибетом с его невежественной наглостью. Здесь мы видим одно бесчеловечие, связанное с самым низким бесстыдством уже не дикарей, а животных – в низших слоях и с подражанием образцам потухшей культуры и государственности Китая среди чиновников и высших классов. Ни понимание ценности времени, ни простая международная вежливость не играют здесь никакой роли". Так говорил Н.К.Р.

Сегодня опять холодно. Солнце спряталось, ветер играет полотнищами палаток, руки мерзнут, и писать трудно. Но все же я предпочитаю холод и чистый воздух – дыму аргала в своей комнате. В первую ночь я чуть не задохся в дыму и опять переехал в палатку, которую разбили во дворе. Когда солнце – то воздух в палатке нагревается так, что можно сидеть без шубы. Уже две недели нам сообщают, что караван с продуктами идет – но о близости его ничего не слышать. Приехавший из Лхасы лавочник сообщил, что встретил его в нескольких переходах от Нагчу, стоящим без смены грузовых яков на уртоне.

По поводу болезни Е.И., которая уже несколько дней не выходит из своей комнаты, губернаторскому чиновнику сказали, что ее нездоровье отчасти вызвано грязью дома и вообще нечистотой Нагчу. На это чиновник ответил: "Если Вы считаете грязным Нагчу, то как же вы бы жили в Лхасе?" Приходится поверить заявлению такого компетентного лица, как губернаторский чиновник. Впрочем, это и близко к истине. Путешественник Цыбиков

отметил в своем дневнике, что даже в Потале, дворце-монастыре, в котором принимал его Далай-Лама, – невероятно дурной и труднопереносимый воздух.

12.II. Сравнительно теплая ночь и солнечный безветренный день. Получается сведение, что караван из Лхасы с продуктами для экспедиции – подходит к Нагчу. Наш уход из Нагчу фиксирован губернаторами на 3-е число 1-го тибетского месяца, то есть на 23.II.

Во время прогулки Н.К.Р. говорит, что люди должны обращать серьезное внимание на дисциплину своих мыслей и слов. Желание быть остроумным часто показывает на поверхностный и несерьезный ум. Каждый человек должен иметь свое окружение не только в вещах, но в мыслях и словах. Если дисгармоничной являлась бы изящная кушетка в келье монаха, то так же неприемлемым был бы гроб вместо кровати в спальне светской красавицы... и печально звучал бы нескромный анекдот в устах оккультного ученика.

Здоровье Е.И. немного лучше, но горение центров продолжается. Очень вредно отражается на ней вдыхание синильной кислоты аргального дыма. Н.К.Р. отмечает, какие богатые наблюдения мог бы накопить доктор в области терапии, наблюдая Е.И. при ее работе. Ведущийся опыт Е.И. опасен – но опасность есть основа подвига, говорит она. Поражено горло. Лекарства богатого аптечного набора оставлены, и единственное, что помогает, – это компрессы и молоко. Молоко здесь отвратительное, и его приходится доставлять издалека – потому приходится прибегать к отвару риса.

Н.К.Р. приглашен для новых переговоров с губернаторами. Приносят мороженных баранов для нашей кладовой. Они в сидячей позе, в которой их замораживают, и являют с ободранной шкурой необычно странный вид. Предлагается и свинина. Но так как тибетская свинья питается исключительно отвратительными отбросами и падалью, то свинину взять на кухню не решились. На случай слишком быстрого таяния снега и загрязнения реки – около скита найден источник, бьющий прямо из-под земли и далекий от всякой грязи. Каждый день верблюды отправляются к нему и привозят бидоны с ключевой водой для кухни. Губернаторы приглашали Н.К.Р. для выяснения нужного количества грузовых яков. По их словам, наш уход опять висит в неопределенности, так как якам по прибытии в Нагчу надо будет дать некоторый отдых. А сколько времени им придется отдыхать – это губернаторы определить не могут. Опять какая-то невязка и ложь. Не лишено интереса, что тибетцы пользуются своей ложью как-то по-детски, бессознательно и тотчас о ней забывают для нового лганья, противоположного первому. У них, даже у больших сановников, нет совершенно чувства ответственности за свои слова, что мы наблюдали несколько раз. Как приятно будет, наконец, сменить Тибет на Сикким и на Индию, после всех здешних безобразий. Во время визита к губернатору подросток, племянник губернатора, ловко вытащил у Н.К.Р. из кармана перчатки, но был замечен и при уходе перчатки у него отобрали. Этот инцидент вызвал взрыв веселости у присутствовавших туземцев, начиная с самого Его Превосходительства.

Лхаса начинает естественным путем терять свою притягательную силу даже для монголов, шедших с нами и насмотревшихся на нравы и обычаи тибетцев. "В Лхасу придем, проживем деньги и вернемся домой без ничего – что толку в этом", – говорят они. Некоторые из них сопровождают Н.К.Р. более года, получая на всем готовом, начиная с платья, по доллару в день.

Вечером по какому-то делу Ю.Н. хотел видеть губернатора, но принят не был. Духовный губернатор, его супруга и свита безнадежно пьяны. Тибетская действительность так мало известна в Европе. Совершенно не стесняясь, тибетцы называют Далай-Ламу "рябым

монахом". Есть слух, что этот "рябой монах" покуливает опиум.

Как приучаешься в пути быть неприхотливым. Гражданский губернатор прислал подарок. Редьки. Общее одобрение заслужил суп из баранины с редькой. Котлеты из якового мяса с чесноком – мы считаем большой роскошью.

13.II. Сегодня день рождения Е.И., но она опять себя плохо чувствует и не выходит. Ночь была теплая – но утро холодное. В палатке тоже мороз, пока горячее солнце не согреет воздух, который уже держится, так как ткань его не пропускает. Сажу на дворе. Монгол Серинг метет его и швыряет камнями в голодных собак, которые появляются в воротах и крадутся по двору, пытаясь стащить что-либо съедобное. Новый пес Каду, подарок одного из губернаторов, сменивший бывшего на испытании пса, пищит и умильно смотрит на меня. Ждет, не спущу ли я его с цепи. На кухню приходят тибетянки с деревянными бадьями воды на спине, и непонятно, как они могут нести на себе такую тяжесть – ведер в шесть. В ворота виден на пустыре дом-мазанка, увешанный молитвенными флагами. По тропинке через замерзший ручеек проходит тибетец, вертя молитвенное колесо. Вдали другой, сверкая обнаженным мечом, – отбивается от нападающих на него собак. Две девочки робко входят во двор, направляются к кухне и, став у двери, с любопытством наблюдают, что там происходит. Они обе невероятно грязны. На черной от грязи руке старшей серебряное колечко с кораллом. Вторая, поменьше, прелюбопытная обезьянка. Хорошенькое личико, насколько его можно видеть из под коры грязи; она олицетворенное кокетство и пугается всего, после чего хохочет, показывая ряд сверкающих белизной зубов.

На тибетский Новый год мы все приглашены к духовному губернатору. Потом – в монастырь, на церемонию изгнания дьявола. В Нагчу уже чувствуется предпраздничное настроение. В лавках толпятся туземцы и закупают всякие вещи и незатейливые сладости.

Когда ветер от поселка, у нас невозможно дышать от едкого дыма аргала. Н.К.Р. относит его ядовитость еще и к тому, что яки питаются во время бескормицы падалью.

Наши монголы, лама-проводник, маленький Кончок и брат его Таши, приносят Н.К.Р. хадаки с завернутыми в них леденцами. Они покидают нас и, пользуясь проходящим на север караваном, идут обратно в Монголию. Их одаряют деньгами, вещами, и они, сердечно простившись со всеми нами, уходят. Это были очень хорошие люди, и с ними жалко расставаться.

14.II. Вчера необходимо было послать за молоком для Е.И. Сообщили об этом губернаторам для соответствующего распоряжения. Но они бессильны помочь, не имея достаточно авторитета, чтобы добыть лошадь для посылки гонца. С одной стороны – наглость и заносчивость, а с другой – полное бессилие властей. Местное население в лице старшин совсем не считается с губернаторами и, только инсценируя внешний ритуал робких поклонов и высовывания языков, – совсем не исполняет их требований. Точно власть в Тибете существует исключительно для иностранцев, которые по чистому недоразумению и памяти о китайском владычестве – исполняют ее директивы. Разложение Тибета идет со все увеличивающейся быстротой с того времени, когда Уодель и Мак-Говерн, предусматривая события, сделали в своих дневниках соответствующие намеки. Поворотным моментом истории Тибета, началом его разложения был, конечно, отъезд Таши-Ламы, мудрого провидца, может быть, и смутно понявшего, что он должен выйти из готового обрушиться горящего здания и вынести из него начала тех знаний, которые не должны погибнуть. Теперь все, что только есть в

Тибете, гнило и вот-вот рухнет. Еще момент, и здание его религиозно-правительственной системы будет объято пожаром конца. Какие-то народные провидения называют теперешнего, тринадцатого Далай-Ламу – "последним".

Тибет, Тибет, – уже секира при корнях твоих, и сумерки заката твоего близки.

Вчера сдвинулся наш транспорт из Лхасы – но застрял на следующем урtone, у следующего перевала. Даже правительственные яки – бессильны...

Весь Нагчу готовит громадные кувшины с ячменной водкой и пивом. Судя по запаху, сопровождающему всем приходящим к нам тибетцам, видно, что они уже начали пробовать их содержимое. Вспоминаются рассказы, что за курение в Тибете вырезают губы, а за пьянство грозит высочайшая мера наказания. Какой абсурд, какая ложь.

На улице появляются более чистые и яркие костюмы мужчин. Женщины остаются в своих обычных цветах одежд. Было бы ошибкой смотреть на тибетцев, как на особенный народ, а на Тибет – как на особую по своей характерности страну. Все – самое обыкновенное и стоящее на очень отсталом уровне развития. Тибет – это Европа XIV столетия в ее отрицательных чертах – не больше.

Совершенно неправильно сочетать сокровенное учение, мудрость Азии и имена великих Гуру с этой несчастной невежественной страной, как это почему-то принято в Европе. Конечно, ищущие приходили в Тибет, но находили то, что жаждали найти, – только пройдя его. Учение и мудрость Азии и великие Учителя существуют – но во всяком случае, не в государственных границах внутреннего Тибета. Так говорит Н.К.Р. После обеда идем с Н.К.Р. и доктором гулять. Сегодня тепло и небо совершенно особенного нежно-синего цвета, оттененное белыми перистыми облаками. Около последних мазанок поселка из-под сошедшего снега виднеется густая прошлогодняя трава. Если здесь может расти трава, то почему же не могли бы произрастать самые нехитрые овощи: лук, редька, может быть, картофель... но нигде, даже у монастырей с их громадной рабочей силой – нет огородов. А сколько этих огородов в самой Гоби, где нет и помину о траве, около юрт китайских торговцев. Во всех странах, у всех народов рачительная хозяйка заводит свое хозяйство и трудится над ним. У тибетянок нет ничего. Ни овощей, ни живности...

Идем к субургану у монастыря, обиталища сотни тунеядцев, тупых и невежественных, с грязными лоснящимися и упитанными мясом обликами. Субурган окружен стеной наложенных друг на друга камней с плитами грифеля наверху. Каждый кусок грифеля имеет на себе вырезанный рисунок, иногда – тонкой работы. Изображение Будды или "колеса закона", а чаще текст из священных писаний. Такие же тексты вырезаны или выжжены на рогах, лежащих на стене. А у самого субургана тысячи рассыпанных у подножия глиняных образков – приношения благочестивых рук.

Вечером приходит сведение, что завтра прибывает караван с продуктами из Лхасы.

15.II С утра свистит резкий ветер. Он треплет лохмотья молитвенных флагов, рвет палатки и хлопает флагом на воротах нашего дома. Солнце не греет, и опять очень холодно. Со всех сторон несется раздраженный лай собачьих стай. Нагчу проходят два каравана. Один в Лхасу, другой встречный. Удивительно, что при общем вырождении и сами тибетские яки маленькие, сравнительно с хорскими, и выродившиеся.

Уже несколько дней как вопрос доставки молока для Е.И. остается открытым. Для его доставки губернаторы никак не могут достать в подведомственном им округе одну

лошадь.

Н.К.Р. рассказывает, что синьцзянский Дуту, генерал-губернатор Китайского Туркестана, распространял через своих людей слухи, будто бы Таши-Лама избран Императором Китая и уже получил Тамгу – но официально не объявляет о своем восшествии на престол из-за политических соображений. Эти слухи выплыли через калмыков, которые, встретив караван экспедиции, справлялись, насколько эти слухи достоверны.

Духовный губернатор Нагчу оказывается одной из самых видных фигур среди дипломатов Тибета. После четырехлетней отставки сам Далай-Лама призвал его к новым трудам на государственном поприще. Ему предлагалось на выбор два назначения: или послом Тибета при Таши-Ламе, или губернатором Нагчу. Он выбрал второе. Следует отметить самую должность посла при Таши-Ламе как указание на то, что его следует считать, даже согласно мнению правительства Далай-Ламы, – отделившимся от Тибета. Ввиду возможности нашествия китайцев и слухов о прибытии нашей экспедиции – Нагчу считалось пунктом первой важности, и губернатор был назначен "выдающийся". Губернатор, как я уже говорил, был ламой – но потом женился, и так как он был нужен, то очутился духовным лицом при наличии жены, так как по должности считается и настоятелем монастыря Нагчу. Далай-Лама приказал считать "бывшее небывшим", и официально губернатор опять монах.

Оба губернатора "большие люди" – но лошади все-таки достать не могут. Н.К.Р. замечает, что обычно власть сильна только в тех случаях, когда ее носители безупречны во всех отношениях. Но когда власть рассыпает направо и налево компрометирующие ее факты недобросовестности и взяточничества, повиновение народа этой власти исчезает. Не подобное ли явление и в данном случае.

Интересен разговор Ю.Н. с гражданским губернатором по поводу возможности вторжения генерала Фына в пределы Тибета. Губернатор интересовался, может ли американское правительство запретить Фыну вступить на тибетскую территорию на основании того, что он кончил американскую миссионерскую школу. В связи с возможностью продвижения красного генерала на Тибет вспоминается, как хорчиаб, а потом и старшины хоров неоднократно спрашивали нас: "А много ли еще военных людей идет за вами вслед?" Не принимали ли нас за какой-нибудь отряд, идущий впереди китайцев, в появление которых в Тибете здесь искренно верят. Теперь понятны вопросы, которые ставили бурятам губернаторы, – не "красные" ли мы. Конечно, главный вопрос – приход китайцев, а краска, в которую они будут выкрашены, – безразлична. Таким образом, "даже нелепое где-то имеет свое основание" – говорит Н.К.Р.

Наши буряты-ламы неустанно ходят к духовному губернатору для переговоров о своем дальнейшем пути в Лхасу. Сегодня они пошли опять, но вернулись ни с чем. Его Превосходительство с семьей и аколитами – пьяны. Так как губернатор видит, что буряты держатся отдельно от экспедиции Н.К.Р., с которым он сильно считается, то, вероятно, не выпустит их, пока не высосет последних долларов. И надо сказать, что в этом тибетцы устраивают пропаганду против самих себя. Кедуб признался Голубину, что он в жизни не видел худших разбойников, нежели губернаторы. Понемногу буряты начинают поругивать и самого Далай-Ламу.

После обеда на наш двор явились губернаторы сдавать груз пришедшего, наконец, из Лхасы каравана. Двор запрудили чиновники и толпа туземцев с мешками, тюками и ящиками. Все продукты третьего сорта, так как в Лхасе лучших не бывает. Отвратительные

китайские консервы – три четверти количества заготовка из молодых побегов бамбука. Спички – которые не горят; труха, изредка при заварке пахивающая клопами, – вместо чая. Присланы и маленькие сладкие апельсины – они замерзли. Все недоброкачественно и является собой отбросы из других стран, выброшенные на тибетский рынок. Рассказни об индийских товарах, английских консервах и европейских вещах оказались обычным враньем, как, вероятно, и то, что в Лхасе имеется электричество. Кроме ячменя пришло немного чеснока (лука в Лхасе не имеется), капусты, редьки и леденцов, которые перед едой надо отмывать. За обедом у нас свежие щи.

Н.К.Р. говорит о Лхасе и указывает на статистику: город имеет 6 километров в окружности, гражданского населения около 10 тысяч, а в окрестностях монастыри с 30 тысячами монахов.

Губернаторы пили у нас чай. Оба пришли в грязных халатах и сейчас же начали рассматривать вещи. Особенно понравилась им трубка для врачебного выслушивания. Гражданский губернатор, по своему обыкновению, держал себя шутком. Вообще как фигура он довольно бесцветен. Но духовный губернатор – тип яркий. Он ведет себя с достоинством, а когда смеется, то смех его безмятежный и детский. Но чувствуешь, прислушиваясь к нему, что не дай бог попасться в руки этому бесконечно жестокому и беспринципному человеку, спрятанному под личиной смеха. Минутами из-под нее выглядывает хищник, и тогда лицо губернатора принимает облик пирата, за который любой режиссер кинопьесы из жизни корсаров заплатил бы большие деньги. Особенное сходство с морским разбойником придает губернатору стеганый шелковый шлык, покрывающий его голову, похожий на подшлемник, какие носили в средние века. Из-под него выглядывает полное, без всякой растительности лицо, изборозженное морщинами, с невероятно жестокой складкой поджатых губ.

Н.К.Р. просил губернаторов облегчить и ускорить отправку бурят и велел позвать их в комнату. Поговорив с ними, губернатор, сказав "очень уже вы много врете", выгнал их из комнаты и тогда рассказал Н.К.Р. об их поведении в отношении нас. Мы узнали интересные подробности предательства бурят. Оказывается, пытаются устроить свои дела, они думали выиграть, топя европейцев. Как в Чунаргене, так и здесь они неоднократно доносили властям, что мы – большевистское посольство. Очень многое в нашей задержке и в том, что генерал не брал на себя наш пропуск, может быть объяснено этими доносами. Теперь, когда выяснилась наша полная непричастность к мировой революции, – губернаторы рассказали нам о наговорах бурят.

Губернаторы предложили бурятам идти с караваном яков, но они отказываются от путешествия, и вот почему: Малонов, больше всего действовавший против нас, умер, сядясь на яка, и теперь ламы боятся садиться на этих животных, чувствуя за собой предательство и боясь за него той же кары, которую боги послали Малонову. Так сплетаются в них суеверие, предательство и невежество. А ведь это будущие монахи...

17.III. В Тибете всякое достижение зиждется на подарках. Гражданский губернатор получил лисью шапку. Духовный – парчу и одарен в лице своей супруги дамской сумочкой, шелковым халатом и флаконом духов от Коти в Париже. От духов губернаторша отказалась, сказав, что у нее довольно этой индийской воды, – остальное приняла. Каждый шаг, каждое разрешение того или иного вопроса связано с подарком. В Тибете можно в настоящие дни добиться всего – играет роль только достоинство подарка. После подарка – каждый раз наш маршрут выпрямляется...

Впрочем, было бы уклонением от истины не упомянуть, что и губернаторы отвечают на подарки. Увидев, что присланная им редька понравилась, гражданский губернатор прислал еще несколько фунтов; а духовный подарил Ю.Н. собаку Каду, главной специальностью которой, как оказалось потом, – было душить не принадлежащих ей баранов. Соответствующая школа была серьезно пройдена у своего старого хозяина-губернатора.

18.II. Так или иначе, но через неделю нам окончательно обещан приход транспортных животных и через десять дней можно ожидать, что мы, наконец, покинем Нагчу. Устроилось также и сокращение маршрута от Шендза-Дзонга прямо на Сикким. Экспедиция получает лхасский паспорт и бумагу, что по приказу Далай-Ламы мы должны быть пропущены на Сикким с оказанием полного нам содействия властями по дороге. Последняя бумага большой ценности, так как она избавит нас от новых недоразумений и вымогательств со стороны властей. Губернаторы просят только не выходить на территорию Непала. Тибетцы смертельно боятся благородных и воинственных гуркхов.

Бухаев приходил справляться, не может ли он сопровождать нас в качестве слуги в Индию. Как быстро забыл он о своем предательстве. Подобная забывчивость, впрочем, обычна малоразвитым людям.

Сегодня с утра очень холодно. Сломалось ружье "маузер", имевшее слишком тонкую шейку приклада. Майор получил приказ собрать для экспедиции транспортных яков, и губернаторы вручили ему на этот предмет грамоту, начинающуюся так: "Всем старшинам Чунаргена, их товарищам и подручным – приказ..." Майору для поощрения подарена пара перчаток вроде шоферских и обещан, если яки будут доставлены вовремя, дополнительный подарок. Таким образом как будто обеспечены – рвение и своевременность. Наш белый мул съел попону, а майор "проглотил" пару кожаных перчаток – оба всеядные, пошутил Н.К.Р.

19.II. На рассвете из монастыря доносятся звуки труб. Низкие, глухие. Целый оркестр. И это очень своеобразно и красиво.

Около 10 часов утра в тени -22° С, а на солнце тает.

Губернаторы передают Н.К.Р. письмо с пропуском на Сикким. Правительственные паспорта догонят нас по пути около Намру. "Наши пропуска непохожи на пропуска доньеров за границей, и наша помощь непохожа на помощь хорчиба", – многозначительно говорит духовный губернатор, передавая Н.К.Р. бумагу. Наши ламы-предатели скоро отправляются в Лхасу. Интересно, что худшие, даже по мнению губернаторов, люди, из бывших с нами, – первыми получили пропуск.

Губернаторы просят написать о всех наших злоключениях, связанных с задержкой нас на Чунаргене генералом. Очевидно, скорпионы собираются съесть скорпиона и собирают данные. По словам губернаторов, письма генерала никогда не доходили до Далай-Ламы, так же как и посланная через него желтому папе парча. После обеда губернаторы приходят покупать ружья. Им предлагается чай и достархан из бисквитов индийского изготовления из Лхасы и леденцов. Гражданский инсепарабль поглощает громадное количество сахара, вытащив его из мешка по дороге в столовую. При уходе сановники получают по куску парчи за одну золотую монету, которую они так и не дали, и покидают наш дом с довольными лицами и улыбками до ушей.

20.II. Губернаторша прислала обратно сумочку, так как она слышала откуда-то, что есть

более объемистая. Не разберешь – наглость или наивность дикарки.

Сегодня канун тибетского Нового года. Год "зайца" сменяется годом "земного дракона". Целый день приходят нищие. Они жалобно причитают, делают земные поклоны и, получив мелочи, сменяют друг друга при непрерывном яростном лае собак. Интересно отметить, что собаки с гораздо меньшей враждебностью относятся к европейцам, нежели к тибетцам. Между нищими Голубин заметил двух наших поставщиков с сильно замазанными лицами... По пустырям ходят тибетцы, вертя молитвенные колеса.

Губернаторша прислала посланную ей сумку и потребовала назад первую, – которую ей для курьеза не замедлили послать.

Н.К.Р. идет с нами на религиозную церемонию, которая начнется после обеда. Видно, как заблаговременно сходятся к монастырю богомольцы с красно-желтыми флагами, несомыми перед каждой их группой. Ожидаются две церемонии: первая – у духовного губернатора, вторая – в монастыре. За нами прибегает чиновник от губернатора. Вокруг дзонга толпа, которая расступается при нашем приближении. В воротах встречаем процессию, идущую через пустырь по выложенной плитняком дороге. Впереди два чиновника в желтых халатах и тканых золотом шапках с красными ниспадающими султанами. В руках у них жезлы с пучками ароматических курений, от которых поднимается голубой дымок. Дальше четверо монахов несут ажурную башенку из струганых палочек – приношение злым духам. Дальше идет лама-священник. Он в красном колпаке, таком же плаще и имеет в одной руке колокольчик, а в другой черный платок. Лицо его тупое, на котором красуется пара тщательно закрученных усиков. По два в ряд шествуют за ним монахи в вишневого цвета плащах и огромных красных колпаках с гривами конских волос, похожих на древнегреческие шлемы. Они несут громадные золоченые барабаны и трубы. Шествие замыкается воинами. И это наиболее интересные фигуры. Они в несомненно старинных тибетских костюмах самых ярких цветов и наверхенных на головах разноцветных тюрбанах. Кафтаны на одно плечо подкафтаными другого цвета. Оранжевый с черным, синий с желтым, зеленый с коричневым... Чалмы красные, желтые, вишневого цвета... У каждого за поясом меч, а в руках длинное фитильное ружье и дымящийся шнур. Пропустив процессию, мы проходим пустырь и через вторые ворота с молитвенным колесом входим во двор дзонга. На ступенях лестницы нас встречает губернатор. Мы входим в приемную, и нас усаживают на почетные места. Тут же губернаторша. Некрасивая, но молодая, с живым подвижным лицом. Какие-то родственники сидят на тахтах. Суевающиеся слуги и служанки, с руками, облитыми, точно китайской тушью, многолетней корой грязи – наливают нам дымящийся чай. Тут же Кончок. Он принял на себя роль ближнего слуги Н.К.Р. и с почтительными ужимками подает ему блюдо с обычным достарханом: сушеные фрукты, литой сахар, твердые как камень печенья и леденцы. Идет скучный разговор. Губернатор указывает, что сегодня Новый год и поэтому надо исключительно шутить... После этого он изощряется в плоских шутках. Но к счастью, внимание тибетцев привлекается монографией картин Н.К.Р., которая отсылается Далай-Ламе в его Лхасу как обязательный, по обычаям страны, новогодний подарок Его Святейшеству.

Появляется чиновник, который приглашает идти присутствовать на дальнейшем ритуале – богослужении на пустыре. Когда мы туда приходим – палки доньеров, молотя по народу, расчищают нам дорогу. На пригорке поставлена башенка. Перед ней гнусавит молитвы священнодействующий лама, а против него стоят монахи с трубами и барабанами. Тут же разжигают костер, сложенный треугольником. Помахивая черным платком в направлении башенки и позванивая в звонок, лама читает молитвы, и им отзываются барабаны,

переходящие во все более ускоренный темп, под стук которых барабанщики скандируют какие-то ритуальные фразы, все время повторяющиеся. Изредка вступают своим густым ревом трубы.

В церемонии играют роль четыре элемента. Однообразно повторяются одни и те же действия. Потом бонза хватает башенку и мечет ее в разгоревшийся костер. В это время появляются воины, которые до сих пор стояли в живописной группе на другом пригорке. Вереницей подходят они к костру, и каждый, приложив фитиль к затравке, – разряжает в костер свое ружье. Пройдя через толпу, они приходят с другой стороны вновь, на этот раз с обнаженными мечами в руках, и проходят мимо костра, махая своим оружием. Демонов привлекли подарком, а когда они собрались незримой толпой... в них начали стрелять и бить мечами. Таков смысл церемонии, в основе которой опять обман. Воины уходят, и тогда толпа бросается на костер, топчет его и старается захватить горящие угли, которые каждый бережно прячет за пазуху. Происходит свалка, в которой участвуют какие-то туземцы в цепях, которыми скованы их ноги. Это колодники из городской тюрьмы. Оказывается, по поверью, что тот, кто захватит особые куски башни, посвященной злым духам, не дав этим кускам сгореть, и носит их как талисман – становится неуязвимым для пуль.

Мы уходим домой в ожидании следующей части празднества в монастыре, на которую должно последовать особое приглашение. Сидим под навесом и слушаем Н.К.Р. Он вспоминает об обстоятельствах встречи сестры Ниведиты со своим будущим учителем Свами Вивеканандой, великим мудрецом еще недавнего прошлого. Она встретила его впервые в большом европейском обществе, в котором он много говорил в тот вечер. После того как Свами ушел, присутствовавшие поблагодарили хозяйку за доставленную им встречу с интересным индусом, но высказались в том смысле, что, собственного говоря, не слышали ничего нового. Так подумала и будущая сестра Ниведита – только много позднее поняла она, сколько нового было для нее в словах Вивекананды. Так бывает всегда, когда духовное не проникает дальше интеллекта и не может соприкоснуться с более глубоким сознанием человека. Особенно мешает этому скепсис, если он к тому же еще не разумный, а слепо-упрямый. В силу своей невежественной узости люди часто, говорит Н.К.Р., упускают то, что могло бы самым решительным образом осветить им совершенно новый путь. Упорствующий тупой скептицизм чаще всего обрезает человеку все достижения в областях духа и строит перед ним глухие стены... В своем дневнике сестра Ниведита признается в этом скептицизме, в этом припадке современной болезни, что делает ей большую честь. Рассказываю Н.К.Р. об одном своем знакомом профессоре, который ни во что не верил, но... страшно боялся смерти. "Как это характерно", – заметил Н.К.Р. За нами приходят, пора идти в монастырь.

Возвращаясь с церемонии, Н.К.Р. говорит, что нет разницы в богослужениях больших и малых монастырей – только, пожалуй, в первых роскошнее костюмы и больше народу. Но все-таки, новогодняя церемония, которую мы только что видели, должна быть где-нибудь в Лхасе очень величественна.

Мы пришли на монастырский двор. Там уже толпа. Монахи проходят в храм. Через толпу идет монах. Впереди него послушник, несущий на длинной палке его колпак, другой неистово колотит туземцев палкой. Толпа раздается и с поклонами высовывает языки. Это идет благочинный. У желтого храма, соединенного с другим верхним ходом и похожего на ассирийскую постройку, сгруппировались давешние воины в своих живописных одеяниях. Опираясь на длинные ружья, ведут они степенную беседу. Так же как и губернаторы, они смахивают на каких-то оперных злодеев, но у этих не вяжущиеся с

костюмами – добродушные физиономии. Из храма выносят громадные трубы, вроде римских буцин. При каждой два человека. Один трубит, другой поддерживает трубу на своем плече. Восемь таких труб ставятся в ряд, трубачи-монахи – прикладывают их к губам. Раздаются низкие глубокие звуки, от которых дрожит воздух. Тогда из храма появляются знамена, увенчанные трезубцами в виде наверхий. Они становятся полукругом. После этого на пороге храма показывается процессия. Священник, тот самый, который служил утром с колокольчиком, за ним причетники и монахи с барабанами, флейтами и тарелками, которые становятся перед священником. Под тихий звук музыки скандируются молитвы. Темп учащается. Громче, скорее бьют барабаны, звенят тарелки, и учащается ритм молитв... К этой сарабанде звуков присоединяется низкий рев труб. Сразу все обрубается, и в наступившей тишине лама читает молитвы. Есть что-то неуловимое во всем этом – похожее на католическое богослужение. А в большом монастыре и при хорошем оркестре – картина должна быть внушительной. Во всем этом, говорит Н.К.Р., чувствуется что-то мощное, но уже выродившееся и потерявшее прежний смысл. Процессия трогается и выходит из монастыря. Опять несут приношение злым духам на пустырь. Шествие выходит, а над входом в храм тихо поднимается громадная танка, изображающая добрых духов-эдамов, долженствующих охранять монастырь весь следующий год. На пустыре происходит сожжение сооружения и фигур из риса, посвященных демонам. Стрельба, рев труб и грохот барабанов. Процессия возвращается в монастырь, и скоро начнется пир, посещение которого Н.К.Р. отклонил. Вареное мясо до отвала, чай с маслом и реки ячменной водки...

21.II. Выясняется, что вчера был только канун Нового года. Утром гуляем с Н.К.Р. и говорим о воспитании молодого поколения. Детям, говорит Н.К.Р., следует давать все настоящее и ничего поддельного. И когда ребенок переступает порог детского сада, то он должен быть встречен словами: "С этой минуты на тебя смотрят, как на взрослого". Дети гораздо более взрослые, нежели это принято считать большими и, особенно, матерями, которым их дети все еще кажутся "baby", несмотря на то что они давно уже перестали быть ими.

Наблюдаем, как ревниво собаки оберегают свои участки от посторонних псов. Маленькая собака точно желает приписаться к стае. Она сидит, не защищаясь от дюжины собственников участка, яростно рвущих ее шерсть. "Вот начало национализма, – смеется Н.К.Р. – Еще немного, и собаки построят таможни и начнут объясняться на разных собачьих языках..." Собаки Нагчу не лишены понимания и экономических вопросов. Ревнивое оберегание участков от соседей вызывается у них желанием самим использовать на своем участке попадающие на него отбросы.

Буряты появились во дворе и просят седла. Они не знают пределов попрошайничеству, иногда довольно наглому, и вчера пробовали объяснить Голубину, который прогнал их с конюшенного двора, что половина оставшихся у нас верблюдов принадлежит им.

22.II. Несколько раз будят ночью собаки,носящиеся с лаем по пустырям. Маленькая кокетливая тибетянка носит воду в кухню. Е.И. обратила внимание на ее удивительную улыбку. Мелкие ниспадающие на плечи косички делают ее похожей на нубийскую рабыню в древнем Египте. Ее волосы вблизи – нечто кошмарное. Грязь и сало образовали на ее голове без преувеличения – какое-то болото. Одета в лохмотья, а при всем этом бездна кокетства и врожденная женственность и грация.

Н.К.Р. говорит: "Неужели губернаторы, продержав нас чуть не в плену и вытянув всякие подарки, наивно думают, что приобрели нашу дружбу. Неужели они думают, что мы

забыли все произошедшее с экспедицией по их вине". Надо сказать, что теперь губернаторы стараются проявить все свое расположение и любезность и подчеркивают, что они будут все делать для нас даже в новогодние праздники, которые только крестьяне празднуют два-три дня, а чиновники... не менее месяца. Рядом с этим вспоминаются все притеснения, чинимые нам в Чунаргене. Если недобросовестны чиновники, то нечестен и сам народ. Старшины племени хор подали правительству прошение об избавлении в наступающем году их округа от налогов, потому что они потерпели убытки от стоянки на их территории американской экспедиции. Кстати, следует отметить, что из 4.000 долларов, истраченных во время стоянки, – 1.000 потеряна при размене на тибетские шо из-за неверного курса, по которому население разменивало китайские доллары. И за все время не было случая, чтобы не только было бы не заплачено за каждую мелочь, но не было случая, чтобы человек, так или иначе соприкасавшийся с Н.К.Р. и его экспедицией, не получил бы денежного подарка.

Погода портится, солнце прячется в облака. Только Трансгималаи удивительно красивы, окутанные жемчужной дымкой.

В два часа дня идем к духовному губернатору с новогодним визитом. Администраторы, так как они неразлучны, встречают нас радостными восклицаниями. Сегодня – полный парад. Духовный губернатор одет в серебристо-желтый парчовый кафтан и такую же шапку с черным бортом и шишкой отличия из драгоценных камней. Гражданский – в золотисто-коричневом халате и меховой шапке. На руке у него большой ценности кольцо с индийским изумрудом. Губернаторша тоже в парадном платье и на груди у нее прелестный тонкой работы "панделок" – жемчуг и бирюза в серебре. Прическа – распущенные волосы, на которых утвержден красный деревянный треугольник. В передних углах стороны надо лбом проходят две пряди, спускающиеся с углов как два конских хвоста. При губернаторше женщины, тоже принаряженные, – но точно в черных перчатках с надетыми поверх них кольцами. До того грязны их руки.

При входе нам подают рис и воду, которые мы бросаем в воздух в дар добрым духам. Садимся, и я разглядываю помещение. На домашнем алтаре, перед божественными изображениями, запертыми в стеклянных шкафах, горят огни в серебряных лампадах-чашах, стоят приношения богам, напоминающие европейские пасхальные столы. Не забыт даже ящик с какой-то выведенной в нем густой зеленой травкой. На самом видном месте почему-то стоит картонная свиная голова. Слуги разносят угощение, очень относительное. Это скорее отбытие церемонии, нежели настоящее хлебосольство, которого я в Тибете никогда не видел. Куда же гостеприимнее китайцы и монголы... Подается символическое кушанье – какие-то зерна, сваренные в сахаре. Кончок от имени губернаторов подносит Н.К.Р. громадную вазу со всякими сладостями и говорит большую речь-импровизацию. Н.К.Р. дотрагивается до вазы рукой, и сласти относятся на алтарь к богам, где и остаются.

После обмена любезностями мы прощаемся и отбываем в свой дзонг. Идем в легкой снеговой пурге, переходящей в дождь. Становится совсем холодно. Отовсюду несется действующий на нервы собачий лай, на фоне которого флейтой раздается визг пса, которому тибетец ловко дал камнем или кнутом с гирькой по лапе.

Вечером сидим за чаем в столовой, и течет круговая беседа. Мы говорим о характерных чертах отличия Востока от Запада. Восток, говорит Е.И., можно охарактеризовать как тунейдство и разложение; Запад – как стремление к тупому материальному благополучию. Общего у них то, что как Запад, так и Восток вошли в тупик, и тупик

безнадежный. И еще аналогия – как западные религии отошли от Христа, так ламаизм отошел от буддизма. Потом говорим об искусстве, и я вспоминаю, что немецкий художественный критик Риттер – сравнивает, говоря о "Парсифале", искусство Вагнера с искусством Н.К.Р.

23.II. Сегодня месяц, как экспедиция находится в Нагчу. Все-таки заметно становится теплее, хотя по утрам еще очень холодно. Духовному губернатору напомнили, что еще не пришли, согласно его обещанию, животные для каравана. Губернатор не отрекается от своего слова и клянется, что яки будут в срок, "три жемчужинами". То есть самым священным для каждого буддиста – основами учения Благословенного: Буддой, учением, или законом, и общиной. Впрочем, эту клятву тибетцы дают во всех случаях, совершенно не стесняя себя ее исполнением.

Очень красивы праздничные шапки в округе Нагчу. Вроде монгольских, с ушами, украшенными бирюзой. Верх из парчи, внутри мех. Кончок очень красочен в своем праздничном наряде. При зеленом подкафтаны на нем малиновый кафтан с длинными рукавами и подпоясанный красным кушаком. Он похож на новгородца XII века. "Удивительно, как костюмы состоятельных горожан похожи на старорусские одежды", – замечает Н.К.Р.

Получено известие, что из Чунаргена идет 70 яков. Остальные, вероятно, будут заменены носильщиками, по расчету – три человека вместо одного яка. И надо сказать, что люди с грузом ходят в Тибете лучше яков.

Ю.Н. занят дипломатической задачей – получить от губернаторов письмо, в котором было бы глухо сказано о маршруте, в том смысле, что экспедиция идет через Намру кратчайшим путем на Сикким. Вот именно необходима эта формула "кратчайшим путем". Это дало бы возможность сократить путь почти на две недели. Сами губернаторы намекают, что от Намру мы сможем идти тем путем, который нам будет желателен. Правительство, разрешая проход экспедиции на Сикким, в то же время возлагает по своему каверзному обычаю ответственность за все наши действия на губернаторов.

Насколько велика нищета тибетского народа, настолько велика состоятельность чиновников. Сама же страна необычайно богата ископаемыми ценностями, лежащими без разработки. Тибет ничего не разрабатывает, ничего не производит, и нищенство введено здесь в традицию. Часто бывали примеры, когда к нам подходил туземец, а чаще – старуха-тибетянка, и униженно вымаливали несколько шо, а потом оказывалось, что это вполне состоятельные люди. Что же сказать больше, если главный доход самого Далай-Ламы – подаяния паломников. Только что гражданский губернатор присылал просить у Н.К.Р. лошадь, чтобы поехать на освещение нового субургана, но не лошадь доктора, так как у нее обрезан хвост.

24.II. Третий день празднования тибетского Нового года. Нагчу расцвечен молитвенными флагами всех цветов, на которые сменены старые, выцветшие и обратившиеся в лохмотья. Над монастырем реют громадные желто-красные штандарты с острыми концами. Таким образом благочестивые ламаисты могут не заботиться о молитве, денно и ночью работают за них флаги, перед которыми задание делать это круглый год до следующего Нового года.

На крышах домов происходят какие-то колдовские операции с жертвенными приношениями и добрым, и злым духам одновременно. Бормоча заклятия, хозяйки

обливают водой стены своих мазанок. Наш дом украшен Кончоком зелеными и белыми флагами. На каждом штемпелем поставлен текст.

Н.К.Р. замечает, что тибетцы взяли, подражая дореформенному Китаю, только его отрицательные стороны, и это доказывает слабость потенциала Тибета. "До сих пор, – продолжает он, – не могу я привыкнуть к тому, что в каждом слове тибетца ложь. Впрочем, это, вероятно, считается самой тонкой формой политики".

Кончок поднес нам новогоднее кушанье. Рис с маслом и медовым сахаром. Но ели его только те, которые не видели приготовления.

Оказывается, рис был разложен на аргальном мешке, служащем одновременно и занавесью в апартамент Кончока, причем каждый входящий к нему посетитель вытирает об него или руки, или нос.

Вечером говорили о новой йоге, новой дисциплине духа, приуроченной к современному состоянию нашей эволюции. Тогда как прежние йоги требовали уединенных мест и полного душевного покоя при упражнениях – новая йога должна разрабатываться в самой сумятице жизненной битвы. Целью ее является непосредственное развитие духовных центров человека, совершенно не известных науке Запада и называемых на Востоке "лепестками лотоса". Эти центры связаны с евангельскими духовными дарами. Но кто же смотрит теперь на Евангелие как на точную духовную науку, преподанную Христом. Начало йоги каждый ученик должен пройти сам, и совершенно самостоятельно. Дальше у него всегда является Учитель, который следит за работой неофита. Когда ученик уже достаточно продвинут на пути йоги, начинается период работы, сопряженный с большой опасностью, так как может произойти воспламенение центров. Являясь свидетелями опытов Е.И. и ее достижений в области агни-йоги, в самых тяжелых условиях пути, мы можем сделать сопоставление с такими же замечательными достижениями Е.П.Блаватской, которые и той доставляли подчас мучительные физические страдания.

Йога, производящаяся в исключительно жизненных условиях, несомненно, тяжелее духовной работы мирного сосредоточенного отшельничества. Задачи нынешнего периода эволюции, как я уже говорил, требуют перенесения мощи сосредоточия в подвиг жизни. Достигший высот духа должен в числе своих пяти знаний иметь и какое-нибудь ремесло. Достигать следует одновременно и головой, и руками. В религиях, главным образом, должны быть освещены не отвлеченности, а их практическая сторона, которой учили все великие Учителя. Притчи о евангельских талантах и виноградарях – указывают именно на эту практическую сторону в духовной работе человека.

25.III. Е.И. больна и не выходит. Ее стараются оберечь от всяких волнений. Очень плохо обстоит с продовольствием. Мясо недоброкачественно, и свежего достать нельзя. Масло такое, что приходится зажимать нос. Молоко в стадии разложения. Даже лошади плохо усваивают тибетский ячмень, и решено перевести их дачи на горох. Туземцы мелют на двух ручных жерновах мелкий сероватый горох. Мельницы – примитивы каменного века. Наряду с грязью и оборванностью работающих на них крестьянок, у одной – чудное ожерелье из бирюзы, нежной и чистого цвета. И каждый камень – в половину разрезанного воробьиного яйца. Оправа серебряная и очень тонкой работы.

В свое время были посланы Н.К.Р. письма военному министру и герцогу Дорингу в Лхасу, с просьбой содействовать продвижению нашей экспедиции. Обоих Н.К.Р. лично знал по Сиккиму. Письма эти точно канули в воду, и ответов на них нет. Интересен отзыв одного

из видных деятелей и дипломатов Тибета, духовного губернатора, по этому вопросу. "Видите ли, – сказал он, немного подумав, – надо большое сердце, чтобы говорить по вашему делу в совете министров, а у того и другого сердца маленькие". "Настал психологический момент для Тибета, – говорит Н.К.Р., – и наш инцидент – кульминационный пункт. Так начинаются обычно все пожары, освещающие истину". И добавляет: "Священная страна! Не в механизации же религии эта священность, не во флагах же с молитвами, не в молитвенных колесах с часовым механизмом". Следует отметить, что четки вообще служат у тибетцев для расчетов, а молитва передана тысячам поворотов водяного колеса или хлопаньям по ветру флага с надписью "Ом мани падме хум". Н.К.Р. говорит, что на Тибете узнает свою картину "Каменный век". Стоило ли, говорит он, проходить миллионам лет существования планеты или двум тысячам нашей эры, чтобы существовал такой примитив, как Тибет.

Двор полон увязанными тюками и сундуками. Приятно смотреть на них и сознавать, что скоро мы тронемся в далекий и приятный путь из грязи и миазмов Нагчу.

26.II. Пришли два солдата, состоявшие при нас, – проститься. Они уезжают к хорчичабу. Получив подарки, они, забыв воинские салюты, радостно высовывают языки.

С каждым часом должны появиться яки для транспорта. Вечером Н.К.Р. говорит о Христе и о том пробеле лет Его жизни на земле, который не указан в Евангелии. Интересно, что в Ладаке, около города Ле, хранится в монастыре Хеми среди других ценностей документ о жизни и страданиях Христа и о том, что Он посещал Индию. Миссионер, живущий в Ле и, между прочим, жаловавшийся, что совершенно не имеет успеха у закоснелых в "язычестве" туземцев, пришел в совершенную ярость при упоминании о возможности пребывания Христа в Индии. "Он никогда не был в Индии, Он был в Египте", – утверждал миссионер, хотя данных для этого не мог привести. Ему, как и другим, совершенно неизвестно, где был Христос от 12 до 30 лет. Приходилось слышать и другую версию, что в это время величайший Учитель духа работал в столярной мастерской в Иерусалиме. И почему для некоторых людей более обидно предположение, что Христос был в Индии и на Гималаях, нежели то, что Он был в Египте или 18 лет был столяром. И курьезно, что если спросить по этому вопросу "компетентных" лиц, то ни одно из них не ответит чистосердечным: "Не знаю". Они все знают. Между прочим, магометане, почитающие Христа за великого пророка, прилагают все усилия, чтобы добыть из Хеми вышеупомянутый документ. Есть в Ле еще интересные данные по этому вопросу. От поколения к поколению переходит название пруда около Ле. Он именуется "прудом Иссы". Здесь, по преданию, проповедовал Христос, под сенью громадного дерева, перед своим уходом в Палестину. Деревя уже нет – но пруд существует. Разве во всем этом есть умаление Христа или расхождение с Евангелием. Возникает вопрос, мог ли вообще Христос быть в Индии? Никто не отрицает путешествия Аполлония Тианского из Греции в эту страну, как об этом говорит его ученик Дамид. Почему такое путешествие не могло быть предпринято из Палестины во времена Христа, когда последняя была соединена с Индией общеизвестными караванными путями, а еще раньше была построена дорога Александром Македонским с побережий Малой Азии. Вспоминается, какую бурю негодования вызвала в печати записка Н.К.Р. об этих самых фактах. Интересна не столько рукопись, находящаяся в монастыре Хеми, время создания которой и происхождение трудно установить, – сколько значительно предание, переходящее из уст целых поколений к другим. И это предание должно обратить на себя внимание каждого непредубежденно мыслящего человека. Н.К.Р. называет предубеждение – черными очками.

Сегодня перед нами открылась новая страница нравов Тибета. Явился майор и, сообщив, что яки прибывают, спросил Н.К.Р., не угодно ли ему будет передать что-либо хорчичабу. Н.К.Р. просил его передать, что очень благодарит генерала за задержание в 140 дней. Во время разговора Кончок принес тибетских угощений и чая, которым усердно потчевал майора, и тот залпом выпивал одну чашку за другой. Но чай был какой-то мутный, а после каждой чашки майор странно щелкал языком. Оказалось, что это не чай, а водка, которая неожиданно развязала язык нашего гостя. И выяснились любопытные данные, о которых мы не подозревали. Оказывается, что непосредственно перед нашим приездом на Чунарген у хорчичаба был гражданский губернатор, и у них по нашему делу состоялось соглашение о нашем пропуске в Нагчу. Но губернатор духовный будто бы создал между обоими какое-то несогласие, и следствием его было наше задержание. Письмо с благожелательным о нас отзывом было будто бы действительно послано генералом в Лхасу – но гонец-солдат бесследно исчез вместе с письмом в пути. История с гонцом напоминает самые мрачные времена средневековья, и становится подозрительным желание духовного губернатора скупить все наше оружие. В своем рассказе майор чернит духовного губернатора, но в общем ругает и гражданского, прибавляя, что у последнего не одна, а три души. "Я слышал о людях двоедушных, – улыбается Н.К.Р., – но о людях троедушных слышу в первый раз". Майор, выпивая чашки, которые с хитрой усмешкой подливает ему Кончок, продолжает раскрывать тайные ходы тибетской дипломатии, и запутанный клубок лжи становится таким, что его невозможно распутать. Ясно только, что вокруг экспедиции плелась сложнейшая интрига. Наше задержание майор считает весьма отрицательным действием властей, но обрывает свои дальнейшие разоблачения, так как он солдат, ничего не знает и привык идти прямыми путями, что вызывает общую улыбку, после того как Ю.Н. переводит нам слова уже сильно пьянеющего воина. Следующая чашка опять развязывает майору язык, и он ругает духовного губернатора, с некоторой, впрочем, осторожностью. После этого его спрашивают, переслал ли он генералу все наши письма и медицинское свидетельство, – следует положительный ответ, после которого, точно сорвавшись с цепи, майор начинает ругать своего прямого начальника, генерала. Ю.Н. говорит, что это целые ушаты помоев. Это производит особенно неприятное впечатление. Необычно, чтобы офицер так беззастенчиво при иностранцах и свидетелях ругал своего начальника. В конце концов, не разберешь, где майор говорит правду, а где он отчаянно лжет. Уже совсем ословелый, майор говорит, что никто не приезжал от генерала в Шингди, а какой-то самозванец произвел таможенный осмотр каравана, после чего бесследно исчез. То же обстоятельство, что на другой день за нами были присланы от генерала два офицера с предложением ехать в ставку... он совершенно отрицает. Но ведь это происходило на глазах всех, офицеры не были призраками, а живыми людьми, которые нас довели до самой ставки, причем один находился первые дни при нашем лагере в Чунаргене. Дальше майор уже мало что понимает. Кончок берет его под руку и с хохотом выводит на улицу. Майор, пошатываясь, идет по пустырю и исчезает между домами.

Вечером Н.К.Р. был у губернаторов. Туда же прибыл и майор, зарядившийся на ночь, то есть совсем пьяный. Произошла ссора майора с гражданским губернатором, чуть не окончившаяся избиением последнего. Это была отвратительная сцена, на которую с интересом смотрел духовный губернатор и смеялся своим детским смехом.

Но в общем, как заметили Н.К.Р. и Ю.Н., – у администраторов Нагчу не все благополучно. Какие-то данные заставляют их чувствовать себя не в своей тарелке. Келейно мы утром узнали от чиновника, полукитайца, держащего себя с превосходством перед тибетцами, что из Лхасы пришел новый приказ произвести расследование о нашей задержке. Майор

высказался, что вообще желает уехать, то есть, попросту говоря, удрать. Такое впечатление, что, по тибетскому обычаю, в случае грозы из Лхасы более важные чиновники отыграются на нем и, свалив на него всю вину, — сделают козлом отпущения. И еще не ясно — сумел ли он достать яков, которых еще нет и в помине.

Во время пребывания Н.К.Р. у губернатора на дворе происходило наказание вора, приговоренного к 50 ударам. Ю.Н. прислушивается через окно к спору. Идет торговля, после которой преступник ложится. Сговорились на 30. Во время экзекуции вор отчаянно кричит, и в крике можно ясно разобрать: "Ом мани падме хум" — "О Ты, драгоценность в лотосе". Благочестивый Тибет...

Как странно, что губернаторы порознь все время указывают на возможность продвижения нашей экспедиции на Лхасу. Непонятно, в чем тут соль. Есть слух из управления дзонга, что если не придут майорские яки — то нам предложат идти на Лхасу. Сроком ставится 9.III. Но это, очевидно, способ оттяжки времени. Конечно, губернаторам было бы очень не с руки наше прибытие в Лхасу и сообщение о наших злоключениях если не самому Далай-Ламе, то членам девашунга, среди которых, как им известно, у Н.К.Р. есть знакомые.

28.II. Уже несколько дней стоит облачная холодная погода. Только изредка из туч проглядывает яркое жгучее солнце. В общем не холодно, исключая несколько утренних часов.

Сегодня Н.К.Р. посетил гражданского губернатора, и я пошел вместе с ним и Ю.Н. Живет он домовито и довольно уютно в отдельной усадьбе на краю Нагчу. Он как будто и гостеприимнее других. Разговор начался с того, что губернатор поздравил Н.К.Р. с особым расположением Далай-Ламы и с тем, что едет гонец, везущий нам разрешение самого прямого пути. На указание, что майор как будто отлынивает от того, чтобы достать яков, которых старшины ему просто не дают, губернатор ответил, что Н.К.Р. такой большой человек, что может велеть наказывать майора палками, но советовал на заседании не очень нападать на майора, а говорить одинаково резко со всеми, начиная с духовного губернатора, во что бы то ни стало требуя яков. У губернатора сидит монах. Вероятно, друг или духовник, которого он совсем не стесняется. Судя по выражению хитрого лисьего лица, губернатор прекрасно настроен и приправляет беседу какими-то дьявольскими ужимками. Потом идем к его духовному коллеге. Он очень серьезен, но поражает нас полной неожиданностью. Еще вчера говорил он о кратчайшем пути, который мы могли бы пройти с наименьшим количеством яков, — а теперь отказывается от сказанного. Он никогда не думал говорить об этом. Н.К.Р. гневно говорит губернатору, чтобы яки были в срок, и уходит, не прощаясь с растерянным тибетцем.

До сих пор дневники путешествий по Тибету обычно касались географии, этнографии и политических соображений — а теперь, замечает Н.К.Р., благодаря нашему насильственному задержанию, нам пришлось изучить его быт с человеческой точки зрения, и перед нами встала страшная гримаса гниющего трупа Тибета. Каждый день чиновники отказываются от слов, сказанных накануне, и всюду ложь. Н.К.Р. опять говорит, до чего его утомляет это лганье, это вечное изворачивание тибетцев.

Так или иначе — наш выход из Нагчу обещан губернаторами на 1 марта. Но как можно верить людям, каждое слово которых сплошная ложь. Теперь майор — козел отпущения у губернаторов, которые забыли, что приказ о сборе яков выдан ему под их печатью. Кончок, хотя и был навеселе, сказал, что прошлое заседание у губернаторов — "шутовское зрелище". От него идет слух, что действительно пришла из Лхасы бумага, чтобы было

наряжено следствие по вопросу нашего задержания.

Портнягин доложил сегодня Н.К.Р., что фураж на исходе и кормление лошадей становится очень трудным. Очевидно, в окрестностях уже трудно доставать зерно, несмотря на распоряжения властей.

Н.К.Р. опять приглашен к губернатору. Мы сидим с Е.И. и беседуем о достижениях духа. "Мы живем идеалами великих Учителей", – говорит она, и мне приходит в голову, не связано ли это с учением о благодати. Могучие мыслеформы основателей религий имеют непрекращающееся и неиссякающее действие.

Возвращается Н.К.Р. Кончок был прав. По словам губернатора, от Далай-Ламы действительно получено предписание произвести дознание и запрос, почему была задержана экспедиция и допущен падеж животных. Губернатор обвиняет во всем хорчичаба и майора, служебная карьера которого, вероятно, уже закончена. В письме из Лхасы есть указание, что экспедиция пришла в Чунарген самовольно, не дожидаясь разрешения, а также – что от генерала не было получено никакого письма о нашем прибытии. Запрошены и наши показания. В общем, каша заварилась и, возможно, не без участия и содействия герцога Доринга и генерала Царонга.

Губернатор – воплощенная любезность. Он опять сказал, что считает, что наш маршрут будет или кратчайшим путем от Нагчу на Сикким, или прямо на Лхасу. От последнего – Н.К.Р. категорически отказался, к великому удивлению губернатора, но сказал, что если вовремя не будет яков, то на этот раз его терпение истощится. Губернатор ответил, что во всем виноват майор и он предлагает передать его нам связанным для доставки в Лхасу.

Через губернатора передано письмо для Далай-Ламы. В нем сказано, что Миссия Западных буддистов шла в Тибет, чтобы предложить Далай-Ламе возглавить и их, слив как Восток, так и Запад в одно целое. Она везла подарки и орден Будды Всепобеждающего, а также 500 тысяч нарсангов (около 160.000 американских долларов)* на монастыри. Но Далай-Лама даже не выслал никого для приема миссии. Теперь поручение Н.К.Р. окончено, Глава Западных буддистов выбран и поток учения свободно течет на Западе.

29.II. Теплая туманная погода. К 10 часам утра облака расходятся и проглядывает солнце. Яки из Чунаргена еще не пришли. Доньер приходит и просит Н.К.Р. к губернатору. Сегодня должен произойти серьезный разговор с тибетцами, и Н.К.Р. предупредил, что желает, чтобы присутствовали оба губернатора и майор, который систематически не исполняет то, что ему поручено.

Мы приходим, и духовный губернатор любезно приветствует нас. Майор тут же, он сумрачен и водит усами. Гражданского губернатора еще нет. Кругом молчаливо стоят чиновники. Слуги разносят чай. Проходит некоторое время, которое все пребывают в молчании. Духовный губернатор предлагает начать переговоры, но Н.К.Р. говорить отказывается до прибытия гражданского губернатора. Мы не уверены, действительно ли только опаздывает он, или это опять какой-нибудь фокус по сговору обоих администраторов. Спешно посылается посланец за старой лисицей. Время идет. Н.К.Р. указывает, что необходимо послать еще доньера. Губернатор говорит несколько слов, и отправляется второй посол. Наконец, через дверь просовывается опоздавший губернатор. Он хитро улыбается, кивает головой и усаживается на тахту. Торжественно передает обеими руками духовный губернатор пропуск на юг Н.К.Р. и прибавляет: "Теперь вы

можете ехать, когда хотите. Путь перед Вами открыт". Духовный губернатор многозначительно играет четками и усмехается. Главного для отъезда нет – яков. Ю.Н. прочитывает и переводит пропуск. Он дан в "величественном снеговом дворце". Тибетцы любят пышные названия, и так официально назван грязный дом губернатора. Потом все превращаются во внимание и слушают Н.К.Р., речь которого переводится Ю.Н. фразой. Н.К.Р. указывает, что экспедиция задержана уже шестой месяц. Несмотря на то что Далай-Ламой дано разрешение на наше продвижение на Сикким и что правительству уже сообщено, что завтра мы трогаемся в путь, яков нет и не видно, когда они будут. Пока мы получаем одни обещания, которые не исполняются, и его терпение лопнуло. Майор, которому была поручена доставка животных, – ничего не сделал... Так или иначе, Н.К.Р. не желает больше оставаться ни одного дня в Нагчу. Потом он категорически требует, чтобы указан был окончательный срок нашего ухода. Когда?

Между тибетцами смятение. В голосе Н.К.Р. строгие ноты, и голос звенит металлом. Духовный губернатор как-то робко предлагает вызвать из монастыря гадателя. Но Н.К.Р. говорит, что в данном случае гадания ни при чем. Губернаторы просят Н.К.Р. подождать прибытия яков еще 4 дня. Обращаются к майору, и он дает слово, что в этот срок яки будут. Но Н.К.Р. отклоняет всякое промедление, а майору приказывает перевести, что не может базироваться на его слове, так как последний уже столько раз проявлял самую бесстыдную и беззастенчивую ложь. Ю.Н. переводит слова Н.К.Р. майору и еще поясняет ему, что несмотря на тот срок, который был ему дан, – он ничего не сумел сделать. Майор вдруг возвышает на Ю.Н. голос и начинает, судя по тону, быть грубым. За эти дни он окончательно потерял под собой почву и, как это обычно бывает с наглыми людьми в этих случаях, – показывает всю низость своей натуры. Духовный губернатор с непроницаемым лицом слушает диалог Ю.Н. и майора. А гражданский смеется беззвучным, чисто дьявольским смехом, очевидно глумясь над взбешенным, фыркающим, как рассерженный кот, – майором. Чувствуется, что он понимает себя вне игры и наслаждается разворачивающимся перед ним спектаклем. И чем больше горячится и запутывается майор в своих малоудовлетворительных аргументах защиты – тем больше беззвучно хохочет губернатор. Н.К.Р., видя дерзость майора по отношению Ю.Н., строго указывает духовному губернатору, что он не допускает подобного поведения младших чинов перед собой и членами экспедиции и требует, чтобы он немедленно поставил на место дерзкого майора. Тот успокаивает майора, и он замолкает. Но потом майор опять вспышивает и начинает так грубо говорить с Ю.Н., что Н.К.Р. распоряжается передать ему, что всякое его оскорбительное слово будет записано и сообщено как его правительству, так и в Америку. Это отрезвляюще действует на майора, и он замолкает. Дальше к нему больше никто не обращается. Н.К.Р. еще раз указывает губернаторам на грубость майора и на то, что ему придется ответить за свое поведение. После некоторого молчания, с улыбочкой, издали начинает речь гражданский губернатор. Он говорит, что раз Н.К.Р. так долго ждал, то, может быть, согласится подождать еще немного. Что же касается уже сообщенного, но не состоявшегося дня отбытия экспедиции, – то правительству можно дополнительно сообщить другой день... Ю.Н. переводит, а гражданский губернатор вынимает из-за сапога нож и начинает сосредоточенно точить его о блюдечко.

Н.К.Р. отвечает, что появление яков из Чунаргена настолько проблематично, что основываться на этом для дальнейшего ожидания совершенно невозможно. Майор вмешивается в разговор и доходит до предела лжи, утверждая, что мы пришли в Чунарген без всякого приглашения со стороны генерала, что это было сделано нами самовольно, что нас никто к хорчибабу из его офицеров не провожал и что он имеет во свидетельство этого – письмо от самого генерала. Тут же один из доньеров и Кончок свидетельствуют,

что слова майора, от первого до последнего слова, ложь и нас сопровождало два офицера, которых они лично знают. Но майора ничто не может смутить, и он поворачивает дело иначе. Приезжал сержант, бежавший с женщиной из ставки и хотевший купить в лагере экспедиции лошадей. Но ложь опять срывается, свидетели указывают, что оба офицера довели нас до самой ставки генерала, чего бы не сделал дезертировавший с дамой сержант. Тогда майор истерически кричит: "Так идите же в Лхасу, возьмите с меня письмо, что я во всем виноват. Теперь мне все равно – вяжите меня". И показывает многоречивым жестом ладони на свое горло. "Вот вы пришли, и все мы разрушены", – добавляет он и замолкает. Так как 70 яков уже обещаны губернаторами из района Нагчу, то Н.К.Р. вновь указывает на бесстыдную ложь майора и потом говорит, что он желает вместо яков из Чунаргена – получить еще 70 животных иждивением губернаторов из того же района Нагчу. Губернаторы коротко совещаются, после чего гражданский покидает заседание, дабы переговорить с находящимися тут же старшинами.

Воцаряется молчание, которое прерывает майор. Он советует духовному губернатору переменить своего гражданского коллегу и начинает ругать последнего без всякого стеснения перед доньярами, иностранцами, из которых один говорит по-тибетски, как тибетец, и слугами. Дальше оба начинают ругать генерала, причем духовный губернатор, обращаясь к Н.К.Р., сообщает, что то, что генерал говорил о своем непосредственном сношении с Далай-Ламой, наглая ложь, так как ни один чиновник, какого бы он ранга ни был, не имеет права обращаться к желтому папе иначе как через девашунг. "Когда я был простым монахом, – говорит губернатор, – я часто общался с Далай-Ламой. Но теперь, как чиновник, на это уже не имею никакого права". Майор вмешивается в беседу и присовокупляет, что генерал совсем не генерал, но только на один чин старше его, майора. Очевидно, майор уже забыл, как титуловал еще так недавно своего прямого начальника и что он о нем говорил. Эта забывчивость, переплетенная с ложью, – характерный признак спившегося дегенерата, лучше которого тибетское правительство никого не нашло, чтобы прикомандировать к нам.

Н.К.Р. вновь поднимает вопрос о своих требованиях и указывает, что они являются только справедливыми. На это духовный губернатор отвечает, что совершенно согласен с Н.К.Р. и ничего не может сказать против. Вообще, за эти последние дни духовный губернатор очень серьезен, видимо озабочен и не знает, как подчеркнуть свою любезность. Очевидно, он больше других чувствует, насколько ответственно его положение. Разговор замолкает. Губернатор и майор говорят между собой о прошлом и утверждают, что не Тибет был под властью Китая – а Китай под духовным протекторатом Тибета. Это уже такая наглость, после которой трудно идти дальше. Ю.Н. переводит нам, и Н.К.Р. смеется над наивным высокомерием тибетских дикарей.

За нашей спиной звенит серебро. Идет непрерывный счет денег губернаторшей, которой слуги приносят мешок за мешком долларов.

Наконец, возвращается гражданский губернатор. Он переговорил со старшинами. Яков можно достать, но только через несколько дней. Н.К.Р. сначала протестует, но видя, что, с одной стороны, другого выхода нет, а с другой – что как будто вопрос уже переходит в реальность из царства обычной лжи, – соглашается, но при этом требует письменной гарантии губернаторов, что яки действительно будут доставлены в указанный срок. Духовный губернатор говорит, что берет все на себя и отвечает за то, что обещанные яки явятся в срок, но все же Н.К.Р. заставляет его выдать письменное удостоверение – что губернатор и выдает, несмотря на то что это ему очень неприятно. Все-таки несколько

дней мы будем ждать. Майор хохочет насмешливым хохотом из-за спин доньеров... но следует сказать, очень негромко. Духовный губернатор бросает в его сторону грозный взгляд.

Теперь все улажено, и Н.К.Р. собирается уходить. Но чиновники просят его подождать прихода старшин. Почему? Оказывается, необходимо, чтобы старшины видели нас, иначе они не поверят, что яки, а особенно зерно предназначаются для экспедиции, в чем, не видя нас, они могут усомниться. И это заявление недурно для тибетских чиновников... Очевидно, денежные расчеты с властями делают крестьян осторожными. Потом духовный губернатор берет календарь и ищет счастливое число для нашего отправления из Нагчу и находит 7.III – Ю.Н. настаивает на 5.III, что вызывает замечание гражданского губернатора, что мы не верим в счастливые дни.

Дальше возникает спор с духовным губернатором, который привожу в форме диалога.

Духовный губернатор: "Вы не настоящие буддисты, так как не признаете счастливых дней, а значит, и тибетский Новый год, как самый счастливый день в году".

Ю.Н.: "Ваш Новый год не буддийский, а попросту китайский".

Дух. губ.: "Вы не употребляете четок".

Ю.Н.: "Мы не употребляем их, как вы, – для коммерческих расчетов".

Дух. губ.: "У вас нет обычая крутить молитвенные колеса".

Ю.Н.: "Если мы молимся, то молимся сами, а не поручаем своих молитв неодушевленным предметам".

Духовный губернатор замолкает. В это время открывается дверь и в комнату, почтительно согнувшись, вбегают старшины, являя собой какой-то грубый примитив из средневековья. Черные, всклокоченные, они складывают руки точно на молитву, высовывают языки и, не разгибаясь, остаются в позе почтительного поклона. На все, что говорят им губернаторы, следует один ответ: протяжное, в нос, гнусавое "лалес", то есть "слушаюсь". Но это только одна видимость, ритуал, не больше... Наконец, все решено. Быстро, как вбежали, выбегают старшины, мелко стуча ногами в мягких кожаных сапогах-чулках. Мы прощаемся и подаем руку губернаторам, обходя майора без рукопожатия.

По прибытии домой нас уже ждут старшины. Хотя они очень вежливо себя держат, подобострастия в них нет. Очень быстро решаются денежные и другие вопросы, а также час и день прибытия животных. Они высовывают языки и уходят. Все решено, и теперь мы уверены, что 5.III покинем надоевшее до смерти Нагчу. Вместо эфемерных яков майора мы строим свой уход на получении настоящих яков от старшин округа Нагчу.

1.III. Туманный день. Днем поднимается ветер и разгоняет тучи. Получаем сведение о подходе яков из Чунаргена через два дня. Этим больше никто уже не интересуется.

Вечером прогуливаемся с Н.К.Р. перед воротами и говорим о Шекспире, о том, сколько версий существует о действительном происхождении его сочинений. Так мало прошло, говорит Н.К.Р., со времени его жизни, и уже истина затуманена. А если подумать о тех изменениях, которые происходили с религиями в течение тысячелетий.

2.III. Трудна борьба, ведомая за каждый мешок ячменя, за каждого барана или горсть

аргала. Доставать все это ужасно трудно, несмотря на то что уплата идет чистым серебром. Но курьезней всего, что продукты, продаваемые казной через губернаторов со скидкой, – гораздо дороже тех, которые продаются нам, правда, под сурдинку, из лавок.

3.Ш. Сегодня происходило прощание с губернаторами. Оканчивается 155-й день изучения нами внутренней жизни Тибета. Тибета, который принял на себя показаться нам именно в этом виде, а не в другом.

Как резюме, говорит Н.К.Р., можно отметить следующую картину отношений чиновников к событиям, связанным с нашей экспедицией. Майор чувствует, что дело его проиграно и ему не миновать серьезного наказания. Гражданский губернатор опрометчиво считает, что он во всем деле ни при чем, и для него вся история кажется чем-то удивительно забавным. Духовный губернатор чувствует, что дело пахнет чем-то очень серьезным, и, взяв на себя организацию нашего нового каравана, думает, что становится в такие хорошие отношения с иностранцами, которые гарантируют его от дальнейших неприятностей, связанных с разборкой правительством дела о том, кто был причастен к нашему инциденту, поднявшему бурю в Лхасе.

4.Ш. С вечера старшины распределяют грузы между людьми своих кланов. Подошли яки, и их с вечера расположили длинными линиями вокруг дома. Часть грузов уже находится на руках туземцев, другая еще во дворе, и при ней два стража с мечами. Надвинулась ночь, и после шума и возни наступила тишина. Завтра на рассвете мы покидаем "величественный снежный замок Нагчу" с его грязью, губернаторами, аргальным дымом и дикими собаками. Рано расходимся, я иду в свою палатку и долго еще прислушиваюсь, лежа в кровати, то к говору тибетцев за стеной, то к крику ночной птицы. "Парвуа" ... зовет тибетский голос кого-то из сторожей... "Парвуа", и на этом я засыпаю.

5.Ш. Темно, холодно, когда мы просыпаемся. Все оживлены и бодры, всех тянет в путь. С нами идет около 50 туземцев и 150 яков. При экспедиции находятся два доньера-чиновника от губернатора и проводник. К 8 часам утра все готово. Ю.Н. сообщает, что майор не желает принимать письма, адресованного генералу, своему прямому начальнику, если ему не будет сообщено содержание письма. Письмо будет препровождено при посредстве британских властей тибетскому правительству для хорчичаба, с прибавлением описания деятельности и поведения майора, последняя дерзость которого взорвала Н.К.Р. и всех нас.

И сразу все забывают о майоре. Мы садимся на лошадей, и с чем сравнить радостное чувство сознания, что мы уходим. В трех группах двигаются яки транспорта, потом 5 оставшихся из 32 верблюдов, конский табун под присмотром торгоутов и наша конная группа. Большинство наших лошадей идет без всадников, чтобы дать им окрепнуть, мы же едем на тибетских лошадаках, оседланных нашими седлами. Перед Н.К.Р., едущим, по обыкновению, впереди, развевается американский флаг. За Н.К.Р. едет Е.И. и мы. Цепочку замыкает доктор, нежно зовущий приبلудшую собаку, которой было дано имя "Регату" – вероятно, потому, что приобретение ее не стоило ни гроша. Мы проходим через Нагчу. То здесь, то там нас приветствуют. У ворот монастыря стоит кучка монахов в своих вишневых плащах и плоских фригийских колпаках, одетых чуть набок. Проходим пустырь, затянутый едким аргальным дымом. Хрипло лают на нас собаки. Поселок кончен, и мы спускаемся на реку. Монголы, которые возвращаются обратно на Цайдам, посыпали лед песком, чтобы не скользили лошади, и ждут нас. Сердечно прощаемся с бывшими спутниками и переходим реку. С нами идут Кончок и три торгоута. Солнце сильно греет, небо чисто, и ветра нет. Перейдя реку, поднимаемся на крутые холмы, по которым вьется тропа на

Намру. Нежный голубой цвет неба, на котором вырисовываются зубчатой грядой Трансгималаи, недавно только открытые и занесенные на карту Свеном Гедином. Они белые, снежные с легкими синеватыми тенями. Е.И. выезжает вперед. По сторонам ее лошади проводник и конюх. Немного впереди молодой тибетец с развевающимися по ветру черными волосами. В одной руке у него цепь, на которой рвется вперед подаренный губернатором пес Каду. В нем что-то дикое, волчье. Тибетец в сером кафтане, спущенном с обнаженного бронзового плеча, и с мечом за поясом... это опять картинка из средневековья.

Снегу еще много, но всюду проталины. Видно много трупов скота, павшего зимой в бескормицу. Ни людей, ни зверей не видно. В высоте реет орел. Мы опять идем пустыней, чувствуешь, что опять путешествуешь, и это сознание наполняет радостью. Идем параллельно цепи холмов, над которыми во всю длину протянулось мрачное красно-туманное облако. Проходим виднеющийся вдали дзонг, окруженный стенами с приземистой сторожевой башней, расположенный в центре громадной долины, окаймленной по всему горизонту горными цепями. Потом проходим несколько аилов, около которых туземцы придавливают к земле и без того привязанных злобно рвущихся на нас знаменитых тибетских собак. Пройдя километров 30, останавливаемся около аила в ожидании транспортов, пошедших по другой дороге. Поднимается ветер, становится холодно, и радостно приветствуются показавшиеся вдалеке верблюды. Быстро разбиваются палатки, и через полчаса поспекает обед. Холодные котлеты и чай с леденцами. В лагерь приходит молодой лама, местный духовник, спрут, живущий на иждивении населения, и полный невежда в духовных вопросах. Не больше его познания и по географии. Он утверждает, что если идти большими переходами, то до индийской границы 5 месяцев пути. Спадает ветер. Вечером чудный закат – точно зарево пожара с клубящимися над ним серо-дымчатыми облаками. На юге вырисовывается цепь Трансгималаев, серебристо-белая с розовыми бликами на фоне темно-персикового цвета неба.

6.III. Как всегда в пути – встаем рано. В небе на западе полный диск месяца, а восток уже бледно окрашивается светом. Понемногу темно-синие облака делаются, клуб за клубом, – сначала розовыми, фиолетовыми, а потом становятся золотыми с серыми тенями; в отзвук им розовеют снежные Трансгималаи. Красота гор поразительна. В ней разворачивается какая-то немая поэма, какая-то сказочно-прекрасная легенда...

Н.К.Р. приказывает тщательно распределить грузы, с тем чтобы по приходе на место остановки было бы сразу все, что необходимо. С трудом удается разбудить доньеров и заставить их работать. Один, впрочем, сразу понимает свое положение и начинает весело работать. Другой – принципиальный лентяй и всячески старается спрятаться от дела. Впрочем, Портнягин быстро приводит в порядок и его.

В 8 часов утра двигаемся обычным порядком. Идем равниной между высокими холмами и входим в долину реки, которая, как и большинство тибетских рек, называется Цангпо. Долина кочковатая и летом болотистая. Теперь она скована льдом. Всюду снег. Под Е.И. упала лошадь, но падение обошлось совсем благополучно.

Вчера доньеры завели нас километров на 15 в сторону. Сегодня их вообще не видно. На дороге поставлены белые палатки, которые обычно ставятся проезжающим нотаблям. Около них ожидает группа туземцев, издали высматривающих языки. Это встреча, устроенная на основании повестки губернаторов, которую везет гонец на один переход впереди нас. Но так как останавливаться еще рано – то мы проходим мимо. Со всех

сторон сдвигаются горы и амфитеатром окружают узкую долину, по которой идет наш караван. Около 12 часов дня поднимается ветер, резкий, нестерпимо холодный, как всегда на Чантанге.

Около 2 часов дня останавливаемся у места, где опять поставлены для нас палатки и ждут тибетцы. Разбиваем свой стан, предоставляя слугам приготовленные нам палатки. Любопытствующие туземцы окружают невиданное зрелище и даже набиваются в шатер Е.И. Ни доньеров, ни Кончока нет... но старший торгоут берет кнут и, взмахнув им, кричит несколько тибетских слов, после которых надоедливые и дурно пахнущие туземцы исчезают, как тени. Выясняется, что доньеры не прибыли, потому что население не пожелало выполнить повинности и снабдить их лошадьми, как обычно выказав ненависть к чиновникам. Они появляются поздно – один пешком, другой на нашей заводной лошади. Несмотря на то что мы лишь второй день в пути, доньеры уже начали свои тибетские проделки – явившись к Н.К.Р., они докладывают, что яки так устали, что им надо дать день отдыха. Когда Ю.Н. рассказывает, как доньеры завели нас с дороги и пришлось поэтому идти глубоким снегом назад, утомив даром лошадей, – старшины выразили свое удивление, сказав: "Зачем вы слушали доньеров – мы их никогда не слушаем". Н.К.Р. решает идти вперед, пользуясь исключительно указаниями проводника.

В 4 часа поднимается ветер. Он рвет наши палатки, сбивает их и вырывает кольца с веревками. Вместе с туземцами выбиваемся из сил, крепя и поднимая палатки. Но несмотря на резкость холодного ветра, градусник показывает -2° С. Вечером с юга надвигается не то туман, не то туча отдаленной песчаной бури, при сильном ветре, и проходит стороной.

7.III. Местность Патра. Ночью разыгралась буря. Вой, свист ветра. Палатки парусит, и лопаются веревки. Спать невозможно. Наблюдаю странное явление: на $\frac{3}{4}$ или $\frac{1}{2}$ минуты ветер падает и наступает полная тишина... и новый порыв бури обрушивается на лагерь. Перед восходом солнца ураган несколько слабеет, но через час бушует с новой силой и становится уже нестерпимым. Проходимая нами область Тибета так и называется "страной вихрей". Не будь ветра, погода была бы прекрасной, теплой и совершенно весенней. Но это было бы только кажущимся благополучием. Разойдись речной лед, оттай болота, и наш проход на Индию – стал бы сомнительным или, во всяком случае, необычайно трудным. И плохое имеет часто прекрасную сторону.

Двигаемся в путь. Слева от нас Трансгималаи, справа – гряда больших холмов. Местность пустынная и бесплодная. Расширяющаяся долина скрашивается системой озер, покрытых ледяными панцирями. Самое большое из них Намар-Пинзо.

Ветер буквально рвет с седла, пронизывает до костей и леденит лицо. Не знаешь, как спрятаться и съежиться от его ужасного дыхания. И думается, какое было бы облегчение иметь его со спины... Лошади идут с трудом... И мнится, что именно такой вечный ветер должен быть на какой-нибудь низшей планете, на унылой равнине ее бесплодной коры. Или – в одном из кругов дантова ада... Представление об этом ветре может иметь только тот, кто испытал его действие на Чантанге.

Удивительна любовь тибетцев к напыщенности названий. Мы проходим, например, округ, называемый "небесным округом", который получил свое название от озера "Тенгри-Нур", что в переводе означает "небесное озеро". Население, которое мы встречаем по пути, уже настоящие тибетцы-скотоводы. Кое-где видны их черные палатки и стада худого, заморенного зимней бескормицей скота. Проходим 5 $\frac{1}{2}$ часов и становимся лагерем.

Все время дует ужасный, не перестающий ни на секунду ветер.

Что здесь поразительно красиво – это горы. Перед нами встает из цепи Трансгималаев гора Джонг, несколько похожая на столовую гору Капштата. И на рассвете, и днем, и при луне – хороши эти горы в разных освещениях, с разным оттенком теней на своих скалах. Здесь мог бы композитор, вроде Грига, почерпнуть свое вдохновение, и мечта его могла бы проникнуть в замок короля гор. Но не того маленького скандинавского, а другого, неизмеримо более могущественного властелина, Владыки азиатских гор. Какая мелочь перед этими – европейские горы. Мы сидим в палатке Н.К.Р. Набираются опять любопытные, которые следят за каждым нашим движением, – но у входа на цепи Каду, он изредка с рычанием бросается на тибетцев, которые поэтому окружают палатку далеким полукругом. Н.К.Р. замечает, какой должна показаться маленькой Европа после тех грандиозных масштабов, которые принимает природа в Азии.

Доньеры опять опаздывают. На этот раз они оба подъезжают верхом. На одном интересная маска от ветра с прорезями для глаз и рта. Она мягкая, матерчатая и издали дает впечатление какого-то мертвого серого лица, подходящего всаднику-привидению...

В марте месяце таяние снегов и непрерывные ветры – это ужас Чантанга. Мы отдохнем от ветров только тогда, когда спустимся в долину настоящей Цангпо, или Брахмапутры. Но она еще очень далеко...

Н.К.Р. говорит: "Когда испытываешь на себе ужасный климат пустынь Чантанга, тогда убеждаешься, какой непроницаемой заградительной зоной в тысячи миль окружены места, в которые не должны проникнуть непрошеные гости". Дальше Н.К.Р. говорит о ненужной сентиментальности по отношению к людям. Должно лишь быть стремление способствовать эволюции человечества, но не должно быть остановок перед живыми трупами, представляющими из себя только "космический сор". Живые творческие духи, а не исчезающие из жизни тени должны вызывать желание помочь и направить на путь. Человек, семья, народ, раса, человечество планеты, человечество целой планетной системы – все подчиняется одному и тому же закону... Так и Тибет, "космический сор" между нациями, – находится в периоде духовного умирания. Это такой же живой труп, как отдельный человек с потухшей в нем жизнью духа, скитающийся по кладбищу прошлого. Бесплодные пустыни самой страны, осыпавшиеся горы, оставшиеся только местами в своих каменных остовах в тысяч 15 футов, но некогда превышавшие Гималаи и вздымавшиеся в дни юности планеты на 30 и более тысяч футов. Какая польза в этой стране, за исключением одной – быть заградительной зоной чему-то другому.

Около полудня проходили гейзеры с горячей водой. Да, отсюда уже недалеко подземные огни, действие которых создает сказочный оазис...

8.III. Сегодня стоим на месте. Должна была произойти смена яков – но новые животные не оказались на предписанном месте. Губернаторы утверждали, что мы дойдем до Намру в 7 дней и нигде не будем задержаны. Все опять наврано. Несмотря на предписание, крестьяне яков не собрали. Ложь губернаторов и бессилие властей. Можно предположить, что это опять проявление лживости тибетской природы или уловки нового вымогательства, а может быть, и нечто иное.

День солнечный, но довольно холодный. Ветер небольшой, после полудня он усиливается.

Н.К.Р. отмечает, что серебряные бляхи, носимые туземцами, ближе всего напоминают

известные готские фибулы. Некоторые очень старые. Они очень ценятся тибетцами и передаются от поколения к поколению как реликвии. Купить их совершенно невозможно. Происхождение этих блях тем ближе к фибуле, в середине которой обыкновенно находилась булавка для ее застегивания, что здесь находится фальшивая булавка как напоминание первоначальной формы.

Весь день не перестает ветер и только стихает к сумеркам.

9.III. Холодное утро. Встаем до света, с расчетом, чтобы, выйдя с солнцем, успеть дойти до следующей стоянки без ветра, который обычно поднимается после полдня. Но с уходом получается задержка. Лошади ушли куда-то далеко в степь, и их приходится искать довольно долго. Солнце уже высоко, когда мы садимся в седло. День обещает быть хорошим. Небо безоблачно, и в поле маленький ветер. Проходим аил, состоящий частью из палаток, а частью уже из хижин, грубо сложенных из камней. Окон в этих хижинах нет, а дым выходит частью из дверей, частью из отверстия в плоской крыше. Очевидно, нашего прихода ждут, и из поселка выходят старшина с золотой серьгой в ухе и черно-мрачные туземцы. Стянутые льдом ручьи на переходах посыпаны золотистым песком.

У Е.И. падает маленькое боа из куницы, с мордочкой, глазками из стекла и рядом зубов. Показываем проводнику поднять – но он робеет и не решается долгое время взять рукой боа, принимая его за живого зверька, который может укусить.

Проходим аил и переходим несколько речек в глубоких берегах, со льдом, занесенным снегом. Несколько лошадей скользят и падают – но все обходится благополучно. Часа через три приходим на место новой стоянки, и благодущные туземцы с открытыми от удивления ртами окружают невиданных иноземцев. Из разговоров с ними выясняется, что будто бы до Намру еще 8 дней пути. Судя по этим данным, получаемым на каждой остановке, мы, приближаясь к Намру, каждый день отходим от него все дальше и дальше. Какая-то работа Пенелопы, распускавшей шерсть по ночам. Следует отметить, что чем некультурнее народ, тем он меньше разбирается в расстояниях и топографии ближней к своему жилью местности. Среди толпы, окружающей палатки, – какая-то личность, к которой остальные относятся с величайшей почтительностью. Довольно породистые черты молодого лица, с примесью чего-то китайского. На нем довольно чистый кафтан вишневого цвета, обшитый золотыми позументами, и короткий меч с богатой отделкой ножен. На руках – золотые браслеты и прекрасное бирюзовое кольцо. Это, очевидно, местный нотабль. Невероятно грязные женщины привели с собой детей, и мы отмечаем, как ласково с ними обращаются туземцы. Одна из женщин вместо обычных косиц имеет на голове как бы полупрозрачную вуаль, сплетенную из ее собственных волос. В толпе видны уже нового фасона шапки, остроконечные, отороченные мехом. У одного из присутствующих кафтан обшит мехом снежного леопарда, это оригинально и красиво.

Вечером Н.К.Р. говорит: "Следует отходить от ветхого мира, отрезать связь за связью, соединяющие с ним, и окончательно оторваться от ближайшего личного прошлого. Ошибочно думать, что сами воспоминания не оставляют следа и внутренне не волнуют. Иногда прошлое может показаться невозвратно прекрасным, а следует настоящее связывать исключительно с будущим. Надо иметь только опыт прошлого из минувших воплощений, но отнюдь не брать ничего из недавнего прошлого теперешней жизни. Сурово должен отвернуться от него каждый совершенствующийся ученик. Следует положить на одну чашу весов исполнение работы для Учителя, а на другую – весь мирской хлам... и первая должна поднять вверх вторую – точно она пуста".

В 6 часов вечера -1,5° С.

Как лишний факт дикости населения можно указать, что жители аила, около которого мы стоим, знают пустыню только на три дня пути во все стороны, знают понаслышке Нагчу, а о Намру никогда не слыхали.

10.III. Выходим рано поутру. Сегодня холодный ветреный день. Идем пустыней по тяжелой дороге, острыми замерзшими кочками болота. С трудом, скользя, переходят лошади промерзшие до дна большие лужи. Около 11 часов утра поднимаемся на перевал Ламси. Довольно высоко, и мы любуемся сверху прекрасным видом. С одной стороны – холмы, с поднимающимися над ними каменными остовами гор, точно причудливыми развалинами замков; с другой – цепь Трансгималаев с вершиной Джун. На равнине синее льдом не нанесенное на карту большое озеро Ньяшин-Цзо.

За перевалом моя лошадь проваливается в глубокий снег и падает на бок, придавив мою правую ногу. Лошадь так мала, что я, упершись ей в бок, другой ногой приподнимаю ее и высвобождаюсь из-под нее. В полдень становимся лагерем.

За обедом Н.К.Р. указывает, что нашему знанию Тибета мы, главным образом, обязаны Ю.Н., так как обычный переводчик путешественников, какой-нибудь малообразованный китаец, монгол или казак, кое-как говорящий по-тибетски, – вряд ли мог бы подметить все те тонкости, которые не ускользают от Ю.Н., магистра восточных языков, владеющего тибетским языком как своим собственным. Дальше Н.К.Р. отмечает бедность торгового движения на Лхасу. В конце концов, все караваны, которые мы видели за 45 дней стоянки в Нагчу, – и несшие минимальную нагрузку – были исключительно караванами местных торговцев. Теперь мы идем большим трактом, а путь наш протекает исключительно по целине и нигде не видно и следов хотя бы какой-нибудь дороги. Ни разу не натолкнулись мы даже на пешеходную тропу. Вообще, в Азии дороги своеобразны. Так, например, Большая Императорская дорога, ведущая из Китая на Туркестан, мощная торговая артерия – представляет из себя углубленную тропу в две ладони шириной, протоптанную верблюдьми караванами.

Едущий с нами доньер, то есть чиновник губернатора, назначенный для сопровождения экспедиции, силой снял с женщины золотой браслет и присвоил его себе. Женщина пришла жаловаться нам, а потом с двумя тибетцами мрачного вида отправилась объясняться с похитителем. Кажется, они заставили его вернуть браслет. Становится понятной ненависть населения к чиновникам от высших до низших чинов.

Мы идем, совершенно не зная, когда, наконец, дойдем до Намру. Кончок сообщил, что, может быть, мы завтра дойдем до места, где живет какой-то человек, точно знающий, сколько дней пути от его аила до Намру. Так сказали местные жители. Версии по этому вопросу самые разноречивые – говорят: 8, 5 и 3 дня пути...

11.III. Местность Чукур. Теперь идем уже не такими пустынными местами. После Нагчу есть возможность обозначать места стоянок названиями урочищ. В темноте свернули мы сегодня наш лагерь, когда начинало чуть рассветать. Над вершиной горы еще сверкает Венера... Идем по берегу озера, тянувшегося километров 15 вдоль подошвы Трансгималайского хребта. Уже совсем светло. Чудно сверкает на льду цвета вороненой стали поднимающееся над горами солнце. Голубое небо, желто-коричневые горы и меньше снега. Озеро, по всей вероятности, идентично с Бом-Цзо английских карт.

Вокруг не видно ни аилов, ни скота, ни диких животных. Только лежат трупы домашних

яков. В одном месте целое стадо... обглоданных остовов.

Местность становится все живописнее. Пики гор, реки, обрамленные разноцветными скалами. Начинается ветер. Он все усиливается и к 10 часам утра разражается со страшной силой. Лошади с трудом двигаются против его порывов. Начинается песчаная буря. Тысячами уколов, точно иголки, колют лицо мелкие песчинки.

Туземцы утверждают, что в здешних озерах водятся водяные коровы. Возможно, что это перепутанная версия о мифических божественных коровах – ламаистского пантеона, которые, по легендам, живут в озерах Тибета.

Около часа дня приходим на предполагаемое место лагеря. Никого нет, не собрано аргала, не принесено воды... Появляются туземцы. Оказывается, гонец, везший даик, письмо губернаторов, навернутое на палку, не пожелал приехать с прошлой остановки и здесь о нашем прибытии никто не уведомлен. Опять и опять приходится убеждаться, насколько эфемерна здесь власть и с каким неповиновением относится население к приказам правительства. Приходится убеждаться, насколько слабо действует правительственная машина Тибета. Крестьяне Чукура приписаны к монастырю Сера и фактически являются его крепостными. Сам монастырь находится недалеко от Лхасы. Издали видим расправу доньеров с непослушными. Они молотят их палками и бьют камнями. Но если присмотреться, то удары попадают только по шубам, а камни летят мимо. Доньеры выполняют ритуал и вряд ли решились бы на серьезную расправу с крестьянами монастыря.

Только что успеваем поставить палатки, как стихший было ветер разражается с новой силой. Все время приходится крепить веревки, пока по местному обычаю мы не наваливаем на палаточные гвозди и края палаток громадные камни, с которыми ветер уже не в состоянии справиться. В пути пришлось бросить лошадь Н.К.Р. – ее подарили местному старшине. Еле спасли двух других лошадей, наевшихся какой-то ядовитой травы...

Вечером мы говорим об относительности возраста, и Н.К.Р. рассказывает нам, как ему в молодости приходилось выдавать себя более старшим, нежели он был на самом деле, чтобы не дискредитировать себя молодостью. 15-ти лет он уже выступил в литературе, скрываясь под псевдонимом. 22-х он был редактором журнала, 24-х – помощником директора музея, 25-ти – секретарем "Общества Поощрения Художеств" и 30-ти – директором Художественной школы. Во всех этих случаях приходилось скрывать свои года, которые мешали ему перед маститыми деятелями искусства.

Доньеры сообщают, что жители отказываются исполнить повинности и не хотят давать уртонных животных. Приходится употребить энергичные меры. Доньеры получают поддержку от нас и теперь уже круто расправляются с непослушными. Два главных зачинщика схвачены, связаны и посажены под арест около палатки монголов под наблюдением стражи. Так сидят они до утра и утром будут доставлены к ближайшим властям. Арестованные сидят в неподвижных позах, с руками, завязанными за спиной, и почтительно высовывают языки подходящим европейцам. Впрочем, быстро обернувшись назад, я уловил на лице одного из арестованных лукавую усмешку. Физиономии у обоих бунтовщиков самые разбойничьи. К ним подходят туземцы и нет-нет опускают за шею медные монетки. Это – "жаление несчастеньких", близкое к старинному русскому обычаю.

12.III. К 8-ми часам утра все животные доставлены, и мы двигаемся в путь. Погода теплая, ветра нет, и снег почти стаял. Идем красивой долиной в горах, которые подходят к небольшому озеру. За озером уже приготовлены палатки и нас ждут местные нотабли. Но мы не останавливаемся и идем дальше в боковую долину, где и останавливаемся около ручья. Поднимается такой ветер, что ставить палатки возможно лишь всем наличным количеством людей каждую... Мешок с ячменем, лежащий на склоне холмика, силой ветра приходит в движение. Потом начинается песчаная буря. Это еще хуже. Песок набивается за ворот, в уши, в глаза и наконец в палатки.

За обедом опять говорим о водяных коровах. Тибетцы дополнительно рассказывают, что священные животные режут по утрам, высунувшись из воды. Этим коровы переходят для нас из царства мистики в каждодневную обыденность. Ясно, что это какие-то животные – но какие? Когда же тибетцы рассказали, что коровы имеют короткую шерсть, тогда мы, сократив их размеры, пришли к заключению, что это выдры, имеющие обыкновение кричать на заре. Жизнь их в озерах Тибета – полная чаша. Ни одна лодка не бороздит водной поверхности, так как тибетцы их не употребляют, а рыба, кишащая в озерах, никогда туземцами не ловится.

Восемь дней пути до Намру, как это обещали губернаторы, уже прошли. Но добиться окончательно, сколько осталось переходов, – невозможно. Не то 3, не то 5. Удивительно, как невежествен здесь народ, нельзя себе представить другой страны, где люди жили бы в палатках, ведя, так сказать, кочевой образ жизни, и не знали бы, что делается в расстоянии двух-трех дней пути от мест их становищ.

13.III. Ночь была очень тихая, безветренная. Сделан длинный переход по безлюдной пустыне, долиной между горами. Снега больше нет, а на юге синее льдом поверхность озера Чаг-Цзо, которое на карте обозначено именем Лангьек-Цзо. Большинство озер здесь соленые.

К 11 часам подымается ветер, переходящий в ураган, и по степи ходят облака пыли. В лицо бьет песком и мелкими камнями. Придя на место, с трудом ставим палатки. И думается, по каким дорогам отправило тибетское правительство Миссию Западных буддистов, шедших с открытым сердцем и подарками в руках, и несшую прекрасные возможности. Почему не отправило оно нас южными путями, где тепло, нет ветров и песчаных бурь.

Начинает встречаться новый тип туземцев с откинутыми назад лбами и тонким профилем, напоминающих собой облик северо-американских индейцев. Проходя аил, узнаем, что до Намру два полных перехода и небольшое расстояние еще и на третий день.

Мы беседуем с Н.К.Р. и затрагиваем один за другим вопросы общечеловеческого значения. При той неслыханной битве, которая происходит теперь в мире, говорит Н.К.Р., необходимо соблюдать осторожность во всех своих действиях и движениях, дабы не дать своим противникам овладеть собой в минуты необдуманности. Говорим о том, как стираются понятия о национальности и как вместо нее рождается понятие общечеловеческого родства, родства по духу. И мне становится так грустно, что скоро, скоро придется проститься надолго с Н.К.Р. и с Е.И., – к которой я привязался всей душой. Снова придется одному уйти в жизнь... Но радует то, что мне дано ответственное поручение, в основе которого лежат и великая красота, и мужество, в основу которого должен быть положен весь накопленный мной опыт знаний. Спрашиваю Н.К.Р., как это человечество могло связать такие личности, как граф Сен-Жермен и Блаватская, с

человеческой обыденностью и дерзать называть их шарлатанами? Н.К.Р., улыбаясь, говорит, что в этом применении такая кличка становится особенно почетной... Происходили ли когда-нибудь на Чантанге такие разговоры, которые ведет Н.К.Р.? Заходит солнце. После ужина сидим все вместе в палатке Е.И., и течет проникновенная мудрая беседа наших руководителей Н.К.Р. и Е.И. Чувствуется, что происходит нечто необычное в обычном. Поднимается дух в высшие сферы мысли, и не чувствуешь ни холода, ни порывов ветра, сотрясающего до самого основания зыбкие стены шатра. И опять приходит мысль, что где-то совсем близко минута расставания, но когда это будет – неизвестно, так как многие действия Н.К.Р. проявляются для нас совершенно неожиданно. Опять возвращается Н.К.Р. к вопросам прошлого. Мы ответственны, говорит он, за вызывание призраков прошлого, за вызывание из прошлого ветхого мира. Какой ужас вдвигающихся в физическом мире призраках того, что на самом деле уже умерло. Необходим только синтез опыта каждой личности, работающей на ниве будущего...

14.III. Тяжелый ветреный переход. Горы, раньше являвшие собой только цепь на самом горизонте, – теперь делаются большими снеговыми массивами, у подножия которых протянулись безбрежные дали озера Тенгри-Нур. Подходя к месту стоянки, видим доньеров, высылаемых теперь заранее на места. Они хлещут за какие-то неисправности туземцев кнутами. Но это нестрашная экзекуция. Головы крестьян спрятаны в шубы, по которым гуляют кнуты. Это действие, так сказать, символическое со стороны доньеров, желающих показать нам свое служебное рвение. Около аила нас встречает бешеный лай и выбегают грозные псы, причем у каждого, по здешнему обычаю, лапа подвязана к ошейнику.

Сегодня мы стоим в виду Тенгри-Нура. Оно расположено от нас в нескольких километрах. Наблюдаем интересное явление. Тибетское племя, на землях которого мы находимся, поражает своим израильянски-библейским типом. И к нашему большому изумлению выясняется, что оно называется "Hebra" или "Gebra". Это не лишено интереса для отыскивающих пропавшее двенадцатое колено Израилево, находящееся, по некоторым версиям, где-то около Кашмира.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ТИБЕТ

15.III. Мы в округе Намру. Погода теплая, +4,5° С. Идем сначала по горной долине на юго-юго-запад и потом, повернув прямо на юг, видим перед собой в другой долине, почти у самых гор, долгожданный Намру. Горы становятся все выше и наконец запирают долину, на которой расположен дзонг. Не лишено интереса, что дороги к "городу" совсем нет, и приходится брать просто направление к нему по кочковатому болоту. За амфитеатром гор поднимается новый, еще более высокий хребет с вершинами, покрытыми снегом. Весь путь наш лежит сегодня, по выражению Н.К.Р., – по геологическому кладбищу. Везде с холмов поднимаются каменные костяки осыпавшихся горных массивов. Эти горные костяки – самых причудливых форм. То точно развалины зданий, то будто террасы с гигантскими балюстрадами... Есть места, подходящие для декораций по своей красоте и сказочно-необычным очертаниям скал.

Подходим к Намру. Если Нагчу скверен, то Намру представляет из себя нечто необычно жалкое. Вместо предполагаемой грозной тибетской крепости, как нам говорили губернаторы, на болоте стоит одноэтажное здание с мало гармонирующей с его общим видом маленькой башенкой. Дзонг окружен крепостной стеной – кладкой из глины футов в 5 высотой со многими "брешами". Над стенами дома полощутся по ветру новенькие молитвенные флаги. Кругом за стенами крепости несколько мазанок и десятка два черных

палаток. На солнце лежат кое-где, греясь, никому не принадлежащие собаки. Всюду обычная грязь. Крепость представляет собой образец фортификационного искусства тибетцев, ушедшего немного дальше такового в бронзовом веке, и может быть снесена до основания не более как пятью шрапнелями полевой пушки. Переходим через полуосвобожденную ото льда речку, впадающую в озерцо, и становимся у подошвы гор на чистой песчаной площадке.

Н.К.Р. обращает наше внимание на аборигенов, толпой окруживших нас, – на их лица, особенно грубые и тупые, лица совершенных дикарей. Доньер, высланный заранее с места ночевки, сообщает, что паспорта и распоряжений по поводу нас из Лхасы губернатором еще не получено, а даик, который должен был предварить наше прибытие, – крестьянами сюда еще не доставлен. И это еще раз показывает, до чего слаба тибетская администрация, как неудовлетворительна организация служебной машины и до чего мало влияния имеет всякое распоряжение, идущее свыше.

Тибет нуждается в твердой и сильной власти, чтобы, с одной стороны, поднять благосостояние страны, а с другой – культурный уровень населения. Сами тибетцы, во главе с Далай-Ламой, не могут справиться с задачей управления страной и попросту ведут ее к политической смерти. Еще одна мировая ложь должна быть разрушена, ложь о мощи и значении Тибета как серьезного политического организма. Великий обман окутывал до сих пор Тибет чарами какой-то прекрасной и таинственной легенды. И Великое имя должно быть изъято из ставшей теперь кощунственной традиции, которая делает Тибет центром одной из величайших религий планеты. И это имя – есть имя Благословенного Будды. Не государственный организм, не духовный центр, а разлагающийся труп – вот истинный облик современного Тибета.

Вспоминается об одном недавнем и глубоко значительном видении на территории Тибета, когда статуя Будды точно ожила. Улыбнулся благостный лик Учителя и облегченно вздохнула грудь того, кто именуется "Львом закона", – в предвидении очищения Его учения.

Наше путешествие трудно, говорит Н.К.Р., но тяготы его искуплены тем, что мы узнали Тибет, как он есть на самом деле, и можем сорвать ту завесу лживой сказки, которая до сих пор скрывала от всего мира его отвратительный кощунственный облик.

Под морозящим дождем разбиваем наш лагерь на площадке за тибетским становищем, окружающим дзонг. Около полудня Н.К.Р. приглашают к губернатору. Мы идем по буеракам и кочкам болота к дзонгу. У ворот на длинном шесте утверджен темно-синий бунчук, перевитый белыми лентами, вероятно, молитвенными; его навершие – трезубец – обычный символ государственной власти. Грязный двор заставлен черными палатками и завален яковыми шкурами, тюками с шерстью и цибиками чая. Проходим темными коридорами через клетушки, в одной из которых стоит чудной работы бронзовый котел с украшениями для варки чая. Все застлано дымом аргала, разожженного на очаге. Потом попадаем в помещение губернатора. Это одновременно канцелярия, спальня и столовая Его Превосходительства. Губернатор встречает нас, сидя на тахте, и любезно протягивает Н.К.Р. свою руку. Это еще сравнительно совсем молодой человек, и, что удивительно для тибетца, лицо его чисто вымыто и не лоснится. Вид у губернатора далеко не глупый. Одет он в темно-вишневый халат, из-под которого виден другой, желтого шелка, подбитый длиннорунным белым барашком. Голова губернатора коротко острижена, маленькая борода и немного свисающие усы. Комната обита красной материей с разводами. Тахта дешевого ковра, с наложенными на нее подушками и стоящим с правой руки губернатора

низким столом. Над тахтой балдахин, под которым висит плохенькая танка, изображающая духа стихий. Он совершенно черный, со страшной гримасой кроваво-красного рта и в танцующей позе. На боковой стенке 5 русских винтовок и несколько мечей, из которых один кривой. Очевидно, здесь сосредоточен арсенал крепости. Под рукой губернатора, как бы он ни сел, всегда находятся висащие на стене револьверы. Один из них – маузер, очень оригинален в своей серебряной отделке. Слева от тахты домашний алтарь с изображениями богов, перед которыми стоят в ряд чаши с приношениями – яковым маслом и горкой риса. Всюду аляповатая, дешевая китайщина. Нас сажают справа от тахты, под окном, на низком диване. Я вошел последним, и мне не хватает места. Слуги приносят цибик чая, зашитый в кожу, покрывают ковром, и я сажусь недалеко от раскаленной печки, в которую все время подбавляют аргал. Нас обносят жидким масляным чаем, символизирующим радушие хозяина, и переговоры начинаются.

Губернатор Намру – брат жены духовного губернатора Нагчу. Сначала он заявляет, что ни сведений об экспедиции, появившейся для него совершенно неожиданно, ни распоряжений из Лхасы и паспорта для нас от правительства он не имеет. Вот о Фильхнере и каком-то другом путешественнике он имел инструкции, и это было совсем другое дело... Конечно, мы знаем, что все сказанное губернатором сплошная и обычная ложь тибетца. Мы знаем, что духовный губернатор Нагчу писал о нас, так же как и губернаторша, которая нам сама об этом говорила. Что касается приказа и паспорта из Лхасы, то и то, и другое, вне сомнений, лежит в поставке губернатора... но ему необходимо создать условия для получения возможно более крупного "подарка". Впрочем, губернатор подчеркивает, что если даже у него никаких инструкций и документов о нас нет, то раз мы идем из Нагчу и пропущены дальше таким выдающимся лицом, как тамошний губернатор, – то он во всем верит Н.К.Р. на слово и завтра же отправит нас дальше. Н.К.Р. заводит речь о сокращении пути. Оказывается, это совершенно невозможно, и к нашей потехе губернатор точка в точку указывает на маршрут, полученный губернаторами Нагчу из Лхасы. Шендза-Дзонг, до которого будто бы 8 дней пути с грузом и 2 дня налегке, и дальше на Хартти-Дзонг... Несмотря на все пробы сбить его – губернатор твердо стоит на своем, и видно, как, отвечая, он тщательно обдумывает каждую свою фразу. Н.К.Р. спрашивает, может ли быть отправлена отсюда телеграмма на лхасский телеграф, для Америки и Британских властей. Но на это следует категорический отрицательный ответ не имеющего будто бы инструкций губернатора. На вопрос, почему до него не дошел отправленный с нашей прошлой стоянки даик, губернатор отвечает, что здесь области не тибетского (это в Центральном Тибете!), очень дикого и своенравного племени, которое всегда в оппозиции к властям. Он, конечно, наведет справки, почему даик не дошел, но с этими людьми надо быть крайне осторожным, так как они могут не остановиться и перед убийством чиновников, посланных на расследование, даже в 4-х переходах от Лхасы.

По окончании переговоров губернатор спрашивает, нет ли у нас чего-либо для продажи. Это, конечно, вопрос с внутренним значением. Мы уходим, и результатом переговоров является распоряжение губернатора старшинам собраться для переговоров о сборе яков.

Вечером Н.К.Р. опять встретится с губернатором, а предварительно к нему отправляется Кончок для возобновления переговоров о прямом пути на Гиангцзе и упоминания об имеющейся у нас парче, до которой все тибетцы большие охотники. Так, может, двинется дело о сокращении нашего пути. Кончок просит рассчитать погонщиков старого каравана, тщательно приняв от них вещи и обязательно на некотором расстоянии от лагеря, так как иначе могут быть кражи. Сами погонщики просят рассчитать их не тибетскими деньгами, а

китайскими или индийскими. Разве эта просьба не свидетельствует об окончательном разложении тибетского государства, если его собственные граждане предпочитают его валюте – чужую.

Факт за фактом нанизываются на цепочку криминальных данных о Тибете. При расчете выясняется, что и в Нагчу, как в Чунаргене, население, купцы и губернаторы нас дружно обманывали, считая нарсанг в 15 и 16 шо, когда на самом деле размен твердо стоит на 20 шо за нарсанг.

17.III. Вчера вечером мы опять посетили губернатора. Темой разговора была самая бесстыдная торговля администратора о цене транспортных животных до следующего этапа. Конечно, наш паспорт из Лхасы у губернатора и прячется до времени под сукно по двум причинам. Первая – это невозможность сделать деньги на транспорте, как только нам будет вручен паспорт, при котором животные должны быть доставлены по казенной цене, а вторая, что можно будет сначала обобрать с нас "подарки", которые при фактическом наличии паспорта уже не за что получить. Оказывается, что даик был отправлен своевременно и пришел в Намру раньше нас. Но это обстоятельство было скрыто губернатором. Во время переговоров вызываются старшины. Происходит пререкание старшин о плате за яков, которое ведется за дверями с одним из чиновников губернатора. Следует думать, что переговоры инсценированы, цена уже установлена и губернатор имеет в ней свою долю. За то же расстояние, как от Нагчу до Намру, придется платить не 3 нарсанга, а – 7. Торговля закончена, и Н.К.Р. приходится согласиться на эту цену. Быстро вбегают старшины и, как в Нагчу, останавливаются в почтительных позах, с высунутыми языками. И на все один монотонный ответ: "лалес" – "слушаюсь". Впереди стоит какой-то упитанный Карл Моор, согнутый в три погибели. Глаза налились кровью и во время жалобных ответов в форме причитаний – вращаются во все стороны. Они с любопытством осматривают каждого из нас, скользят по стене с оружием, точно пересчитывая его, и опять прячутся за густой шевелюрой, закрывающей лоб. Топоча, как лошади, старшины выбегают, и мы уходим в лагерь.

Через доньеров доходят слухи, что губернатор очень целится на подарки. Интересно, что когда Н.К.Р. сказал вчера губернатору, что в Тибете нет человека, который бы отказался от подарка, тот блаженно, по-детски, улыбнулся. Губернатор ведет широкую торговлю чаем, лесом и шерстью.

Наше выступление предполагается завтра утром.

Создается впечатление, что назначение должностных лиц в Тибете происходит из строго замкнутой компании, дающей возможность себе и своим родственникам набить всеми способами карманы, что те и стараются сделать в кратчайший срок.

Днем идем к губернатору с тяжелым мешком серебра платить за нанятый транспорт. Вбегают старшины и становятся в свои позы. Портнягин высыпает из мешка китайские доллары... Следует короткий диалог между губернатором и крестьянами. Оказывается, последние желают получить деньги только тибетскими нарсангами – ни в коем случае серебром. "О, это ничего, я сейчас же разменяю вам деньги", – говорит губернатор и предлагает за доллар по 18 шо, когда здешние торговцы в самом Намру меняют доллары за 20 шо. И тут мошеннический сговор губернатора со старшинами. Особенно ясно это после того, что вчерашние крестьяне требовали себе уплаты именно в долларах, а не в шо. Дальше начинается торговля с губернатором. Он тверд в своей цене. Часть долларов, благодаря непониманию тибетцами языка, удается отправить с Голубиным к торговцам,

которые и меняют их по 20 шо. Но у них мало денег, и остальные надо все-таки менять у губернатора. Дзонг – настоящее разбойничье гнездо. Портнягин считает доллары, и губернатор приступает к проверке счета. Грабеж начинается. Губернатор и начальник укрепленного района Намру сразу превращаются в мелкого торгаша, дрожащего над каждым грошом, и глаза его алчно разгораются при виде аккуратных столбиков по 10 долларов, которыми заставлен стол. Это противное зрелище, но и не лишенное интереса. Привычной рукой губернатор откидывает одни монеты, а другие в то же время пропускает между большим и безымянным пальцами вниз, на стол. Образуются две кучки... Приходится наблюдать два типа людей: одни, видимо, совсем не умеют обращаться с деньгами, а другие оперируют с монетами или банкнотами, как ловкие фокусники. К последним, несомненно, принадлежит молодой губернатор. Теперь перед ним лежат две кучки долларов. Очень маленькая и очень большая. В первой хорошие, годные доллары. Вторая – плохие, которые он не может принять. Кстати сказать – все эти доллары получены экспедицией непосредственно из банка.

Н.К.Р. умеет обращаться с азиатами. Он приказывает собрать монеты обратно в мешок, и Портнягин сгребает доллары из-под носа изумленного такого рода оборотом дела губернатора. "Что? Почему?" – спрашивает он. "Разменяем в другом месте", – переводят ему слова Н.К.Р. Портнягин с мешком уже у двери. Спешно соглашается губернатор принять все доллары. Портнягин возвращается, и губернатор, уже ничего не отделяя, раскладывает по столу столбики. Он ведь выигрывает на одном размене по 2 шо, а может быть, и больше, на каждом серебряном долларе. Очевидно, отбор – был также трюк, и имелось наготове предложение взять и забракованные доллары, но по еще меньшей оценке. Противен мошенник, говорит Н.К.Р., но еще более противен мошенник невежественный. Удивительно во всем поведении, во всей лжи тибетцев, насколько они мало думают, что их мошенничество или ложь могут когда-либо так или иначе обрушиться на них, хотя бы в виде кары со стороны правительства, вынужденного на это под давлением других держав.

18.III. Вечером один из возвращающихся в Нагчу тибетцев сосредоточенно точит свой меч. Как исключение из правила, он очень хороший работник, всегда что-то делает и в чем-то помогает. Его отметили, и получил он вознаграждение большее, нежели другие, за свою старательную работу. Теперь он боится, чтобы его не ограбили спутники при возвращении в Нагчу.

Говорим о вчерашнем дне и тибетских старшинах. Портнягин дополняет фигуру "Карла Моора", который, как он заметил, после аудиенции у губернатора незаметно скроил по его адресу насмешливую гримасу. Оказывается, что он – горпен, то есть сотник и начальник милиции.

Лагерь убран и, наконец, мы выступаем. Яки, как и следовало ожидать, ко времени не прибыли. Сегодня мне попадает славная лошадь, очень нервная и пугливая. При уходе старым доньярам, проводникам и туземцам, провожавшим нас, щедро выдаются наградные, и при этом долларами. Тут же происходит оживленная мена их на шо. Каждому хочется иметь серебряные доллары, хотя бы для украшения платьев жены, дочерей или сестер. Обмен происходит по 20 шо, и это указывает еще раз на то, что губернатор мелкий мошенник, и подтверждает его вчерашний сговор со старшинами. Один из доньеров, одаренный особенно широко, не теряет случая и нахально утверждает, что не уплачено за каких-то 4-х яков, взятых в Нагчу. Но ему показывают бумагу губернаторов, что все счета в Нагчу уплачены, бумагу, которую предусмотрительно приказал взять Н.К.Р., и доньер, посрамленный общим хохотом присутствующих, исчезает

в толпе. Маленькое мошенничество не удалось.

Наконец, двигаемся в путь, входим в горы, и долина Намру исчезает вместе с дзонгом из наших глаз. Приятно, говорит Н.К.Р., оставить за собой разбойничье гнездо и знать, что таковых остается только два на нашем дальнейшем пути. Погода приятная, теплая и без ветра. Сворачиваем в боковую долину, по которой в ледяных струях застыла река. С обеих сторон каньоны, и горы поднимаются все выше. Проходим крутой многотеррасный перевал. На северо-западе стена гор раздвигается и внизу расстилается долина, уходящая на горизонт и опять замкнутая в далях снеговой горной цепью. Местность мрачная, безотрадная, и только красива игра красок в солнечном освещении. Желтоватые луга, синеющие дали и лиловые горы с белоснежными вершинами. Быстро заволакивается небо тучами, и начинается снег. Перевал, на который мы поднимаемся, все круче, и лошади с трудом преодолевают его. Незадолго до главной высоты Ю.Н. чувствует себя худо, и только сильная доза дигиталиса возвращает его силы.

Мы идем по полю грандиозного геологического разрушения. Горы точно искрошены, в камнях являя работу многотысячелетнего геологического периода. Перевал, который мы переходим, превышает 17.000 футов, дальше спускаемся в долину, и опять тундра, какие-то нелепые кочки, которые лишь в самомнении можно назвать пастбищем. Н.К.Р. говорит, что если бы тибетцу показать алтайские луга, в траве которых свободно может скрываться всадник, – то он, верно, считал бы себя восхищенным на небо. Подходим к аилу, состоящему из нескольких грубых мазанок. И опять идем дальше, без дорог, по кочкам. Малокультурна страна, в которой слабо развитая сеть дорог, замечает Н.К.Р., но что же из себя представляет государство, в котором вообще дорог не имеется. Лагерем становимся довольно высоко. Трудно дышать, и к ногам при ходьбе будто привязаны гири.

19.III. Ночью будит крик. Мягкий, протяжный, какая-то тибетская фраза. Это с пастбища подгоняют яков. Так как их здесь меняют, то, несмотря на то что мы встаем еще до рассвета, – выступаем очень поздно. Погрузка затягивается почти до 7.30 утра. Выходим в двух партиях. Первая – состав нашей конной группы, палатки и кухня на верблюдах. Все остальное идет во второй и называется нами в шутку "The great fleet". Следует и на этой остановке отметить библейские лица туземцев. Не смягченные теперешние еврейские, а грубые, топорные, с особо подчеркнутыми семитическими чертами, какими они могли быть именно в библейские времена...

Идем по склону горы, над узкой долиной с замерзшей рекой. Здесь геологические разрушения особенно сильны. Пейзаж дик, хребты гор высоки и круты. Кругом пустыня. Солнце греет довольно сильно, и ветер не особенно чувствителен. Подымаемся на очень крутой перевал, не имеющий названия. Проходим аилы – частью палаточные, частью из мазанок. С самого перевала открывается вид на долину с белеющей вдали снежной поверхностью озера Пенганг-Цзо-Ша. На горизонте она обрамлена горной грядой. Спускаемся с перевала. Путь весь в камнях, и через гладкие плоские поверхности скал привычные горные лошади маневрируют среди них с чисто кошачьей ловкостью. Солнце освещает местность – все ярко и красочно. Желтовато-зеленые горы мягко соединяют свои тона с цветом оранжево-желтого песка берегов реки и снова поднимаются с равнины в лилово-красных оттенках. Красиво оттеняются жемчугом теней белые облака, плывущие в высоте... Водопад застыл в оледеневших каскадах, и черные с зеленью скалы наклонились над сверкающими на солнце недвижными струями...

Впечатление, что в Центральном Тибете совсем нет диких животных, хотя их здесь никто и не трогает, как это делается на его восточных окраинах, где туземцы массами травят

пушных зверей для продажи шкур скупщикам европейских и американских компаний.

Дорогой мы говорим с Н.К.Р. о ламаизме и о том извращении, которое потерпел буддизм в Тибете. Как хорошо сознавать, замечает Н.К.Р., что в Бирме, Непале, Индии и Японии, так же как и на Западе, есть большое количество буддистов, к которым это понятие можно применять в его истинном значении. И добавляет: "Берегите заветы великого Учителя жизни Будды и спасайте их от лживых и темных рук".

Становимся на место и разбиваем лагерь, а мимо по тропе проходят путники с поклажей на спине, вооруженные мечами и копьями, сверкающими своими остриями на солнце. Иногда на фоне общего безобразия застывшей жизни Тибет дает характерные бытовые картинки.

Над лагерем пролетает треугольник диких гусей, который держит путь на север. Давно ли наблюдали мы перелет таких же гусей у истоков Голубой реки на юг. Зима прошла.

Когда мы сегодня проходили мимо манданга, проводник повел нас не с правой его стороны, как это полагается, а с левой. Значит, и внешние обряды ламаизма выполняются здесь наоборот.

20.III. Выясняется безобразная подробность поведения губернатора Намру, возможно, впрочем, продиктованная ему лхасским правительством. Кончок и новый доньер, на поведение и работу которого нельзя особенно жаловаться, рассказывают, что ими получены при нашем отправлении инструкции вести экспедицию как можно дольше и наиболее длинными путями. Как раз в противоположность тому, что он говорил нам. К чему эта новая мелкая каверза. "Грустно видеть, как лживы тибетцы, начиная с правительства, генералов, губернаторов и кончая простыми крестьянами, – но еще грустнее, что этот народ со всеми его отрицательными качествами так тесно связан по общему мнению с буддизмом, – так говорит Н.К.Р. – Как можно скорее должно быть отделено великое Учение от Тибета, а драгоценная жемчужина его изъята из своего захватанного и испачканного хранилища, на звание которого тупо и нагло претендует Тибет с тем ничтожеством во главе, которое изображает из себя желтый папа".

Нельзя себе представить справедливое возмущение Н.К.Р. поведением Тибета по отношению к тем, которые шли к нему с дружески протянутой рукой и открытым сердцем. Он говорит, что есть справедливость и что не только судятся под ее весами отдельные люди, но также и целые народы со своими правителями и правительствами.

Сегодняшний переход был невелик. Вторую часть его шли при резком ветре и затученном небе. Путь был перерезан скользкими льдами десятка замерзших, речек, и не обошлось без падений наших всадников. Красивы горы лиловых и темно-малиновых оттенков, покрытые местами, точно серебром, – легкими налетами снега. На равнине снега больше совсем нет: песок, галька и кочки, поросшие травой.

Останавливаемся в предгорьях, около аила, состоящего из соединенных между собой клетушек, сложенных из камня. При нашем приближении собаки бросаются на стадо баранов, спугивают красивых турпанов, которые трогательно живут нераздельными парочками, и Каду, поймав барашка, начинает его душить. Подбежавшие пастухи отгоняют скверную собаку. Между прочим, вооружены здесь туземцы пращами, из которых стреляют с большой меткостью.

Сегодня в палатке Н.К.Р. водружена прекрасная танка, изображающая Господа Майтрею,

и перед ней горит лампада. Туземцам роздано большое количество изображений Будды Всепобеждающего с мечом в руке. Палатку окружает большая толпа, и Н.К.Р., смотря на нее, говорит: "Как печально видеть, что этому народу не дают даже намека на просвещение, при наличии тысяч лам-монахов, которые должны были бы, следуя заветам Благословенного, – просвещать народ истиной". Разговор переходит на современное положение русских в Европе, и Н.К.Р. замечает, что жить в эмигрантской среде, между людьми, не умеющими вновь построить свою жизнь и достичь благосостояния, духовного и материального, при новых условиях, – подобно тому, если бы поселиться на кладбище. В разговоре спрашиваю Н.К.Р. о слышанном мною факте из его жизни: "Я слышал, что Вам пришлось встретиться с неведомым человеком в Метрополитен музее в Нью-Йорке, который говорил Вам много необычного..." И Н.К.Р. отвечает: "Да, это было. Но я больше никогда не видел этого человека и не знаю его имени. Знаю только то, что он говорил мне".

21.III. Местность Лун-Мар. В обычное время покидаем стоянку. Нас обгоняет доньер верхом на яке, заседланном высоким седлом с пестрым чепраком. В руке доньера молитвенное колесо, вокруг шеи повязаны четки, а на спине громадный деревянный вызолоченный ковчег, в котором видна из-под стекла статуэтка Дзонхавы. "Полное духовное вооружение", – улыбается Н.К.Р. Проезжая, доньер посылает приветливую улыбку и вертит в нашу сторону своим колесом, не переставая гнусавить "Ом мани падме хум". Проходим узкую долину, поворачиваем в ложбину и от соединения двух рек поднимаемся на перевал. За этим перевалом виднеется другой. С высоты видны разбегающиеся во все стороны холмистые дали.

Замечаю, что чем окружающая нас местность становится красивее, чем красивее пейзаж и богаче краски – тем оживленнее становится Н.К.Р.

И сообразно с этим он напевает вполголоса. Слух Н.К.Р. замечателен, музыкальная память необычайно богата. Чтобы послушать его передачу той или другой вещи, я пускаюсь на хитрости. Завожу речь о музыке и точно случайно спрашиваю, помнит ли Н.К.Р. то или другое произведение и может ли он немного напеть его... Глубоко чувствует окружающую нас красоту и Е.И. Она делится с Н.К.Р. своими впечатлениями, которые всегда удивительно художественны и подчеркивают ее тонкое понимание красоты. По мнению Н.К.Р., местность начинает напоминать Гималаи и, отчасти, Ладак. Особенно, говорит он, характерными становятся краски. Красно-лиловые, переливающиеся в гармонической гамме в желтовато-зеленые тона; и надо всем темно-синее небо с белыми облаками.

Пройдя часа четыре, останавливаемся в широкой долине. Всюду видны геологические разрушения гор. Портнягин, который все время жаловался на одышку и влияние высот, задумал сегодня совершить весь переход пешком, несмотря на сильно пересеченную и гористую местность, и благополучно совершил этот рискованный эксперимент, доказавший его железное здоровье.

Вспоминается инцидент, который мог бы кончиться довольно печально. Как-то Портнягин сильно отстал, что вызвало большое беспокойство Н.К.Р. и Е.И. Навстречу ему, назад, были посланы из лагеря тибетцы с запиской, так как Портнягин по-тибетски не понимает. В этой записке было указано, что туземцы проведут его кратчайшим путем в лагерь. Гонцы отправились и через некоторое время, уже в темноте, вернулись с Портнягиным. И вот что произошло. Портнягин ехал в скалах на своей усталой лошади, как вдруг ему преградили дорогу два туземца, размахивающие обнаженными мечами. Нападение... и Портнягин выхватил револьвер, приготовляясь стрелять... но к счастью заметил в руках

одного из тибетцев бумагу... иначе могло бы произойти непоправимое.

Вечером Н.К.Р. заходит ко мне в палатку и, поговорив, с улыбкой добавляет: "Значит, скоро расстанемся". Но где? И когда?

22.III. Местность Доринг. Теплые тона оранжевого рассвета окрашивают светлеющий восток. Понемногу ярко озаряются вершины, и из-за гор восходит солнце. Сильный холодный ветер пронизывает насквозь. Температура -15°C . Мы идем, как говорит проводник, по большому караванному тракту на Ладак. Но не видно ни караванов, ни самой дороги. По этому пути бежал Таши-Лама, учитывая вероломный характер своего светского сопровителя. Идем долинами, разделенными высокими перевалами параллельных горных хребтов. Временами ветер стихает, греет солнце и становится совсем тепло. Горные пейзажи здесь очень красивы, и их красота дополняется удивительными сочетаниями цветов неба, гор и низин. Особенно обращает на себя внимание гора темно-лилового тона с белой шапкой снега. Природа создала из нее подобие двух стоящих одна за другой пирамид правильных форм и грандиозных размеров. На плоскогорье, на которое мы поднимаемся, собаки преследуют стадо диких коз, которое легко уходит от них. Спускаемся в долину и разбиваем лагерь на краю замерзшего болота. Эта местность называется "Доринг", то есть "длинный камень" в переводе с тибетского языка. И действительно, в связи с названием местности мы заметили по пути какие-то высокие стоячие камни. Надо думать, говорит Н.К.Р., что в этом есть что-то интересное. Названия местности обычно идут из очень далекого прошлого, и отмечают ими нечто необыкновенное. И действительно, так и оказалось... По дороге к лагерю замечаем целое городище стоячих камней. Устроившись и пообедав, предпринимаем с Н.К.Р., доктором и Ю.Н. экспедицию к интересному нам месту, находящемуся на километр за нашей стоянкой, и находим первую встреченную нами в Тибете археологическую ценность. Это или древнее погребение, или святилище какого-то, теперь не существующего в Тибете культа. Все комбинировано из вросших за целые века в землю камней и как бы представляет из себя три обособленные пространства. Первое вырисовано камнями как бы в виде квадратного помещения по десяти шагов в стороне. Из этого помещения ведет коридор шага в три ширины и шагов 20 в длину, обращаясь в усеченный конус и опять суживающийся в короткий проход шагов в 5, ведущий во второе помещение, продолговатое, при той же ширине второе длиннее первого, с выложенным в нем камнями сложным лабиринтом, служившим, вероятно, для ритуальных хождений. В нем двенадцать рядов ребром стоящих камней. Третье помещение святилища – круг, также ограниченный камнями и выложенный плоскими плитами известняка. В нем стоят дольмены, причем средний, самый высокий из трех, стоящих в ряд, слегка моделирован в человеческую грубую фигуру. Возможно, говорит Н.К.Р., что это сооружение восходит к каким-то друидическим временам и относится не более и не менее как к культу солнечного посвящения. К сожалению, никаких раскопок, которые дали бы ценнейшие данные, произвести нельзя ввиду того, что по законам Тибета углубление в землю и всякие раскопки являются тяжким преступлением. С интересом разглядываем мы древнее святилище, и Ю.Н. снимает несколько фотографий.

Тибетцы, как удалось выяснить еще в лагере, относятся с большим уважением к этому памятнику и приносят жертвы дольменам, что видно по тому, что три главных из них густо политы только что застывшим маслом. Мы рассматриваем с большим вниманием главный дольмен. Это гранит в рост большого человека, но узкий, со стершимися линиями моделизации. Он весь в дырах, выщерблен ветром и, видно, очень древней постановки. Н.К.Р. указывает, что надо внимательно следить по пути, так как могут встретиться еще и

другие памятники. По дороге назад Н.К.Р. говорит нам о друидических посвящениях, так мало известных официальной науке и связанных с культом солнца, гораздо более глубоким, нежели это обычно думают.

Между прочим касаюсь вопроса о посещении нами Лхасы, которая от нас так близко и войти в которую не представило бы особой трудности... И ставлю вопрос, желательно ли побывать там или Лхаса вообще не входит в план нашего движения. И Н.К.Р. говорит так: "Вы же сами знаете, что Лхаса ничего из себя не представляет, кроме свалки нечистот в прямом и, особенно, переносном смысле, и должна быть очищена даже по тибетскому пророчеству. Ведь все, что нас наполняет и влечет, – находится далеко за пределами Лхасы, и те Лики, к которым мы обращаемся, никогда Лхасы не посещали".

В палатке я тщательно перерисовываю сделанный мною набросок святилища. И думается, как мало знаем мы, не имея возможности углубиться в прошлое или раскрыть недра земли. Кто знает, что находится на глубине каких-нибудь пары футов под памятником, который мы только что осмотрели. Сколько тайн окружает нас. И вспоминается странная подробность нашего путешествия. Во время ночных дежурств, когда весь лагерь погружался в сон, а мы стояли среди пустынь, – в палатке Н.К.Р. зажигался свет и кроме его голоса и Е.И. слышался еще один, третий голос, тембром ниже голоса Н.К.Р. Но чей это был голос и кто третий мог быть в палатке – я так никогда и не узнал...

23.III. Сегодня ночью было тепло. Утром ветер много мягче, нежели в прошлые дни. Ясно – все идет к весне, к теплу. Идем ущельем, взбираемся на увалы. Кругом горы.

Оригинально песчаное поле, усеянное красно-фиолетовыми камнями. В кажущемся разнообразии пейзажа все же чувствуется что-то приевшееся и наскучившее. Ведь таков весь Тибет, который мы прошли. Та же мало меняющаяся расцветка, те же спуски, подъемы и горы. Впрочем, природа начинает понемногу раздвигать кулисы своей сцены. Она становится все грандиознее... Чувствуется близость Гималаев. Воздух довольно теплый, и ручьи раскрепощены ото льда. В горах пасется большое стадо диких коз. Входим в узкий каменистый коридор и постепенно снижаемся в три долины, расположенные одна под другой. Окружающие горы в причудливых формах то человеческих фигур, то каких-то животных, вздыбившихся на прыжке, и наконец одна скала в образе каменного чудовища, грустно опершегося на свою руку. Даже трещиной намечены уста в печальной складке... Дальше опять встречаем молибище. Квадрат, выложенный камнями, и на нем три моделированных дольмена. Подъезжаю и вижу, что и они обильно смазаны маслом. Тибет, и притом Центральный, ковчег буддизма, и в то же время – камни-идолы (в народном понимании, конечно), которым приносятся жертвы. Это что-то дико несурзное...

Издали видны разбитые палатки и черная куча народа, очевидно, поджидающая нас. Останавливаемся около них, под склоном горы, покрытой громадными глыбами сползавших когда-то с ледниками камней. Некоторые камни точно отшлифованы. С любопытством встречают нас туземцы. Здесь одеяния опять несколько иные. Подкафтання у мужчин ярче, встречаются красные, что в связи с наброшенной на одно плечо шубой очень эффектно. Женщины в особенных головных уборах, очень напоминающих старорусские кокошники. Околыши покрыты нанизанными на них сплошь белыми раковинами, а тульи с дном, выложенным серебряными монетами на темно-красной основе. Как попали сюда эти формы головных уборов, такие близкие к новгородской старине, – прямо непонятно. Опускающиеся на спины женщин полотенцеобразные покрывала, унизанные кораллами, бирюзой и серебром, тоже превратились из черных в цветные. Мечей видно меньше, но зато у каждого из мужчин праща. Общая же

особенность всех тибетских племен – грязь выражена здесь еще сильнее, чем где-либо. В самом нашем лагере двойное мегалитическое погребение. Интересно, куда может оно вести, к каким археологическим открытиям? Здесь есть все, говорит Н.К.Р., от неолитических находок до готских фибул и сколков с их мечей, что никогда еще не было отмечено путешественниками по Тибету. Как жаль, что вследствие религиозного суеверия тибетцев, во избежание гнева богов не трогающих недр земли, – нельзя произвести раскопки, которые открыли бы тайны дотибетских древностей.

Здесь нищета так велика, что невозможно достать ни молока, ни баранов, ни ячменя или других продуктов. Удосужился ли когда-нибудь Далай-Лама, говорит Н.К.Р., приехать посмотреть, как живут его подданные, или, согласно своему высокопарному титулу "Океан знаний", он не нуждается в этом и предпочитает сидеть у себя в Норбулинке (маленький дворец, построенный в виде европейской виллы) и питаться милостыней наивных богомольцев.

24.III. Местность Ратри. Сегодня особенный по красочности рассвет. Оранжевое зарево на фоне голубого неба, обложенного серо-жемчужными тучами. Сворачиваем лагерь в окружении любопытных туземцев, которые с интересом помогают нам в работах.

Удается поблизости рассмотреть головные уборы женщин, которые вчера, кокетливо хохоча, не давали к себе подойти близко. Если бы они знали, что в нашем представлении далеко не ушли от макбетовских ведьм. Сегодня женщины так заняты созерцанием кухонных приготовлений, что совсем не замечают, как мы с доктором подходим к ним сзади. Интересна серебряная орнаментировка на тульях, и очень уже странно видеть под кокошниками, "вместо красивых лиц, которые часто бывают у русских крестьянок", страшные физиономии тибетянок, обильно вымазанные кровью и салом. В толпе гуляет какой-то тип с совершенно закрытым всклокоченными черными космами спутанных волос лицом и в одном плаще – это персонаж уже совершенно из времен каменного века.

Лагерь сложен, лошади оседланы, и мы стоим, ожидая, пока подойдет проводник. Какой-то тип производит вокруг нашей группы точно колдовскую операцию. Он описывает круги вокруг нас, бормоча себе что-то под нос, потом подает Е.И. хадак. Ему дают мелочи... но он отдает ее окружающим. Для тибетца – это невероятно, и Ю.Н. спрашивает, кто это такой, – оказывается, помешанный. Тот продолжает что-то бормотать и в довершение вынимает меч. Помахивая им, он еще раз обходит круг и удаляется.

Мы садимся и трогаемся в путь, провожаемые некоторое время всей толпой. Потом проходим через три связанные горами долины. В первой расположено большое соленое озеро Гоманг-Цзо. В нежных акварельных тонах пейзаж, и по горам скользят, расходясь, остатки ночных туманов. Понемногу небо очищается от облаков, и проглядывает солнце, в лучах которого рождается целая симфония красок. Горы точно в бархатистых складках, дали мягко дымчатые, и в них лиловеют контуры гор. Переходим шумящий горный поток. Течение сильное и поток широк, а воды только до колена лошади, и кажется, что скользят берега и сам куда-то уносишься с ними в одном движении, а воды стоят и течения нет.

Н.К.Р. обращает внимание на заткнутый в шапке проводника наконечник стрелы. Опять чувствуется, говорит он, что-то связанное с переселением народов... мечи, фибулы, стрелы. Все это капли в какую-то чашу доказательств. Тот крест, который мы привыкли относить только к христианству, есть и в буддизме в виде знака Акдорже; через глубины веков проходит этот символ к друидам и, запечатленный на глифах древнего Египта, – приводит к первоначальному знаку огня-жизни в свастике арийцев. Через эти

неоспоримые вещи мы полагаем, что тот, кто назвал нам племена, или, вернее, народы готлов и атлов, знал, что они, вытесненные в своем первоначальном виде движением ледников, следы которых мы всюду здесь видим, – стали готами, прошедшими из Тибета на Алтай и оттуда краем южно-русских степей на Европу, и аланами, задержавшимися у Кавказа. Такой прогноз ставит Н.К.Р. и вызывает им оживленный обмен мыслями. Потом Н.К.Р. переходит к преданиям о солнечном культе и рассказывает данные о нем, которые ему удалось собрать.

На дороге встречаются туземцы и среди них женщины в головных уборах. Е.И. зорко усматривает еле заметную бляшку на одном из них. Так же зорко усматривала она на раскопках предметы каменного века, как мне рассказывали об этом участники работ Н.К.Р., археологи... Бесперывно по 12 часов в день шли эти работы, и даже рабочие, смотря на труд Е.И., говорили: "Теперь мы скажем нашим женам, как бере умеют работать".

Издали появляется в горах черная точка. Все ближе, и вырисовывается всадник. Это гонец, который посылался из Намру в Шендза.

На ружейных сошках укреплен флаг. Гонец слезает с коня и, почтительно держа в руках шапку, подходит к Ю.Н. Все в порядке, яки согнаны и власти дожидаются нашего прибытия. До Шендза три перехода. Гонца награждают, и он с пожеланиями счастливого пути покидает нас. Н.К.Р. указывает на неправильность названия проходимого нами района – скотоводческий, как это утверждает в своей книге Кюнер. Здесь нет пастбищ, а есть только сотни километров, усеянных галькой и камнями. Ни яков, ни овец, ни масла, ни молока... Дикое население влачит нищенское существование. "Впрочем, дикари – не эти несчастные, – замечает Н.К.Р., – а те, которые восседают в дзонгах, одетые в шелковые халаты и с драгоценными камнями в шиньонах своих причесок". Начинается снежная пурга, в которой мы и становимся лагерем.

25.III. Сегодняшний день знаменуется двумя интересными приобретениями, и Н.К.Р. называет его "днем креста и орла". Крест – любопытный охранительный знак, который выткан на переносье лошадиной узды еще при ее выработке и как бы стоящий над переносьем. Значит, и здесь сохранился знак креста от каких-то отдаленных эпох и, по преданиям, имеет какую-то таинственную силу. Наша находка есть лишнее доказательство вчерашних слов Н.К.Р. Одна из таких уздечек покупается для нью-йоркского Музея. Таким образом крест – в стране ламаизма. Вторая интересная вещь – металлический круг с грубо стилизованным двуглавым орлом, замеченный среди других украшений на женском головном уборе. Н.К.Р. считает эту, по-видимому, старую вещь несомненно связанной со временами готлов и переселением народов. С большими трудами удалось убедить женщину продать украшение. Е.И. хотела приобрести и целый головной убор – но это оказалось невозможным. Кокошники передаются из поколений в поколения и являются как бы семейными реликвиями, передаваемыми от матери к дочери.

Сегодня прошли опять несколько мольбищ. Переход из-за ветра очень неприятен. Идем долиной между горами с фантастическими очертаниями скал. То – точно развалины замков, то будто верки каких-то гигантских крепостей. Освещение солнца дает комбинации сепии с лиловыми тенями в горах и желто-зеленым ковром травы на равнине. Около гор на берегу реки хороший дом, окруженный каменными стенами. Это дом старшины, похожий больше на маленький форт, нежели на мирное жилище.

"И точно какой-то смотр, наше шествие через страну", – говорит Н.К.Р. Мы смотрим с ним на вереницу наших всадников и на идущие вдали транспорты, медленно движущиеся среди острых скалистых гряд отрогов Трансгималаев. И чувствуется, что мы не случайные проезжие,

не обычные путешественники, но каждый момент совершается что-то большое и создается суждение, нужное для будущего.

26.III. Около лагеря находим кусок окаменевшего ила с застывшими в нем раковинами. Местность здесь покатая к югу, и высота нагорья около 14.000 футов. Можно предположить, судя по находке, что много тысяч лет тому назад плоскогорье Тибета поднялось из волн океана при очередном катаклизме. Какие грандиозные перемены и изменения меняли лицо нашей маленькой планеты. И мне вспомнилась надпись, которую когда-то сделал на своем портрете Н.К.Р.: "Из древних чудесных камней сложите ступени грядущего". Так и в этом аналогия. Строительство природы с переменами в ней и строительство духа, оба основанные на данных прошлого. Я напомнил эту надпись Н.К.Р. "Конечно, прошлое является аккомпанементом к симфонии будущего, но следует быть осторожным, чтобы не окунуться в ветхость", – отвечает он.

Идем прямо на юг. Прекрасны горы в желтых, зеленоватых и дымчатых тонах, переходящих в темно-лиловые. Появляются большие стада яков и баранов, а вдали нет-нет мелькнет стайка диких коз. Проходим темно-зеленые горы с бархатистыми складками. Одни в виде громадных холмов, другие – скалистые, с глубокими обрывами и наклоненными над долиной утесами. Поразительны эффекты освещения, такие характерные в Азии и точно созданные для театральных декораций... Навстречу нам из-под толстого льда выбивается полноводная река и опять уходит в прозрачный ледяной туннель, дающий бледное зеленоватое освещение, переходящее в темноту... Весь переход надоедает ветер. Конечно, это уже не те страшные вихри, которые делали подчас климат невыносимым... но все же в нем удовольствия мало.

Около реки разбиваем лагерь. Примером лжи тибетцев и их преувеличений можно указать, что о реке, перейденной нами по стремя, уже два дня встречавшиеся туземцы рассказывали самые страшные вещи, а на поверку оказалось, что все это ложь. По словам доньера, мы свободно можем уже завтра быть в дзонге, но местные старшины хотят почему-то растянуть наше движение на новых два дня. Рассказываются небывалые вещи о трудности пути, о том, что на перевале стоит замерзший караван... Ни дня не могут тибетцы обойтись без этой скаредной лжи, которая наполняет всю их жизнь. "Только тогда вы не испортите себе настроения, если сразу не поверите словам тибетцев", – говорит Н.К.Р.

27.III. Идем по феерической местности. Красивые очертания гор, самые неожиданные комбинации света и тени, а главное – эффекты красок поразительны. То точно накинута на склоны гор старинные гобелены, во всей неприкосновенности их смягченных временем нюансов, то самые смелые сочетания красок, которые только могут найтись на палитре великого художника – природы. Красивы и скалы, дикие, своеобразные, чаще всего костяки осыпавшихся в далекие от нас времена гор.

Долина с небольшим замерзшим озером. Поток, вливавшийся в него с каменных террас, теперь застыл во льду. Впервые идем по тропинкам, выющимся по склонам холмов, с убранными по бокам камнями. Это караванная дорога. За все время пути от Намру мы встретили один караван и одного всадника, который, впрочем, оказался нашим

собственным гонцом. Ветер к 12 часам дня становится очень сильным и превращается в бешеный ураган, в котором мы с большим трудом ставим лагерь. Обычный южный ветер с Гималаев сменяется северным. Завтра предполагается приход в дзонг Шендза. Выясняется, что река, которую мы сегодня прошли, называется "рекой свастики". Ветер несносен. Он несет облака пыли и песка.

Стоим лагерем около озера, недалеко от аила. Женщины носят здесь свои шубы подхваченными гораздо короче, почти до колен, а головные уборы их изменились и стали похожими на шотландские фуражки, как их там носят пастухи, – но только не мягкие, а твердые, с острыми краями широкой тульи.

Завтра в Шендза надеемся найти паспорт из Лхасы, который правительство могло уже десять раз прислать нам. И что же должен представлять из себя Далай-Лама, приказы которого так медлительно исполняются.

Н.К.Р. указывает, какая роскошь идти по бесконечной картинной галерее природы, полной ее мастерством, таким великим и захватывающим. И видно, как досадно Н.К.Р., что из-за глупости тибетцев нельзя запечатлеть тут же видимые им красоты. Каждый невинный этюд был бы признан съемкой карты, чего страшно боятся как китайцы, так и тибетцы, – и мог бы помешать нашему продвижению на Сага-Дзонг, и так уже добытому с невероятным трудом.

Вечер закончился позорным наказанием Каду, загрызшим барана. Привязанный к своей жертве – он провел всю ночь на дворе вместо теплого ковра в палатке Ю.Н.

28.III. Шендза-Дзонг, Восходящее солнце золотит вершины гор, среди которых в маленькой котловине стоит наш лагерь. Свернуты палатки, нагружены яки, и мы садимся на лошадей. Выходим без ветра, в полной тишине. Нельзя вдоволь налюбоваться красотой гор, их красками и бархатистостью склонов. В одном месте причудливая скала венчает вершину, будто развалины небольшого рыцарского замка, как они бывают на Рейне. Идем неглубокими песками, частью галькой. Нет ветра, который спирает дыхание, леденит руки и свистит в ушах. Лошадям легко идти. Мы едем с Е.И., Н.К.Р. и я, – и она рассказывает нам о своих впечатлениях от Венеции. Картина за картиной встают перед слушателями в образном и красивом рассказе Е.И.

В двадцати шагах от нас с треском крыльев вспархивает стадо горных курочек, поднятых собаками. Полого поднимаемся на высокий перевал, на котором нам, согласно словам тибетцев, следовало бы увидеть страшное зрелище мертвого каравана, стоящего во льдах. Снега нет, тепло, а прямо перед нами поднимается большая гора со снежной вершиной. Это – Джекан. Внизу прекрасный вид: река, а за ней широкая долина, на горизонте которой протянулась горная цепь в лиловой дымке. На западе голубое Чаринг-Цзо, уже с проталинами. На середине равнины скучился своими мазанками Шендза. Спуск очень крутой, и приходится вести лошадей на поводу. Это один из самых трудных спусков последнего времени пути. Сходим в равнину. Маленькая лошадка, на которой я еду, отстав, рвется к остальным лошадям и, закусив железо, понесла. Идет опасная скачка по кочкам и замерзшим лужам, пока я, наконец, не скручиваю упорную тибетянку. Переходим реку, которой нас опять совершенно неосновательно пугали, и входим в поселок. Такая же грязь и беспросветная безысходность, как в Нагчу и Намру, – только меньше собак. Становимся на лужке за дзонгом, обнесенным невысокой стеной одноэтажным зданием, от которого нас отделяет ручей в глубоких берегах. Вся администрация уехала в Лхасу на новогодние торжества в Потале. Нам приготовлено

помещение в дзонге, но какой смысл терять лишний день жизни в палатке, на свежем воздухе! Доньер сообщает, что из Лхасы получены для нас паспорт и бумага с распоряжением отправить экспедицию прямо на юг, без всяких ограничений. Мы идем отсюда в направлении на Харцзе-Дзонг. Совершенно не лишено основания предположение, что паспорт догнал нас из Намру, скрытый во время нашего пребывания там губернатором. Характерная подробность, что очень трудно узнать имя любого тибетского должностного лица, сообщаемое в редких случаях и с большим неудовольствием... Дорога наша лежит через внутренний Тибет и теми путями, которыми не шел еще ни один европеец.

Население Шендза ничем не отличается от населения других дзонгов и так же убого, как везде. Здесь головные уборы женщин уже совершенно оригинальны. Они похожи на ажурные треуголки наполеоновских маршалов и состоят из деревянных основ, увешанных разными украшениями. У мужчин кафтаны оторочены леопардовым мехом.

Длинными рядами стоят на веревках приготовленные яки, а невдалеке пасется табун, из которого мы выбираем себе лошадей. Тибетская лошадь ростом вроде среднего пони, но крепка, вынослива и привычна ходить в горах. Европейцев она почти к себе не подпускает, и самая трудная задача на нее сесть. Раз в седле – задача решена... По статьям лошади Центрального Тибета гораздо лучше, чем на севере Тибета, и монгольских, исключая тех, которых пришлось видеть на Цайдаме. После обеда идем на прогулку в поселок. Мазанки, бедный монастырь и ни одной лавки. И это значительный пункт на Непальской дороге, отмеченный кружком города на всех картах...

29.III. Происходит размен долларов. Население считает полновесный китайский доллар равноценным индийской рупии того же достоинства серебра, но в три раза меньшей. Наивность или мошенничество. А менять надо для платы за нанятых, правда, уже по казенной цене, животных. И тут обрисовывается коммерческая жилка губернатора Намру. Появляется наш доньер с двумя мешками шо, которые на всякий случай были переданы ему тибетским сановником... если бы представился случай произвести банковскую операцию размена... Конечно, приходится отдать доллар по 18 шо, дав губернатору заработать по два шо на долларе. Здесь предлагалось только 14. Но зато появление доньера с шо произвело на готовившихся сорвать с нас серьезный куш дельцов Шендза впечатление разорвавшейся бомбы.

Выходим поздно. Ночью над лагерем пронесся ураган, а с утра дует ветер, и куда ни повернешься – все кажется, что он прямо в лицо. Нет ничего противнее этого ветра. Направляемся к озеру Чаринг-Цзо. Оно очень длинно, километров 25, и около 10-ти в ширину. Темно-синее, оно очень красиво, окаймленное красными горами, с опрокинутой над ним чашей голубого безоблачного неба. Горы меняют краски с песочно-желтого тона берега до темно-красного, переходящего в лиловый – вершин. Навстречу едет тибетец, и его шапка с опущенными ушами напоминает азиатский шлем времен Чингиз-хана. Проходим реку со струящейся поверх льда водой, всходим на склон горы, и с него открывается новый вид на озеро, с поверхности которого частью сошел покров льда, и серебрится на солнце темно-синяя вода. Иссиня-черная, она переходит в темно-бирюзовый и фиолетовый тон на мелях. Чуть волнуется вода в ветерке, и белые барашки бегут по ее поверхности на песчаный берег. Туземцы говорят, что в озере Чаринг-Цзо живут круглые животные с распростертыми лапами. Возможно, что это пресноводные черепахи. Поднимаемся над озером по скалистому карнизу. Если бы не ветер, от которого шатается стоящий человек, а лошадь с трудом идет, то наслаждение от красоты пейзажа, мягкости и нежности тонов и необычайной прелести озера – было бы полное. Но теперь

это все оцениваешь как-то меньше.

Ставим лагерь при шторме, который усиливается и превращается в ураган. Издали противно кричат турпаны. Мою палатку кренит, вырывает гвозди, и ветер, подбившись под брезентовый пол, приподнимает его вместе с кроватью, на которой я сижу, записывая свой путевой журнал, и я падаю, а полотнище палатки прикрывает меня. С трудом поднимают ее люди и спешат к другим, которые в таком же состоянии аварии. Туземцы утверждают, что эти вихри продолжаются до июля, после которого наступает время дождей.

30.III. Встаю очень рано. В мерцающем свете луны спит лагерь. В темноте тонут коновязи, на которых около полутора сотен яков; наши верблюды лежат кучкой, а дальше видны неверные силуэты пасущихся мулов и лошадей. Около яков расположились кучками туземцы. Зрелище нашего расположения – довольно внушительное. Облака ползут по земле у подножия гор, а в отдалении чернеется поверхность озера. Часть неба без туч и сверкает звездами. На рассвете просыпается лагерь. Наш "great fleet" ушел до рассвета, чтобы пройти опасный карниз, не мешая нам. На помощь при прохождении его посланы из соседнего аила туземцы. Лагерь свернут, и мы идем к горам, на крутой подъем. Окрестные горы в зеленоватых тонах гармонично сливаются с песками, по которым мы идем. Озеро от нас закрыто, и только в одном месте между двумя скалами открывается вид на его бухту; чернеют вдали темно-синие горы, убранные белыми мантиями снега, точно рыцари в орденских плащах... Потом поворачиваем в долину и по круче карниза проходим небольшое, уже вскрывшееся озеро. Издали поверхность его совершенно черная. Окаймляющие горы фиолетово-малиновых тонов, а небо над ними нежно-голубое. Вблизи поверхность озера, благодаря окраске дна, меняет свой черный цвет на темно-синий, бутылочно-оливковый и ярко-малиновый. Но вот рябь подергивает воду, и она вся делается иссиня-зеленой. Точно какая-то занавесь задернулась... Сочетание тонов воды, гор и неба – прекрасно. Ветер опять усиливается, но он уже не такой ледяной, как в прошлые дни.

После пяти часов пути – приходим к аилу. Вокруг пасутся очень недурные лошади. Впервые вхожу в туземную черную палатку. Ячья шерсть, из которой она сделана, правда, просвечивает, – но несмотря на порывы ветра снаружи, палатка вполне предохраняет от него. Наверху, во всю длину палатки, отверстие, в которое выходит сизый аргальный дым костра, разложенного посередине и обложенного несколькими камнями в виде примитивного очага. Разгорается костер, и даже становится жарко, но от едкого дыма никуда не спрячешься.

Н.К.Р. говорит: "Окошко духа в человеке обычно затуманивается, а потом и совсем закрывается наркотиками, алкоголем и табаком".

31.III. Ночью сравнительно тихо. Встаем при безветрии, но как только выступаем, начинается вихрь, который методично, не ослабляясь ни на секунду, преследует нас целый день. Совершенно неправильно наблюдение некоторых путешественников, что на Чантанге ветер стихает в весенние месяцы к часу дня... Он дует здесь и ночью и днем, за малыми исключениями. Моя лошадь временами останавливается, не будучи в состоянии идти против ветра, и жалобно ржет... Идем по узким коридорам между скал, выходя временами на карнизы. На спусках некоторые лошади, в том числе Н.К.Р. и Е.И., падают. Лошадь Портнягина понесла его, и нога осталась в стремях при падении. Бывшие вблизи туземцы успели схватить болтавшийся повод и тем предотвратили несчастье. Несмотря на то что градусник показывает днем до +10° С, – тепло только на самом солнце, и в палатках

приходится оставаться в шубах, то есть в том платье, в котором мы не мерзли в -25° С зимой. Проходим по широкой долине и поднимаемся на горные кручи. На ближнее озеро спускается стая диких уток. В пейзажах долин преобладают зеленовато-желтые тона прошлогодней высохшей и короткой травы. Горы по-прежнему – в красоте всевозможных оттенков, от светло-желтого до темно-пурпурного. Е.И. замечает, как особенно безобразны, при всей этой чистой красоте природы, темные пятна в долинах – обычно грязные, черные места прежних туземных стоянок. Грязь и черный цвет неразрывно связаны с тибетцем.

Проводник, ведущий нас сегодня, тоже в шапке, подобной шлему. Белая, с синими ушами, опущенными вниз, точно кольчужная сетка.

Наконец, после тяжелого перехода становимся лагерем. Ветер действует на нервы. Треплет и качает палатку, воем, свистит, а чуть порыв его сильнее, так вырывает гвозди и валит наши шатры. Узнаем от местных старшин, что Фильхнер здесь уже не проходил, а был отправлен правительством по более северной дороге, и что до Ладака ему придется идти не меньше 6-ти месяцев. Сегодня также выяснилось, что мы не получили маршрут Тенгри-Нур – район Лхасы – Гиангце исключительно потому, что Н.К.Р. на этом пути совершенно не настаивал. И надо полагать, что этот прямой путь был бы довольно тревожен и мог бы быть и опасен. Невольно вспоминается эпизод британской экспедиции 1904 года, когда в самый лагерь англичан, тщательно охраняемый воинскими караулами, – все же проник фанатик-лама и зарубил двух офицеров.

В лагерь приходит туземец. На нем белая шапка с опущенными ушами и красным шариком из коралла наверху. По рисунку она очень напоминает шлем римского legionera. Костюм туземца – черный кафтан и красные сапоги... сочетание цветов его наряда очень красиво. Вот уже целый год, как наши глаза отдыхают на живописных национальных костюмах народов центральной Азии и гармонии цветов, в которой азиаты, несомненно, умеют разбираться. Отвратительно будет опять увидеть "тройки", пиджаки и жокейки европейских низших классов. Да и хорошо носимый европейский костюм мало радует глаз. Вечером Н.К.Р. замечает, что красота и ее понимание есть первое условие для движения вверх по лестнице духа.

Интересны подробности паспорта, присланного нам из Лхасы. Правительство, возглавляемое Далай-Ламой, никак не хочет признать в Н.К.Р. – Посла Западных буддистов и цитирует его как Великого посла, почему-то, американского парламента. В одном из пунктов этого паспорта указано, что охота нам строго воспрещается. Неужели такой пункт уместен, если даже хорчиаб в своем письме в Лхасу отметил, что нами не убито ни одно дикое животное, а ведет экспедицию Н.К.Р., который, вероятно, знает заветы Благословенного не хуже, если не лучше "рябого монаха", как тут в насмешку называют желтого папу. Совершенно не упоминая в паспорте Посольство Западных буддистов, этим самым, говорит Н.К.Р., Далай-Лама принимает на себя ответственность за отделение ламаизма от буддизма и разделение последнего, вопреки заветам Благословенного. Время покажет, где будет истина Учения Будды, – на Востоке или на Западе.

Несмотря на многоречивость охранной грамоты лхасского правительства, мы сохраняем в полной готовности наше боевое оружие, наличие которого здесь более нежели необходимо. Не далее как вчера мимо нас прошел правительственный караван, окруженный конвойными с ружьями, на сошках которых хлопали в ветре разноцветные флажки. При караване вели двух разбойников, закованных в цепи. Они ограбили и убили

на большой дороге путешественников. Оказывается, тибетцы совсем не так безобидны и миролюбивы, как это представлялось. Смотря исподлобья, прошли мимо нас преступники. Лица их зловещи и мрачны, шубы в жалких лохмотьях, и в такт их шагов позванивали цепи...

Вечером после ужина слышим пение под аккомпанемент какого-то струнного инструмента. Муж, жена и маленькая дочка. Тибетец играет на инструменте, похожем на китайскую гитару со смычком. Мать и дочь притоптывают и приплясывают, подпевая. Это жалкое зрелище, и в нем нет ни красоты, ни грации. Девочке дают хорошее вознаграждение, и все трое благодарят Е.И. новой песней и новым подплясыванием под аккомпанемент гитары. Вся музыка тибетцев – испорченный китайский примитив.

1.IV. Выходим рано, так как предстоит двойной переход, с переменой яков посередине пути. Погода сносная и ветер невелик. Идем долиной между гор. Изредка по сторонам виднеются небольшие озера; пейзажи все те же. Интересна гора в тигровой расцветке – в перпендикулярных земле полосах, желтых и черных. С утра голубоватая дымка, в которую уходят дальние горы. Проходим могучий хребет, параллельный Трансгималаям и не отмеченный ни на одной карте. Поражают эти неточности карт. Н.К.Р. отмечает, что самые безответственные и свободолюбивые люди – картографы и что ответственность за точность созданных ими карт должна была бы быть сильно повышена.

На полпути меняем лошадей и яков. У аила все приготовлено, что совсем непохоже на обычай тибетцев. Быстро пересёдлываются лошади, и мы идем дальше. Яки перегружаются под наблюдением Портнягина, и скоро мы видим их черные точки, пришедшие в движение. В палатке доньеры угостили меня чаем, подболтанным белоснежным овечьим маслом и цзампой. Получился наваристый суп-пюре, который утолил голод и сразу согрел. По пути встречаем стада диких коз и горных курочек.

После почти восьмичасового пути мы подходим к установленным для нашей встречи палаткам с горящими кострами и кипящей водой.

Вечером поразительно красивый закат. Гряды облаков образуют завесу, окрашенную ярко-персиковым и оранжевым отсветом, а на этом фоне вырисовываются одними силуэтами темно-лиловые цепи гор.

Н.К.Р. при расстановке палаток обратил мое внимание на то, что у одного туземца висели на поясе четки, завершенные крестом, самым настоящим католическим крестом, как он бывает на четках в монашеских орденах Запада. Какой значительной темой исследования, говорит Н.К.Р., могло бы быть изображение креста в буддийской жизни.

2.IV. Выступаем с зарей и проходим мимо озера Пуг-На-Цзо. Оно в серебристо-дымчатом освещении, окаймленное, точно рамой, светло-желтыми песками. Над ним полнеба заволокло грозными свинцовыми тучами. С одной стороны – приветная лазурь и теплое, сверкающее лучами солнце утра, а с другой – горы, уже затянутые туманами белой пелены, в которой танцуют и кружатся снежинки; начинается снег пополам с дождем. Сразу пахнуло холодом, завыл ветер и вокруг потемнело. Горы дымятся туманами, и по их скатам ползут облака. Точно иглами, нестерпимо колет лицо. Морды лошадей заиндевели, и с них свисли ледяные сосульки. Идем красивой долиной, поворачивающей на юг. Справа и слева высокие горы с пологими скатами. Только в одном месте скат обрывается головокружительным отвесом, завершающимся у самого основания гор причудливыми черно-зелеными скалами. Ветер ни на секунду не унимается, всюду

клубятся туманы безнадежно испорченной погоды.

И мы говорим с Н.К.Р. о том, что, проходя суровый Тибет в апреле, мы пропускаем в его снежных бурях весну с ее теплом, клейкими листочками и запахом земли. Тем возрождением жизни, которое люди инстинктивно так чувствуют. Впрочем, Н.К.Р. больше любит холод и предпочитает чистый воздух высот Тибета всему другому. Он говорит, что оккультная работа должна всегда делаться в чистом воздухе и в холоде.

Около полудня подходим к аилу, где, как и вчера, мы сменяем животных в середине пути. Через полчаса идем дальше. Опять ветер, опять ледяной дождь со снегом после нескольких минут тепла в шерстяной палатке около раскаленных камней очага и чашки масляного чая. Проходим долину с чуть намеченными среди туманов стадами баранов и яков – и поднимаемся на крутой длинный перевал Пан-Чан-Ла, по надписи на карте находящийся на значительной высоте. С трудом поднимаются на него лошади, по временам останавливаясь и тяжело водя боками. Н.К.Р. обращает внимание на то, что наполовину снятая временем гора, через которую и пролегает перевал, – находится в периоде полного геологического разложения.

Наверху – точно все ветры сорвались как собаки с цепей. Но все же мы ведем с Н.К.Р. беседу, несмотря на то что постоянно приходится переспрашивать, так как из-за ветра временами почти ничего не слышно. Н.К.Р. говорит о древних танках, на которых изображается белый Будда, Будда белой расы, один из уже бывших на земле. И хотя имени Его не зафиксировано, но всем должно быть ясно – кто этот Будда.

Наконец, перевал за нами. Дальше спускаемся по ущелью в широкую долину с озером на горизонте. Над горами тяжелые тучи, и в призрачно-фантастических клубах ползут по земле туманы. К концу сегодняшнего, более нежели 8-часового перехода ветер стихает и погода проясняется. Долина желтеет пастбищами, и ароматно пахнет прошлогодняя трава. Везде рассыпано по равнине много стад. У одинокого холма стоит дом местного старшины. Озеро вдали это Нанце-Цзо, с зеркальной поверхностью уже набухшего льда. Нас ждут, разбиты палатки и есть кипяток. Последнее всегда особенно важно, так как дает возможность немедленно выпить кружку горячего чая и сбить болтушку из цзампы. Разбив палатки, становимся на отдых после тяжелого перехода.

Н.К.Р. говорит: "Настанет время, когда произойдет соединение церквей и религий. Но это соединение произойдет не на догматах, ныне существующих в них, а на новых, которые своей значительностью покроют догматы разделяющие как второстепенные и несущественные". "Реальность – куриная видимость".

3.IV. Местность Нотам-Ген. Встаем с рассветом при довольно сильном морозе и в 8 часов, несколько позднее обыкновенного, – уходим. Поднимается солнце, и становится тепло. Погода прекрасная, и она дает нам возможность безмятежно любоваться красотой, окружающей нас. Сегодня она по преимуществу вся в тонах и красках. Идем по широкой степи, окаймленной со всех сторон горами и сверкающей на западе полосой озера Нанце-Цзо. Зелено-желтая степь, фиолетово-пурпурные горы и голубизна неба с продолговатыми белыми облачками. Проникновенно торжественная окружающая тишина. В ней ни шороха, ни звука. Если сочетать с красками пейзажа белизну снегов, покрывающих вершины гор, то получается удивительно гармоничная картина перехода тонов в тона, смягченная нежностью красок далее. В степи пасутся стада диких коз и куланов, перемешанных с домашним скотом. То здесь, то там курится синий дым черных становищ. Проходим отдельный холм с осыпающейся одной стороной. Он очень красив.

Фисташковый грунт переходит в цвет "сомон" на одной стороне. На другой – бархатистые темные тени, положенные на зеленовато-бутылочный фон. Земля, небо, горы и дальняя полоса озера – все купается в лучах яркого южного солнца. Особенно приятно, что без ветра можно говорить.

Еду с Е.И., и она говорит о великих Учителях человечества, которые всегда слышат малейший стук ищущих приблизиться к Ним. Но ворота открываются только тогда, когда ищущий приближается не во имя личного, не во имя искания одних только знаний, но уже осознавший, что работа ученика должна быть направлена во имя общего блага, во имя эволюции ближних и дальних миров всей Вселенной. Дальше Е.И. отмечает суровость Учителей и то, что наставники и учителя, прощающие и утешающие, есть худшие предатели, которые заглушают голос духа, стремящегося к искуплению и возмещению. Е.И. говорит о переносе сознания с низших планов к высшим, от земного к духовному. Дальше мы говорим о легенде, сложившейся около Жанны д'Арк, о той красоте, которая овевала имя сожженной по инициативе сэра Джона Тальбота маленькой пастушки, водившей французские войска к победам. Отчасти должна она за этот романтический ореол английскому солдату, возведшему ее на костер, – иначе не сложилось бы вокруг ее образа такой красивой поэтической сказки – может быть, одной из красивейших сказок действительности. И если девушка мечтает в наши дни о красоте и о подвиге, то разве не предстает перед ней в смутных видениях образ Орлеанской героини. О многом говорим мы, и так становится грустно, когда думаешь, что так близка уже разлука с Е.И. и Н.К.Р.

Около полудня опять поднимается ветер. Он становится все сильнее, но не доходит до обычных пределов. К 2 часам дня разбивается лагерь, и все расходятся по палаткам после скромного обеда.

Н.К.Р. говорит: "Душа – капля. После смерти вливается она в Океан мировой жизни – Царствие Небесное. Но эта капля должна быть такой же чистой, как вся масса, иначе она не сможет с ней слиться и войти в нее".

4.IV. Жарко, не спится, и под утро слушаю, как начинает просыпаться лагерь. Кончок, тибетец, приставленный ко мне для услуг, приносит в палатку чай. Пора вставать. Быстро встаю и выхожу из своего шатра. Все небо затянуто опаловыми облаками, и через туман проглядывает бледным диском встающее солнце. Все окрестности застланы испарениями, сквозь которые еле обрисовываются контуры гор. Спустя полчаса туман поднимается и вокруг нашей долины показываются обступившие ее горы. Ветра нет, вокруг эта удивительная тишина, которую ощущали только бывавшие в пустынях. Ни шелеста, ни шороха, все погружено в немую тишину. Идем через степь. Выскочит из-за кочки заяц, покажется вдали стадо куланов – и это все.

Природа становится все более величественной и горы грандиознее. Особенно яркие сегодня краски. Желто-зеленый холм, по которому скользят тени облаков, точно перегибается в нашу сторону длинной полосой обвала ярко-пурпурного цвета и остается позади. Одна гора, песчаная, поросшая местами травой, переливается пурпурными и оранжевыми тонами, смягченными бархатистой дымкой дали. Другая в тонах сепии, переходящих в нежные зелено-желтые краски, опять же с бархатистыми отливами теневых гамм. Долина, по которой мы идем, с уже журчащими ручьями, окружена массивами гор. И вдруг при повороте эти горы точно расступаются по мановению волшебного жезла и перед нами открывается новое широкое пространство с отрогами далеких уже Трансгималаев, покрытых белыми шапками снега. К их подножиям тесно подошло большое озеро Данграюм-Цзо.

Идем уже около 7-ми часов, и я большую часть пути еду с Н.К.Р. Он говорит о перевоплощениях, забытом догмате, который некогда осмысливал христианское учение, бывшее тогда еще цельным и неразделенным. Осмысливал своей неопровержимостью и логичностью. Этот догмат в скором времени научно и властно войдет в жизнь современного человечества в виде нового пути в царство духа, как новый реальный фактор все движущей психической силы; сочетание прежних эзотерических дисциплин со вновь даваемой человечеству агни-йогой. С другой стороны, Н.К.Р. указывает на весь ужас душевного состояния тех, которые прилепились к призракам погрузившегося в небытие ветхого мира. "Кладбище прошлого, – говорит Н.К.Р. – Зачем прозябать среди могил, когда можно жить полной прекрасной жизнью перед перспективами яркого будущего. Будущего, дали которого теряются в лучах бесконечной эволюции миров".

Незаметно проходит путь, сокращенный беседой, и вот мы уже подошли к заготовленной стоянке. Вечер, садится солнце. Острые пики гор, до половины покрытые снегом, в фантастических тенях. Подножия мрачные, черные – а над самой цепью точно остановилось на ночлег облако, залегшее у вершин. Это цепь Тарке – так называются по-тибетски северные отроги Трансгималаев.

Н.К.Р. говорит: "Бороться, создавать и непоколебимо проводить свою идею – в этой работе создается облик человека". "Не следует отделять физический мир от духовного – они связаны, и их разъединяют по незнанию. Самая мудрая формула жизни: всегда соединение и никогда – разъединение".

5.IV. Теплое утро и прекрасный рассвет. Восток уже озаряется бледным предвестием зари, а на западе ночное темно-синее небо и в нем полный диск бледнеющего месяца. Жемчужно-розовым светом начинают озаряться снеговые шапки темных скалистых гор, потускнел и спрятался за громадами хребта Тарке месяц, и синева неба переходит в нежную лазурь. И вдруг и горы, и долина, и самое небо заливаются ярким солнечным светом радостного утра.

В безветрии, в тепле двигаемся мы в путь то по мелкому золотистому песку, то по скрежещущей под копытами лошадей гальке. В песке попадают маленькие ракушки. Идем по широкой равнине, навстречу отрогам Трансгималаев, которые в трех разнотонных группах лежат в нескольких днях пути от нашего старого лагеря. Протянулось вдали озеро Данграум-Цзо, еще покрытое льдом.

Часа через полтора хода подходим к быстрой горной реке Тарке-Цангпо. Начинается переправа. Сначала кора льда, потом быстрый неглубокий поток, вздутый таянием снегов, и опять ледяная корка у другого берега. Смотреть в воду – точно спокойная заводь, и только берега скользят мимо и быстро убегают. Лошадей сносит течением, у многих из всадников кружится голова. За нами переходят переправу верблюды и наш "great fleet". Отдыхаем в безветрии, и лошади идут бодро. После долгого времени, многих месяцев, видим заросли кустарников, сменяемых травой семейства вереска и пучками болотной щетки. Идем по зарослям, и со всех сторон выскакивают зайцы и несколько лисиц.

Еду рядом с Н.К.Р. Он говорит о духовных достижениях и о том, что под их действием претворяется внутренний мир человека. Не где-то в оторванности от земли и созерцании высших планов, а именно здесь, в обычной жизни, происходит это претворение, и обычность делается волшебной сказкой величайших душевных переживаний – ибо сознание с плоскости низшего "я" – переходит на плоскость высшего. Каждая мысль об отрыве от ветхого мира и его предрассудков, каждое стремление в поток космической

жизни, каждое стремление к осуществлению общего блага есть ступень подъема. Но еще большим достижением в этой области является победа над холодом, голодом и низшими эмоциями. Конечно, говорит Н.К.Р., голоса тела не могут быть убиты, но сила в том, чтобы не поддаться их желаниям, не омрачить духа настроениями, происходящими в низших этажах человеческой сущности. Необходимо волей подняться над желаниями низшего "я" и, забыв о нем, оставаться не тревожимым низменными желаниями. И нет выше достижения, нет высшей победы над самим собой, как суметь повернуть рычаг и, закрыв двери, не допустить в сознание своих низших проявлений. И наоборот, открыть другие врата светлым прекрасным гостям из океанов мировой мысли. Каждый такой акт есть реальная ступень подъема сознания в области высшего "Я".

Мы подходим к стоянке у озера. Почтительно берут наших лошадей приветливые туземцы – но надо сказать, что они очень дики. Рослые и сильные, напоминают патагонцев Южной Америки.

После обеда иду на озеро и сажусь в скалах, посвященных богам стихий. Верхние окаймляют небольшой курган, на котором построен субурган, уснащенный сотнями тряпок-флагов. Сажусь и смотрю на озеро. Кругом совершенная пустыня, ни аилов, ни стад. И в безветрии полная тишина. Нет ничего прекраснее этого многоречивого молчания природы. Озеро с дальними берегами, вздымающимися в горную цепь, небо с белыми облаками над самым горизонтом – все это слито нежной дымкой лазурно-пурпурных отдалений, и самое озеро, покрытое синевато-сероватым льдом, нерезко входит в общую гармонию красок и очертаний. Чтобы передать красоту природы в панораме у озера Данграюм, нужен не карандаш путевого дневника, а кисть художника – ибо иначе не передаваема эта, поистине, жемчужность азиатской картины... Удивительно, что в неподвижности природы, на первый взгляд, – чувствуется, если всмотреться, непрерывность биения пульса жизни самой планеты.

В палатке жарко, свыше +20° С, и я открываю зашитое с осени окно. Снижается солнце. Освещение делается пурпурно-малиновым, и легкий освежающий бриз доносится с озера.

За ужином пробуем воду с озера. Она с самым определенным откусом соды. Потом смотрим на озеро, на сверкающие на поверхности его лучи садящегося солнца. Рыба плещется и играет. Ею кишит Данграюм- Цзо.

6.IV. Местность Чумго-Марпо. Сегодняшняя ночь была какая-то макбетовская. До самого утра бушевал ураган, мешая заснуть. Свист ветра и в нем точно какой-то отдаленный вой, перемешанный с грохотами в горах. Голубина перевернуло с кроватью, доктора накрыло палаткой, под полотнище моей подбился ветер, накренил кровать, и я в спальном мешке соскользнул на пол.

Уже утро, немного стихает ураган, и в шуме ветра слышатся будто мягкие звуки труб. Точно трубят в раковины призывающие к молитве ламы. Это тибетцы зовут друг друга седлать яков и перекликаются мелодичными кличами, принятыми у здешних горцев. Занялась заря, когда мы выступили со стоянки, на которой остались только догорающие костры. Лучи солнца как-то проходят через тучи, давая всему мрачное освещение, в котором чудится что-то мистическое. Малиново-темные склоны гор, сбегające к сизо-серой поверхности озера. На льду большая темно-синяя проталина, и на краю ее неподвижно стоят какие-то большие водяные птицы, голубого с белым оперения. Солнце ярче пронизывает лучами прозрачные облака и выплывает над ними в лазурный простор

неба. Теперь весь пейзаж потонул в голубых и лиловых тонах, а горы за солнцем проектируются в одних только темных силуэтах. Подойдя вплотную к озеру, поднимаемся карнизом на прибрежный обрыв гор. Тропа, то отгороженная парапетом из камней, то просто открытая, идет над отвесом, гранит которого опускается в воды озера. Трудными подъемами и спусками минуем карниз и переходим ручеек, чистый, прозрачный... и опять поднимаемся. Дорога тяжелая, по скользким плитам-ступеням гранита, через острые утесы – над обрывом в сотни футов. Приходится совершенно поручить себя инстинкту лошадей, и надо удивляться, как они, точно кошки, лепятся верными, рассчитанными движениями по опасной дороге. Вне сомнений, кровная, конюшенная лошадь уже сто раз переломала бы себе ноги или оборвалась бы в смертельном падении в стремнину на месте маленьких горных лошадок.

На широком месте, пройдя через узкий коридор на равнину, подъезжаю к Н.К.Р. Мы любуемся красотой природы, и он замечает, что все в дальних планах гораздо гармоничнее и мягче ближних. Так и в жизни, говорит он, все более далекое имеет больше прелести, и на расстоянии все лучше. Говоря о горах, Н.К.Р. трактует их как завершение творения и переход к следующему акту творчества природы. Играют они роль и в творчестве духа. "Ухожу от вас я в горы", – говорит Гейне... А если вспомнить всех великих Учителей человечества, Будду, Христа, Моисея, Магомета... разве не на вершинах гор находили они фрагменты своих светлых Учений? Разве йоги Востока и искатели духа на Западе не находили именно в горах свои пути в царство великих достижений? Вагнер подслушал мощные аккорды своих творений в горах, и Ницше, в лице Заратустры, разве не нашел своего Сверхчеловека на высотах, далеких от равнин? Ницше? Разве он был понят своими современниками, он – по существу не разрушитель, а создатель, ведущий человека от современной карикатуры к незыблемому идеалу истинного человека... Так говорит Н.К.Р.

Мимо нас проезжает доньер, и Н.К.Р. обращает мое внимание на чепрак его лошади. И здесь опять крест. Синий крест на белом поле в круге. Звенят бубенчики на шее лошади в знак того, что едет правительственный чиновник. Ошейник с колокольчиками серебряный, на красной коже, и колокольчики украшены красивой орнаментикой ручной работы. Еще вчера рассмотрел я его подробно. С мелодичным звоном в такт рысит маленький иноходец и исчезает за скалой. Между ближней желтоватой и дальней густо-малиновой горами намечается ущелье. Входим в него, и в окне его выхода видно озеро, через которое намечаются необъятные дали с темно-сизыми горами на горизонте. Выйдя из ущелья, переходим небольшой вал с оврагами.

Н.К.Р. замечает, что как в природе, перейдя один хребет, следует искать дороги через другой, так и в жизни, одолев одно препятствие, следует сейчас же искать пути, чтобы побороть другое.

Перейдя вал и овраг, останавливаемся на отдых. Ожидавшие нас туземцы суетятся, расседлывают наших лошадей и помогают поставить палатки, с интересом рассматривая каждую вещь. Мы идем в совершенно особых условиях, не похожих на те, в которых ходили другие путешественники. Тогда как по отношению к последним тибетцы бывали агрессивны и встречали их обычно неприязненно – мы пользуемся, благодаря паспорту от лхасского правительства, их услужливостью и некоторым гостеприимством. Играет, конечно, роль и прекрасный тибетский язык Ю.Н., который производит на туземцев ошеломляющее впечатление и делает их сразу доверчивыми и доброжелательными.

Вечер выдался холодный и ветреный, но мы награждены прекрасной картиной природы...

Перед нами снеговые горы с острыми изломами своей неприступной стены. На первом плане бархатистые холмы. Над горным хребтом клубятся серые облака, сквозь которые местами проглядывает оранжевый закат.

Н.К.Р. говорит: "Образ истинной общины – еще не коснулся земли. Буддизм построен на различии между "очевидностью" и действительностью". "В начале всего мысль, – говорит Будда, – ею созданы миры".

7.IV. Утром новая картина природы, поразительная по своему театральному эффекту. Заря освещает с восточной стороны ярким насыщенным солнечным светом одни грани скал, тогда как другие, смотрящие на запад, остаются в предрассветных сумрачных фиолетово-серых тонах. Через несколько минут освещение гаснет и небо окончательно заволакивается пеленой облаков. День холодный, тусклый, и два раза начинает идти снег.

Идем долиной. Те же дали, те же обычные тибетские пейзажи в мелкой сетке дождя. Трава становится гуще и сильнее ее аромат. Входим в ущелье и оттуда в долину, в которой притаился у подножия Чог-Чу поселок из нескольких мазанок и палаток.

По дороге говорим с Е.И. о будущей эволюции человечества и путях к ней. И когда, подъезжая к палаткам, она видит, как доньеры и слуги ныряют в них, бросив лошадей и забыв все на свете, чтобы скорее наглотаться цзампой и масляным чаем, она с горечью говорит: "До тех пор, пока люди не победят власти желудка, никакая дальнейшая эволюция на планете не возможна".

Сегодня 35-й день нашего путешествия от Нагчу, а впереди не меньше месяца пути до намеченного этапа. Вспоминается наглая ложь губернаторов, утверждавших, что до самых границ Южного Тибета не более 28 дней дороги.

Не успели расставить палатки, как выясняется очередное безобразие административной неурядицы. Так как в письме лхасского правительства властям на местах не было указано направление нашего прохода, то вместо направления на Сага-Дзонг (Сикким) старшины подготовили по уртонам направление на Нари-Дзонг, т.е. на Ладак. К счастью, Н.К.Р., точно предвидя осложнение, послал одного из доньеров на два перехода вперед, и он успел предотвратить последствия небрежности или коварства лхасского правительства. Во всяком случае, перед нами опять потеря времени.

Туземцы говорят, что до Сага-Дзонга 11 дней пути, – но точно дороги туда никто не знает. Предполагается, что дня за два пути отсюда находится какой-то горпен – который должен знать дорогу в направлении на Сага-Дзонг. Такова здешняя неподвижность и полное незнание окружающего. Н.К.Р. улыбается, насколько Малый Тибет – Ладак – превзошел своего брата "великий Тибет", как называют напыщенно тибетцы свои дебри. За 35 дней пути мы встретили только один караван и не имели случая убедиться в каком-либо торговом движении.

8.IV. Местность Нак-Занг. Сделали совершенно ненужный двухчасовой марш по равнине, с тем чтобы остановиться на ночлег около двух разбитых в поле палаток; мы задержаны какими-то нелепыми соображениями, что следует ждать здесь едущего нам навстречу горпена. На наши протесты, что нас никто не может задерживать, старшины самого разбойничьего облика возражают, что кроме всего яки для нас не приготовлены и что во всем виновато лхасское правительство, которое послало нас по самой плохой дороге, на которой нет уртонов и по которой никто не ходит. При этом говорилось столько противоречивой лжи, что мы еще раз должны были вспомнить, что находимся в

разлагающемся Тибете. Видимо, действительно, космическая справедливость исполнилась, и этот кусок земли, именуемый себя государством, должен быть выявлен во всем своем безобразии для видоизменения всего его разрушающегося строя жизни. Для народа, являющегося страдающим элементом, необходимо, чтобы правление страной перешло в какие-то более опытные и более честные руки. И это будет не завоевание, а благотворное очищение страны от паразитов, свивших свое хищническое гнездо в несчастной темной стране и поработивших народ своим упадочным китаизмом, рука об руку с лицемерным искажением религии. Как иностранцы, не принадлежащие ни к одной из действующих в Азии национальностей, мы смело можем сказать это как совершенно беспристрастные свидетели совершающегося на наших глазах.

Когда находишься в стране такого невероятного невежества и разложения, вспоминается замечательное и мало кому известное пророчество Л.Толстого; в 1910 г., впад в транс, маститый писатель увидел всю Европу в пламени и предсказал такую войну, какой дотоле не знал еще мир. И он сказал так. Конец этого несчастья положит начало новой общественной эры для мира. Не останется более ни империи, ни королевств, но родится федерация соединенных штатов. И будут существовать 4 великих расы: англосаксы, латиняне, славяне и монголы. "Я вижу перемену, – говорит дальше Толстой, – в религиозном чувстве, и теперешняя церковь, как таковая, падет. Этические идеи почти исчезнут, и человечество останется почти без нравственных устоев. И тогда появится великий реформатор. Он положит краеугольный камень новой религии: Бог, душа-дух, бессмертие. Все это будет слито в новом понимании и образует новую мощь духовности. Наконец, я вижу мирную зарю нового дня. Человек, предназначенный для этой миссии, – монголо-славянин и уже существует на земле. Он является человеком активной деятельности и не представляет себе своего будущего исторического значения, которое предназначено ему Высшими Силами".

В тот момент, когда мы изучаем Тибет, может быть, самую гнилую страну во всей Азии, вспоминается это предвозвестие уже ушедшего в иные миры Толстого, полного созидательного пророческого сознания. Предвозвестие, уже частью исполнившееся на наших глазах.

Н.К.Р. говорит: "Суровость. Ибо если благость ко всем – то где же справедливость. Необходима не сентиментальность, а истинное горение во имя искоренения зла".

9.IV. Местность Намчен. С утра выяснилось нежелание крестьян Нак-Занга дать нам транспортных животных. Это нежелание основано на их недоверии к своему прямому начальнику горпену. Пришлось переписать паспорт экспедиции и передать эту копию крестьянам, что было единственным средством убедить туземцев дать нам уртонных животных. Очевидно, сроки подходят и народ настойчиво борется с одиозной ему властью, которую больше не может выносить. Горпен, он же и уездный начальник, имеет будто бы в своем ведении 400 палаток. Это елейный малопонятливый человек, увешанный образами и неустанно вертящий в руке молитвенное колесо. Он совершенно не может объяснить маршрута на три перехода вперед. Вообще, с 6.IV наша дорога совершенно запуталась, сойдя с Непальского тракта. Мы идем какими-то глухими местами, и по картам, совершенно неточным, – ориентироваться невозможно. Правда, они очень красиво вычерчены, с белыми пространствами вечных снегов и синими полосами ледяных полей. На каждом перевале точно обозначены футы высоты и тщательно размечены дороги. На местности же все наоборот, а особенно неточны расстояния и места населенных пунктов.

Выступаем в густом тумане, который быстро расходится в небольшом ветре. Идем горами, и по дороге к нам присоединяются 4 воина с фитильными ружьями. Старший из них одет почище, и в ухе у него золотая серьга с бирюзой, знак чина. Они на маленьких лошадаках, с живописно спущенными с плеча кафтанами. У одного молитвенное колесо, которое крутится по очереди среди оживленной болтовни. Это – почетный конвой, данный Н.К.Р. горпенем уезда.

Вдали намечается синее озеро билибинских акварелей. Горы, из-за которых видны хребты Трансгималаев, – напудрены ночным снегом.

Сначала путь хорош, лугами, песком, но потом долина сдвигается горами в узкое ущелье и начинаются каменистые пространства, очень трудные для лошадей. Переправляемся через реку в полном ледоходе. На берегу у аила моя лошадь падает, и я лежу совершенно беспомощный, в то время как на меня устремляется громадный тибетский пес. Ни вынуть револьвер, ни снять карабин. К счастью, хозяин пса бросается наперерез и отгоняет его меткими камнями, на которые отвечает жалобный вой моего отбитого врага.

В долине реки попадает много аилов и многочисленные стада. После шестичасового перехода появляются вдали синие с белым казенные палатки – это наш лагерь.

Н.К.Р. высказывает мысль, что хорошо бы отправить в Америку, в этнографический музей, несколько тибетских костюмов. Но это его желание останавливает непомерная грязь тибетского платья. Следует отметить, что в проходимых нами в эти дни местностях костюмы становятся богаче, а женские головные уборы ярче. Иногда кафтаны оторочены широкими бархатными полосами и мехом. Серебряные ладанки богаче и уже имеют связанные с серебром золотые части. Но с другой стороны, как это ни странно, лица туземцев в Центральном Тибете гораздо грубее и диче, нежели на окраинах страны. По отношению к нам все крайне предупредительны и услужливы, а если есть какая-нибудь невязка, то она всегда направлена против горпенев, доньеров и начальников дзонгов. Сейчас выяснилось, что наш путь идет по направлению на Сага-Дзонг напрямик, через большой перевал – это намного сократит его и вознаградит нас за путаницу последних дней.

Вечером за ужином Е.И. говорит, что высшая работа человека есть самоотверженная деятельность не для человечества Земли, не для человечества, населяющего другие планеты, а для наполнения пространства, с тем чтобы следующая за нашей эволюция другой планетной системы могла подняться сразу на высший уровень. Каждая наша скромная трапеза всегда оживлена обменом мыслями о высоких предметах, которые неразрывно спаяли нас прочной духовной связью с Е.И. и Н.К.Р. Приходит опять мысль в голову о скором расставании с ними. И когда смотрю на пики уже близких Трансгималаев, мелькает мысль – "не эта ли уже черта..."

10.IV. Озеро Тингри-Лам-Цзо. Утром, на восходе, -17° С. Ночью -20° С, а днем, в 5 часов дня, на солнце +38°. Разница плюса и минуса в 58°. Мы опять на большой высоте, и даже при привычке к высотам – одышка, трудность движений и усталость при движении. Н.К.Р. отдает распоряжение перейти на строгую диету, нормируемую доктором. Это единственное средство, чтобы быть уверенным за работу сердца. Сегодня выступаем при малом ветре, когда солнце уже начинает пригревать. Переход приятный. Дорога ровная, песчаная, только изредка прерываемая площадями гальки с камнями. Природа по-прежнему прекрасна и удивительны краски. Синее громадное озеро Тингри-Лам-Цзо с вдающимся в него мысом, увенчанным горой. По мере приближения к озеру горы

становятся выше, диче и угрюмее, и все же они хороши. Громадный утес наклонился над нашей дорогой, а над ним обрывы горы, обнажившие темные породы гранита. Встречаются изъеденные временем геологические скелеты гор. Подходим к самому берегу озера. Частью оно уже освободилось ото льда, частью еще покрыто своим зимним панцирем, просвечивающим зеленым и голубым, точно внутренним светом. На берегу и на воде тысячи птиц. Серые гуси, всякие породы уток, несколько видов чаек и турпаны. Особенно красивы последние: величиной с домашнего гуся, оранжевые с белой головой. Черные хвосты, и на них немного синего. Это весенний перелет.

Проходим вдоль берега и по ложу реки на ровное песчаное нагорье, где и становимся лагерем. Но ничего не приготовлено. Как выяснилось, гонец, посланный с предупреждением местных властей о нашем приходе, был найден доньером спящим на дороге. Видно, такова судьба срочных сообщений тибетских властей. Уже третий переход приходится энергично разговаривать с ленивыми неповоротливыми туземцами. И удивительно курьезная подробность для Центрального Тибета. Туземцы перестают понимать тибетский язык и говорят на каких-то наречиях, которые не только с трудом понимают Ю.Н. и Кончок, но и доньеры, которые едут с нами всего несколько дней.

По дороге Н.К.Р. говорит о деятельности не отдельными порывами, а непрерывным, постоянным устремлением, создающим ритм работы и жизни. В жизни нужна вечная борьба, и не только идейная, но и материальная. Как та, так и особенно другая закаляют нас и умножают наши возможности.

Вечером наблюдаем красоту заката. Темное небо, бурные серо-свинцовые облака и непосредственно над изломами горных цепей насыщенный витиеватого цвета закат.

Н.К.Р. говорит: "Величайшая задача человека направлять страдающих эгоизмом и себялюбием – к работе на общее благо". "Суровость должна заменить безответственные эмоции и кисло-сладкую сентиментальность". "Через работу и незаменимость – следует стремиться к общему благу".

11.IV. На рассвете с криком пролетают над лагерем тучи перелетных птиц. Они летят на север. Выходим в путь ясным холодным утром. Восходит солнце, и становится все теплее. Под темно-синей опрокинутой чашей неба вздымаются вершины гор, образуя с синевой неба в своих красках одну мощную симфонию, достойную кисти великого художника. Между двух гор поднимается новая вершина терракотового цвета.

Переход легкий, и лошади идут бодро. Я еду с Н.К.Р., и он говорит о творчестве и замечает, что можно быть художником, не создав ни одной картины, поэтом, не написав ни одного стихотворения. Так, разве великий Акбар не создал ли из мозаики разрозненной Индии – одной грандиозной картины великого государства? Все единственно в духе и в понимании красоты. Осуществление же – исключительно область техники. Дальше Н.К.Р. говорит о политике и бесстрастном к ней отношении того, кто знает больше, нежели обыкновенный человек. Но на это надо иметь право, добавляет он, считая себя случайным гостем двух лагерей – двух вражеских станов; имеющий на это право должен показать третий – в котором он уже не гость. А именно, космическое понимание, которое, как купол, покрывает собой все остальное. Оставляя мысль свободной, надо в то же время вести ее в дисциплине, направляя мышление в канал целесообразности. Не беспочвенные мечтания, а соответствующее каждой данной минуте действие должно быть ее объектом. И правильным воздействием красоты на дух должно быть не умиленное бездействие, а энергичное действие во имя ее. Потом

разговор переходит на духовную слепоту человеческую, которая временно необходима, ибо иначе мозг человеческий не выдержал бы представших перед сознанием страшных тайн бытия, тех "идей материй", о которых говорит Гете в своем Фаусте. Космическое прикосновение души к великим силам мироздания может вызвать состояние неопишемого ужаса. Обычно в начале этих ощущений стоят мыслеформы, поражающие своей величиной, своей бесконечной мудростью, созданные высшими сущностями.

Подъезжает Ю.Н., и Н.К.Р. делает распоряжения.

Я остаюсь один со своими мыслями. Скоро придется опять вернуться к людям, которые ничего не смогут сказать мне нового, и расстаться с теми, каждое слово, каждая мысль которых рождают новые мысли и раскрывают новые глубины духа. Никогда не изгладятся в моей памяти эти просторы Тибета, среди которых произошло столько удивительного и необычного.

Вечером так жарко, что сидим на воздухе без шуб. Вокруг палаток толпятся любопытные тибетцы. Лица их поражают какой-то тупостью уже не дикарей, а каких-то выроdkов. Мы стоим в замкнутой горной долине. Снега больше нигде не видно, кроме как на вершинах гор. На солнце весело играют рыжеватые сурки. Появились жуки и ящерицы-саламандры.

Н.К.Р. говорит: "Все в устремлении. Чем оно непрерывнее и сильнее, тем и ответ на него является скорее. Все достижения приходят медленно и проявляются неожиданно, иногда в минуты начавшегося отчаяния". "Часто из всего – не выходит ничего, а из ничего – все". "Молитва не должна становиться привычной. В ней всегда должен быть элемент неожиданности". "Главное – не усложнять жизнь, она и без того сложна".

12.IV. Местность Бамбу. Вокруг нашего затерянного в пустыне каравана разворачивается унылый безжизненный пейзаж. В темном прекрасного синего цвета небе чуть намечена бледная луна. И невольно приходит в голову сходство окружающей нас местности с мертвым лунным пейзажем. Те же горы, те же бесплодные равнины, как на погибающей луне, которую покинула жизнь. Переходим перевал Донг-Чен-Ла. Входим в долину с начинающей зеленеть травой, и местность оживает. Здесь выскочил заяц, там пробежал волк. Вокруг сдвинулись торжественно молчаливые горы. Но они говорят своей красочностью. Малиновый переходит в фиолетовый оттенок, и терракотовый в розовый. В другом месте матово-бархатные тона всех оттенков. В синеве далее пролегает основной хребет Трансгималаев, который мы на днях перевалим, чтобы войти в долину Брахмапутры. Горы суровы, круты и обрываются живописными скалами. Одна гора вся в доломитах.

Выходим в широкую долину и подходим к реке. Навстречу, от палаток, поставленных для нас, выходят туземцы. Они почтительно снимают шапки, вежливо высовывают языки и, взяв лошадей под уздцы, переводят через брод. Воды до путового сустава лошадям. Это та самая река, быстрины которой рисовались вчера старшинами как нечто совершенно непреодолимое без лодок. Это река Цюи-Цангпо. Перейдя брод, идем рысью. Под Е.И. падает лошадь. Мы с испугом подскакиваем к месту падения – но Е.И. встает и улыбается: "Плохой ездовик, который не падал", – говорит она и опять садится в седло. У палаток нас встречает старшина с чудесной серьгой в ухе. Из разговора выясняется, что мы опять идем каким-то неверным направлением, глухой дорогой, на которую нас направила халатность властей. Но красота вокруг и мысль о том, что мы идем там, где еще не ходили европейцы, – скрашивает все. Интересно, что экспедиция Н.К.Р. идет исключительно на средства, созданные искусством, кистью Н.К.Р., и в этом ее исключительность и

необычность.

После обеда туземцы, которые еще никогда не видали верблюдов, просят позволения выдернуть из их шерсти несколько волосков, так как считается, что каждый талисман, уснащенный парой верблюжьих волос, приобретает особую силу.

Труды дня окончены, и впечатления дня отмечены. Мы беседуем с Н.К.Р. об итальянских примитивах, о Беллини, Джотто и фра Анжелико. Он рассказывает о келье с маленькими окошками, в которой писал свои картины скромный монах, тогда как современные художники в большинстве не могут работать без мастерских со стеклянными потолками...

С характерным курлыканьем тянет стая журавлей, держащая направление на север. На переходе мы видели стадо диких яков и пятнистых оленей, пронесшихся наперерез через нашу тропу.

13.IV. Небольшим переходом передвигаемся к перевалу, за которым находится Сага-Дзонг, от него уже близко до Брахмапутры. Чувствую, что где-то скоро придется расстаться с Е.И. и Н.К.Р. Такими необычными стоят они передо мной в ореоле, отделившем их от остальных людей, которых я когда-либо встречал в жизни.

"Каждый идет по своему поручению, – говорит мне Н.К.Р. – Пройдут сроки, и опять мы встретимся". С момента разлуки начну я жить ожиданием новой встречи с Н.К.Р. и Е.И. – в новых обстоятельствах, чтобы узнать от них новую сказку жизни, – еще более прекрасную, нежели та, которую открыли они мне в течение нашего общения в пути через Тибет.

За обедом поднимается разговор о так называемых тибетцами "ролленгах" – оборотнях, которые есть астралы злых, очень низкого духовного уровня людей, оживляющие трупы; ожившие мертвецы бросаются на живых и стараются задушить их или принести вред. Это поверье распространено по всему Тибету. Единственное средство обезвредить такого оборотня – проколоть его острием и выпустить кровь. Интересно, как эта легенда подходит к рассказам о "вурдалаках" Сербии и вампирах Европы.

Любопытные сведения сообщил тибетский старшина о растении "балу", которое должно скоро встретиться на нашем пути. Цветет оно белыми, желтыми и оранжевыми цветами, и около него обычно держатся мускусные бараны, которые охотно его едят. Весьма возможно, говорит Н.К.Р., что это растение имеет в себе ингредиенты, связанные с мускусом, и подлежит самому тщательному исследованию.

По приходе на стоянку оказалось, что опять ничего не было приготовлено для нашей встречи. Кончок, которого ссадили с хорошей лошади, будирует и, показав вид, что не смог проехать вперед на той, которая ему была дана, – ничем не распорядился и ехал сзади, убедив и доньеров остаться с ним. По прибытии на место выяснилось, что гонец проехал здесь вчера и отдал распоряжения – но туземцы не захотели исполнить их, несмотря на то что приказ был подкреплён паспортом. На фоне общего разложения страны видно, что даже воля желтого папы здесь игнорируется, а его грамоты мало чего стоят. И как-то невольно думаешь, что только серьезное и мудрое правительство взамен лхасских шарлатанов может дать гаснущему народу Тибета последние светлые дни, используя одновременно и природные богатства страны в разумных и хозяйственных руках.

Вечером я говорю Н.К.Р. об итальянской картине, произведшей на меня большое впечатление: кавалькада итальянских сеньоров XIII – XIV веков остановилась с

отвращением и ужасом перед открытыми гробами, преградившими им путь. Н.К.Р. улыбается. "Да ведь это та самая замечательная фреска пизанского "Кампо Санкто", которая так необычайно сближает католицизм с основным буддизмом. Итальянский художник изобразил в этой фреске легенду о видении Будды, толкнувшем Его к будущему подвигу. Параллельно в русских жизнеописаниях святых видное место занимает повествование о жизни царевича Иосафа, являющееся жизнеописанием Будды. Так в центре католичества, в древней Пизе, и в православных сказаниях отдано внимание и буддийскому миру. Если бы только люди могли яснее осознать, какие благодатные струны протянуты между веками Учений жизни и какая чудесная Эолова арфа расширенного сознания могла бы зазвучать для имеющих уши". Далее мы говорим об овеванных древними легендами монастырях и городах Италии. Н.К.Р., везде побывавший, где только что-либо связывалось с историей или искусством, – с любовью вспоминает Перуджу, Орвиетто, Сиену, Пизу, Верону... И я представляю себе Н.К.Р., может быть, где-нибудь в многовековом саду аббатства или в зале епископского дворца времен Возрождения, беседующего с ученым каноником или просвещенным кардиналом, находящего с ними и общие темы, и общий язык. Как-то Н.К.Р. рассказывал мне о католическом миссионере в Урумчи, занятом сближением основ католицизма и буддизма. "Умный человек", – добавил он после рассказа. Так ярка восстает мысль Н.К.Р. из написанной им книги: "Я хотел бы видеть в христианских священниках такое же отношение к Будде, с каким просвещенные ламы относятся к Христу".

Сегодня годовщина выхода экспедиции из Монголии. Сколько за это время произведено наблюдений по положению буддизма в Азии. Я ознакомился с письмом Н.К.Р. по этому поводу, заготовленным им для буддийского центра в Америке. В нем в первый раз с непоколебимым утверждением установлено различие между буддизмом и шаманским ламаизмом Тибета. То, что еще недавно могло смешаться в понятиях широкой публики, – то подчеркнуто, разделено и утверждено в этом письме, имеющем кардинальное значение в вопросах буддизма, а следовательно, и вообще значения Тибета как религиозного центра.

Н.К.Р. говорит: "Дерзновение, бесстрашие и полная искренность. Двуличие – хуже всего". "Искреннее стремление к общему благу и желание стать чище сердцем всегда связаны с незримой помощью Духовных Учителей". "Необходима честность, ведущая к пути совершенной правды, лишенному личного начала". "Чем совершеннее дух, тем больше он страдает от несовершенства на земле".

14.IV. Горный проход Санг-Мо центрального хребта Трансгималаев. Стоим на самом перевале. Высота около 18.000 футов. Благодаря тому что местность пустынна, – населения совсем нет. Идти пришлось длинным подъемом, по тяжелой каменистой тропе. Нет ни травки на протяжении километров. Везде только камень, скалы и горы. В одном месте громадный обвал, обнаживший целую стену черного сланца. На подъеме встречались дикие козы и куланы. Появляются небольшие птицы, черные, с белыми грудью и головой, с красными хвостами. Поднимаемся все выше. По дороге ручьи скованы льдом. Камни в оранжевой и красной ржавчине на коврах желтых и зеленых бархатистых лишаев.

Мы едем с Н.К.Р. и Ю.Н. Разговор идет об охоте, и мне так понятен взгляд Н.К.Р. на охоту, взгляд почти военный. Надо сказать, что в Н.К.Р. нет ничего специфически штатского. Стратегия есть наука общежитийская, говорит он, и приложение ее практически развивается на охоте. Охота далеко не только ознакомление с жизнью животных и птиц, но развитие стратегических соображений, находчивости и быстрого принятия решений.

Именно охотой тренировал в науке войны великий завоеватель Чингиз-хан своих ордынцев. Потом как-то невольно опять переходим на Тибет. Кстати, перевал оказался совсем не таким высоким, как об этом врал старшины. Н.К.Р. вспоминает Ладак, где трудность пути оборачивалась гибелью животных, костяки которых тысячами устилали края троп. Здесь этого совершенно не видно. Тибет настоящего времени вообще страна невероятных преувеличений, так не вяжущихся с действительностью. Конечно, вполне понятно, что Эверест называется по-тибетски Джомо-Кенг-Кар, что в переводе означает "Снежная Владычица"; но когда лхасское правительство почему-то именуется "Благословенным дворцом, победоносным во всех направлениях", а его глава "Сокровенным и драгоценным покровителем, океаном знаний, держателем молний и учителем начальников", – то как-то невольно вспоминается титул какого-то африканского князька, именующего себя "быком, сыном быка и быком всех быков" – что, пожалуй, являет собой титул, еще более замысловатый. Этот самый "благословенный дворец" направил экспедицию по такой дороге, на которой нет ни селений, ни уртонов, ни корма. Экспедицию, составленную из полубольных, усталых людей, труды которых разделяет Е.И., людей, простоявших всю зиму на Чан-танге в самых невозможных условиях. Тибетец Кончок не особенно лестного мнения о своих компатриотах этого района. Когда ему сказали, что на кухню надо назначить на следующей стоянке водоноса, он задумался и ответил, сверкнув в улыбке зубами: "Лучше туда назначить мула, будет больше толку".

15.IV. Поднимаемся дальше на перевал Санг-Мо. Пожалуй, тибетцы и были правы, назвав его очень тяжелым. По карте высота его отмечена в 19.000 футов. Подниматься приходится террасами, долинами, лежащими одна над другой. Десятки километров часами идем по камням и скалам. Лошади падают, спотыкаются о камни, скользят на льду и оступаются в прикрытые снегом ямы. На громадной горе стадо диких яков, производящих в этой высоте впечатление мух на желто-серой стене дома, если бы она была наклонной. Их очень много, и они тихо движутся по почти отвесной крутизне. Наш перевал – осыпавшаяся и разложившаяся в тысячелетиях часть горной стены. Незаметно начинается спуск, и через несколько часов пути уже журчат ручьи и появляется кое-какая трава. Но впереди не видно далей, впечатление полной заключенности в горах. К полудню погода начинает портиться и горы заволакиваются молочно-желтым туманом; над их цепями нависают, спускаясь по склонам, снеговые тучи. Из ущелья вырывается ветер, и становится холодно. За последним увалом горы расступаются, и мы выходим на широкую равнину. На юго-западе новая цепь гор – южное ответвление Трансгималаев, а прямо на юг мрачные, черные шатровые горы, похожие на хребет Марко Поло, но не такие грандиозные. Конечно, сегодняшний перевал был нелегок, но в итоге снег по грудь, которым нас пугали, оказался чистым вымыслом, как и другие панические слухи, исходящие из тибетских источников.

Сегодня для нашей стоянки опять ничего не приготовлено, а крестьяне категорически отказались ехать за ближайшим старшиной. Несколько ударов нагайки Кончока сделали их очень сговорчивыми, и они отправились за представителями власти. Опять можно убедиться, насколько местные старшины не принимают во внимание распоряжений правительства, хотя доподлинно известно, что они уже несколько дней как извещены о нашем приходе. Вообще население местности Нак-Занг и проходимых нами районов округа Сага-Дзонг производит впечатление каких-то оппозиционеров правительства. Вид же местных жителей, как мы убеждаемся каждый раз, делается все более диким.

Сегодня в пути Н.К.Р. подозревал меня и сказал то, что я уже чувствовал и знал. Наша разлука близка. "Главное, не жалейте себя, – прибавил Н.К.Р. – Уверю Вас, для всего

полезного найдутся и время, и силы". И почему-то мне вспомнился один из путевых разговоров с Н.К.Р. о норманнах-викингах, напивавших своими героическими влияниями побережья запада и юга Европы. Смотрю на Н.К.Р., в его шапке-шлеме, походном снаряжении и черном плаще, накинутом поверх, – и перед моими глазами предстает викинг в образе Н.К.Р., и вспоминается, что и он ведет свое происхождение от этих грозных завоевателей. Но те, предки, были завоевателями меча. А этот, их потомок, еще выше. Он завоеватель духа.

Вечером любимся с Е.И. золотисто-лиловым воздушным освещением гор. Часть неба очистилась на самом горизонте. Потом это освещение меняется на сине-лиловое, а надо всем, на фоне серо-жемчужных облаков стрелами "а ля Доре" бьют золотисто-красные лучи заходящего солнца. Воздух чуть сырой, и чувствуется в нем аромат наполняющихся соком трав и запах оттаивающей земли.

Н.К.Р. говорит: "Немногие спасаются из стен разрушающегося ветхого мира". "Скверно, когда уверенность в себе переходит в самоуверенность". "Простота создает искренность, искренность – чистоту сердца". "Нет ничего ужаснее предательства, пошлости, лжи и страха".

16.IV. Местность Лап-Со-Рук. Опять не было приготовлено уртонных животных. Старшина не приехал, несмотря на вызов, и мы находимся в полной неизвестности относительно нашего дальнейшего продвижения. День – потерян. Всякие распоряжения центральной власти игнорируются как населением, так и старшинами. Можно себе представить, с каким театральным уважением отнеслись бы где-нибудь в Париже или другом месте Европы к бумаге с печатью самого Далай-Ламы, – а здесь такой даик-приказ просто пропадает на полдороги, выброшенный гонцом, или бросается старшиной в угол палатки без исполнения. И это не наваждение – а самая реальная действительность.

Кончок где-то был, о чем-то переговорил, и нам обещано дать яков на следующий день. "Конечно, – рассказывает Ю.Н. старик-туземец, – здесь плохо в смысле порядка, но что же вы будете делать дальше, около реки (Брахмапутры). Там народ такой, что никого не слушается, а правительственные грузы просто сбрасывает во избежание возни". Н.К.Р. считает, что халатность лхасского правительства, главным образом, основана на привычке к безнаказанности, исходящей, в свою очередь, из наглого узурпаторства Великого Имени.

По мере продвижения по Центральному Тибету курьезнее становятся и явления окружающей жизни. Так, например, караваны идут уже не на яках – а на... баранах, которые снабжены миниатюрными вьючными седлами.

Только что Кончок с некоторым комизмом рассказал, что даик с печатью Далай-Ламы и сам гонец, его везший, – пропали. Н.К.Р. распоряжается, чтобы в дальнейшем с приказами ехали наши люди, и говорит, что в Тибете надо в конце концов начать действовать самим – иначе никуда не доедешь...

Сидим с Е.И. и Н.К.Р. под навесом палатки, и Е.И. говорит о началах агни-йоги. Как пройдут эти принципы в жизнь, кого, как и при каких условиях пробудят они к новой деятельности – невозможно себе представить. Но именно в этой неисчерпаемой возможности и заключена истинная красота. Где-то, как-то, или ищущий, или удрученный и смущенный найдут книгу о "Знаках Агни-Йоги". К нашедшему ее притекут новые мысли, погрузившись в которые он познает, как сладки преданность высшим началам, стремление к идеалу и

творчество. И тогда, осознав это, он почувствует себя победителем.

Горы стоят сегодня под лучами солнца ослепительно белые. Здесь так много гор, что даже этот массив, под которым разбиты наши шатры, не имеет местного названия. Только побывавший в лабиринтах тибетских гор поймет, как трудно через них пройти туда, куда никто не приходит незванным. В Европе никто не знает, с чем объединяется понятие Шамбалы и насколько реально это понятие.

Н.К.Р. говорит: "Прекрасно знать и видеть, но и прекрасно верить в жизненную сказку. Вера – есть непреложное внутреннее ведение". "Зло уничтожается не проклятиями, а сознанием его непрактичности".

17.IV. Встаем поздно. Понемногу подходят яки, но лошадей нет. Ни старшин, ни доньеров не видно, и приходится иметь дело непосредственно с крестьянами. Они грубы, несговорчивы и почти нахальны. Несколько ударов вышедшего из себя Кончока сразу приводят крестьян в порядок. Высовываются языки, слышится "лалес". Приводят часть лошадей. Я остаюсь дольше других на месте снятого лагеря в ожидании лошади. Сажусь на камень с седлом у ног и карабином на коленях. Торгоут Очир ведет выбранного им для меня вороного конька, злого и с мохнатой гривой до колен...

Солнце греет основательно, вокруг запорошенные снегом горы, над ними голубое небо, и белый цвет снега так волшебным образом красиво связывается с голубым через дополнительный густо-серый маленьких туч.

Догоняю караван. Идем горной долиной, по берегу озера с уже оттаявшей серединой. Встречается интересное мольбище новейшего происхождения, может быть, употребляемое и теперь в извращенном ламаизме, где в большой мере отводится место поклонению стихийным и злым духам. Мольбище ограничено камнями, и являет своими очертаниями как бы наконечник стрелы, обращенной на восток. С боков "острия" два дольмена. Третий как бы запирает вход на мольбище с запада. Дольмены подозрительно вымазаны свежим салом или маслом.

Входим в черные горы, покрытые снегом, с острыми, точно вырезанными на небе пиками. Будто чернь с серебром. Невдалеке появляется стадо оленей с ветвистыми рогами, дальше собаки поднимают волка, который убегает характерной виляющей побегой с опущенным хвостом и скрывается в камнях. Вся местность оживлена громадными стадами овец, охраняемыми пастухами с пращами и десятками громадных псов.

Еду с Н.К.Р. и в беседе с ним уношусь далеко из Тибета. Мы говорим о духовных учениях и о том, что самым ближайшим актом космической справедливости должно было бы быть очищение Лхасы от недостойных лам и лжеучителей, извращающих учение Благословенного. И думается, если бы очистилось учение Будды и одновременно с этим засветилось бы своим настоящим светом Учение Христа, во всей его первоначальной чистоте, – какое бы великое завоевание духа стало перед человечеством – завоевание, которое дало бы пока несказуемый по неограниченности и благу своему результат. Далеко в будущее улетает мысль, когда я слушаю Н.К.Р., его четкую, стальной логики мысль, рисующую возможное будущее; перспективы духовной жизни должны войти в мир 6-ой расы, благодаря которой должна взять новое направление жизнь нашей планеты.

Дальше разговор переходит на одиночество. Н.К.Р. говорит, что истинное познание может приходиться только, кроме редких исключений, в полном одиночестве. Тогда, когда

человек становится подвижником мысли, отважным искателем истины, исключительно посвятившим себя космической работе и великим переживаниям героя духа. Это, – или маленькая жизнь бескрылого продолжателя рода человеческого, имеющего лишнее блюдо по воскресеньям... Одиночество. В нем красота и закрытое от толпы и чуждое ей понимание жизни. Что ведет такого одинокого искателя духа? Какие исполняет он жизненные миссии? Перед кем открыт его внутренний мир, и какие задачи и поручения исполняет он в своих путешествиях и уходах, во время которых никто не знает, где он? Внезапные странствования, идущие в неизвестных для обычных людей направлениях. В этом и красота, и обаятельность, и... тайна молчания. И в нашем путешествии есть белые места, над которыми читатель задумается. Чем же были заполнены месяцы нашего стояния на одном месте?

Незаметно приходим на место новой стоянки. Вокруг прекрасные граниты, от розовых до темно-малиновых, разбросанные по площадке, на которой встанут наши палатки. Холодно. Ветер.

Н.К.Р. говорит: "Озарение, или космическое сознание – есть непреложное понимание, понимание, идущее изнутри и ставшее частью сознания без всяких фактов и доказательств извне. Счастлив тот, кто осознал жизнь Дальних Миров и их связь с нашей планетой". "Первое условие достижения: хотите двигаться – начните двигаться". "Искание должно увлекать, наполнять жизнь, быть целью". "Создание твердынь знания – есть победа". "Дух и жизнь – неделимы".

18.IV. Поднимаемся на перевал Гиегонг-Ла около 20.500 футов высоты. Идем по ледяным полям. С перевала, который почти на высоте хребтов, открывается вид на целое море новых вершин. Совсем точно ряды окаменевших волн. Сегодня мы берем один из самых трудных перевалов. С него снижаемся тропами почти в 45° уклона. Лошади местами садятся и съезжают на крупах, как на салазках, изредка перебирая передними ногами. Дальше пологими спусками идем из одной долины в другую, расположенные зигзагообразно. Последняя суживается в ущелье со вздымающимися по обе стороны обрывами и отвесными скалами. По пути встречаются то затянутые занавеской пара гейзеры, то, в контраст им, водопады, застывшие в ледяных каскадах. В ущелье поток. Он то выбегает из-под льда, то опять уходит под лед. Идем по льду, которым покрыто все ущелье между стенами гор. Идти очень трудно по сплошному паркету льда. В промежутках между ледяными полями – пространства, усеянные камнями. Дальше камни сменяются утесами, через которые поднимаются, точно каменные ступени, узкие коридоры, ведущие на оледенелые карнизы над шумящим внизу потоком. Это опасные места, на которых, слезая, даешь полную свободу лошади и сам идешь, соображая каждый шаг, чтобы, поскользнувшись, не упасть вниз. После семичасового томительного перехода – приходим на стоянку, по месту которой гуляет пронизывающий ветер. Наконец, приходят верблюды, которые чуть не миновали долины, в которую мы свернули.

После долгого времени появляется хозяин ближнего аила, старик с пронырливой физиономией. Он не желает ничем помочь нам. Кончок действует кнутом, но и это не помогает. Только упоминание о том, что он будет связан и доставлен силой на расправу в дзонг – делает старика сговорчивым. Прибывает старшина и подъезжает еще несколько нотаблей. Когда им грозят, что обратятся с жалобой к Далай-Ламе, старшина отвечает: "Если вы признаете Далай-Ламу, то и обращайтесь к нему, мы же – горцы, и нам нет никакого дела до Далай-Ламы".

После обеда Н.К.Р. рассказывает о заложении в скором будущем нового города, который явится величайшим рассадником просвещения. Лаборатории, библиотеки, научные учреждения явятся центрами.

Если учреждения, созданные Н.К.Р. в Америке, имеют своей главной задачей школы просвещения и искусства, то новый город даст школы, в которых будут разрабатываться и даваться знания духа в истинном понимании их. Дальше переходим на беседу о Махатмах. Н.К.Р. дает несколько указаний о характерной технике Их действий, так называемой "тактике адверза". Иначе говоря, если Махатмы видят какое-нибудь несправедливое явление – еще не ощущаемое сознанием людей, то они не только не прекращают этого явления, а наоборот, расширяют его, пока каждому не станет очевидной его нелепость, неуместность участия в нем и глупость или злонамеренность его авторов. А потом – это необыкновенная энергия Махатм, которая является импульсом жизни. "Я действую – значит, я существую".

Рано расходимся по палаткам. Ложусь и быстро засыпаю. Будит голос: "Н.К.Р. передает – иметь при себе оружие и быть наготове. Туземный старшина арестован, и можно ждать нападения тибетцев". Сон исчезает. В одну минуту я готов, вооружен и выхожу из палатки.

Тихая ночь, и в высоте сверкают звезды. Из темноты доносятся вопли и причитания. В одной из палаток сидит связанный веревками старшина. На все предложения дать уртонных животных он, дрожа всем телом, – все же отвечает отрицательно. Он, оказывается, заявил, что ни сам, ни его люди не окажут нам помощи и никаких животных не дадут. Потом, взяв своих людей, он обособил всех тибетцев за пригорком у лагеря и занял враждебную нам позицию. Н.К.Р. приказал Кончоку пойти туда и привести взбунтовавшегося старшину, а если бы тот не согласился – то взять его силой. Для наблюдения и поддержания, если это понадобится, Кончока активной силой – отправлены европейцы. За пригорком, около двух костров, возбужденная толпа тибетцев. Среди них старшина. "Что? Ты не пойдешь в лагерь? Не хочешь? Взять его". Но туземцы окружают старшину. Сверкают глаза из-за всклокоченных волос. То здесь, то там поблескивают клинки обнажающихся мечей. Минута решительная. С нашей стороны характерно щелкают затворы карабинов, а револьверные дула направляются на толпу. Момент... и вокруг старшины образуется опустевший, широкий круг. Толпа раздается в стороны. Пленника ведут в лагерь; там торгоуты связывают его и кладут, как чурбан, в палатку. Решение Н.К.Р. бесповоротно. Или нам дают все, что мы справедливо и законно требуем, или старшина доставляется властям ближнего дзонга за бунт против приказа из Лхасы. Среди тибетцев возбуждение. Из-за холма доносятся бешеные крики и ругательства. Наш лагерь быстро приводится в оборонительное состояние, и мы ждем тибетцев, которые хотят, как сообщает подползавший к ним торгоут, освободить арестованного силой.

Распоряжение Н.К.Р. совершенно категорическое: первый выстрел со стороны тибетцев и... заговорят наши многозарядные карабины. Проходит часа полтора, и из-за холма появляются четыре безоружных парламентаря. Происходят переговоры, и дипломатия Ю.Н. создает соглашение. Старшина развязан и потирает затекшие члены. Тибетцы ползают по палатке в земных поклонах и высовывают языки. Так разрядилось будирование старшин против властей, тлевшее уже от самого Нагчу, – в открытый бунт одного из этих звероподобных.

Н.К.Р. сказал: "Знание рождает ответственность, тем страшен оккультный путь. Своими знаниями должны мы исполнить свой долг перед землей и людьми". "Ожидание –

неподвижность. Устремление – бросок в будущее". "Болезнь самомнения порождает тупость и невежество. Болезнь подозрительности тклет ложь и предательство". "Хуже всего те люди, которые не умеют верить и не знают мощи доверия. Эти люди – тени преходящие".

САГА-ДЗОНГ

19.IV. Прекрасный восход. Восточные стороны снежных гор лиловеют и освещаются розовым светом; а над ними бирюзовое небо утренних сумерек.

Лганье – вторая натура тибетцев. Их указание, что "существует две дороги; по одной такие перевалы, что их нельзя пройти, по другой такой маленький перевал – которого мы даже не заметим", оказалось враньем. Пошли по "легкой" дороге. На ней перевал, лошади еле его взяли и пал верблюд, груз которого пришлось перегружать на яков. Пройдя боковую долину и скользкое ледяное поле в несколько километров длины, пришлось подниматься по такой круче, что лошади еле двигались, останавливаясь через каждые три-четыре шага. Я попробовал слезть, но оказалось, что тогда лошадь совсем отказалась идти. Тащить же ее за повод из-за одышки было невыносимо... и пришлось опять с трудом сесть и так, по шагу, по два добраться до высоты. Оглядываюсь назад. Далеко за нами вся панорама пройденной нами системы Трансгималаев. Склоны гор, обращенные на юг, бархатисто-зеленые и бесснежные, мягкого тона. Внизу, точно муравьи, карабкаются вверх транспортные верблюды и яки. А наверху уже близко, почти над головой, линия хребта, который мы переваливаем, четко вырисовывающаяся на безоблачном небе. Кое-где ноздреватый, посеревший снег. На него поднимаются наши передовые всадники. Наконец, все наверху. Этот хребет выше многих остальных. Не поддается описанию красота вида и чистота редкого горного воздуха.

Мы слезаем с усталых лошадей. Перед нами спуск, такой же трудный, как и подъем. Дальше барьером стоит новая горная гряда – а дальше, за ней, какая-то иная, отличная от обычных... белоснежная, в девственном снеговом уборе. Мы собираемся тесной кучкой и смотрим на эти далекие горы. И есть на что смотреть. Это – Гималаи. Они кажутся очень близкими, но на самом деле до них не меньше 100 миль. Дальше Сикким и Непал, а еще дальше... жемчужина мира – Индия. На первом плане зеленые холмы, опудренные снегом, непосредственно за ними мрачные отвесные скалы.

Говорим с Н.К.Р. о дальнейшем путешествии и о том, что еще увидим. "Увидите Эверест – говорит, улыбаясь, Н.К.Р., – смотрите, не проглядите". И серьезным тоном добавляет: "Не проглядите, как это часто бывает в жизни, когда перед занявшимся мелочами незаметно проходит самое большое, самое ценное. Эверест – один, и ценностей, проходящих раз в жизни перед человеком, – тоже немного".

Переходим опасный покатый лед. Опускаемся ниже, и Гималаи скрываются за ближайшей к нам горной цепью. Путь лежит через ущелье с шумящим в нем быстрым пенистым потоком. Дальше – долина, запертая в высоких холмах прекрасных тонов, гармонично переходящих один в другой. Малиновые, оранжевые, желтые и нежно-зеленые. Ярко-малиновые – показывают на присутствие железо-марганцевых рождений; дальше гора бирюзово-зеленоватых оттенков – здесь наличие окиси меди.

Кочковатая долина, переходящая в нагромождение камней; зеленых с белыми жилами, розовых, белых гранитов, порфиров и других пород – целая гамма красок и оттенков. На склонах холмов появляются первые заросли туи, а под скалой пенится с шумом

свергающийся с нее водопад. У заводи пасутся домашние яки, помесь с коровой. При нашем проходе они поднимают головы и тупо смотрят на нас.

Маленький перевал, равнина, потом поворот на юг между двумя холмами – и перед нами дзонг Сага. Печальный поселок с несколькими мазанками и убогим дзонгом. По недоразумению или хвастовству – тибетцы называют его Сага, что означает "приятное место". Прибегает губернатор, грязное существо в европейской засаленной шляпе. В ухе у него бирюзовый кулон в бледном тибетском золоте. Из Лхасы получен приказ о нашем приеме. Расставляются палатки, и скоро лагерь принимает свой обычный вид. Впрочем, несмотря на приказ, уртонных животных не приготовлено. Доньер, который пойдет с нами отсюда, рекомендует маршрут на Янжу. Здешние власти, так же как и крестьяне, удивлены, что из Шендза нам был дан не кратчайший путь по южной дороге, а по никем не посещаемой северной дороге. С продовольствием очень трудно. Ни молока, ни других продуктов в дзонге нет. Мясо тоже трудно достать. Лошади и мулы имеют только половинную дачу на завтра.

Недалеко от Сага мы опять видели мольбище. Оно довольно древнее, с вросшими в землю камнями. Характерен приподнятый фута на три амвон. Направление мольбища также на восток. К сожалению, из-за суеверия туземцев никакие раскопки не возможны.

Н.К.Р. сказал: ""Штурм неба" был бы хорош, если бы он превратился в исследование Дальних Миров, которые не хотят признать ни религия, ни наука". "Устремление к духовному должно быть связано с потом земного труда".

20.IV. Начинается обычная тибетская канитель. Опять нет яков и собрать их, как говорит губернатор, возможно лишь в течение 4-х дней. Потом еще обстоятельство, которое ставит здешнюю администрацию в тупик: есть, конечно, приказ из Лхасы... но нет местного даика. Н.К.Р. спрашивает губернатора, согласен ли он дать расписку в уплате 100.000 нарсангов за причиненное нам замедление и задержку вопреки распоряжению девашунга. "Ну конечно, могу, – говорит губернатор, – с меня все равно взять нечего", – и плутовская его рожа расплывается в широкую улыбку.

Н.К.Р. хотел пойти в поселок, так как мы слышали, что в Сага должен быть какой-то храм. На поверку оказалось, что храма нет. Нельзя не обратить внимания на то, что в Сага, центре обширной области – не имеется храма. Вот это знак лицемерия тех, которые нагло претендуют на елейную религиозность.

Дом губернатора, он же и крепость, одноэтажное здание, обмазанное глиной. Поселок – дзонг и одиннадцать мазанок, над которыми треплются ряды молитвенных флагов на веревках. Везде много полудиких собак. Здешние жители уже настоящие тибетцы, но ничего похожего на национальные костюмы не имеют и ходят буквально в лохмотьях. По этим лохмотьям и облику – мужчин и женщин различить невозможно.

С утра принимаюсь за приведение в порядок своего дневника. Вспоминается разнообразие тем, которые затрагивал Н.К.Р. и строил ими фундамент нового расширенного сознания своих спутников. Искусство и красота природы, археология, государственность, литература и социальные вопросы в самой неожиданной, поражающей своей логикой форме. Области психологии и воли, отношений земли и космоса и жизненная борьба как укрепление сил и знаний... Так, чередуясь и переплетаясь, вливались новые знания в наше сознание. Чувствуешь, что Н.К.Р. большой учитель жизни, и радуешься, что довелось встретиться с ним на жизненном пути. Те

разнообразные отрасли знаний, которые он затрагивал, были мозаикой одной стройной системы.

Часто говорит нам Н.К.Р.: "Осознание собственных мыслей – лучший контроль над собой. Мысли должны быть четки и целесообразны – иначе это пустые мечтания. В основе последних обычно лежат только эгоистические соображения". "Прошлое не больше как догорающие костры. Кто может останавливаться на нем, когда впереди будущее с его новыми построениями и новым творчеством духа", – вспоминаю слова Н.К.Р., под влиянием которых создается какой-то внутренний пересмотр, обычно появляющийся с рождением новых возможностей.

21.IV. Оказывается, по карте Сага – большая крепость; так это и есть на самом деле. Здесь имеется гарнизон в 30 человек, без всякого, впрочем, намека на форменную одежду.

Вчера вечером тибетцы окончательно досадили нам своими невозможными выходками. С одной стороны, не выпускают нас из-за отсутствия транспортных животных, а с другой – у них нет ни продовольствия, ни фуража. 12 дней тому назад ими были получены распоряжения о пропуске нас и снабжении, и за это время – ничего не приготовили. Бараны как накануне падежа, в ячмене камни. За все цены – невероятные. За мешок ячменя в 39 фунтов – 11 1/2 нарсангов, тогда как у хоров, при удаленности от земледельческих районов и голоде в округе, с нас брали по 11 нарсангов за 60 фунтов хорошего ячменя и еще при этом наживались. Но что тибетцы доставляют нам в изобилии, – это наблюдения смеси из коварства, наглости и невежества, какое-то невозможное поношение человеческого достоинства.

Вечером у меня невольно вырвалось: "Как надоели эти тибетцы". Н.К.Р. сейчас же строго остановил меня. "Как может надоест нам познание? Разве мы не познавали ежедневно особенности этого народа, который в течение долгого времени останавливал на себе внимание всего мира, благодаря своей обособленности и таинственности. Теперь тибетцы уже седьмой месяц принимают все меры, чтобы показаться нам в истинном своем обличье. Как исследователям, никакие их коварства и отрицательные стороны надоест нам не могут. Наоборот, мы должны радоваться этому неожиданному богатству материала. Нам все равно, положительны или отрицательны эти материалы для самих тибетцев. Для нас важна только достоверность фактов".

Существует ли тибетский стиль, спросил я Н.К.Р., ведь существуют у соседей Тибета характерные стили: китайский, индусский, знаменитые персидские миниатюры. Попав в Тибет, перевидав и монастыри, и дзонги, и обстановку частных людей, я не могу уловить характера тибетского стиля. Н.К.Р. ответил: "В том-то и дело, что собственно тибетского стиля не существует. Правда, мы знаем красивые тибетские танки-картины, но вспомните прекрасную китайскую живопись прошлого, оглянитесь на древние превосходные фрески Аджанты в пещерах на севере Индии, не забудьте могольские миниатюры, и вы поймете, откуда составлены трафареты ламаистских изображений древнебуддийского характера. Мы знаем прекрасные изображения, но ламаистский шаманизм мог подобрать только некоторые черты их".

Во время этого разговора подошел какой-то невероятный оборванец, в котором по сережке в ухе мы узнали солдата сагского гарнизона (впрочем, по своей грязи и оборванности начальник гарнизона ничем не отличается от своих подчиненных), который между прочим рассказал Ю.Н., что как гарнизон, так и население питаются здесь цампой и падалью. Направляем солдата к Кончоку, и Н.К.Р. продолжает прерванный разговор об

искусстве: "В противовес Тибету обратите внимание на японское искусство. Оно так же имеет, как и тибетское, корни в китайском искусстве глубокой древности, но восприняло не трафарет, а сущность его, а потому и дало ряд замечательных художников, искусство которых поистине украшает жизнь. Япония дала незабываемые образцы творчества". Н.К.Р. указывает и на обычай японцев вешать у себя в комнате только по одной картине на каждый день, на следующий день меняя ее на другую. Какое в этом сказывается понимание и почитание искусства, говорит он. Разговаривая, перехожу на картины Н.К.Р. Он редко говорит о них и особенно о своих будущих картинах. Почему? Н.К.Р. улыбается: "Рассказанная картина это почти что уже написанная, а значит, и отошедшая в прошлое вещь". Чувствуется, что новые картины Н.К.Р. будут относиться к циклу Будды, а может быть, и Господа Майтрейи.

Потом мы прошли к мендангу. На нем отбросы,дохлая собака и... людские экскременты между каменными плитами со священными текстами. Дальше уже некуда идти...

Ю.Н. сегодня рассказывал, что древние буддийские писания переводятся на тибетский язык совершенно механически, без всякого сохранения глубокого внутреннего смысла первоисточников.

Нерва дзонга не только не появляется в лагерь по зову, не только не назначает указанных в паспорте двух доньеров, но даже не дает сведений, когда будут готовы яки. И это подтверждает наши наблюдения: чем ближе к Лхасе, чем глубже в Тибет, тем все хуже во всех отношениях. И главное – это невероятная ложь во всех случаях жизни и при всех обстоятельствах. Теперь нам вполне понятно, почему в разговорном словаре Чарльза Белла одна за другой идут следующие тибетские фразы: "Не лгите", "Не лгите опять", "Не лгите, или вас высекут".

22.IV. Несмотря на конец апреля, погода стоит свежая. К полудню обычно поднимается западный или юго-западный ветер. Идут сведения, что "будто бы" завтра пригонят яков. И на всем лежит эта печать "будто бы". Мы в полной неосведомленности. Продовольствие на исходе, сахара нет, фураж вышел, и лошадей приходится кормить цзампой. Людям ее тоже не хватает. В привозном из-под Лхасы ячмене на половину веса камня и песок. Тускло догорают дни нашей насильственной остановки в Сага.

Сегодня у меня какое-то особое сонливое состояние и полная пассивность. Такое же состояние и у многих других. Возможно, что это связано с какими-нибудь атмосферными явлениями.

Н.К.Р. сказал: "После ступени радости суровости идет ступень радости ответственного труда". "Мысли в сознании – океан волнующийся". "Следует зорко следить за своими мыслями – это начало власти над ними". "Ничто в области мысли не может иссякнуть. Через зоркость внутренней наблюдательности – фиксируются новые идеи из океанов мировой мысли".

23.IV. Сегодня к вечеру губернатор обещал подход яков. Будем надеяться, что этот четвертый день будет и последним днем нашей задержки. Н.К.Р. замечает, что в сознании тибетцев 4 и 40 дней не являют особой разницы; и вспоминает Америку, где в 4 дня строится целая жизнь. И я спрашиваю Н.К.Р.: "Вы действительно так любите Америку?" – "Ее нельзя не любить, – отвечает Н.К.Р., – уже за одно то, что там насыщенная бодростью атмосфера, и дышится там свободно, и меньше чего-то взаимоуничтожающего. Каждый, желающий там трудиться, имеет право на соискание труда со всеми остальными. Правда,

условия этих соисканий бывают суровы, но они суровы для всех, и все одинаково должны прилагать свои усилия. В Америке нет искусственных привилегий и каждый должен показать весь запас своей энергии. Американцы жизненно бесстрашны, и величина американских масштабов увлекательна. Обычные рассказы о материализме Америки остаются верными только для определенного типа людей, но все разнообразие других типов в самых разносторонних приложениях деятельности – дает возможность найти лучшую атмосферу. Независимость жизни, возможность труда в любой по выбору каждого сфере и доброжелательное отношение к хорошему работнику... разве это не залог для широкого преуспевания?" – "Да ведь Вы уже почти американец", – говорю я, и Н.К.Р. утвердительно кивает головой.

Завтра, по всей видимости, удастся двинуться в дальнейший путь. В воспоминаниях Сага-Дзонг останется местом, в котором нам не умели сказать ни точного количества переходов до ближайшего этапа пути и не смогли ни за какие деньги достать продовольствия. Разве что действительно, как говорил губернатор, население питается исключительно падалью. Вот уже можно непреувеличенно назвать Сага-Дзонг замком "Нищеты и убожества".

Н.К.Р. сказал: "Христианские мученики так радостно шли на смерть, ибо они уже при жизни испытали чувство радости жизни в высших мирах, то состояние, которое в йоге Востока называется *самадхи*".

24.IV. Лилово-розовая утренняя заря освещает вершины тор, напудренных ночным снегом. Потом разливается яркий свет и из-за горного хребта поднимается солнце. Смотрю на градусник, -1° С.

С трудом собираются уртонные яки. Н.К.Р. посылает за нервной замка. Но он не появляется и посылает ответ, что если бы мы были тибетскими чиновниками, – то он явился бы с низким поклоном; но так как мы иностранцы-пелинги, то это другое дело. Во всяком случае, животные все пригнаны, грузы навьючены, лошади оседланы и мы выступаем.

Теперь Трансгималаи протянулись уже за нашей спиной и мы прямо идем на юг. Переходим речки, совершенно освобожденные ото льда. У тропинки высится большой черный "олений камень", обильно политый маслом и окруженный прямоугольником врытых в землю камней. По всему видно, что мольбище совершенно новое и является местом поклонения шаманствующих тибетцев. Это явление по нашему пути делается все более безобразно-значительным, особенно если сопоставить его с только что виденным нами оскверненным мендангом.

По пути Н.К.Р. обращает наше внимание на красоту отдельного пика, высящегося одиноко над горной грядой. Это – "Властитель Саги". Н.К.Р. перевидел большинство азиатских гор. "Хорош Куньлунь, – говорит он, – очень красивы некоторые повороты Тянь-Шаня, величественны Сессер и Каракорум, – но все меркнет перед Гималаями".

Через два часа пути, пройдя около 15 километров, мы приходим на новую стоянку. Крестьяне, несмотря на все дайки и далай-ламские паспорта, не желают давать уртонных яков. Наш доньер очень низкого мнения о здешних крестьянах. "Они бунтари, – говорит он, – не повинуются властям, и единственная на них управа – кнут; дальше они совсем другие, гораздо лучше". Выясняется, что вместо сокращения нам опять хотели удлинить путь дней на пять. Теперь у нас хорошие карты. Районы и дороги обозначены на основании точных данных топографических экспедиций 1904 года. Обманывать нас стало

очень трудно, и тибетцы недоумевают, откуда пелинги так хорошо знают местность и открывают их шашни.

В полдень жарко. Появляются мухи.

Из разговора с доньером выясняется, что не дикие племена устанавливают шаманский фетишизм, а само лхасское правительство. Мольбище, которое мы прошли, оказывается, утверждено правительством и посвящено государственному оракулу. И это – правительство якобы буддийской страны. По пути мы встретили 6 мольбищ, на которых приносятся жертвы дольменам. Странно, почему в литературе об этом низшем проявлении фетишизма в Тибете почему-то до сих пор умалчивалось. Н.К.Р. говорит, что если бы относиться к тибетцам, как к другим диким племенам, стоящим на низшей ступени развития, то все отмечаемое нами, конечно, преломлялось бы под совершенно иным углом зрения, и мы прошли бы Тибет, просто не снимая руки с рукояти револьверов. Но лицемерная узурпация лхасским правительством претензий на звание хранителя буддизма – создает совершенно иную меру суждений.

Вечером Е.И., необычно для нее, возвращается к воспоминаниям прошлого. Она говорит о нескольких случаях людской благодарности, редкой в повседневном обиходе людей, дух которых еще не может сознать действительности. Между прочим она вспоминает, что известный русский художник Куинджи – учитель Н.К.Р., узнав о том, что кто-то невероятно злословит о нем, заметил: "Странно, я ведь, кажется, не сделал этому человеку никакого добра". Потом Е.И. вспоминает, что в 17-м году и позднее многие русские художники очень обижались на Н.К.Р. за его отъезд из России, конечно, не зная настоящих причин. И какие злобные взгляды можно было уловить, когда Н.К.Р. объявил о своем отъезде и художники увидели, что решение Н.К.Р. непоколебимо. И больше всех злобствовали те, которым было оказано в свое время много хорошего. "Со своей стороны, – прибавила Е.И., – я хорошо понимаю некоторые причины их возбуждения, зная, какое общественное значение имел Н.К.Р. в России. Непосредственно после революции имя его было именем кандидата на пост министра изящных искусств, который тогда предполагало создать Временное правительство".

Мимо лагеря проходят паломники. Они идут от священной горы Кайлас на берегу озера Манасаровар – на Лхасу. Оборванные, в лохмотьях, но вооруженные прекрасными боевыми копьями. Лица паломников внушают мало доверия, и превращение благочестивых пилигримов в нечто совершенно иное может произойти с молниеносной быстротой.

Н.К.Р. сказал: "Великий человек тот, кто силен терпением". "Наши сомнения – наши предатели".

ДОЛИНА БРАХМАПУТРЫ

25.IV. Яруцангпо, долина Брахмапутры. Заря разливает свой свет, розовеют снега гор и облака, ночевавшие над ними. Из-за "Сага-Джоджун", Властителя Саги, расходятся солнечные лучи, точно стрелы, и одинокое облачко над горой делается точно напоенным ослепительным светом. Идем на перевал Джа-Ла. Подъем невелик, но спуск крутой и глубокий. На самом перевале любуемся грядями далеких гор и вздымающимся из-за них зубчатым белым массивом. "Гималаи", – указывает Н.К.Р., и в тоне его голоса какое-то волнение. И чувствуется, что неведомая связь существует между жизнью Н.К.Р. и этой таинственной горной страной.

Идем по скалистому карнизу, обрывающемуся тысячами метров вниз на необъятную долину. Широко раздвигается панорама природы, в молчании созерцаем мы ее красоту, в которой нигде не видно присутствия человека. Чудесно пахнет твоей, и греет яркое солнце. Входим в долину с целой системой озер. Навстречу нам поднимается в горы монастырский караван с чаем из Ташилунпо, знаменитой осиротевшей резиденции Таши-Ламы. Конвоируют караван прекрасно вооруженные ружьями новейших систем всадники – это монахи. Одеты они в яркие кафтаны и сидят на прекрасных лошадях. Проходим небольшое озеро, сплошь покрытое перелетными птицами. Спускаются на воду чайки, какие-то особенные, траурные, белые с черным. Спускаемся в долину Брахмапутры, и за замыкающими юг горами с характерной облачной дымкой чувствуются Гималаи, а за ними Индия с ее экзотикой и чем-то особенным, которое знает только тот, кто там был. Знает – и никогда уже не сможет забыть.

Втягиваемся в ущелье. У входа в него громадное стадо баранов, тонкорунных, длинношерстных, с изящными витыми рогами. Ущелье расширяется, и зеленые скаты гор напоминают старый итальянский бархат. Потом проходим скалистый коридор, настолько узкий, что стремени чиркают о камни; делаем небольшой привал и сразу по знаку проводника поворачиваем на юг, беря естественный парашют. Мы в широкой равнине с глинистыми водоемами, дальше пески, в которых вьется река. И от одного к другому спутнику передается по каравану знаменательное слово "Брахмапутра". Здесь, сравнительно недалеко от истоков и особенно в период мелководья, река неширока... каких-нибудь 140-150 футов.

Как всегда неожиданно – пришло то, что я уже несколько дней как предчувствовал...

Мы простились, и я с тяжелым сердцем ушел к себе в палатку. Долгая, долгая разлука с Е.И. и Н.К.Р. передо мной. Грустно на душе. Завтра я опять становлюсь, как некогда, начальником каравана и уйду с ним в далекий путь, согласно директивам Н.К.Р.

В лагере появились какие-то люди, отличные от здешних туземцев. Это те, которые в неизвестном мне направлении поведут караван вожда. "Можно?" – у палатки он сам. Открываю полог шатра, и входит мой неожиданный дорогой гость. И это наша последняя беседа. "Теперь каждый идет по своему направлению, – говорит Н.К.Р. – Будьте тем сильным и мужественным человеком, которому дается серьезное и ответственное поручение. Смело и бесстрашно идите в жизнь. Это бесстрашие, о котором я так часто говорил Вам, является самым необходимым элементом Вашего продвижения и достижения. Только бесстрашие и соизмеримость действия приведут Вас к осуществлению Вашей задачи. Вы знаете, как сообщаться с нами в случае необходимости, – и знаете, что не следует злоупотреблять этой возможностью. Вам даны все необходимые знания. И заслуга Ваша будет в том, чтобы победа была достигнута Вами единолично, своими собственными силами. Вы Мономах – единоборец". Рука Н.К.Р. поднялась как бы в благословляющем движении, и я опустил голову. И когда поднял – в палатке никого уже не было.

Водоворот мыслей, какие-то прозрения в будущее, сознание чего-то необычно прекрасного и большого, что ждет меня в дальнейшей жизни... Я опустил на свое походное ложе, и меня охватил глубокий сон...

26.IV. Брахмапутра. Выхожу из палатки. Как все изменилось, и что-то такое, с чем мы сроднились, – ушло. Вырос новый лик. Лик искания и утверждения.

30.V. Бомбей. Всю ночь сижу над дневником и, наконец, ставлю последнюю точку. Летопись нашего путешествия закончена.

Заря разгоняет мрак, и с ним точно расплываются и стены комнаты. Опять вздымаются перед глазами угрюмые горы Тибета, вьются по карнизам пропастей тропинки и, пенясь, бьются о скалы потоки. И кажется, что в призрачном шествии скользит через седую завесу утренних туманов наш караван. Проходят медлительно-важно верблюды, понуро идут косматые яки. По бокам каравана, покачиваясь в своих высоких седлах, едут монголы в ярких кафтанах и меховых шапках, с карабинами за плечами. Группами идут черные тибетцы с длинными готскими мечами за поясом и с косами длинных волос, украшенными дорогой бирюзой. А впереди – европейцы. Обветренные, исхудалые лица, истрепанные одежды. Тесной кучкой окружают они изорванный в бурях и непогодах – звездный флаг экспедиции. И я невольно вытягиваюсь и отдаю ему честь, как солдат своему боевому знамени. Дрогнув, расплывается и исчезает видение.

"Прощайте, спутники незабвенного путешествия, прощайте".

Таит группа с развевающимся над ней знаменем, и только одна, освещенная лучами восходящего солнца, стоит передо мной как живая фигура Н.К.Р. в походном уборе. С обычной улыбкой смотрят глаза, и рука точно жмет мою руку в прощальном рукопожатии. И мысленно я говорю ему:

"Прощайте, большой человек, прошедший через мою жизнь в окружении созданного Вами волшебного путешествия".

Эпопея нашего похода закончена, и отныне из сказки личных переживаний – она становится достоянием истории.

МНОГОЛИКИЙ ЧАХЕМБУЛА

Послесловие к публикации экспедиционного дневника полковника Н. В. Кордашевского.

"Я как древние строители Иерусалима –
одновременно и с мечом, и с мастерком каменщика

Н. В. Кордашевский

Рукопись "С экспедицией Н. К. Рериха по Центральной Азии" принадлежит перу Николая Викторовича Кордашевского, одного из участников Трансгималайского путешествия 1927 - 28 гг. Она написана под псевдонимом "Н. Декроа" на основе авторских дневников ровно 70 лет назад по завершении экспедиции, известной теперь как Миссия Западных буддистов в Лхасу.

Эта рукопись обнаружилась недавно в архиве Музея Рериха в Нью-Йорке. Произошло такое знаменательное событие в тот самый момент, когда в Индии были найдены другие дневники, рассказывающие об этой же Центральноазиатской экспедиции, – рукописные тетради доктора К.Н. Рябина "Развенчанный Тибет" и начальника транспорта П. К. Портнягина "Современный Тибет". Все три источника, по странному стечению обстоятельств открытые почти одновременно, освещали совершенно неизвестные в научном мире факты, которые касались загадочной Миссии в Тибет буддистов-европейцев. Цель этой Миссии состояла в том, чтобы договориться с Далай-ламой XIII об

утверждении параллельной ветви Западных буддистов и об основании независимой буддийской столицы в Сибири, а может быть, и об избрании еще одного Далай-ламы.

*

* *

Об авторе дневника полковнике Н. В. Кордашевском сегодня почти ничего не известно. В нашем распоряжении имеется очень немногое, только его предэкспедиционные письма к Н. К. Рериху и З. Г. Фосдик (Лихтман), сотруднице нью-йоркского Музея. И еще несколько других источников.

Кордашевский пришел к Рерихам в Париже в августе 1923-го. Он сказал Николаю Константиновичу, что "упорно искал его". В то время полковник временно проживал во Франции и обучался оккультным наукам, слушал курс лекций в Институте Гурджиева, в парижском пригороде Фонтенбло. Кордашевский жаждал найти путь знания и избрал Рериха своим земным Учителем. Он был принят как новый сотрудник. И ему были даны: знак – Священный Плат, и духовное имя Чахембула, а позже – кольцо Аллал-Минга.

После одной из августовских встреч жена Н. К. Рериха, Елена Ивановна, записала в свой дневник: "Чахембула, воин слушай, ты дошел до Источника, руку протяни натянуть лук во Имя Мое. Теперь прими знак Мой и отойди в лес ожиданий" (25.8.1923). Это был напутственный указ полковнику Кордашевскому, который в кругу Рерихов нашел, наконец, то, что давно искал – близость к духовному источнику. "Наши сношения, – писал он в первом по отъезде из Парижа письме Рериху, – были звеном, которое связывало меня с Духовным Центром" (2.10.1923).

*

* *

Было самое первое письмо Кордашевского. Прямо из Парижа в Париж. В послании к Рериху – слова благодарности, в которых слышится клич воина. Слова о воинском долге, они так же естественны, как доспехи ратника.

"Дорогой Николай Константинович, уезжая, заочно хочу еще раз проститься с Вами. Я ухожу счастливый тем, что Учителю угодно было призвать меня. Ухожу, полный веры в духовную близость к Вам и к моим неведомым братьям, с которыми также создалась у меня незримая и неразрывная связь. Не знаю, за что дано всё это мне, ибо по делам и духовной слабости моим – не мог я быть отмечен. Но я постараюсь выполнить свой долг. Долг воина – возложенный на меня свыше. Жалею, что общение с Вами было так коротко, но надеюсь, что настанет время, когда оно возобновится... Душевно Ваш, Н. Кордашевский" (30.8.1923).

Так начиналась переписка с Рерихом. Это залог будущих тибетских странствий.

*

* *

Н. В. Кордашевский, Н. Декроа, Чахембула – три разных имени, принадлежащие одному человеку. Полковник Кордашевский – начальник каравана, возглавлял вооруженную охрану экспедиции Рериха в Тибет. Н. Декроа известен как автор газетных заметок в русской эмигрантской прессе и автор публикуемой рукописи "С экспедицией Н. К. Рериха по Центральной Азии". Наконец, Чахембула – духовное имя, извлеченное из глубин

прошлого. Темник при войске Тамерлана, начальник 10 тысяч воинов.

Есть сведение еще об одном имени Кордашевского. "Сайтумен. Египетский жрец. Наблюдатель движения звезд для определения часов богослужений. Подстрекаемый женщиной, проник в тайны Храма, для него закрытые. Казнен за это через утопление" (16.11.1923). Возможно, имя это идет от писательского таланта. Кордашевский – автор мистического романа. Первые главы написаны им в 1924 году и сданы в печать. Предполагалось опубликовать его в одном из русских журналов в Берлине.

*

* *

Н. В. Кордашевский – литовский помещик, отставной военный. Обосновался в деревне, недалеко от Ковно – жилище, старый родительский замок, и куча родственников. И в то же время, духовно, человек совершенно одинокий в Литве.

Письмо из провинции: "Чувствую себя чем-то вроде опального генерал-аншефа Екатерининских времен, "отъехавшего" в вотчины. Привычка к большой деятельности, путешествиям, впечатлениям – плохо вяжется с моим настоящим. Черные поля, лужи с плескающимися утками и желтые уборы деревьев. Сегодня как завтра... Не огонь это "передовых позиций духовной войны". Нечто вроде похорон духа по третьему разряду... карикатурная нирвана. Иногда поездки в город с суетней и микроскопическими делами и... опять деревня" (5.10.1923).

Вспоминались другие времена. В Первую мировую полковник Кордашевский воевал за отечество. Как офицер связи был направлен в Британскую армию. Жизнь бросала в Персию, Месопотамию и даже в Индию. Потом сражался с большевиками в Сибири. Год за годом – напряжение боя, дающее ощущение настоящей полноты чувств, всегда на пределе человеческих возможностей. Наконец, эмиграция на Дальнем Востоке. В 1919 году скитался по Монголии и Китаю. Это поворотный пункт в судьбе Кордашевского. В Пекине, будучи эмигрантом, жил в Русской православной миссии. "Он стал мистиком и считался своего рода чудаком" – так в своих анналах означила полковника английская разведка.

*

* *

Кочевая жизнь на Востоке не прошла даром. Кровавая бессмыслица гражданской войны не могла не сказаться на мировоззрении. У Кордашевского пробуждается жажда духовного поиска. Стремление найти истину, пусть даже облеченную в малопонятную буддийскую обрядность. Он всматривается в этот религиозный мир, что называется, не слезая с седла. И ламство за почтение к Будде выказывает ему расположение.

В Монголии Кордашевский встретился с Хутухтой, высоким буддийским священником (третье лицо в ламской иерархии после Далай-ламы и Панчен-ламы). Получил от него охранную грамоту и ценную танку с изображением Зеленой Тары. Знак возвращения на просторы Азии.

Дружеская связь с монгольским Владыкой явилась событием неординарным даже в глазах Рериха. После встречи с Кордашевским, Николай Константинович неоднократно напоминал полковнику: "Берегите бумагу от Хутухты" (7.5.1924). Эта грамота Хутухты становится как бы пропуском Чахембуле в будущую экспедицию по Монголии и Тибету.

*
* *

Встреча с Рерихом – ступень к Учению Живой Этики. В деревенской глуши начались опыты духовной брани. Несколько книг по оккультным наукам – весь запас пищи для мысли. Романы Крыжановской "Эликсир жизни", "Маги", "На другой планете". Лучшая из книг – "Листы Сада Мории" – призыв, первая весть. В ней даются указания для ищущих Путь. Это гимн красоте, уложенный в краткие формулы житейской мудрости. Кордашевский следует тропой Прекрасного. Слово о красоте, родившееся в затворе одиночества:

"У меня очень много энергии, и я готов на большие подвиги. Двигающая сила – это красота. Красота подвига, красота работы, красота достижений". "Вы знаете, – писал он Рериху, – почему я так любил военную службу. В ней масса красоты. Вот музыка барабанного боя. Казалось бы, просто треск... Но когда подумаешь, что под этот треск, казалось бы бессмысленный, много веков тысячи шли по воле одного на смерть, повинувшись этой воле, – треск барабанов приобретает величавую и мрачную красоту" (5.10.1923).

Жизнь в деревне располагает к тому, чтобы возобновить некогда начатые медитации. Явления и мысли – знаки пробуждающихся сил. Малиновый Плат, данный Рерихом, с изображением чаши, змия и трех кругов. Над ним часто видны вспышки света – ярко сверкающие звезды голубоватых, синих и белых тонов. Станные слова, странные фразы, в которых трудно разобраться. И все же, это может быть просто мысли, так волнующие Чахембулу, второе, скрытое "я" полковника Кордашевского. Вот образцы.

"Аллал-Минг... Зови Его... душой с Ним слейся. Бури земные пройдешь под Его щитом. Горе нарушившим закон любви. Возмездие горько. Скоро в путь. Неожиданно придет приказ. Дерзай, дерзай, Христос с тобой". "Держись братьев, найдешь силу в них. Перед тобой широкие задачи во славу дома Моего. Скорее, чем ты думаешь. Уже гонцы Мои несут тебе приказ готовым быть. Дерзай... Довольно" (5.10.1923).

*
* *

Отношения Чахембулы с наставником особенные. Рерих не просто руководитель и сотрудник, он, подобно Куинджи, Учитель жизни. Со своими учениками – в постоянной мысленной связи. Каждые две недели письмо. Дает задания и советы. Предостерегает от магических формул. Шлет слова для ежедневных вечерних медитаций. На декабрь: "Храм". На январь: "Дерево". На февраль: "Лик". На март: "Измерение". На апрель: "Ковка меча". На май: "Мужественно". Всё самое главное совершается над Священным Платом. Практическая школа Живой Этики.

В письмах Чахембулы всегда замечается необычное. Полковник часто говорит о служении человечеству и об Учителе Аллал-Минге... Вопрос об Учителях трудно обойти стороной. Это именно та основа, на которой изначально строились отношения между Рерихом и Кордашевским. Поверх земного учителя есть другой, Высший Руководитель, с которым в 1920-ом Рерихи встретились в Лондоне. Учитель Аллал-Минг – живая во плоти личность. Он также руководит Чахембулой.

*
* *

На жительство в Литве Чахембула получил указ: "Ищите новых". Суть поручения состояла в том, чтобы привлечь семь сотрудников к делу Учителя, а те, в свою очередь, должны привлечь еще семерых. Начался поиск "новых", знакомых с Живой Этикой. Кордашевский занят распространением тиража книги "Листы Сада Мории", выпущенной Рерихами во Франции. Книга находит своего читателя и притягивает к Чахембуле интересных людей.

"При крушениях и неудачах личной жизни – наступил новый период – новые подошли. Совершенно случайно натолкнулся я на целую группу объединенных и частью подготовленных людей. Женщина, стоящая во главе их, заслуживает особого внимания. Учительница гимназии и, в то же время, египтолог. Уголок ее комнаты весь в древних изображениях и посвящен Аменхотепу III. Тип лица ее... скорее нубийский и очень похожий на изображение матери Фараона. Являясь почитательницей Аменхотепа, она, кажется, еще не отдает себе отчета, почему это происходит. Но ясно, что душа ее принадлежит скорее Древнему Египту, нежели нашему времени... По интуиции и руководимая кем-то незримым – она совершает древние египетские служения... Она также знакома и с учениями Востока" (5.3.1924).

Психологическая характеристика руководительницы группы дает некоторое представление о той атмосфере, в которую окунулся Кордашевский. Он сам проявляет усердие в области знания – создает "Религиозно-Философский кружок" и популяризирует Учение Живой Этики. Еженедельно, каждый вторник – чтение лекций. Кружок Чахембулы занят теорией сравнительного изучения религий.

*

* *

Кордашевский включается в работу организаций Музея Рериха. Под руководством В. А. Шибаева в Риге начинает действовать "Мировая Служба", одно из семи оформленных учреждений Учителя. Помимо Шибаева и Кордашевского в латвийский центр приходят В.А. Руманов, Ф.Д. Лукин и другие сотрудники. "Мировая Служба" – ядро коммерческой деятельности. Основная сфера приложения это чайное дело, производство табака, издание книг.

Кордашевский разворачивает кампанию по продаже чая. Ведет переговоры с правительством Литвы. Планирует развить чайное дело и "перебросить его на Эстонию, Латвию, может быть, Финляндию и завершить круг Россией по уходе большевиков" (11.7.1924). Святослав Рерих – представитель по чаю в Сиккиме. Налаживает торговые связи с Дарджилингом. В имении Кордашевского засеивается пробный участок табака. Летом 1924-го собирают первый урожай, и на будущий год готовится плантация в один гектар. Масштабы деятельности начинают увеличиваться.

Немалое внимание уделено книжному делу. "Наблюдаю лихорадочный интерес к эзотерической книге, – писал Чахембула в Индию. – Здесь доходят до того, что переписывают друг у друга случайные книги по духовным и оккультным вопросам" (11.7.1924). Действительно, во всей Прибалтике скопилось множество эмигрантов, а книги на русском языке отсутствовали. Лучшие издательства в Петербурге, Москве и Калуге были разгромлены. Снова требовалось издательство, которое перепечатало бы старые книги и занялось бы новыми переводами. "Необходимы книги, открывающие эзотерическую сторону религий, через которые была бы видна связь религиозных учений в глубину веков и единство принципов, существующих в настоящее время" (11.7.1924).

"Мировая Служба" занята распространением книг. С большим успехом идут "Адамант" и "Пути Благословения" Н. К. Рериха. Также книги сибирского писателя Г.Д. Гребенщикова, лучшая из которых "Былина о Микуле Буяновиче".

Круг друзей и сотрудников ширится. Кордашевский называет их братьями и сестрами. Яруя, Радна, Логван, Тарухан, Удрая... За этими именами скрыты вполне реальные люди – В. А. Шибаев, З.Г. Лихтман, Л. Хорш, Г.Д. Гребенщиков, Ю.Н. Рерих. Всех объединяет порыв в будущее, стремление вместе служить человечеству. Целая отдельная страница духовного подвижничества.

Переписку круга единомышленников еще только предстоит собрать воедино. Выводы и открытия будут неожиданные. Одно из таких на удачу сохранившихся посланий – редкий случай неугасимого товарищества. Касание двух личностей, двух психологии. Письмо писателя Гребенщикова к полковнику Кордашевскому:

"Дорогой брат Чахембула! Еще недели за две до получения Вашего письма – я слышал стук родного сердца. Только несовершенство дисциплины мне помешало написать Вам. Но был порыв. Душа открылась к Вам. Угадала брата.

Большую радость принесли мне суровые слова Вашего письма. Почуялось бряцание меча ангела гневного, столь знакомого нам по Его полотнам. Почуялись суровые северные подвижники-монахи, и скиты в снегах, и воины облачные, несущиеся после боя в ночи и на бой поутру.

Да, облик Ваш мне люб. И под нахмуренной щетиною бровей вижу свет очей, любовью озаренных. Ибо во имя чего же меч свой поднимает воин? Не охраняет ли он входы в святая святых, где безмолвствует гроза всем грозам – Радость Любви Вселенской? Не исполняет ли он Силу Блага?

О себе могу сказать пока немного. Каждый несет новые познания о том, как мало еще знает о Его красотах. Но от сознания Его величия и от радости посильного Ему служения – вырастает жажда труда. Ибо так мало сделано и так много ждет еще работы упоительной.

Вот Вы – такая новая эпическая страница Его эпоса. Радуюсь обретению Вас, хочу Вас ближе знать и люблю земное Ваше, ибо и земное все божественно, земное – есть вещественное доказательство Его космических созданий. Да будут благословенны земные воплощения Его великих воинов – Архистратигов и Учителей.

Именем Святого Сергия из Радонеги – шлю Вам эти мои первые братские слова, слова человеческие. Именем великого Вождя нашего и Учителя во плоти сущего Аллал-Минга – братски обнимаю Вас. Чуете ли, какое совершается таинство нашего сближения духовного? И не чуете ли, как в единении со всеми братьями растут силы нашн, для земных битв необходимые? Растет радость от сознания, что мы не одни, но с нами рядом идут к свету лучшие Его избранники.

Вам, никогда не ведомый ранее и не виденный мною брат мой, говорю: препояшемся мечами, но в бой пойдем под знаменем Любви и для Ее вселенского владычества. Отныне с Вами навсегда, Тарухан" (24.9.1924).

*

* *

Чахембулу ведут вперед. День за днем новые переживания и душевные взлеты. Иногда

является беспричинная радость. Жажда молитвы и желание искать Бога. Иногда сильный свет и яркие видения. Одна картина сменяет другую. Шествие православных монахинь или женщины в античных костюмах... Вожди, закованные в железо, грохот битв, изорванные полотнища старых знамен... или священники, совершающие таинства, окруженные паствой видимой и невидимой... Прошлое поднимается из неведомых глубин, или образы настоящего, мечты одинокого искателя. Духовные опыты Чахембулы.

"Перед сознанием... перед душевными очами разворачивается мировая жизнь. Я начинаю фактически уже жить в ней, а не в той узкой клетке, которая отделена от Всего стенами рождения и смерти земного воплощения. Мысль облетает громадность мироздания, даже несмотря на те малые знания, которые у меня есть. Мысль проникает в прошлое Манвантары, прозревает будущее. Всё, прошлое, будущее и настоящее, соединяется в одно... скользящее по поверхности океанов бесконечности..." (14.7.1924).

"Планета становится точно булавочная головка – а волны вечности и бесконечного заливают своим сверкающим светом то пространство, которое так недавно было в сознании занято громадами тверди земной... Если Солнечная система пылинки – то я на ней как настоящая пылинки. Но, кроме того, я и дитя Божие. Бесконечно великий и бесконечно малый в одно и то же время. Капля, которая думает о блаженстве слияния с Божеством в Божестве... искра, вернувшаяся во всеобъемлющее, бесконечное Пламя" (20.7.1924).

*

* *

Дух Чахембулы колеблется и не может еще осознать всей важности данного ему поручения. Много подходит людей, много встреч. И на всякую встречу он смотрит как на "посланную" возможность найти личное счастье. В свои 45 лет полковник Кордашевский стремится устроить семейную жизнь. Он еще не женат и хочет найти себе верную спутницу.

Первая невеста пришлась по душе, но противодействие ее родителей расстроило все планы. Вторая – баронесса Ольга Александровна Рауш фон Траубенберг. Однако и здесь Кордашевский оказался на распутье. Он получил предложение ехать в Индию, в "страну Аллал-Минга". На суперфосфатном заводе владельцу требовался компаньон и помощник управляющего. Непременное условие – быть холостым.

Полоса неудач становится для полковника избавлением от несчастий. По крайней мере, именно так расценил Рерих: "Чахембула был только что трижды спасен. От двух ужасных женитьб и от гибели на английской службе в Индии. Но все три дара ему показались ударами" (10.7.1924).

Не прошло и семи месяцев как началась эта брачная эпопея. Третья женитьба тоже расстроилась. Невеста оказалась больна чахоткой. Четвертая...

*

* *

"Теперь я чувствую себя учеником" (31.8.1924). Все интересы Чахембулы переводятся в область духа. В ту сферу бессознательного, или наоборот, самого что ни на есть сознательного, где кипит настоящая жизнь. Приходит глубокое спокойствие. Душа внемлет и осязает грядущее. Оно так велико, что никакие эмоции и сиюминутные чувства

не вяжутся с ним. Чахембула сравнивает себя с громадой "Египетского Храма" во всей ее строгости. Ищет общения через Плат. Мысли, мысли и переживания...

"Есть у меня и странная мысль, – пишет он Николаю Константиновичу. – Как будто я должен получить из Ваших стран меч. Археологическую редкость, саблю, принадлежавшую темнику Знамени Большого Коня" (7.4.1924). Что же за причудливое желание?! Мысль, о которой никогда не скажешь, есть ли это интуиция или игра воображения. Рерих пишет в ответном письме из Индии: "Мысль о мече нам нравится, и если будет Указ, то и меч явится. Для Темника будет почетная работа..." (7.5.1924).

*

* *

В обыденности нахлынула волна бездействия. Отступили мысли о будущем, о красоте и грандиозности. Не удалось погрузиться по-настоящему в коммерцию, сельское хозяйство. Литературные пробы или какие-нибудь науки. "Одно время выдумал я себе занятие – египтологию. Но бросил. С одной стороны, изучать мертвое – нет пользы. С другой – по источникам официальной науки, в которой все ложно, – противно. Великая египетская религия трактуется просто как поклонение Светилам. А я знаю, что это ложь" (15.5.1924). Каббала и учения Египта навсегда так и остались для Кордашевского только близкими воспоминаниями.

Зато нашлось другое дело. Ближе близкого оказалась кинематография. Ему неожиданно предложили участвовать в издании книги по истории костюма. Это издание осуществлялось по заказу "Общества кинофильмов", которое затевало масштабную постановку фильма из эпохи нашествия Батыя. "Мне ужасно хочется принять участие в разработке костюмов, сочетания красоты восточных одеяний с требованиями той техники войны, которая была в те времена. Все эти шлемы, мечи, кольчуги, седла. Каждый предмет – археология, которую я так люблю. В такой работе я буду себя чувствовать, как рыба в воде" (22.1.1925).

Коммерция оказалась для Чахембулы заработком, археология – страстью, кинематография – служением. Надо было подготавливаться к художественной работе. Чтение литературы, посвященной Востоку, изучение быта народов Азии крепко связывает его с Монголией...

*

* *

Одно время, еще до Первой мировой войны, Кордашевский работал инженером на промышленном предприятии. Возглавлял целый отдел. В 1924-ом в Ковно он учредил Технический кооператив "Инженериус", объединивший в одну мощную организацию всех находящихся в Литве инженеров. Создалось положение, в силу которого ни одна техническая работа в стране не могла быть выполнена помимо этой организации. Своего рода товарищество экспертов.

Весной 1925 года Технический кооператив стал представительством "Мировой Службы", уже приобретшей к тому моменту статус транспортно-экспедиционной конторы. На деле, наряду с внутренними и международными перевозками, "Инженериус" занялся подготовкой транспортных средств для экспедиции в Центральную Азию. Для этих целей в марте 1925-го Рерихом было произведено вложение капитала. (Кордашевский вел переписку по денежному вопросу с главным финансистом рериховских учреждений в

Америке господином Л. Хоршем). А 1-го апреля экспедиционный караван Рериха находился уже в пути, на озерах Кашмира. Начался первый этап Трансгималайского путешествия (1925-26), окончившийся длительной стоянкой в Урге, столице Монголии, перед решительным броском в Тибет.

Деятельность по инженерии оказалась для Чахембулы на пределе физических сил. Для предприятия надо было организовать контингент служащих. Кроме того, непрерывное сидение в министерской библиотеке. Чтение новых изданий и журналов на многих иностранных языках. Сначала по своей узкой специальности, затем – по технике всего дела. Трудная работа Темника, Чахембула пишет новую повесть. Работа не всегда спорится. Это его единственная нужда и боль. Не то что счастье творчества, просто удовольствие работать – завоевывается с трудом. Нужно научиться новому и усовершенствовать старое. Но что-то все-таки стоит между ним и радостью бытия. Несмотря на это, Чахембула несет свои дневные труды.

"Очень много работаю над окончанием своей повести. Ничем больше не интересуюсь. Ушел с головой в XIII век. Сейчас пишу удивительно красивое место по психологии... Ордынец Темник начинает понимать свою деятельность в будущем. Он должен будет сделать все самостоятельно, и только в знак начала деятельности Темника – ему Ханом будет прислана сабля.

И вот, в этой главе я посвящаю почти всё – мечтам Темника. Он не только воин. Он не только думает о битвах, наоборот, он мечтает и о мирной деятельности. О постройке городов, о проведении дорог, укреплении границ необозримых территорий владения великого Хана. Он много беседует со своим братом об Аллал-Минге, о его прошлом и миссии в грядущем – тогда их захватывает красота сказки, воплощенной в жизнь. Перед ними разворачиваются картины новых безбрежных горизонтов. Захватывает дух от надвигающихся возможностей... Всё так грандиозно. Красота, рождающаяся в духе, любви ко всему и в творчестве. Новые вехи проходят на пути, дотоле не появлявшиеся... Вот приблизительно содержание главы" (22.6.1925).

*

* *

С Гималаев получена весть: "Придется стать перед ликом пустынь..." Это был призыв на просторы Азии. Рерих писал своему сотруднику в Риге Шибяеву, что в 1927 году Чахембуле предстоит "коня седлать". Полунамек, полуприглашение участвовать в Тибетской экспедиции.

Впереди еще почти три года до событий в Тибете, до зимнего стояния в летних палатках при минус 60° С на высокогорном плато Чантанг. А пока на литовской окраине – студии будущих странствий. Полковник изучает монгольский язык, вталкивает с остервенением гортанные слова в хранилища памяти. Рерих подбадривает, напутствует. Он дает совет "прислушиваться" к воинским нововведениям, подумать, как "практичнее вводить в частях истинное просвещение". Спрашивает Чахембулу, не разучился ли он сидеть в седле... "Об езде – увы, лошадей нет, и я лишен удовольствия. Хотя тот, кто умеет, разучиться не может" (24.8.1924).

ЧАХЕМБУЛА

Полковник Н. В. Кордашевский. 14 октября 1925.

*

* *

Еще один лик Чахембулы. Он работает над составлением биографий русских художников. Очень тяжело, но всё окупается, когда в руки попадают редкие документы. Что может быть более ценным для жизнеописаний, чем письма художников. Письма Врубеля, Прянишникова, Крамского...

Особенно ценны письма Верещагина. Крик души, долетающий то из купеческой Москвы, то с окраин мусульманского Востока. Шум военных баталий, красота минаретов, зной пустыни не могут заглушить этого крика. "Ужасно трудно пребывать в том одиночестве духовном, в котором я теперь нахожусь. Нет ни одной души, настолько близкой... чтобы получить помощь в достижении новых идей, а главное – указания... Я понимаю, что никаких указаний нельзя давать, но ученик сам должен использовать все возможности, поймать все случаи, имея лишь самую общую директиву. В этом его главная работа – самому найти, самому создать, самому творить и раствориться в красоте своей работы. Это экзамен – твори, руководясь началами учения" (1877; 12.6.1925).

Эта исповедь Верещагина выбрана Чахембулой не случайно. Она в точности отражает его собственную душевную муку. Нравственные страдания каждого, кто встал на путь ученичества.

*

* *

И все-таки "меч Чахембулы" был найден. Это произошло в Кашмире. Давно обещанные хорошие вести. Некогда орды великих монголов перешагнули порог Гималаев на пути в Индию. Здесь и был потерян в сражении меч...

А может быть, всё случилось еще до походов Тимура, и его держал в руках конник из отряда царя Таксилы. Он сопровождал Аполлония Тианского на границу снегов. Или им владел другой воин – из окружения Аллал-Минга, предводителя, казненного на горе Сулейман Тахт. Много неизвестностей и догадок. Неизвестно даже, был ли это действительно меч или легкая афганская сабля... Неизвестна дальнейшая, будущая судьба этого воинского доспеха. Известно одно, куплен он был Юрием Рерихом в Шринагаре. Послан полковнику Кордашевскому в Литву. Николай Константинович писал из Кашмира:

"Родные Яруя и Чахембула, вот и все мечтания Темника исполнились. За день до его письма послано: меч, кольцо, эскиз к картине "Сергий Строитель" и монгольская грамматика. Сделайте всю историю из этих посылок. Помните, как Сергей работал со зверями и медведь служил Ему. Теперь вы должны делать и твердо, и неустанно..." (25.7.1925).

Феерия даров из Шринагара, древнего "Города Солнца". Скрыть восторг было просто невозможно. Через пять дней Чахембула сообщал в Америку: "Весть радостная... мой меч. Пришла весть. Он скоро будет в моих руках. Это залог будущего. Это вещественный знак избрания. Запертый замком и цепью, будет висеть он над моей походной кроватью в ожидании того, когда будет сломан замок и разорвана цепь и... сверкнет сталь сабли. Всё это странно, красиво. Всё это начало сказки" (30.7.1925).

*
* *

Осенью 1926 года, в памятный день 17 октября, пришло известие. Кордашевского официально пригласили участвовать в Тибетской экспедиции. Известие такого масштаба трудно было охватить обычным кругозором. "Самая чудесная и невозможная с обывательской точки зрения мечта моей молодости, – писал Чахембула, – начинает сбываться как в сказке" (17.11.1926).

Сразу же предпринимаются первые шаги к подготовке экспедиции. Кордашевскому поручено приобрести карты Тибета, проложить часть маршрута самостоятельно. На выбор два пути – северный или южный. Путь Пржевальского или Свена Гедина и Зальцмана. Встреча с караваном Рериха намечена на озере Кукунор летом 27-го. Южный маршрут идет через гущу китайских городов, северный – по малонаселенной окраине, через Шамо и Гоби. Первый несколько легче, зато "последний протекает под Знаком Монголии".

Сборы в путешествие как стихийное бедствие... Тысяча мелочей и дел. Всепожирающий огонь вещей, который грозит вырваться наружу. Выборочно: скорострельная винтовка, пистолет на седле, револьвер за пояс, нож охотничий, компас и планшетка, бинокль "Цейс", фонарь для свечей, конское снаряжение, топоры, лопаты, веревки, конский пedomетр, хлыст, палатка, 2 одеяла, куртка на меху, непромокаемый плащ, 2 пары брезентовых сапог, 12 пар чулок, 12 воротников, 3 пижамы, спальный мешок, зажигательное стекло, огниво, вертел, набор для еды, бутылка спирта, таган для варки белья, мыло бельевое, бочонок для воды, гвоздичное масло, порошок от насекомых, свечи, очки против солнца, подарки для туземцев и, конечно, сабля Чахембулы.

До начала экспедиции еще есть время. Полковник Кордашевский изучает научную литературу – монографию Гедина "Азия и Тибет" и книги Рокхила "Страна лам", "Заметки о поездке через Монголию и Тибет в 1891-92". Дает себе мысли для подъемов. Всё, что впереди – велико, необычно и сказочно. Душой живет в будущем, которое интересует его все больше и больше. Больше, нежели личное, потому что всякое путешествие это повод для интенсивной внутренней работы. Настоящая "лаборатория духа".

Чахембула ведет дневник. Накопилась целая тетрадь, нечто вроде записок Паскаля. На страницах тетради – смена мыслей, озарения, льющиеся в сознание. Они напоминают кадры кино на полотняной длинной простыне. Дневниковая запись от 13 декабря 1926: "В лесу. Сильный порыв, вероятно, Услышанный – это чувствовалось в силе обращения – помочь подойти ко второму рождению. Сидел и читал у себя около 8 час. вечера. За день были голубые образования. Вдруг над головой, несколько впереди, что-то проплыло в воздухе слева направо" (16.12.1926).

Чахембуле вспоминается Преподобный Серафим, который несколько лет своей молитвенной жизни провел в лесу. Встречая на лесной тропе людей, он падал на лицо и лежал, не поднимая головы, пока они не проходили. "Как я Его понимаю. Конечно, у него всё было сильнее безмерно, но что-то общее в ощущениях есть. И работа очевидно Дана близкая" (16.10.1926).

*
* *

Год 1926-й стал определяющим. Прошло трехлетие после встречи с Рерихами. В сентябре Кордашевский по-настоящему приблизился к Учению, начал понимать его внутренний

смысл. Первую книгу "Листов" он читает так много, что она от "употребления" совсем распухла. "Учение я, вероятно, прочел раз 50 и каждый раз нахожу новое", – сообщал Чахембула в письме к Шибаяеву (24.10.1926).

Его рижский корреспондент неустанно направляет собрата на путь истинный. Пишет письма в Ковно и посылает книги, среди которых особенно популярный в эмиграции Бердяев. Полковник Кордашевский шлет в ответ благодарственные послания. "Ужасно я рад, что могу читать Бердяева, – надо только заменить понятие Христианства – понятием *Единой Религии*, которая будет принесена в мир Учителем" (24.10.1926).

Всё направлено на Учение. Можно хорошо понимать философские положения – это одно. Но свет Учения, внутреннее сияние мудрости приходит в простоте и чистоте жизни. Чахембуле ясно, что он начинает подходить к настоящей работе ученика. Надо еще что-то сжечь в себе, что-то исправить и осознать. "На какие высоты поднимешься, в какие бездны заглянешь... и растворится маленькое "я" в преддверии погружения в миры Света и сотворчества с Великими Силами" (17.2.1927).

*

* *

Четвертая невеста Кордашевского – Евгения Георгиевна Вебес – близкая душа. Молодая, возвышенная, образованная. Свободно владеет тремя европейскими языками – английским, французским и немецким. Состоит на службе в коммерческой фирме. Она – последняя надежда Чахембулы. Чувства, и увлечения вспыхивают как солома...

Трагическая развязка неизбежна. Невеста больна раком. Но благодаря ей Кордашевский узнал чистую, святую любовь, которой никогда не ведал. Первую и последнюю любовь... Он сознательно избирает путь отречения, монашескую стезю. "Всё тонет в стремлении от земли, в ожидании своей миссии в монашестве" (7.1.1927).

Полковник с головой погружается в дела экспедиции. Время идет как-то удивительно быстро и приближает к указанным срокам. "С нетерпением жду момента, когда с каждым поворотом паровозного колеса – я начну удаляться отсюда навстречу Новому Миру..." (16.12.1926). Момент этот с неизбежностью наступил.

*

* *

Указы, данные Чахембуле.

"Можно русское дело понять, усвоив облик Сергия. Умей понять Строителя, бесстрашно идущего по всем путям. Там, где невозможность, там страх. Страх во всякой форме неприличен. Кольцо Мое знак истинного мужества" (18.5.1925).

"Укажите Чахембуле, к чему природе противные чудеса? Вот чудо, когда можешь сесть на коня и с явленным мечом можешь защищать Общину мира. Так же просто начнется Новый Мир. Как зрелые плоды, собраны будут факты. Учение магнитов, конечно, не чудо, но явление закона притяжения. Не закрой явление духа, и меч послужит тебе восхождением эволюции. Яви непрестанную подвижность и готовность, калмыцкий воевода! Учись исполнять приказ. Могу дать радость лишь тому, кто принял Общину. Не в заклинаниях, не в курениях, но в жизни дня. Учитель может послать луч на помощь, но не будет сражаться, если меч явленный обернется

в сторону друзей Общины. Меч свернется в бич молнии. Так скажите другим воинам" (16.11.1925).

"Передайте Чахембуле, Рита Ригден и Тамерлан обещали взять его с собой, когда пойдут на подвиг. Обещание исполнено, ибо нет большего подвига, чем настоящий. Теперь предоставлено Чахембуле озариться и следовать..." (27.9.1927).

*

* *

Полковник Кордашевский зимой 1927-го выехал из Риги на Берлин и Париж. После короткой остановки – на Геную. 7 марта он был уже около острова Крит. Путь лежал на Цейлон, затем долгое плавание в Китай. Сменил несколько пароходов. В голове даже путались их названия: "Аливия", "Салабангка", "Вэй-Шунь"... Утомительное однообразие водной глади.

"А все-таки плохо здесь без моей пустыньки в лесу, без тишины и удаления от людей. На пароходе качает, вечный плеск волн и нет той благословенной Тишины... Думаю – всё это даст пустыня" (7.3.1927).

Из Тяньцзиня Кордашевский отправился в Пекин. Там предполагалась встреча с Юрием Рерихом. Был намечен план переговоров с Таши-ламой. Но не все планы осуществляются. В 20-х числах апреля, когда полковник прибыл в Пекин за паспортами, экспедиция Рериха уже вышла на маршрут. Ему предстояло самому снарядить небольшой караван. Официальная версия путешествия отличалась от настоящей. Для китайских властей его поездка связана с закупками овечьей и верблюжьей шерсти по границам Монголии для "Панкосмос Корпо-рейшэн".

Только в конце июля Кордашевский соединился с основным караваном, двигавшимся на Лхасу. "К вечеру 28-го прискакал Чахембула с мечом и кольцом", – записал в путевом дневнике Николай Константинович. Его прибытие ознаменовалось грозой и ливнем. В долину реки Шарагол, где стоял лагерь, хлынул горный поток. Вода сорвала палатки, унесла часть вещей.

Примечательно и другое событие. Накануне отъезда Кордашевского из Риги случился пожар у Шибаяева. По непонятной причине сгорели присланные Рерихом тибетские танки. Яростное буйство стихий, разбуженное Чахембулой.

*

* *

Плацдармом для Тибетской экспедиции стала Монголия. Еще в ноябре 1924-го планировалась "чрезвычайная военная миссия" в Ургу во главе с ЮН. Рерихом. Полковник Кордашевский должен был войти в состав "Совета пяти" как военный эксперт. Монголии отводилась роль авангарда в будущем мировом переустройстве.

С самого начала 20-х годов у Н. К. Рериха зрели замыслы создания независимого Сибирского государства. Предполагалось, что территория Новой страны включит в себя Азиатскую Россию, Монголию, Тибет и Китайский Синьцзян. Юрий Рерих под именем ламы Ал-Нура отправится из Хотана в качестве посла на переговоры с Таши-ламой, находящимся в Пекине. Духовный глава Тибета являлся идеальной фигурой, чтобы возглавить войско, собранное на религиозной основе. Его отъезд из Тибета давал

небывалый повод для выступления. Назревала священная война под знаменем буддизма. Политическая ситуация в Китае благоприятствовала такому развитию событий. Добровольческие батальоны должны были формироваться, помимо русских, из киргизов, бурят, казаков, татар и, конечно, монголов. Е.И. Рерих записала в своем дневнике еще летом 1921 года: "Родина получит скоро новое – орды Монголии" (29.6.1921).

Таков вкратце "Великий План". Согласно этому Плану именно Кордашевскому отводилось одно из центральных мест. Он – главнокомандующий действующих сил. "Доверенный Чахембула около Тибета. Надо вызвать демонов, ибо иначе нельзя поднять народ. Нужно устроить победу, ибо Монголия хочет видеть силу натиска Чахембулы на перевале Нагчу... На перевале сам Гуру поднимет изображение Владыки Бесстрашия и благословит воинов ударного полка" (7.7.1924). "Чахембула подымет знамя в Монголии. Гуру явится на пути, и Хутухта на соборе провозгласит начало новой калпы. Много чудес..." (10.7.1924).

В сентябре 1924-го полковнику Кордашевскому было послано из Сиккима "Слово к Монголам". Этот текст, записанный Рерихами, имел особое значение и предназначался для Монгольского правительства. Его намеревались передать руководителям страны Юрий Рерих и Кордашевский во время своей миссии.

Послание Махатмы в Монголию: *"По вашей земле прошли великие вожди и посланные Благословенным. На вашей земле скрыты священные Бурханы и самая святая чаша ждет достойный срок. Молитвами святых Учителей сохранены места старых станов и не сравнены с землею основания священных монастырей. Молитвами заложены в земле металлы и соли. Кто подымет священную чашу и вложит в нее соль земли, тому дано сказать "Монголия, живи в богатстве!" От заката огни горят, поспешайте прославить Благословенное Учение. Луч мощи осветил становища ваши. Хутухта великой Монголии придет и упрочит наследие народа. Сказанное верно так же, как говорю из-за самой высокой горы"* (19.9.1924).

"Слово к Монголам" стоит в одном ряду с другим важнейшим документом – Посланием Махатм советскому народу, которое в 1926 году было вручено в Москве Чичерину и Сталину. Возможно, оно тоже являлось историческим шансом для Монголии изменить свою будущую судьбу.

Лейтмотивом обоих посланий стала мысль о Мировой Общине, или Общине Общего Блага. Мировая Община – не просто еще одно улучшенное государственное устройство. Это новый принцип общинножития народов, соединяющий в себе идеи истинного коммунизма и учения Будды. Далай-ламство Рериха, так же как и его Буддийская Миссия в Лхасу, явились логическим шагом на пути глобальных социальных преобразований.

Не всё задуманное оправдалось. Великий, или Мировой План Рериха – явление, попавшее в один разряд с утопиями Кампанеллы и Мора. Однако, в отличие от прошлых теорий, нынешние идеи были изложены в виде стройного Учения. Впервые в целостном виде это Учение приведено в книге "Община", изданной в 1926 году в Урге. Здесь же, в Монголии, перед самым началом Тибетской экспедиции появилась и другая принципиально важная книга "Основы буддизма", которая написана Е.И. Рерих в тесном сотрудничестве с Учителями Востока. Несколько экземпляров книги были посланы уже вдогонку выступившему каравану.

*

* *

Буддийская Миссия в Лхасу вследствие неколебимого противостояния тибетских властей оказалась сорвана. Экспедиция Рериха была остановлена на подступах к Нагчу и провела 5 месяцев в ледяном плену. Маршрут каравана пришлось изменить. Через неприступные горные хребты, вдоль реки Брахмапутры направить его в Дарджилинг.

Далекое путешествие через всю Монголию и Тибет имело мировое значение. "Всемирный Союз Западных Буддистов" поручил Н. К. Рериху осуществить связь буддистов Запада с буддистами Востока. Для этого должна была состояться встреча широко почитаемого художника с Далай-ламой. Готовилось предложение о проведении реформы в Тибете и других странах распространения Махаяны. Суть этой реформы – очистить учение Будды. Часть Западных буддистов поддерживала Далай-ламу. "Тогда как другая часть буддистов Запада, – писал участник Тибетской экспедиции П. К. Портнягин в своем дневнике, – считала положение буддийского Учения на Востоке безнадежным в силу его вырождения в пустую обрядность и невежественный шаманизм" (25.4.1928).

Тибетские власти отказались принять посольство Всемирного Союза. Незамедлительно были выдвинуты ответные меры. 27 ноября 1927 года в Нью-Йорке состоялся Собор Западных буддистов. Образовался новый независимый центр буддийского Учения в Америке. Его главой, фактически Западным Далай-ламой, был избран Н. К. Рерих.

Сам по себе Мировой План вещь невероятная. Его осуществление зависело от решения Лхасского владыки и от жестких сроков, в которые это решение принималось. Можно только констатировать факт. Оценивать такое явление объективно невозможно. Никаких документов о проведении Собора Буддистов пока нет. После изменения Плана кардинально изменилась и судьба каждого члена Миссии. Кордашевскому пришлось оставить мечту о монгольских степях. Он получил другое "высокое поручение" на Западе.

*

* *

Незадолго до окончания путешествия Кордашевский сделал в дневнике запись о Жанне д'Арк. "Мы говорим о легенде, сложившейся около Жанны д'Арк, о той красоте, которая овевала имя сожженной по инициативе сэра Джона Тальбота маленькой пастушки, водившей французские войска к победам. Отчасти должна она за этот романтический ореол английскому солдату, возведшему ее на костер..." (3.4.1928). Запись решительно не случайная. Похоже, в ней скрыта одна из пружин тибетских событий.

Все началось в Тибете. Е.И. Рерих рассказала красивую легенду о Жанне д'Арк. Полковник Кордашевский был потрясен, он плакал, как ребенок. В дни стояния на высотах Чантанга с ним случился душевный кризис. Он бессмысленно стрелял в воздух. Потом надолго затворился в своей палатке. Его тоже никто не беспокоил, только изредка заходил доктор Рябинин. Отныне Кордашевский посвящает себя французской героине. Он полностью поглощен литературной работой. Уже через месяц по окончании экспедиции завершена пьеса с индийским названием "Карма". В Америку он запрашивает прислать ему книги о Жанне д'Арк.

Кордашевский живет в мире Жанны. Сила перевоплощения огромна. Настолько огромна, что Кордашевский отождествляет себя с Тальботом, английским вельможей, который приезжал во Францию для заключения мира. Он – сэр Тальбот – виновник смерти Орлеанской Девы. Именно он повел Жанну д'Арк на костер.

Талант перевоплощения переносится на участников экспедиции. Все они – из когорты

Жаннинных покровителей. Ум Кордашевского как хроникальное кино. Елена Ивановна – жена дофина Франции Карла VII. Грозная и твердая Марго – говорившая сомневающимся королям: "Вы хотите потерять ваши троны!" Так она поддержала порыв Жанны. Даже отец Е.И. Рерих занял в этой истории свое место. Тесар, домовладелец из Руана. Его дома громоздятся на Соборной площади, у Старого рынка, где была сожжена Жанна д'Арк.

В Кордашевском борются два начала, два человека. Первый – искупитель, которому нужно загасить некогда разожженный им костер. Второй – гордец, злой гений, восхищенный смертью Орлеанской Девы. Он убежден, что без него не сложилось бы такой "красивой поэтической сказки".

Теперь все изменилось. Жанна д'Арк помогает Тальботу. Иногда она является как Сестра Ориола, иногда – в облике Зеленой Тары. Напутствует его, предупреждает о роке, гонит прочь духа зла. Ему адресованы ее слова: "Тальбот, ты в третий раз произнес свою губительную формулу. Ею ты проводил меня после первого допроса. Ее ты шепнул жене Хана и теперь ты ее повторил девочке, которая лицом похожа на Жанну д'Арк. У твоего друга Кулодея радость. Прими тяжелый труд искупления. Через пять лет снова можешь назвать Аллал-Минга Учителем, если донесешь крест и чашу. "Я первый предаю тебя на костер", – сказал Тальбот Жанне д'Арк. Теперь запомни эти слова, чтобы очистить себя. Запомни и другие слова, которые сказал Тальбот женщине, – "Довольно простора около очага", – когда укорял меня за подвиг. Теперь пойми значение женщины за пределами очага. Теперь прими заслуженный крест и трудись! Теперь не давай радости Кулодею..." (29.11.1927).

*

* *

Экспедиция в Тибет явилась для Кордашевского тем подъемом на высоты, после которого обычно начинается спуск в долину. С Рерихами он простился навсегда. Покинул их и принял свою судьбу. Прямо из Бомбея отправился в Рим, чтобы возложить на себя "трудный подвиг священства".

В течение всего года, проведенного на Востоке, он несколько раз переменял свои желания. Перед ним рисовалась перспектива уйти на службу в непальскую армию или стать комендантом гималайского Города Знания, замысленного Рерихами в долине Кулу. В конце концов Кордашевский принял поручение совсем иного рода. Фантастическое по своему замыслу и невероятное по исполнению. В последнюю декаду июня 1928-го он встретился в Ватикане с кардиналом де Урбиньи, который возымел на Кордашевского "нерядовые виды в деле соединения Востока и Запада" (5.7.1928). В Италии как раз был учрежден "Новый Орден". Ему было предложено вернуться в Рим осенью того же года, чтобы принести монашеские обеты и получить посвящение в сан священника "восточного обряда". Не теряя времени, полковник отправился в Ригу. Там он встретился со своей возлюбленной. Кордашевский принимает решение отложить на год священство и уехать с Евгенией Георгиевной в Бельгию, жениться гражданским браком. Невеста с "жестоким лицом" Мессалины...

Доходили известия, что Кордашевский все-таки стал католическим монахом. Говорят, он исполнял свою священническую миссию в Тунисе и Египте. Читал проповеди и лекции по эзотерическому христианству. И при этом постоянно ждал осуществления Поручения. В 1934-ом по рекомендации иерусалимского Великого Муфтия хотел поступить на службу в правительство Ирака. Однако "багдадская комбинация" полностью провалилась.

Кордашевский на некоторое время осел в Палестине. Его приютил православный архиепископ в монастырском скиту у Мамврийского Дуба. Он оказался загнанным жизнью в угол. От Рериха больше не получал ответов на свои многочисленные письма. Осенью 1934 года Кордашевский в отчаянии написал секретарю Французской Ассоциации друзей Музея Рериха Г. Г. Шкляверу. В этом исповедальном письме, копия которого с припиской "Совершенно секретно" была немедленно отправлена в Индию, говорилось: "Я увидел, что катастрофа близка... Еще пара месяцев, и со всех сторон станет передо мной вопрос о самом существовании... Не можете ли Вы использовать Ваши личные связи и найти мне какую-нибудь службу или занятие. Я отлично справился бы с работой по постановкам фильмов, особенно исторических, зная эпохи и костюмы. Инспектор в магазине, ночной портье в гостинице, санитар в заразном госпитале. Что угодно..." (26.9.1934). Так у Гроба Господня завершается история Чахембулы.

*

* *

Сохранился фрагмент одного из писем Кордашевского, которыми полковник забрасывал в середине 30-х своих бывших братьев и сестер. Он писал в Америку, вероятно, прослышав о новой Маньчжурской экспедиции Н. К. Рериха: "Если бы в 28-м году, когда в безумии потерял Кольцо и Меч и стоял у Врат, бросился вниз головой в пропасть, – я имел бы теперешний опыт... Умоляю мою Высокую Покровительницу великой Милости – вернуть мне работу в Служении и подвиг, которые были назначены мне. Позволить вернуть утраченное в трудной и ответственной работе. В красоте и сознании, для Кого работаю – поднимусь. И чем самоотверженнее и ответственнее она будет, тем радостнее исполню ее и дойду. Знаю теперь, что нет ничего достойнее, нежели труд во Имя Красоты" (10.5.1934). Однако все пути, и на Гималайские вершины, и в глубины Гоби были для Кордашевского отрезаны. Индия и Монголия безответно поглощали его послания.

Случайно или нет, но есть еще один след, оставленный полковником Кордашевским. Через три года после кричащих иерусалимских писем он написал Руманову. Делился своими воспоминаниями о Тибетской экспедиции. "Как путешественника имя Н. К. Рериха возможно сочетать с именем Марко Поло. Думается, что наступит время, когда открытия Н.К. в Трансгималаях будут носить его имя. Эпопея похода Н. К. Рериха через Тибет величественна. В ней он показал себя путешественником громадного опыта, и лишь благодаря его крупным дипломатическим дарованиям, военному таланту и той энергии, которой он поддерживал в тяжелый час дух участников экспедиции, – она не погибла..." (1937). Это только краткий фрагмент пространных мыслей о своем Учителе. Возможно, отголосок написанной им "Особой биографии Н. К. Рериха". Полковник Кордашевский завершил ее после экспедиции одновременно с другой работой – "Ашрамы Махатм".

Действительно, история Чахембулы обрывается так же неожиданно, как и началась. История, полная многоликости, драматизма и волнующей неизвестности. Вопреки надеждам освободиться из палестинского плена, жизнь приковывает его к "стене плача". Временное пребывание на Святой земле сделалось вечным упокоением. "Несчастный человек, мечтавший о тиаре униатского епископа и легкой, роскошной жизни, связанной с этим саном, – писала Е.И. Рерих о Кордашевском друзьям в Америку, – умер на нищенском одре церковного сторожа в Иерусалиме, но уже неся в сердце облик освободительницы и охранительницы своей" (28.6.1948). Остается добавить: освободительницы и охранительницы – Жанны д'Арк.

Санкт - Петербург.

27.V.1998 Владимир Росов

Источники

1. Декроа Н. (Кордашевский Н. В.). С экспедицией Н. К. Рериха по Центральной Азии // Архив Музея Н. Рериха в Нью-Йорке (МР). Машинопись. С. 192.
2. Гребенщиков Г. Д. Письмо Н. В. Кордашевскому, 1924 // МР. Машинопись.
3. Кордашевский Н. В. Письма Н. К. Рериху, 1923-1928; Письма З. Г. Фосдик (Лихтман), 1926-1928; Письма В. А. Шибаяеву, 1924-1926; Письмо Г. Г. Шкляверу, 1934 // МР. Автографы, машинопись; Архив МИД РФ (закрытый фонд). Ф.1, оп.1, д.21, л.1. Автограф.
4. Visit of Professor Nicholas Roerich and Party to Tibet from Mongolia and their subsequent entry to India // National Archives of India (Delhi). File № 331(2)-X, 1927. Предоставлено Л. В. Митрохиным.
5. Портнягин П. К. Современный Тибет. 1927-1928 // Архив Музея-квартиры П. К. Козлова (Санкт-Петербург). Автограф. 186 л.
6. Рерих Е. И. Дневник, 1921, 1924, 1927-1928 // Архив Музея-квартиры П. К. Козлова. Автографы, копии.
7. Рерих Е. И. Письма в Америку. М., 1996. Т. II. С.80; Т. III. С.41.
8. Рерих Н. К. Алтай-Гималаи. Путевой дневник. Рига, 1992. С.299.
9. Рерих Н. К. Письма В. А. Шибаяеву и Н. В. Кордашевскому, 1924-1925 // Архив И. Рудзите (Барнаул). Машинопись, копии.
10. Фосдик З. Г. Мои Учителя. Встречи с Рерихами. (По страницам дневника: 1922-1934). М., 1998. 800 с.

Н. Декроа

ТИБЕТСКИЕ СТРАНСТВИЯ ПОЛКОВНИКА КОРДАШЕВСКОГО

(С экспедицией Н. К. Рериха по Центральной Азии)

Редакционно-издательская группа

Е. В. Алексеева, В. С. Дмитриев, Е. Д. Суворова

Издательство "Дмитрий Буланин"

---

1 У автора неоднократно встречаются повторы дат.

* Это был Павел Константинович Портнягин (1903-1977), участник экспедиции Н. К. Рериха (начальник транспорта). См.: Ариаварта. 1998. № 2. С. 11-114.

* Дневник экспедиции опубликован: Рябинин К.Н. Развенчанный Тибет. Магнитогорск: Амрита – Урал, 1996. 731 с.

* И этот камень назван Граалем (*нем.*)

* Сумма явно преувеличена. Далай-ламе предлагалось вручить 2 тыс. долл.